

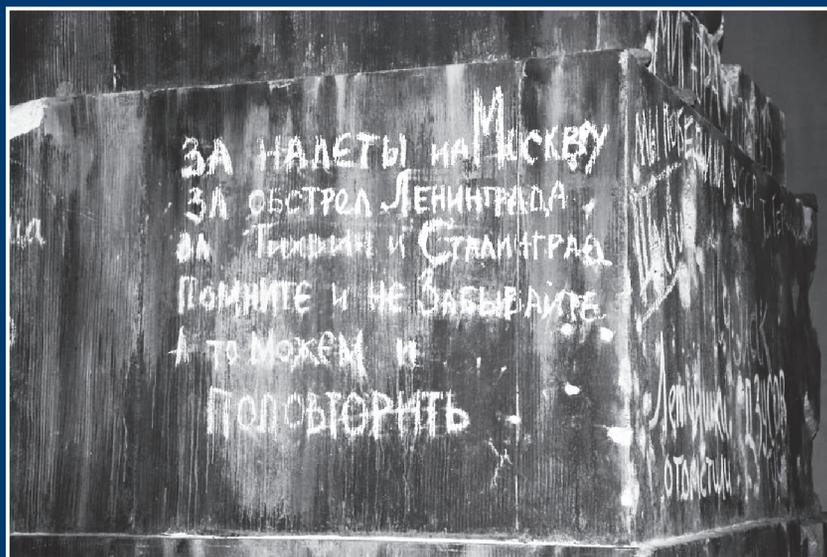
Огни Кузбасса

№ 2 / 2020

75 лет
Великой
ПОБЕДЕ

75 лет Великой ПОБЕДЕ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ

Б. В. Бурмистров,
г. Кемерово, председатель
общественного совета

Н. Ф. Иванов,
г. Москва, председатель
Союза писателей России

М. А. Евса,
г. Кемерово, министр
культуры и национальной
политики Кузбасса

И. Ф. Фёдорова,
г. Кемерово, председатель
комитета по вопросам
образования, культуры
и национальной политики
Совета народных депутатов
Кемеровской области

С. Ю. Куняев,
г. Москва, лауреат
Государственной премии
им. М. Горького, главный
редактор журнала
«Наш современник»

В. И. Лихоносов,
г. Краснодар, лауреат
Государственной премии
им. М. Горького, главный
редактор журнала
«Родная Кубань»

Г. Л. Немченко,
г. Москва, лауреат премии
«Прохоровское поле»

Д. Я. Голофаст,
директор по внешним
связям и имущественным
отношениям Кузбасского
филиала ООО «Сибирская
генерирующая компания»

ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ

Огни Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

№ 2 / 2020

МАРТ – АПРЕЛЬ

Литературный журнал
выходит
при поддержке
министерства культуры
и национальной политики
Кузбасса

Главный редактор
С. Л. ДОНБАЙ

Редколлегия:

Виктор АРНАУТОВ
Татьяна ИЛЬДИМИРОВА
Вера ЛАВРИНА
Дмитрий МУРЗИН
(ответственный
секретарь)
Агата РЫЖОВА
Марина ЧЕРТОГОВА
Евгений ЧИРИКОВ
Григорий ШАЛАКИН

Адрес редакции:
650000, Кемеровская область,
г. Кемерово, пр. Советский, д. 40,
тел. 8 (3842) 36-85-14

12+

Содержание

75 ЛЕТ ПОБЕДЫ. ПОЭЗИЯ

Евгений Буравлёв. Страшный, но всё-таки труд.....	3
Михаил Небогатов. Всё вспомнил я. Всё было, как вчера.....	10
Василий Казанцев. Я уже искупался в реке!.....	19
Владимир Чугунов. Меня в час встречи помяните.....	55
Георгий Доронин. О русских людях.....	66
Владимир Скобцов. Жемчужиной роса блестит на mine.....	80
Геннадий Кузнецов. Стихи из военного детства.....	89

75 ЛЕТ ПОБЕДЫ. ПРОЗА

Виктор Лихоносов. Отец не вернулся. Рассказ.....	5
Дмитрий Филиппов. В космос. Рассказ.....	12
Евгений Мамыкин. Небо и земля. Повествование о необыкновенной женщине.....	22
Валентин Роков. Рассказы.....	57
Борис Кузнецов. Рассказы.....	68
Сергей Чернов. Туман. Рассказ.....	76
Светлана Уланова. Прорвёмся. Рассказ.....	82
Анна Харланова. Рассказы.....	85

75 ЛЕТ ПОБЕДЫ. ПУБЛИЦИСТИКА

Надежда Усольцева. У войны и женское лицо.....	91
---	----

75 ЛЕТ ПОБЕДЫ. БИБЛИОТЕЧЕСТВО

Николай Самохин. Сходить на войну.....	93
---	----

75 ЛЕТ ПОБЕДЫ. ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

Нелли Соколова. Прикосновение к подвигу.....	96
---	----

75 ЛЕТ ПОБЕДЫ. КНИГА ПАМЯТИ

Екатерина Тюшина. Чем бы ещё помочь фронту? Боевая техника, оружие, обмундирование, продукты питания, приобретённые для фронта на средства кузбассовцев в годы Великой Отечественной войны.....	108
Ольга Назимова. История одного завода – Кемеровский электротехнический завод	
Александр Щербаков. «Прошу Вас правильно понять».....	116
Людмила Седельцева. Дедушка.....	123
Юлия Сычёва. Из воспоминаний старшего сержанта Ивана Алексеевича Малахова.....	124
Виктор Чурилов. В декабре сорок первого.....	125

СВЕТЛИЦА

Алексей Решетников. Степаныч. Мирон Кизицкий. Война не ко времени. Данил Ковалёв. Волшебный Бельчонок. Никита Чугайнов. Электрический Крокодайл.....	127
---	-----

ИСКУССТВО

Александр Коваленко. Наш Рошаль. Главы из документально-художественной повести.....	131
--	-----

ОЧЕРК

Виктор Коняев. По притяжению необоримому (Заметки неравнодушного).....	141
---	-----

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вячеслав Елатов. Открываются архивы.....	164
Нина Инякина. Без позолоты фальши.....	165
Татьяна Горохова. Отклик на сборник стихов Д. Клёстова «Распутица».....	167
Отклик на книгу Г. Гулевича «Одной судьбой с Отечеством живу».....	168
Михаил Рантович. Следы божественного (о книге Ю. Шкуратовой «Следы»).....	168

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Литературная хроника. Подготовил Д. Мурзин	170
---	-----

Русскому писателю Михаилу Александровичу Шолохову – 115 лет

(1905–1984)

Шолохов создал не только людей, населивших мир. Он создал жаркое, палящее донское солнце, тихие и розовые от зари казацкие курени, холодок утренней матовой росы, следы на мокрой траве от босых тёплых ног, сырые, наполненные водой окопы... – он создал то окружение для своих героев, свой пейзаж, ту неповторимую обстановку недавней действительности, которая называется жизнью, борьбой за победу светлого в этом мире. Особенность Шолохова (а это свойство подлинного художника) в том, что его книги прочно врезаются в память, они не забываются, в какой бы обстановке ты ни находился, о чём бы ты ни думал, как бы тяжело или легко тебе ни было...

Юрий БОНДАРЕВ

**Евгений
БУРАВЛЁВ**

**СТРАШНЫЙ,
НО ВСЁ-ТАКИ ТРУД...**

ПОБЕДИТЬ!

*В этом слове народная воля.
Сталевар с этим словом на вахту встаёт,
Трактористка в груди это слово несёт,
Выезжая в колхозное поле.
С этим словом бойцы рядовые
И седой командир, партизанский отряд,
Не жалея ни крови, ни жизни, творят
Для отчизны дела боевые.*

*Победить! И не будет другого.
Победить! И вперёд, и ни шагу назад.
Победить! Потому что сегодня сказал
Сталин это зовущее слово!*

1942 г.

ПОДСНЕЖНИК

*На краю воронки от разрыва бомбы
Утром я подснежник голубой сорвал.
Мне бы его бросить, позабыть о нём бы,
Но о чём-то близком он напоминал.
Положил его я в воду у пневматика.
– Береги, – механику своему сказал. –
Дам после полётов любопытным: «Нате-ка,
Вот какого цвета милые глаза».
Апрель 1942 г.*

*Кто проводит меня за околицу,
Кто в дорогу согреет словом,
Кто о счастье моём помолится,
Если в бой ухожу я снова?*

БУРАВЛЁВ Евгений Сергеевич (1921–1974) родился в Калужской области в семье строителей-железнодорожников. Вот как о нём пишет писатель В. Мазаев: «Шёл 1938 год. В воздухе давно уже «пахло грозой». По комсомольскому призыву Женя поступает в Иркутское военное авиационно-техническое училище. Едва успел окончить его, как грянула Великая Отечественная, двадцатилетний Женя с первых её недель – на фронте. В отряде аэродромного боевого обслуживания. (Надо заметить, немцы подвергали наши аэродромы особенно яростным бомбардировкам.)

Был Женя трижды ранен. Награждён орденом Красной Звезды и боевыми медалями. Война стала для него, как и для многих, особой школой. Она выгранила его мужской непримиримый ко всякому злу характер.

Наступившая мирная жизнь вскоре преподнесла такой сюрприз, что он со своим характером едва в ней удержался. На одном из праздничных вечеров какой-то крепко выпивший майор за соседним столиком устроил безобразную сцену – избил женщину. Соседи прореагировали слабо. Женя-фронтовик не выдержал. Крепкий физически, он заломил хаму в офицерских погонах руки, выволок его за двери и шумно спустил с ресторанной лестницы.

Майор оказался адъютантом какого-то шибко крутого чина. И поехал 24-летний Женя вместо дома этапом на Север, на сооружение дороги Салехард – Игарка. Дорога эта каторжная вскоре умерла, так и не достроенная. В народе её называли Мёртвой. Женю Буравлёва освободили, учтя его четырёхлетний фронтовой стаж».

Заочно окончил Литературный институт имени М. Горького, принят в Союз писателей СССР, несколько лет (со дня её организации) возглавлял Кемеровскую областную организацию Союза писателей РСФСР. Е. Буравлёв – автор многих поэтических книг, а также очерковых, двух детских повестей, трёх пьес и других произведений. Жил в Кемерове.

*Видно, так уж один останешься
На распутье тяжёлых дней.
Ни привета тебе, ни пристанища
Без любимой и без друзей.*

*На судьбу обижаться надо ли?
Не согнёте её, не распрямите...
День за днём, словно листья, падают,
Засыпая аллею памяти.*
1943 г.

ЕЩЁ ОДИН ГОД

*Свой двадцать третий встретил я
Не так чтоб очень плохо –
Хоть и не в шумном блеске дня,
Но без печальных вздохов.*

*В тот день стакан мой поднят был
С вином, дополненным слезой.
Его до дна я осушил.
Один, забытый и чужой
Для всех.
В кругу своей мечты,
Прослушав собственный свой спич,
Без шума, громкой суеты,
Не приняв и не бросив клич*

*К веселью, радости и смеху,
У ёлки не деля потеху
Друзей и шуток маскарада,
Как то бывает на балах.
И мне, по совести, не надо
Менять покой свой на размах.*

*Портрет поставив пред собой
Той, что в душе моей живёт,*

*Один, забытый и чужой
Для всех, я встретил Новый год.
1944 г.*

* * *

*Я не пишу о войне:
Трудно писать о войне.
А уж кому, как не мне,
Строчку не бросить на круг?
Лётчику и стрелку,
Сапёру и штрафнику,
Взводному в энском полку
Есть что сказать, мой друг.*

*Только не до строки
Там, где легли полки,
Там, где взята в штыки
Последняя высота.
Не срифмовать мне, друг,
Оторванных ног и рук,
Не срифмовать всех мук
И всех оставшихся там...*

*Хотя идти на редут –
Это ведь тоже труд.
Страшный, но всё-таки труд
Ради жизни, мой друг.
Смерти самой вопреки
Безусые пареньки
Бросали вместо строки
Сами себя на круг.*

*Но умели молчать
Там, где нельзя кричать,
И попадали в печать,
Только посмертно, друг.*

**Виктор
ЛИХОНОСОВ**

ОТЕЦ НЕ ВЕРНУЛСЯ

Рассказ

И то надо сказать: родного отца он не помнил.

В какой-то пасмурный летний день принесли повестку, кто-то (кого он потом вспомнил как отца) брал Женю на руки, мать плакала, и мальчик запомнил, как неловко и стыдно было ему от того, что вокруг него плачут, а он не может, он не понимает, зачем плачут, зачем эти сборы и проводы и зачем прощаются.

«Повестку прислали, а он был на работе, – часто рассказывала мать. – Думаю: «Придёт, поужинает, тогда скажу». Он промаялся за день, кашу с молоком с такой охотой намолачивает, а я что-то не вытерпела, заплакала и говорю: «Чё тебе снилось?». Он и ложку отложил сразу. Понял. Ушёл в военкомат, нет и нет. Корова наша паслась на площади, где ты теперь футбол пинаешь. Мы с тобой пошли за ней, он от шоссе к нам показался. Как сейчас вижу, – задыхалась мать и вытирала слёзы. – «Сыночек, сыночек, иди скорей! – закричал тебе, подхватил на руки. – Ну, сыночек, наверное, последний раз с тобой. Война».

«Ивану повестку принесли», – понеслось по улице, и соседи повалили в их дом с таким чувством, словно Ивану назначено было оставить своё жильё навсегда. С немыми лицами стояли они у порога, жалели покорно собиравшую

мужа хозяйку и шептали: «Господи, да откуда она и взялась, эта война?».

– Хоть оглянись, – сказала мать отцу, когда уходили на станцию. Она потонула в его пиджаке, который он оставлял на память или на крайний случай, если иссякнут запасы. – Оглянись, а то, может, и не...

Женю отец нёс на руках. Если бы от человека оставалась на дороге хотя бы тень! Прощёл – и как ветром сдуло, хочешь и не можешь представить его живого. Он нёс сына под горку, где мальчик потом бегал без него с бичом за коровой, где он спускался на болото к тёте Паше, постоянно напоминавшей ему нечаянно, каким был Иван, его отец.

Отправили отца в военный лагерь.

«Как бы ты, Физа, приехала, – писал он, – привезла бы курева, бумаги».

Мать и поехала. Не так-то просто было попасть на поезд. До Юрги – километров триста. Физа Антоновна ухитрилась договориться с проводниками, пустившими её в вагон без билета. Как ребёнок, залезла она под скамейку и в духоте, в пыли, чувствуя запах ног, положив свою голову на свёрток с папиросами и сухарями, терпела около девяти часов ради свидания с мужем. «Быть может, последнего свидания», – думала она, замирая.

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович родился в 1936 году на станции Топки Кемеровской области. С 1956 года живёт на Кубани. Окончил Краснодарский педагогический институт. Классик русской литературы, автор многих повестей и романов. О его творчестве восхищённо отзывались Б. Зайцев, Г. Адамович, Ю. Казаков, А. Твардовский, В. Распутин, О. Михайлов, Ю. Селезнев и многие другие. Лауреат многих литературных премий, 18 лет был главным редактором «Родной Кубани». Член Союза писателей России. Живёт в Краснодаре.

Вместо того чтобы плакать и утешать друг друга, отец угрюмо и толково наставлял жену, как ей жить без него.

Он далеко-далеко провожал её, гладил рукой её кудрявые русые волосы и не раз за дорогу сказал:

– Держи корову – неголодные будете. Женю корми как ни можно лучше, чтобы смалу был крепким, он растёт, ему надо. Не балуй его, но жалей.

– Держи корову! – крикнул он и напоследок.

Несчастен Женя, что он не видел этого. Он бы ещё и не так дорожил горьким чувством тех дней. «Не мог же я быть чуть постарше», – сокрушался он в юности, когда убедился всем существом своим, что он только росток, только веточка, а корни давно сгнили где-то в глубокой земле у Зелёного Гая.

«Когда поехала последний раз, – рассказывала мать уже взрослому сыну, – и уезжала, так он наказывал, чтоб я всё приготовила: курева, бумаги и сухарей в дорогу. Как только, мол, сообщу, то ты на воинску площадку выезжай с Женей, я на него посмотрю хоть немного. Я насобираю, стояло наготове, уже всё предсказывало, что скоро должен проехать. И как-то незадолго приснилось: куда-то мы ехали с тётей Пашей, и на какой-то станции понадобилось мне купить луку. Поезд затормозил, а тогда же раньше торговали за столиками, порядком бежать от линии. Я поскорей. Только прибегаю, лук крупный. Спросила: «Почем такой лук?» И поезд мой: «Ту-ту-у». Я назад. Подбегаю – он только хвостиком мелькнул. Я кричать: «Обождите, обождите, не оставляйте меня одну!» Ну что ж, ушёл мой поезд. Я тогда схватилась за голову, давай голосить: «Ох, ничто мне так не жалко, как чемодан! Там единственный мой дорогой костюм, я его вовек не наживу! Он на верхней полке, а Паша не знает». Когда я первый раз сон рассказала, Демьяновна и говорит: «Ты смотри, это твой Иван Фёдорович проедет. Знаешь, в какой он части?». Знала. В тридцать пятой».

«В этот же день поехали мы с Женей на картошку, – вспоминала Физа Антоновна вечером после салюта Победы. – Картошку сажали в Буграх, далеко. Взяли тележку, мешки, посадила Женю, скорей-скорей выкопать три сотки – и на станцию, узнать, не проходил какой состав. Притащились мы с тележкой, а картошки нашей уже нет: выкопали чужие люди. Заплакала я, насобираю с кастрюльку да домой. Демьяновна

встречает: «Физа, я слыхала, составы шли, не проворонь своего». Я Женю закрыла, побежала в чём была, тапочки с меня слетают».

Когда это было, в какой день, по какой погоде? Что происходило с Женей, вокруг, кто разбудит то время? Не помнит, не знает Женя. Как будто не существовало его на свете.

«На станции стоял пригородный, «передача» по-нашему, и в эту минуту с разгону за её вагонами военный состав пролетел. «Передача» тронулась, а у воинского только хвостик мелькнул, солдаты машут. Вот тебе и сон, уехал мой костюм, мне теперь его вовек не нажить. В этом составе мой Иван Фёдорович проехал... – здесь Физа Антоновна замолкала, и так случилось всегда. Слезы, как из-под тонкого снега, наплывали на её глаза, сбегали по молодому ещё лицу с большой шишечкой над правой бровью.

А вечером приходит к Демьяновне женщина, родня её, и говорит: «У вас тут живёт Физа Бывальцева? Я её мужа встретила в городе на вокзале». Она брата своего караулила. Подогнали какой-то состав, и вот видит: мужчина выскочил и ну забегал, ну забегал. И туда, и сюда, подбегает и спрашивает у неё: «Вы не с Кривощёкова, вы не с Кривощёкова? Не по трамвайной линии идти будете?». Напал на эту женщину: «Зайдите на Широкую, там моя жена всё припасла, она, наверное, не знает, что нас везут: телеграмму нельзя было дать, сказали, что состав не остановится. А главное, на сына не погляжу». Она, несмотря на то что брата ждала, насыпала отцу табаку, газет дала, сухариков немножко.

«Если б я знала, Физонька, – говорила вечером, – что брата тоже не встречу, я б всё отдала. Три ночи сидела, брата не встретила, а твоего мужика встретила. Если б я знала, что это твой мужик, милая!» Она залезла к нему в вагон, в Кривощёкове состав прошёл, она проехала до Толмачёва. Когда проезжали Кривощёково, он так метался по вагону, крышу свою в окошко высматривал, жалко было сына не повидать, и сердце, потом писал, так забило, что не смог заплакать! И сон мой сбылся. Такого костюма, кричала, я вовек не наживу!»

Отцовский неладного покроя костюм дотаскал Женя в девятом классе, надевая его и в школу, и на выступления в концертах, и на свидания.

«Остались мы с тобой вдвоём, – печально вздыхала мать, в какой раз обращаясь при плохом настроении к войне. – Жили, горевали

и молились Богу, чтоб наш папка вернулся целый и здоровый. Я тебя учила Богу молиться, ляжешь в постель и говоришь: «Ох, мам, я Богу не молился», сразу соскочишь и молишься вслух и на конец молитвы говоришь: «Пожалей меня. Господи, отпусти моего папку домой», – поклонись до земли.

Ходили всякие ворожейки, цыганки, румынки, сербиянки, но я им не верила, а тётя Паша твоя, та все рубахи и кальсоны проворожила, и все карты говорили ей, что придёт. Потом смеялись: ни одних кальсон не осталось. Убедилась, не стала верить. А я сны загадывала. Меня одна тётенька научила: под Новый год поклониться триста раз и ложиться в постель. Я набралась такого мужества, в двенадцать часов ночи ударила триста поклонов и легла. Когда ложилась, загадала сон: если Иван Фёдорович придёт жив-здоров, то приснись: найду, куплю или что придёт, а если не придёт – потеряю что-нибудь, обворуют. И мне приснилось: война кончилась, я пошла на станцию встречать военных, помню, что шла в новых ботиночках, а на станции глянула – ноги босиком. Так я плакала да приговаривала, так уж неохота было оставаться молодой в одиночестве. Разве мне легко было? И не пожили толком вдвоём, как эта война».

Женя лежал у той же печки, на той же кровати, и вечер был, кажется, такой же, что и десять – пятнадцать лет назад, и мать ему казалась молодой, потому что была она для него всегда как бы в одном возрасте, с тем же лицом и голосом, как в войну и после войны, когда она, вернувшись из женского общежития с пустыми кастрюльками из-под варенца, топила печку и разговаривала о жизни.

«Когда отец жив был, часто писал письма, спрашивал за тебя: «Как там сынок? Наверное, уже скоро в школу». Бой пройдёт – пишет письмо: «Все спят, а я пишу». Контузило в сталинградских степях, засыпало землёй и вдобавок попал под машину. Догонял своих, идёт – и каждый день пишет, думал, если убьют, хоть письмо попадёт. Не убило. Наверное, говорил, сын у меня счастливый или жена Богу молится. А тут вдруг писем не стало, два месяца не было ни звука. Стали мне сны мелкие сниться: то корову увижу, а корова когда приснится, то обязательно мне так не пройдёт – поплачу, поплачу. То печёный хлеб. А тут перед несчастьем приснилось, будто иду на болото, где Паша жила, и вдруг повалился столб телеграфный. Я подбегаю, стала

его выдёргивать. Выдернула, положила на землю, и с той ямки образовался колодезь, и в том колодезе закипела вода ключом и полилась к нам во двор, в подпол, а с подпола на улицу. И тут пришло письмо: «Иван Фёдорович не вернулся из боя». Вот я и выдернула столб – разве не закипело сердце, разве не полились слёзы?

Однажды под Крещение собрались бабы ко мне: «Давайте сегодня заворожим на блюдце». Давайте. Нашли чистый листок бумаги, расписали буквы по кругу и на блюдце крестик, назвали блюдце, как звать, только на имя какого-нибудь покойного. Собралось нас много баб, человек шесть, я помню Мотю, Фрузу, вот что у трамвайной остановки жила, матерщинница была, её блюдце не залюбило, не стало ей ворожить. «Иди, – говорит, – к чертям ты, нехорошая женщина». Потом ворожила тётя Нюра Мещерякова, тётя Мотя Чёрненькая. Поставили блюдце на лист, положили на блюдце два пальца, по двое ворожили. Когда блюдце разогреется, тогда пойдёт по бумаге, подбирает буквы. Тёте Нюре сказало: «Муж не придёт», тёте Моте – то же, а мне сказало: «Жди письма печального»...

«Это ты, Женя, за печкой лежал, – напоминала мать в институтские годы, – письмо лейтенант прислал, служил с твоим отцом и любил его. Вот он и написал моей племяннице, что дядя Ваня не вернулся с боя. Племянница взяла письмо и пошла к тёте Паше, с тётей Пашей они пришли в двенадцать ночи ко мне. Постучали, я сидела, рукавички вязала, а ты спал за печкой. Открыла дверь, смотрю – стоят. Тётя Паша, как только переступила порог, сразу села на кровать и заплакала. Племянница тоже стоит плачет. Тётя Паша тогда говорит: «Ох, Антоновна, какую мы тебе весть принесли нехорошую». Я два раза спросила: «А что случилось?» Племянница молчала, а потом: «Дядя Ваня с боя не вернулся». Я не выдержала, упала на стол, я так и знала, что это будет, поэтому и писем не стало. Плакала да приговаривала: «Ох, милой ты мой Ванечка, да ты ж писал в письмах и говорил, что война кончится и я вас с сыночком увезу на запад, да и сам там голову положил, да какая для нас с сыночком утрата, никогда я не думала и не чаяла, что мы с тобой, Ваня, разлучимся, да неужели это правда, да нигде мы с тобой и не увидимся, и не повстречаемся, никогда нам с сыночком так ясно солнце не посветит, никогда нас так уж солнушко не обогреет, ниоткуда мы про тебя, Ваня, ничего

не услышим, никакой весточки ты нам уже не пришлѐ-о-ошь...

Тут мне не давали больше плакать. Ночью, старые люди говорили, за покойником плакать нельзя, грех. Потом долго ничего не было, никаких писем. Пошла я в военкомат, там заполнили анкету по адресу, где он последний раз шѐл в бой, и через девять месяцев мне принесли извещение явиться в военкомат. Помню, в субботу, под Троицу, убрала я в комнате, везде травой потрусилась и пошла. Разрешили мне войти, я села, меня стали спрашивать: «Где проживаете? Какая семья? Есть ли близко родственники?». Потом выписал майор похоронную и зачитал, где отец погиб: «Запорожская область, Васильевский район, село Зелѐный Гай. Погиб за Родину». Я оттуда не знаю как и вышла, подломились у меня ноги, затрясло меня как лихорадкой, а заплакать я не могла. Дорогой шла и не удержалась, слѐзы одолели, стала доходить до своей улицы, а ты меня встретил возле Банниковых, увидел, что я заплакана, и говоришь: «Мама, а почему ты заплакана?» Я схватила тебя на руки и в голос закричала: «Миленький ты мой сыночек, теперь уж у нас папки никогда не будет, и не будешь ты знать отцовской ласки, и никому ты не нужен будешь». Упала дома на кровать, как сейчас помню, обняла его подушку, на которой он всегда спал, ох плакала, ох как было тошнѐхонько, никого в комнате не было, только ты меня за юбку дѐргал: «Мама, не плачь, мама, не плачь...». Потом, не помню, кто-то услышал, пришли, давай меня успокаивать: «Да что у тебя куча детей, что ли...». Не в детях дело, а жалко человека».

«Плачь не плачь, – рассказывала она уже без Жени квартиранткам, – а к зиме надо топливо запастись, иначе зима сибирская спросит, чего летом делала. Пошла в завком, чтоб выписали дров, а там говорят: «Надо идти поработать на лесоперевалку три дня, потом вам выпишут». Вот я и ходила, трое суток работала за дрова. Встану рано, печку вытоплю, Жене сварю и закрою его одного на целый день. Так и добывала. Дали лошадь, возчика, перевезли. Уголь – где мешок купишь, где вѐдрами брали. Выписала горбыля, стала строить сараюшку, горбыль толстый, я рублю, рублю, топор тупой, руки устают, зайду в избу, сяду на кровать, плачу-плачу, а Женя маленький был, подойдѐт ко мне, дѐргает: «Мам, не плачь, я подрасту, помогу тебе...».

Того горя Женя не помнил. Ещѐ не было в его детском сердце места для горя, ещѐ туманом

расстилалась перед ним жизнь. Он плакал, потому что плакал кто-то возле.

Письма от отца не сохранились. Мать склеила для них большой жѐлтый конверт и берегла Женю на будущее. Однажды она белила и вместе с вещами вынесла письма в кладовку. За две ночи мыши источили их на кусочки. Она не могла простить себе оплошности и в те годы, когда Женя спрашивал её, чувствовала себя перед ним виноватой. Письма пропали, пропали с ними слова, строчки, выведенные живой рукой. Как жалел Женя об этом потом!

Несчастье подружило мать с соседками-вдовами. В День Победы они сошлись вместе, как сестры по одинаковой доле. Весна, тѐплый солнечный ветерок, звуки радио на базарной площади, трамваи с транспарантами «Наше дело правое – мы победили!», бойкая торговля водкою в магазинах, а во дворах, куда никто никогда не вернѐтся, поминальная боль. Отец не вернѐтся. Всю войну не растворяли они с улицы ставни. И наконец грохнул, упал на завалинку болт, комнату озарило солнышко. Мать вошла, громко крикнула с порога в каком-то радостном отчаянии:

– Женя, вставай! Вставай, сынок, война кончилась! По радио передали.

По всей земле, кажется, стояла тогда тѐплая, ясная погода. В палисаднике зацвела акация, и завалинка была совсем сухая. Одна только осина ещѐ чего-то ждала, одиноко выделяясь оскудевшей верхушкой. Осина гибла год от году. Женя её окапывал, поливал, подрезал – ничего не помогало.

Да, текла великая радость по родной земле, а кому не досталось её в полной мере, те, припадая на коленки, сжимая детей своих или обращая взор свой на запад, надеялись, что за все страдания, мужество успокоит их заботой, сердечным вниманием твѐрдая, верная рука и даст последнее счастье.

Две большие кастрюли варенца и бутылка молока отдали они с матерью на базаре за бесценок.

– Может, и моего Ваню там угощают, – всё ещѐ верила она в чудо.

На вырученные деньги они купили хлеба, гидрожира, мяса и водки. Десять рублей Женя получил на конфеты. По дворам пошли калеки и заброшенные в Сибирь войной одиночки.

С запада шли составы. Теперь Женя бежал на станцию со сверстниками. Всякий раз

мать провожала его словами: «Ступай, сынок, а вдруг да и встретишь папку». В раскрытых «телячьих» вагонах стояли солдаты, кричали, пели, махали руками и веточками и, когда поезд замедлял ход, бросали ребятишкам на ветер немецкие бумажки и монеты. «Если бы мой папка остался в живых, – думал Женя, протягивая руки к летевшим, как листья, бумажкам, – у, сколько бы он привёз!»

То в праздники, то по случаю дня рождения или покупки костюмчика слышал Женя от матери: «Кабы был отец... Кабы встал да взглянул...». С этими мыслями проводила она его в первый раз в школу, с новым портфельчиком и тетрадками.

О сыне же думала она, когда зачастили свататься мужики. Один приходит, другой, третий.

– Нет, лучше буду вдовою. Не найти такого. Духу нет.

Каждое воскресенье на базаре, где Физа Антоновна торговала варенцом, околачивался горластый похожий на цыгана мужик, скупал старые патефоны и пластинки, подновлял, клеил, заменял головки и диски и выносил на толкучку снова, привлекая внимание пением Руслановой и Ляли Чёрной. Женя привязался к нему, бегал от молочного прилавка слушать «Валенки» и «Синенький скромный платочек», желая взять этого дяденьку в папки не за то, что он смугло-красивый и пробивной, а за патефон и пластинки, которые чудно и трогательно заполняют их комнату мелодией и русскими голосами.

– Пойдём за меня, – настаивал мужик.

– Погоди, ещё подумаю.

«Легла она спать, – рассказывали потом соседки, – и видит сон: входит почему-то к ней сам царь. «Здравствуйте», – поклонился. Она поднялась: «Здравствуйте, царь-батюшка». И опала

духом. «Знаешь что, женщина, – он ей, – слышал я, что ты одна, мужика убило, хочу я с тобой сойтись жить, со мной не пропадёшь». Она: «Господи, батюшка! А у меня ж ничего нету и, как видишь, положить тебя не на что». – «Я не брезгую тобой. Наживём. И у сына будет счастливое детство со мной». Он вобран в военном, и шпоры бряцают на нём, погоны огнём полыхают, а лица не разобрать. Она рассказывала, как сцепила руки: «Царь наш, я боюсь! Тебе надо миром управлять, до моей семьи у тебя руки не дойдут. Спасибо, что хоть вспомнил». И проснулась. Они и толкуют: «Раньше царя как увидят во сне, то обязательно беда будет. Не гонись замуж. Она и думает: «О, Боже, если я пойду за того, что патефонами торгует, – у него никакого родства никогда не было, ему не понять родного, весь мир ему как базар. Ладно. Промантужу с Женей, не умру. Перебьюсь одна, а там жизнь подскажет».

Вдовы же постепенно выходили замуж. Любовь для них прошла, погасли девичьи ночные чувства, песни пролетели, как птицы, и когда, подобно птицам, возвращались откуда-то из-за моря, находили женщин без прежних желаний и прикрас. Душа искала просто опоры. В том возрасте женщины уже представлялись мальчику пожилыми, и было непонятно, зачем им мужья. Тридцать, тридцать два года – какое время. А ему казалось: зачем приводить в свой двор чужого мужчину, вызывать пересуды соседней, зачем же матери заставляют какого-то дядьку называть «папкой» и зачем дети, поплакав и постыдившись, называют их так? Женя помнит своих одногодков по улице. Как страдали они и ревновали матерей к «папкам», когда вечерами они ложились с ними спать на одной койке, как боялись признаться товарищам, что в семье их прибавился братик, сестричка!

Михаил НЕБОГАТОВ

ВСЁ ВСПОМНИЛ Я ВСЁ БЫЛО, КАК ВЧЕРА...

* * *

Не обойдёшь сторонкою в беседе
Год сорок первый, горестные дни.
Как ни светлы раздумья о победе,
В них не одни салютные огни...

На быстроту прорывов, окружений
Был мастер враг коварный, что скрывать.
И на уроках наших поражений
Мы на ходу учились воевать.

Когда врага по гатям, перевалам
Погнали мы лесами, средь долин,
Его же салом били по мусалам,
По-русски вышибая клином клин!..

Пути войны – вначале к Подмосковию,
Потом к Берлину в холод, слякоть, зной –
Обагрены великой нашей кровью,
Оплачены огромною ценой.

Не счесть героев – будь земля им пухом,
Что полегли под холмики, холмы...
Броня броней. Но, кто сильнее духом,
Тот победил. А победили мы!

Пусть много лет сияет мир весёлый,
Нам не забыть, какая битва шла,
Какой из сорок первого тяжёлой
Дорога в сорок пятый год была.

ВОЗДУШНЫЙ ОБСТРЕЛ

Когда, прижимаясь к земле
Щекою, беспомощным телом,
Зажмуренный, словно во меле,
Лежишь под воздушным обстрелом,

Вся память твоя и душа
Пронизаны тем ощущеньем,
Тем чувством, что жизнь хороша
Любим своим кратким мновеньем.

Любим, даже этим, когда
Вдыхаешь ты запах землицы
И все, что прожиты, года –
Не зори, а только зарницы.

Так краток их издали блеск,
Мелькнули – не видно их боле.
А с неба – стремительный треск,
Он слит с ожиданием боли.

10

НЕБОГАТОВ Михаил Александрович (1921–1990) родился в городе Гурьевске Кемеровской области, участник Великой Отечественной войны. Был призван в армию в апреле 1941 года. Служил рядовым красноармейцем, солдатом пехоты 270-го стрелкового полка 58-й стрелковой дивизии. Первое ранение получил в 1942 году, о чём свидетельствует стихотворение «В полдень», помеченное в солдатском блокноте подписью: «Июль 1942-го, госпиталь в Соль-Илецке». Весной 1943 года окончил трёхмесячные курсы младших лейтенантов в городе Шахты Ростовской области. Стал командиром взвода. Участвовал в боях в Смоленской и Ворошиловградской областях. 4 августа 1943 года тяжело ранен в правое предплечье. С 18 августа по 22 ноября 1943 года находился на излечении в эвакогоспитале № 1568 (Грузинская ССР, г. Боржоми-Ликани). Получил II группу инвалидности. Демобилизован по ранению. Вернулся в Кемерово. Член Союза писателей СССР.

А может, не будет её,
Всё будет гораздо короче:
Кольнёт только сердце твоё
И весь ты – в бездонности ночи?

Мгновенна и жалость к себе,
И грусть о живущем мгновенна...
«Отбой!» – донесётся к тебе,
Приходишь в себя постепенно.

Колонна опять на ногах.
И «мессеров» как не бывало.
Всё стихло. И только в висках
Гул крови, как после обвала.

И рад, несказанно ты рад,
Что смерть обошла стороною,
Что видишь чуть дымный закат,
Чуть тронутый страшной войною,
Что можешь ромашку сорвать,
Глядеть на неё неотрывно,
Что степь эта – Родина-мать,
Где всё, до росинки, так дивно.

И веришь: ещё поживём,
Походим, побродим по свету,
Лишь только врага разобьём,
Ликуя, что «мессеров» нету.

А те, что прожиты, года
Увидишь иными ты вскоре:
Они пред тобой, как всегда,
Не просто зарницы, а зори...
Июнь 1941-го, район г. Броды

В ПОЛДЕНЬ

Если надоест тебе в палате
Спать, читать, валяться на кровати,
Выходи во двор. Ты можешь там
Побродить по травам и цветам.

Если любишь солнце – скинь рубашку.
Или – просто ворот нараспашку.
Можешь, где ромашки, лопухи,
О природе сочинять стихи.

Скоро будет вновь не до неё –
Карандаш ты сменишь на ружьё...

Хорошо лежать в траве полынной,
Облака глазами провожать,
Чтобы этот полдень,
Знойный, длинный,
В зимний день в окопе вспоминать...
Июль 1942-го, госпиталь в Соль-Илецке

РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК

Все войны свой конец имеют,
И эта кончится война.
Вначале словно немеют
Просторы, где она была.

Последний раз провозит миной,
Просвищет пулей – и конец.
Над речкой, сопкой и долиной
Умрут железо и свинец.

Никто, наверно, не поверит
Счастливой яви, точно сну.
И каждый вечностью измерит
Ту фронтовую тишину.

Растает дым над полем боя,
И с величавой вышины
Увидит небо голубое
Следы ужасные войны.

Войдут в историю навеки
Дела сороковых годов:
Текут, алая кровью, реки,
Чернеют груды городов.

Опишет в будущем историк
Неповторимый путь борьбы,
Который был тяжёл и горек,
Как испытание судьбы.

И будет памятник построен,
Незабываемый вовек:
Стоит, бессмертия достоин,
Непобедимый, грозный воин –
Великий русский человек.

1943 г.

Дмитрий ФИЛИППОВ

В КОСМОС

Рассказ

Вячеслав Андрианович Мироненко варил холодец. Приготовление этого блюда он жене не доверял и вообще относился к процессу как к священнодействию. Он заранее выбирал свиные рульки с копытцами, причём каждую осматривал внимательно и придирчиво, отбраковывая жилистые куски интуитивно. Благо выбирать было из чего: Вячеслав Андрианович работал рубщиком мяса в гастрономе. Рульки он замачивал на ночь в огромной щербатой кастрюле, а с утра, поскоблив копытца и шкуру маленьким овощным ножом, приступал к действию. Соседи по коммуналке старались в такие дни лишний раз на кухню не заходить. А у Мироненко уже горели глаза, мясистое его лицо удивительным образом подтягивалось, а тучное тело становилось лёгким и послушным, как у атлета на беговой дорожке. И даже густые чёрные усы с проседью начинали блестеть.

Семья у Вячеслава Андриановича была большая: жена, три дочери и тёща – полубезумная старуха, раздражавшая всех своим сизифовым шарканьем по коридору. Они жили в двух комнатах в коммунальной квартире. Ещё две комнаты занимала семья Ярослава Поклонского. Тот – вдвоём с женой, детей у них не было. В одной комнате была гостиная и спальня по совместительству, в другой – рабочий кабинет. Поклонский

работал товароведом в Гостином Дворе, жена его служила старшим научным сотрудником в музее Октябрьской революции. Строго раз в неделю они принимали гостей, и тогда коммуналка наполнялась интеллигентными людьми с пылающим взглядом, гости пили хозяйский коньяк, разговаривали страстные разговоры, из-за закрытых дверей раздавался перезвон входившей в моду семиструнной гитары. Расходились гости поздно ночью, а кто-то даже оставался ночевать. Соседи старались не ругаться по мелочам, понимая, что никуда им друг от друга не деться. Их быт связан, спаян прочно и нерушимо до тех пор, пока не наступит в стране коммунизм.

Последнюю, самую маленькую комнатёнку занимал инвалид Славян. В феврале сорок пятого он был ранен и двое суток полз по чужой слякотной земле, вытаскивая командира. Командир выжил, а Славяну оттапали правую ногу чуть выше колена. Жена погибла в бомбёжку, возвращаясь с работы. Детей, сына и дочь, раскидало по детдомам и унесло в эвакуацию. Ещё год после войны Славян (а тогда ещё не Славян, а Вячеслав Михайлович Груздев) наводил справки, искал, ездил по городам, склеивая треснувшую семью. Нынче дети выросли, и семья раскололась окончательно. Вячеслав Михайлович пил, теряя одну работу за другой, и сам не заметил,

ФИЛИППОВ Дмитрий Сергеевич родился 5 сентября 1982 года в городе Кириши Ленинградской области. Окончил филологический факультет Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Работал педагогом-организатором, грузчиком, продавцом, подсобным рабочим, монтажником вентиляции. Служил в армии на территории Чеченской Республики с 2006 по 2008 год. Старший сапёр. Работает начальником сектора молодёжной политики Пушкинского района Санкт-Петербурга.

как стал для всех Славяном. Сын Дмитрий выучился на инженера и застыдил отца, и только старшая дочь Варвара продолжала изредка его навещать. Но и она старалась не заглядывать в мутные, словно затянутые изнутри паутиной, глаза отца.

Соседи Груздева избегали, сталкиваясь в коридоре, старались проскользнуть по стеночке. Был в этом и стыд здоровых людей перед инвалидом, и брезгливость, и боязнь заразиться. Чем именно они могли заразиться, никто бы толком не сказал, но в этой неопределённости и прятался главный страх. Казалось, две-три фразы с опустившимся мужиком испачкают тебя самого и вирус безысходности проникнет в кровь воздушно-капельным путём.

Холодец вышел роскошным. Застывшая зеркальная гладь колыхалась от малейшего прикосновения, но кулинарный изыск был плотным и вязким, не растекался по тарелке и, приправленный горчицей, таял во рту.

– От нашего стола – вашему, – Мироненко радушно протянул тарелку Поклонскому.

– Вот это от души, тёзка, от души!

– Славяна надо угостить.

Поклонский поморщился:

– Он и так своё возьмёт.

– Позови-позови, сосед всё-таки...

– Ладно.

Подойдя к каморке инвалида, Поклонский остановился, прислушался, а затем интеллигентно постучал три раза:

– Славян, налетай на холодец. Закусишь приличным продуктом... Иди-иди, халя-а-а-ава...

Но в ответ полетел отборный мат вперемешку с мокротным кашлем. Поклонский заулыбался и, уже уходя, ещё раз постучал в дверь.

На кухню Славян приковылял ночью, открыл холодильник и достал тарелку с холодцом. Гулко стучала ложка в тишине коммуналки. Впервые за день мужик поел досыта. То ли от голода, то ли с похмелья, он не услышал угрюмых шаркающих шагов. Бросил немытую тарелку в раковину и обернулся. Прямо на него из полутьмы коридора смотрела безумная старуха, и взгляд её глубоко посаженных глаз был пустым и тяжёлым.

– Не спишь, ведьма?

Старуха ничего не ответила, развернулась и скрылась в темноте коридора, продолжая нести свою бессмысленную вахту.

На шум вышел старший Мироненко, заспанный, в застиранных семейных трусах.

Увидел Славяна, почесал пузо:

– Опять... Самому-то не стыдно? Подошёл бы по-человечески, попросил... Разве я отказывал когда?

Славян, пойманный на месте преступления, расправил плечи, лицо его налилось дурной кровью.

– Вас просить – просилка отвалится.

– Ну конечно-конечно, – закивал Слава Мироненко, – лучше по-тихому, на соседей положить. Это по-нашему, по-русски.

– Ты, Мироненко, клюв свой закрой. Если я положу – ты тяжести не выдержишь.

Оперевшись на костыли, мужик корпусом отодвинул соседа и хромым аистом зашагал по коридору.

Мироненко жалел соседа, жалел и побаивался, как дворового пса. Груздев всю войну прослужил в полковой разведке. Даже у спившегося, даже у покалеченного и опустившегося на дно руки его, пожелтевшие, узловатые, оставались руками солдата, убивавшего в рукопашной. Сам Мироненко был с первых месяцев войны эвакуирован в Челябинск вместе с семьёй и заводом, где тогда работал. Бронь для себя он не выбивал, но и не отказался от неё. В тяжёлые зимние дни сталинградских боёв он работал по двадцать часов в сутки, спал у станка и трусом себя не считал. Значит, такая судьба ему выпала. Только, случайно оказавшись в компании воевавших, тушевался и неловко краснел, но и это списывал на алкоголь.

Коммунальный мир широк и узок одновременно: потроха наружу. В нём невозможно что-либо спрятать и очень легко спрятаться самому. В нём всегда есть своя иерархия и установившийся один раз порядок превращается в традицию, в вековечный обряд.

С утра Поклонские первые занимали туалет и по совместительству ванную комнату. Впрочем, старшинством своим они не злоупотребляли, освобождая помещение настолько быстро, насколько это позволяли потребности организма. Следом в уборную бежали три сестры – Леся, Оксана и Наталка, потом старшие Мироненко. Поклонские завтракали у себя в комнате, Мироненко по обоюдному согласию досталась кухня. Советские люди собирались в школу и на работу, и только инвалид да безумная старуха не топились являть себя миру.

Когда все уходили по своим делам и квартира пустела, Славян покидал каморку, ставил

на плиту свой чайник и подолгу глядел в окно. Вода выкипала, чайник шипел и булькал, ходила взад-вперёд по коридору безумная старуха. Мир скукоживался в одной точке: в маленьком шрамике над переносицей – след прошедшего вскользь десантного ножа. И этих размеров миру вполне хватало.

Завтракал Славян лениво, без аппетита, подрезая куски соседских продуктов в холодильнике. Впрочем, лишнего не брал. Так уж устоялось. Соседи прятали еду в комнате, зимой вывешивали из окна авоськи с мясом и колбасой, но в комнате продукты портились, с улицы их клевали птицы. Ругань мужик не воспринимал, слушал вполуха. Наконец, махнули на всё это рукой и оставили как есть, осознав, что ход вещей задан не ими и не им его нарушать. Пособие по инвалидности Славян пропивал быстро, какие-то продукты подкидывала дочь, худосочная и тихая девушка, но их хватало ненадолго. Дочь заходила раз в месяц, прибиралась в комнате, с соседями вела себя боязливо и даже пришибленно, как юродивая. С ней пробовал заговаривать Мироненко от широты своей малоросской души, но девушка тушевалась и бормотала под нос что-то невнятное. Бледные щёки её чуть розовели.

Если Славян в такой день был пьян, то он надсадно ругался, выхаркивая камень из груди:

– Ждешь моей смерти, чтобы с ублюдком своим вселиться? Ну жди-жди... Долго ждать придётся.

Дочь молча мыла полы. Потом так же молча оставляла продукты в холодильнике и уходила, неловко обуваясь в узком коридоре. Как заблудившийся ангел.

После завтрака Славян одевался и выходил во двор. Перед тем как выйти из квартиры, он выискивал в прихожей обувь Поклонских и смачно плевал в соседскую туфлю.

Двор. Тут отпускаяло, дышалось вольнее. Старики рубились в вечное домино, малышня гоняла мяч. Доминошники, завидев ковыляющего Славяна, стихали и внутренне подбирались, смолкал говор, и только тихое «шу-шу-шу» гладило стол. Славян знал ритуал и не обращал внимания.

Наконец, когда мужик на костылях уже заворачивал под арку, из-за стола неслось:

– Славян, когда в космос полетим?

– Когда у тебя в ... чесаться перестанет.

Двор взрывался от хохота, а Славян степенно вышагивал дальше, на улицу. Эта присказ-

ка была у него любимая. На фронте услышал и присвоил. Доминошники каждое утро придумывали новый вопрос для Славяна, с подковыркой, но в ответ всегда неслось одно и то же. На этом и держалась сладость ритуала.

Дальше – рюмочная за углом, безымянная, как и все советские рюмочные, но для своих она называлась «Куба». Братство народов было ни при чём, просто над стойкой висела фотография, вырезанная из «Огонька»: коренастый Хрущёв обнимает самоуверенного Фиделя Кастро. Всего лишь крепко обнимает. Целоваться генсеки начнут гораздо позже. В «Кубе» Славяна знали, в долг не наливали, но знакомые угощали почти всегда. За Славяном никогда не ржавело.

В рюмочной, как и в коммуналке, его жалели и опасались. Один раз ввалилась залётная компания, три молодых парня, приبلатнённые, разговаривают по фене. Славян обычно пил один, и компания подседа к нему за столик. Главный у них был весь в наколках, а лицо рыбье, глаза лупатые, как у окуня. Его и звали Рыба промеж собой. Никто в рюмочной не слышал, из-за чего вышел спор, только Рыба вдруг поднял кружку пива и медленно вылил инвалиду на голову. Кодла заржала. Славян не думал. Он не умел думать в такие моменты. Просто рванулся, опрокидывая стол, и страшными своими пальцами вцепился Рыбе в горло. Его топтали ногами, хватили за культу, силясь оттащить, оторвать. Но Славян не чувял тела. Душа его нырнула в руки и вся сосредоточилась в пальцах. А сам мужик не чувствовал боли, только улыбался от ярости, и ещё дрожали вздувшиеся жилы на лбу. Кодлу быстро помяли – народ в рюмочной не терпел беспредела. Руки Славяну разжимали четыре здоровых мужика, и когда его всё-таки оттащили, Рыба долго ещё лежал на спине и хрипел, втягивая воздух по глоточку.

Так проходили дни. Отстроенная после войны страна неслась вперёд, на глазах менялась эпоха, и люди шалели от взятого разгона. Только Славян ничего не замечал. Его миру хватало места.

Из «Кубы» он возвращался тяжело и внушительно. Нога безвольно болталась, шаркала по асфальту. Ей едва хватало сил выносить себя вперёд. Но работали руки. Плечи дрожали, но держали вес, и Славян нёс себя до дома, стыдясь расслабиться и упасть в канаву.

Однажды у Леси, старшей дочери Мироненко, пропали золотые серьги. Утром, собираясь

в школу, она оставила их на зеркальце в общей ванной, днём хватилась, а вечером не нашла. Девка – в слёзы. Отец покраснел, как обычно он делал в ситуациях, когда решение уходило из-под контроля, запыхтел в усы.

Поклонский, собирая на кухне ужин, обозначил:

– Давно говорил, с благотворительностью пора заканчивать.

Мироненко молчал.

– Участкового вызвать, и все дела. По нему тюрьма плачет.

– Ну ты погоди, сосед...

– А что «погоди»? Что? Мы на работе весь день, а он тут один. Может, у него уже ключики ко всем комнатам подобраны? Почём ты знаешь? Я не хвастаюсь, но у меня... тоже есть ценные вещи. Мне ждать теперь, пока он до меня доберётся? Тоже мне, герой войны. Пьянь!

Поклонский нервничал. Глаза горели справедливым гневом. Вышла жена Поклонского Ирина и поддержала мужа:

– Надо милицию вызывать. Что тут ещё думать?

– Ну когда, когда вызывать? Вечер на дворе. Давай Славяна дождёмся, спросим...

– Ага, так он тебе и сказал.

И в этот момент зашворкало в коридоре. 75
Вскинула голову заплаканная Леся, с упрёком посмотрела на отца. И Вячеслав Андрианович встал, сложно и неуверенно, ещё больше покраснел и вышел в коридор. За ним потянулись остальные.

– Ну здравствуй, сосед, – начал Мироненко.

Славян не ответил, пьяно ковылял к своей комнате.

– А чего молчишь? Чего молчишь? – завелась жена Тамара. – Зенки залил и молчит. Где серёжки? Пропил, алкаш?

Славян остановился, обвёл трудным взглядом соседей.

– Да что с ним разговаривать, милицию надо вызывать, – сквозь зубы выдавил Поклонский и отвернулся.

– Ну удружил, сосед, – окреп в голосе Мироненко. – Продукты – чёрт с ним. Не бедствуем, слава Богу. Терпели. Спускали. Думали, герой, войной покалеченный... А ты вот как отплатил, – и, враз покраснев, напуская на себя ярость, завизжал: – Серёжки верни, подлец!

Славян стоял пьяный и добродушный, качался из стороны в сторону и улыбался. С ниж-

ней губы свисала тягучая слюна. Он заваливался вперёд на костылях, и казалось, что вот-вот клюнет носом в пол, но в последний момент сильные руки напрягались и удерживали его в вертикальном положении.

Мимо всё так же шамкала полубезумная старуха, из стороны в сторону, по всей длине коридора, от входной двери к туалету.

И вдруг младшая дочь Мироненко, Наталка, радостно вскрикнула и показала пальцем на бабуку:

– Смотрите-смотрите! На уши смотрите!..

В морщинистых мочках блестели золотые серёжки.

Поклонский плюнул и ушёл в свою комнату вместе с женой. Мироненко стоял и продолжал дрожать. Жена уволокла его. Дочки хмыкнули и рассосались. Славян языком подбирал свисающую слюну. Доковылял до комнаты, закрыл за собой дверь и грохнулся на пол.

Беда пришла внезапно, как ей и положено. Холодильники на складе гастронома Мироненко мыл раз месяц. Перед этим по очереди размораживал, выкладывая свиные и говяжьи туши на разделочные столы. В нарушение всех инструкций лёд он скалывал молотком. Оттого не заметил, как что-то треснуло в металлическом корпусе и бесшумно потёк фреон. Дело было в пятницу, в начале апреля, и за выходные двести килограммов мяса непоправимо стухли, не дотягивая даже до второй свежести. Апрель выдался тёплым. После январской реформы цены на мясо подскочили. Общий ущерб государству составил девятьсот двадцать четыре рубля сорок семь копеек. Таких денег Мироненко никогда не видел, не представлял, чтобы такая сумма могла разом находиться в одних руках.

Когда в понедельник утром Мироненко открыл холодильную камеру и в нос ударил тёплый сладковатый запах, хватило нескольких секунд, чтобы всё понять: и что случилось, и что будет дальше.

Он побледнел и на ватных ногах поднялся на второй этаж гастронома, в кабинет заведующей.

– Пойдём, Марья Борисовна.

– Что такое?

– Пойдём.

Потом курили на заднем дворе. Заведующая была хваткой бабёнкой, на Мироненко ей плевать, но если всё вскрыется, если приедёт ре-

визор и составит акт — не усидеть и ей в своём кресле. Это она тоже прекрасно понимала.

Мироненко стоял выцветший, спокойный и безучастный. Впереди — тюрьма.

— Значит, так, — начала заведующая, — сейчас ко мне пойдём, всё посчитаем. Внесёшь деньги до завтрашнего утра — замнём дело. Мужик ты хороший, жалко...

На короткое время появилась надежда, преобразила лицо Мироненко, и он задрожал, за скрипел зубами. Но надежда умерла, когда оформилась сумма. Таких денег у него не было. Такие деньги нельзя было взять в долг за один день.

— А ты извернись, хоть белугой вой, а найди, — закричала Марья Борисовна истошно и бесполезно. — Иди.

Весь день Мироненко вертелся ужом на тарелке, носился по городу, звонил, упрашивал, кланчил, плакался, продавал сережки, обручальные кольца и даже сдал в комиссионный магазин новенький телевизор «Рекорд-А». Друзья и знакомые помогали чем могли, но это были крохи.

Сосед Поклонский развёл руками и вынес пятьдесят рублей:

— Чем могу, Слава, чем могу...

К вечеру Мироненко устал. Он собрал четыреста рублей, но всё это было бесполезно, не набиралась даже половина суммы. Жена с дочками сидели в комнате, стараясь не показываться никому на глаза. Во всей квартире поселилась сдавленная тишина, настолько вязкая, что сквозь неё приходилось прорываться почти физически, разрывая руками липкую пустоту. И только старуха продолжала ходить из стороны в сторону, ничего не замечая.

Славян по обыкновению сидел в своей комнате и заковылял на кухню лишь ночью. Горел свет, за столом сидел Мироненко и бессмысленным взглядом буравил стену. На лбу блестели капли пота, топорщились густые усы в разные стороны, как будто их прочесали ёршиком против шерсти. На столе стояла кружка с остывшим чаем. Мироненко оторвался от стены и перевёл взгляд на инвалида. Глаза с усилием обретали фокус.

— А-а... Сосед... Проходи. Пожрать пришёл?

Славян стоял в проёме двери и не мигая смотрел на Мироненко.

— Ну пожри-пожри. Что хочешь бери. Ничего теперь не жалко. Ну, чего ты стоишь? Тамара котлет нажарила. Вкусные, с чесночком, тают во

рту... — он запнулся и наконец впервые зарыдал, уронив голову на стол.

Рыдал он долго, а Славян всё это время стоял и смотрел на соседа. Видел, как ходят ходунком полные плечи, впитывал булькающие, задыхающиеся звуки мужского плача.

Мироненко поднял голову. Глаза были мокрые от слёз, и оттого круглое лицо соседа приобрело детскую сосредоточенность.

— Я ведь не рвач, Славян, не паскуда. Толком ничего за жизнь не скопил. Думаешь, не знаю, как весь двор за спиной шепчется, что, мол, на мясе сижу, мол, горы золотые под подушкой ховаю... А где эти горы? Нет этих гор. Да, домой таскал. А кто не тащит? Все тащат. Но налево ни грамма не толкнул. Думаешь, легко такой выводок содержать? Ещё и тебя, болезного, подкармливать?.. Все на моей шее сидели, спину грызли. А где сейчас Мироненко? Кончился Мироненко. И даром теперь никому не нужен.

Даже голос стал детским, тонким и пронзительным. И смешно шевелились пухлые губы. Славян улыбнулся против воли.

— Смешно, да? Ну посмейся, посмейся, сосед. Может, у тебя полтыщи есть в долг?

— Новыми? — спросил Славян.

— Новыми.

— Нет, новыми нет.

Мироненко полминуты смотрел на соседа удивлённым взглядом, а потом визгливо захохотал:

— А что, старыми, что ли, есть? А? Ой, насмешил... Ой, умора, сосед...

— Старыми тоже нет.

Мироненко продолжал смеяться, а потом без перехода уронил голову на руки и подавился страшными мыслями.

Всю ночь Груздев не спал, ворочался с боку на бок. Изредка проваливался в тяжёлый и мутный сон, но тут же выныривал из него. Сердце грызла тоска.

Окончательно проснулся раньше всех, вслушиваясь, как просыпается дом: булькала вода в батареях, что-то скреблось, шуршало, потрескивало, скрипело... Маленький верткий домовый праздновал юбилей и позвал гостей со всего города. И они балагурили, пока жильцы спали крепким советским сном.

Когда квартира проснулась, в коридоре раздались заспанные голоса и шарканье тапочек, Груздев неторопливо поднялся, накинул пиджак и заковылял в ванную. Долго скрёб щетину ту-

пой бритвой. В комнате он открыл старенький шкаф с болтающимися дверями и на самом дне его отыскал деревянную коробочку. Сунул её в карман и заковылял к Поклонским.

Поклонские завтракали у себя в комнате. Дверь открыл Ярослав, в нос ударил запах уюта и жареной колбасы.

- Чего тебе, Славян?
- Дело есть. Поговорить надо.
- А до вечера не терпит?
- Не терпит.
- Ну подожди, сейчас доем – выйду.

Он вышел через пятнадцать минут и направился к кабинету.

– Пойдём.

В кабинете было просторно. По центру стоял стол с пишущей машинкой и стопкой желтоватой бумаги, стул, небольшой диван. Вдоль стены – книжный шкаф со множеством разных папок.

– Чего тебе?

Груздев заковылял к столу, достал из кармана деревянную коробочку и открыл её.

– Вот. Продаю.

На стол один за другим легли три ордена. Две серебряные звезды и одна золотая. Колодки обтянуты лентой с оранжевыми и чёрными полосами. По центру – Спасская башня Кремля и одно короткое слово «СЛАВА» на красной эмалевой ленточке.

Поклонский трудно слотнул и сосредоточился. Юрко посмотрел на Славяна:

– Твои?

Груздев не ответил, глядел на потемневшие от времени награды, по которым было видно, что их как положили в деревянную коробочку один раз, так и не вытаскивали на свет.

– Сколько?

– Пятьсот.

Поклонский усмехнулся.

– Не стоят они этих денег.

– Пятьсот.

– Триста. И то, Слава, из очень большого уважения.

– Мне нужно пятьсот.

Поклонский всю войну провёл в тылу, занимался снабжением фронта, но даже он знал, что орден Славы выдают в строгой последовательности: от третьей степени к первой, и перескочить этот порядок нельзя, и полных кавалеров можно по пальцам пересчитать. Он протянул руку к наградам, аккуратно взял золотую звезду, взвесил её, что-то прикидывая в уме.

– А эту за что?

– На ногу обменял, – просто ответил Груздев.

– Четыреста.

– Пятьсот. Орденскую книжку в довесок дам.

– Без ножа режешь, – светился Поклонский, любовно поглаживая ордена, прикидывая, кому и за сколько сможет их перепродать. – Я сейчас.

Он вернулся через три минуты и отсчитал пятьсот рублей новенькими фиолетовыми купюрами с профилем Ленина. Груздев спокойно пересчитал и убрал деньги во внутренний карман.

– Ну, может, по пять капель? Обмоем? – улыбнулся Поклонский, доставая из воздуха бутылку дагестанского коньяка.

Славян слотнул, кивнул странно, неуверенно.

Поклонский разлил по стопкам, пригубил коньяк, покатав напиток на языке, а Груздев шумно выдохнул и опрокинул в себя алкоголь. И сразу же вороватым движением схватил бутылку и запрокинул её в себя. Под презрительным взглядом Поклонского заходил кадык: вверх-вниз, вверх-вниз...

Когда Груздев зашёл на кухню, Мироненко продолжал сидеть за столом, перед ним дымилась кружка с горячим чаем. Глаза мужчины были красными, пустыми и воспалёнными. Мироненко посмотрел на соседа, но, верно, не узнал его. И не было сил в голове, чтобы напрячься и узнать.

Груздев достал из кармана деньги и бросил на стол:

– Пятьсот.

И заковылял к себе в каморку.

Через пять минут раздался робкий стук. На пороге стоял Мироненко со всей семьей.

– Чего вам?

– Вячеслав Михайлович... Сосед... – голос его надорвался. Он на ватных ногах подошёл к Груздеву, медленно опустился на колени и заплакал.

– Сдурел, что ли?

Мироненко схватил ладонь Груздева и потянулся к ней губами.

– Я Бога за тебя молить стану... – плакал и дрожал, плакал и дрожал.

Кусала губу жена, теребя нервными пальцами складки халата. Молчали дети.

Груздев грубо оттолкнул соседа.

– Бога нет. Давайте, давайте...

Когда все разошлись, Груздев вышел в коридор и заковылял на кухню. Поставил чайник.

Подошёл к окну. Наград было не жаль. Только с прежней жадностью хотелось выпить. Он вспомнил, как с прострелянной ногой тащил раненного в живот командира. Ползли несколько суток и всё никак не могли доползти. И во время очередного привала, когда сердце выпрыгивало из груди, Груздев прохрипел: «Когда уже дойдём?» – «Когда в ... чесаться перестанет», – просипел командир.

Вдруг что-то изменилось в мире. На улицу выбегал народ, все кричали яростное, неразборчивое, обнимались, подбрасывали кепки в воздух.

Груздев разволновался, открыл скрипучую створку окна:

– Эй, братва, что случилось-то?

– Включай радио, чудак! Мы в космос полетели!

И вся улица шелестела незнакомым: «Космос, космос», «Гагарин, Гагарин».

Груздев торопливо заковылял к радиоточке в коридоре, щёлкнул тумблером, и из приёмника донеслось левитановское: «...чувствую себя хорошо, травм и ушибов не имею».

Сердце вдруг застучало часто-часто, как перед атакой, а к горлу подкатил горький ком. Из раскрытого окна несло: «Слава герою! Слава советскому человеку! Ура, братцы! Ура-а-а!».

Груздев стоял в тёмном коридоре, губы его дрожали. Нестерпимо чесалась покалеченная нога.

**Василий
КАЗАНЦЕВ**

**Я УЖЕ ИСКУПАЛСЯ
В РЕКЕ!**

СТАРИК

Он не помнит, что было вчера.
Ясно помнит, что было когда-то.
Коротая свои вечера,
Он уходит, уходит куда-то.

Через чащу событий и лет,
Расставаний, свиданий мороку,
Через тысячи жизненных мет
И замет – он уходит к истоку.

В глубину, в изначальную рань.
Где мешается крик с немотою.
К самым дальним пределам – на грань,
Где соседствует свет с темнотою.

Там кристальные светят ключи.
Так заманчиво пенье их льётся.
Ты над ухом его не кричи.
Он ушёл. Он уже не вернётся.
1967

* * *

– А есть ли где на свете белом –
Не уклоняйся, дай ответ –
Душа, какой бы ты всецело

Доверился?
– Пожалуй... нет!

Сказал – и сладко опохнуло
Высокомерною тоской.
И в сердце холодом дохнуло.
Как будто предал род людской.
1978

* * *

– Кто как поэт бесценен,
Скажи-ка мне, сосед.
– Когда-то был. Есенин.
Теперь поэтов нет.

Иду в глубины лет.
В эпоху схватки классов.
– Тут кто у вас поэт?
– Да был поэт Некрасов.
Теперь поэтов нет.

И глубже в глуби лет –
В поля, дворцы, избушки.
– Тут кто у вас поэт?
– Да был когда-то. Пушкин.
Теперь поэтов нет.

И глубже в глуби лет.
 – Тут кто бессмертно славен?
 Тут кто у вас поэт?
 – Когда-то был. Державин.
 Теперь поэтов нет!

Немало удивлён,
 Иду я в глубь времён.
 – Тут кто поэт, ребята?
 Тут есть поэт, ребята?
 – Да был. Гомер. Когда-то.
 Да был ли,
 Был ли
 Он?
 1987

* * *

Мы пили с ним у автомата.
 И он пошёл. И я пошёл.
 Свернули в зал кинотеатра.
 И он – в Большой. И я – в Большой.

В фойе слонялись до сеанса.
 И он зевал. И я зевал.
 Потом над Чарли он смеялся.
 И я, конечно, не зевал.

Сеанс окончился – на воздух
 Мы поспешили поскорей.
 Он ждал трамвай, смотрел на звёзды.
 И я на звёзды посмотрел.

А утром, встретившись со мною,
 Стихи он новые читал.
 Вчера написанные. Ночью.
 А я стихов не написал.

Да как же так? Мы были вместе!
 Проспектом шли. Входили в зал.
 Я был на том же самом месте.
 А вот стихов не написал.

Когда он пил у автомата,
 То, значит, он не только пил.
 Когда входил он в зал театра,
 То он не только в зал входил.

Когда с задумчивостью кроткой
 Вздыхал он ввысь лицо своё,
 То видел высь и нечто кроме.
 А я не видел. Вот и всё.
 1962

* * *

Сидел мужик в столовой
 И вёл с соседом спор –
 Какой-то бестолковый,
 Нетрезвый разговор.

Клиенты возмущались:
 – Послушай ты, мужик!
 Здесь женщины и дети.
 Попридержи язык.

А тот не унимался –
 С соседом говорил.
 Сосед не соглашался –
 Соседа матом крыл.

Достукался, конечно.
 Дружинники пришли.
 За локти подхватили,
 Куда-то увели.

На столик посмотрел я –
 На столике в тиши
 Стояли присмирело
 Нетронутые щи.

Лежала рядом ложка.
 И хлеба два куска.
 И как-то жалко стало
 Нахала мужика.
 1968

В САМОЛЁТЕ

И здесь какой-то тоже есть уют.
 Беседуют и спят, едят и пьют.
 Тут зыбко всё, непрочно и нестойко.
 И ненадежно всё. Но не настолько...

Тут всё дороже на пятак.
 Чуть-чуть труднее длится в небе шаг.
 Минута длится в небе чуть подольше.
 Поташнивает в небе чуть побольше.
 Внизу поташнивает, но не так.
 1970

* * *

Как совершенна простота.
 Замысловато-прихотлива.
 И в то же время так проста.
 Обыкновенней примитива.

*Изысканность, и примитив,
И ординарнейшая серость.
Им всем, уловку применив,
Прослыть простыми бы хотелось.*

*И так легко по простоте
Душевной – ошибиться взглядом.
Всё, что враждебно простоте,
Как раз и ходит с нею рядом!
1964*

* * *

*Упало дерево в траву.
Я подошёл к его вершине.
Устало приподняв главу,
Оно ещё витало в сини.*

*Листва ещё не пала ниц,
А всё ещё была в паренье.
Несмятая – как оперенье
У только что убитых птиц.*

*Она ещё свежо дышала.
Жила. Высокая душа
У самых ног моих лежала,
Доступностью своей страша.
1968*

* * *

*В этой радости мне отказали.
Но к печали не клонит отказ.
Ну и что. Мне уже обещали
Ту, что радостней в тысячу раз.*

*Всё длинней, всё изученней будни.
И сквозь будни, где всё прочтено,
Всё настойчивей, всё неотступней
Голос: «Больше не дам ничего».*

*Ну и пусть! К благодарной, горячей
Я уже прикоснулся руке,
Я уже побезмолвствовал в чаще,
Я уже искупался в реке!
1968*

* * *

*Размытый, дымный мох древесный.
Беззвучных мошек толкотня.
...Безмолвно-чуткий мир разверстый
Глядит, приблизившись, в меня.*

*Сгорающий от нетерпенья,
Он напряжённо ждёт в ответ*

*Восторженного подтверждения,
Чем жив свои миллиарды лет.*

*Глядит в меня темно, сурово.
Как будто весь без моего
Никем не слышимого слова
Бессмыслен вечный путь его.
1975*

* * *

*Я глубже в дебри заглянул.
Вошёл во мрак холодный, строгий.
И седоватый волк свернул,
Потупив голову, с дороги.*

*И хмуро-замкнутый медведь,
Таясь и шею пригибая,
Пошёл валежником хрустеть,
Всё дальше в чащу отступая.*

*И даже хитрая змея,
Горда, грозна, самолюбива,
Как леденистая струя,
С тропы скользнула торопливо.*

*И вмиг осёкся ветви взмах.
И напряжённый шаг споткнулся.
И всё объял животный страх!
И – сердца моего коснулся!
1976*

* * *

*В который раз передо мной
Ты, степь, встаешь загадкой,
Глухой, щемящей пустотой,
Молчащей ширью гладкой.*

*Ты так ровна, что дым паров,
Черты, витки, узоры
Вдали встающих облаков
Готов принять за горы.*

*Ты так тиха, что в сне листа,
В траве, к земле прибитой,
Я слышу резкий свист кнута,
Я слышу звон копыта.*

*Ты так безвыходно нема,
Что в ледяном молчанье
Гроза мне слышится сама!
Само громов дыханье!
1973*

**Евгений
МАМЫКИН**

НЕБО И ЗЕМЛЯ

Повествование
о необыкновенной женщине

ОТ АВТОРА

Произведение посвящено матери моего друга Владимира Петровича Ширяева.

Многим известны слова белорусской писательницы Светланы Алексиевич: «У войны не женское лицо...». Но сколько женщин воевало во время Великой Отечественной войны, сколько их делило невзгоды с мужчинами? По официальным данным, около миллиона. Санинструкторы, зенитчицы, лётчицы, снайперы, разведчицы, связистки... и танкисты. Да, танкисты! В танковых войсках представительниц прекрасной половины человечества было немного. Всего тринадцать. Их судьбы и истории необычны и по-своему уникальны. Одной из них была бийчанка Нина Ильинична Бондарь (в замужестве Ширяева).

Великая Отечественная война разделила жизнь Нины Бондарь на женскую и мужскую. Она из хрупкой девушки превратилась в отважного и сильного солдата. Нина воевала четыре года, управляла самолётом и командовала танком. За годы войны четыре раза была тяжело ранена, дважды горела в танке. Награждена орденом Красного Знамени, орденами Отечественной войны первой и второй степени, медалями, в том числе Дукельской памятной медалью – от чехословацкого правительства за взятие Дуклинского пере-

вала. Участница Парада Победы в июне сорок пятого года в Москве.

После войны капитан Нина Бондарь сумела вернуть себе «женское лицо». Она вела мирную жизнь. Работала в конструкторском бюро на Котельном заводе в родном городе. Вышла замуж за сослуживца Петра Ширяева. Сын Владимир, майор танковых войск, и дочь Галина хранят память о героической матери.

Только из-за своей редкой скромности эта девушка-танкист из Бийска не была отмечена так, как того заслуживает, – званием Героя Советского Союза.

Вечная слава героям! Вечная память!

1

В кабинете комбрига 237 подполковника Александра Петровича Викторова идёт совещание с участием маршала Советского Союза Жукова.

– Ну что, Александр Петрович, подобрал экипажи для участия в Параде?

– Да, Георгий Константинович.

– Самых достойных?

– Так точно! Сейчас должен прийти один из них.

Перед дверью в кабинет комбрига стоит капитан Нина Бондарь. Решительным движением открывает дверь и входит в кабинет.

МАМЫКИН Евгений Вячеславович родился 24 декабря 1968 года в городе Бийске Алтайского края. Окончил Бийский государственный педагогический институт и Алтайский государственный университет. Работал в школах города в качестве учителя труда и физкультуры, юристом на предприятиях города. Живёт в Бийске.

– Товарищ комбриг! Разрешите доложить...

Пауза. В стороне стоит сам Жуков, маршал Победы. Нина делает полуоборот в сторону Жукова и обращается к нему:

– Товарищ маршал Советского Союза! Разрешите обратиться к товарищу подполковнику!

– Разрешаю.

– Товарищ подполковник! Капитан Бондарь по вашему приказанию прибыла!

– Вольно.

– Ну что, Нина, решением командования твой экипаж удостоивается почётногo участия в Параде Победы, который пройдёт в Москве.

– Спасибо, товарищ подполковник! Служу Советскому Союзу! – опустив голову, Нина добавляет: – Мне бы в отпуск лучше, к маме.

В разговор вступает Жуков:

– Будет тебе отпуск, и в параде поучаствуешь. Поможем с отпуском? – обратился к комбригу Жуков.

– Так точно, товарищ Жуков!

– Трёх суток хватит, капитан Бондарь? – спрашивает у Нины комбриг.

– Никак нет.

– Почему?

– Мама живёт на Алтае, а это очень далеко.

– Организуйте перелёт капитана Бондарь, – говорит Жуков комбригу.

– Пять суток хватит, капитан?

– На самолёте хватит, товарищ Жуков!

В тот же день Нина получает предписание о выполнении особого задания с подписью маршала Советского Союза Жукова.

В восемь вечера машина комбрига доставляет Нину на аэродром. Она подходит к самолёту, и вдруг у неё щемит сердце. Как давно она не летала! С радостной тревогой поднимается в самолёт.

Из кабины самолёта выходит лётчик:

– Это вы ценный пассажир?

Клава Фёдорова, с которой Нина окончила авиационное училище в Омске.

– Клава! Ты ли это?!

– Я, Нина, я! А мы думали, что ты погибла при перегоне самолётов. «Мессер» тебя подбил, и мы видели взрыв на земле.

– Нет, я успела выйти из пике и выпрыгнуть с парашютом, а фашист врезался в землю.

Они крепко обнимаются.

– Пора лететь. Перелёт будет долгим. Надень куртку, в полёте холодно.

Нина надевает тёплую куртку пилота, кото-

рую подаёт Клава, устраивается на лавке поудобнее и, не дожидаясь взлёта, засыпает.

Во сне она видит отца. Высокий, широкоплечий украинец, предки которого когда-то бежали из Черниговской губернии на вольные земли на Дальний Восток, высоко подкидывал любимую и единственную дочь в небо и приговаривал: «Не смей обижать китайцев!».

Отец был начальником погранзаставы на границе с Китаем на реке Уссури. Часто дети кричали на другой берег китайскому пограничнику: «Соли надо?» Китайцы обижались: они же всё едят без соли. Жаловались отцу: «Зачем маленький мадам говорит: «Ам, ам соли надо?»»

В один из очередных отпусков отца Нина поехала с мамой к бабушке в Бийск. Отец по делам службы задержался. В городе их настигла страшная весть: поезд отца сошёл с рельсов, многие погибли, в их числе и отец.

Так она осталась жить у бабушки...

Нина просыпается.

Вспоминает школу и один из жарких майских дней перед сдачей экзаменов на аттестат. В школу пришёл инструктор.

– Есть желающие поступить в аэроклуб?

23

В последние дни Нине только и снилось, что она летает! Над крышами домов, над городом и над рекой Бией. Земля сверху такая красивая, что плакать хочется. Просыпалась вся в слезах... Несколько человек из класса, в том числе и Нина, записались в аэроклуб. Прошли медицинскую и мандатную комиссии. Началась учёба. Первое время изучали устройство самолёта, затем как им управлять. Нужно было прыгать с парашютом.

Свой первый прыжок Нина запомнила на всю жизнь. Спрашивает инструктор:

– Кто желает?

Парни не торопились и отвечали:

– Мы ещё подождём, присмотримся...

В группе одна девчонка.

– Я! – крикнула Нина.

Её и нескольких ребят бросают прямо в Бию. Падают в реку, парашют накрывает, вода холодная! Спасатели на лодках караулили учащихся и быстро вытаскивали из воды...

Нина начала полёты очень уверенно. Любила похулиганить в воздухе. Над городом давали зону облёта. Она низко спускалась, летела чуть не по крышам.

Дома бабушка ругалась:

– Черти тебя носят! Ты, холера, чуть трубу не снесла!

Инструктор тоже делал замечание:

– Почему так низко летаешь?

– А мне просто нравится летать! Я чувствую небо! – отвечала Нина.

Как-то, гуляя по берегу реки, Нина увидела, что с высоты стремительно падают два тёмных комочка. Вскоре стало видно, что нижний комочек – голубь. Он спасался от ястреба. Расстояние между птицами быстро сокращалось, и было ясно, что голубю не уйти. Но в последний момент, почти у самой воды, голубь сделал что-то вроде мёртвой петли и увернулся от когтей ястреба. Ястреб чуть не врезался в воду, но ловко взмыл и, упруго размахивая сильными крыльями, полетел над рекой. А голубь уже отряхивался под карнизом дома. «Какой молодчина!» – подумала Нина, не подозревая, что такой же трюк проделает с фашистским самолётом в первом боевом вылете. Но это будет потом. А пока учёба в аэроклубе.

В ночь с двадцать первого на двадцать второе июня тысяча девятьсот сорок первого года инструктор назначил нескольким курсантам, наиболее уверенным в себе, ночные прыжки с парашютом. В их числе была и Нина. Её уже готовили на инструкторскую работу.

Прыгать предстояло на рассвете. Группа курсантов ровно в девять вечера собралась на аэродроме. Инструктор объяснил задание и приказал всем спать. Прыжки назначили на два часа.

Нина долго не могла уснуть. Ворочаясь с боку на бок, она представляла себя в воздушном бою. Ведь в мире беспокойно, недавно завершилась война в Испании, где наши лётчики были одними из лучших.

Только заснула, как раздалась команда инструктора:

– Подъём!

Нина бежала к самолёту, на ходу поправляя шлемофон и протирая ещё не проснувшиеся глаза. Только поднялись в воздух, как сон сам собой улетучился.

Команда «Приготовиться!» – и ребята растворились в темноте. Нина прыгала последней. Как же приятно лететь!

Приземлившись, она увидела, что начался рассвет. Группа курсантов собиралась вместе в ожидании машины, которая должна приехать за ними.

К ним на большой скорости подъехал грузовик, и начальник аэроклуба прокричал:

– Война! Война!

Быстро загрузились в грузовик и поехали в сторону города. Начальник стал объяснять ситуацию:

– Занятия отменяются. Всем курсантам явиться в военкомат. Там скажут, что кому делать. Документы на вас о пройденной программе готовы. Я же сегодня отправляюсь на фронт. Я верю, что вы станете настоящими лётчиками и мы с вами ещё встретимся!

Кто-то из курсантов заметил:

– Долго война не протянется. Наши как дадут! Там такая граница, разве немцы пройдут через неё?!

Начальник аэроклуба почему-то уклончиво ответил:

– Поживём-увидим. Надо исполнять приказ.

За спорами не заметили, как подъехали к военкомату. Толпы людей. Из дверей здания часто выходили командиры, выкрикивали номера команд, и сразу вокруг них образовывался людской водоворот.

Нина со своими товарищами-курсантами кое-как протиснулась в двери здания военкомата. Внутри они увидели деревянную перегородку, стол и за ним командира с тремя кубиками на петлицах. Он кому-то кричал в телефонную трубку. Увидев возбуждённых курсантов, закричал им, не изменив тона в разговоре:

– Куда вы прёте?! Тут военкомат.

– Мы лётчики-курсанты аэроклуба. Пришли узнать, что нам делать.

– Ждите! Мы вас вызовем, – и продолжил телефонный разговор: – Алло, алло! Чёрт бы побрал эту связь, соедини с вокзалом, вокзалом говорю! А вы идите, идите...

В начале августа Нина получила повестку. К ней домой пришёл посыльный, пожилой капитан, показал на лежавшую лётную книжку:

– Бондарь? У вас в ней написано, что можете быть инструктором лётного дела?

– Я умею летать на самолёте У-2 в обычных и сложных условиях, прыгаю с парашютом. Десять прыжков, есть ночные прыжки.

– Вот и хорошо. Есть желание учиться дальше?

– Конечно.

– В авиационное училище пойдёте?

– Хоть сейчас!

– Вот документы. Поезд отходит завтра вечером. Поедете самостоятельно. Желаю всего хорошего.

Капитан попросил расписаться за проездные документы.

Больше всего Нина боялась разговора с матерью. Что ей сказать? Конечно, не все девчонки на фронт идут. Многие стали медсёстрами, уже открываются госпитали в городе. Всем работы эта война найдёт. Мама поймёт, что иначе нельзя. Ведь стыдно будет людям в глаза смотреть. Это всё равно, что можешь оказать человеку помощь и не делаешь этого. Это как сбежать, струсить. Поэтому не стала откладывать разговор.

Мать пришла вечером с работы, Нина спокойно, как о решённом деле, сказала ей:

– Я, мама, завтра уезжаю в военное авиационное училище, буду учиться на настоящего лётчика.

Пелагея Васильевна вздрогнула, но ответила спокойно:

– Ну что ж, Нина, я понимаю. Такая у тебя дорога. Но если пошла по ней, не спотыкайся, не позорь мою голову, не позорь нас с бабушкой.

Проводы были недолгими. Пелагея Васильевна собралась с силами и даже не всплакнула. Только потемнела лицом да седина появилась в волосах.

– Береги себя! – сказала мать, поцеловав Нину на прощанье.

Зато бабушка Дарья плакала, не стесняясь, словно за всю войну выплакивалась разом. Чтобы никто не видел, потихоньку трижды перекрестила Нину перед выходом, обняла и пожелала победы!

2

В училище, куда зачислили Нину, была только одна эскадрилья девушек, таких же настойчивых, целеустремлённых, как Нина. Это её очень обрадовало – словно в родную семью попала.

Курсантам училища предстояло освоить самолёт По-2. На нём был установлен пулемёт. Самолёт мог брать несколько бомб малого размера.

Утомляли не полёты, не работа у самолётов. Их готовили как командиров. А для этого надо знать устав Красной армии, строевую подготовку. В общем, предстояло в самое короткое время стать командирами.

В октябре состоялся первый выпуск командиров-лётчиков. Нине присвоили звание – младший лейтенант. Дали красивую лётную форму. В этот же день они выехали в распоряжение командующего военно-воздушными силами Западного фронта под Москву.

В штабе поставили задачу перегнать самолёты с одного аэродрома на запасной. Старшим в группе назначили майора, очень неразговорчивого, чем-то чрезвычайно озабоченного. Надо было ехать километров пятьдесят на поезде.

Прибыли на вокзал. Майор, как сели в вагон, так сразу и уснул, наказав девушкам разбудить его через час.

– Трое суток не спал, – извиняясь, сказал он.

Девушки притихли. Разговаривали шёпотом, больше молчали. Очень тревожная обстановка. Ждали налёта немецкой авиации. Но пронесло. Доехали спокойно. А вот разбудить майора, когда остановился поезд, долго не могли. Дали уже отправление, а майор всё спит.

Нина решила:

– Клава, девчонки! Берите под мышки, за ноги, вынесем.

Клава, землячка из села Алтайского, душевной теплоты человек, вместе с другими девушками вынесли майора на улицу.

Ночная прохлада, морозящий мелкий дождь мгновенно разбудили майора.

– Ну молодцы, девчата. Бежим. Тут до аэродрома недалеко. За мной!

И они побежали по еле приметной лесной тропинке. Наверное, с час бежали с небольшими передышками, держась друг за друга, и удивлялись, как майор в кромешной тьме находит дорогу.

Майор привёл девушек в какой-то барак. Внутри горел свет, было тепло и сухо. В бараке жила охрана – пятеро бойцов.

– Лётчикам спать! Вылет на рассвете. Красноармейцам приступить к охране! – скомандовал майор.

А когда настроились на сон, девушки явно слышали отдалённый могучий гром, будто кто-то огромной колотушкой бил в столь же огромный лист железа.

«Артканонада», – догадалась Нина, она только перед самым рассветом забылась и видела какой-то сумбурный сон, вроде как бы вновь пережила последние дни, полные волнений, тревог...

Чуть свет майор поднял всех, раздал банки консервов, сухую колбасу.

– А хлеба нет. И сухарей нет. В самолёте есть энзэ – шоколад. На всякий случай. Задача такова: быстро проверить моторы, исправность

самолётов и доложить о готовности к вылету. На всё пятнадцать минут. Самолёты заправлены.

Наскоро перекусив, девушки потянулись к выходу.

– Девчонки! Надо спешить! – крикнула Нина.

Укрытые ветками, на опушке леса стояли совершенно новые, без единой царапинки самолёты.

– Ой, какие они чистенькие. Конечно, жалко такие бросать, – переговаривались девчата.

Они забралась в кабины, опробовали рычаги, проверили приборы – всё-всё до последнего болтика новенькое, блестящее.

Нина проверила работу своего двигателя. Заглушила. Начала проверять пулемёт и обнаружила: патронов нет.

Ринулась к майору:

– Товарищ майор! А где боекомплект?

– Быстрая ты! Фамилия?

– Младший лейтенант Бондарь!

– Какие у вас отметки по стрельбе?

– У меня по всем предметам отлично!

– Видите крайний самолёт?

– Так точно!

– В нём есть боекомплект. Проверьте его – и на построение.

Нина побежала к машине. Запустила двигатель. Проверила его на разных режимах. Работает отлично. А главное, есть патроны.

Девушки выстроились в одну шеренгу. Поочередно доложили о готовности к полёту и отсутствию боекомплектов.

– Слушай приказ, – объявил майор, – нашей эскадрилье приказано перебазироваться в район Рязани. Маршрут: наш аэродром – юго-западная окраина Москвы – Серпухов – Рязань. Я иду головным. Младший лейтенант Бондарь замыкающей, так как только в наших самолётах есть боеприпасы. В случае налёта авиации противника рассредоточиться и следовать самостоятельно. А мы вас с Бондарь прикроем. Взлетать в порядке очередности строя – слева направо. По машинам!

Машина майора взлетела с коротким разбегом. Видно было, что управлял ей опытный пилот. Девчонки взлетели не так уверенно.

Нина подняла свою машину быстро и легко. Очень радовало, что машина хорошая, послушная. «Ну вот и первый боевой вылет», – подумала Нина.

Ровно пел мотор. Проплывали под крылом леса, деревни, дороги. По дорогам шли танки, автомашины, пехота. Строй самолётов выров-

нялся. Летели клином, как журавли. Майор держал высоту не более трёхсот метров. Нина поняла его манёвр: в случае опасности легко перейти на бреющий полёт. Те, кто побывал в боях, в училище рассказывали: это лучший манёвр при встрече с немецкими самолётами.

Примерно через час полёта Нина заметила в небе серебристые точки самолётов. Она насчитала более сорока штук. И вдруг от них отделились две и ринулись навстречу тихоходной девичьей эскадрилье.

Вот уже видно, что это немецкие истребители. Они не сворачивали, не сбавляли скорость, словно проверяли на смелость и выдержку. Нина вспомнила кинофильм про Чкалова, где показан учебный воздушный бой, когда пилоты не хотели друг другу уступить и чуть было не столкнулись. Вот и эти пугали.

Нина сделала манёвр и направила самолёт в сторону впереди идущего вражеского истребителя. «Ещё немного, ещё чуть-чуть, – пронеслось в голове Нины. – Пора!» И жала на гашетку. Немец загорелся. «Где же второй?» А второй был сзади Нины. Догнал её. Нина перевела самолёт в пикирование. Чем-то больно ударило по ногам. Кое-как вывела самолёт из пикирования. И почему-то вспомнила голубя над рекой, который спасся от ястреба.

Снизу прозвучал страшный взрыв, из-за которого самолёт Нины начал терять высоту. Не чувствуя левой ноги, Нина вывалилась из кабины самолёта, парашют раскрылся, но не полностью. Высоты не хватило. Удар о землю. Нина потеряла сознание.

Подоспевшие солдаты подняли Нину и понесли в санитарную машину.

Очнувшись она в госпитале.

– Что с ногами? Они не двигаются, – спросила Нина у подошедшего врача.

– У вас пулевое ранение левой ноги и перелом правой. Мы её собрали по частям. Ходить сможете.

– А летать, летать я смогу?!

– Летать – нет. А в медицину, радистом – пожалуйста.

– Нет, только на фронт, – возразила Нина и, уткнувшись в подушку, тихо заплакала. Думала, что она сильная, сможет вернуться в авиацию, несмотря на запреты врачей!

Ребята, которые уже успели побывать в боях и сами сейчас находились в госпитале, предложили Нине записаться в танковое училище, куда

шёл набор добровольцев. Сначала она боялась, что девушку туда не возьмут, но они настояли и написали патриотическое письмо на имя самого Сталина, приложив к нему список желающих учиться в танковом училище. Была в этом списке и Нина. Помогла ей украинская фамилия Бондарь. Скорее всего, никому и в голову не пришло, что это девушка. Даже в госпитале, когда в документах видели «Н. И. Бондарь», часто писали Николай.

Перед самой выпиской в палату, где лежала Нина, вошёл суровый военный.

– Кто из вас младший лейтенант Бондарь? – спросил военный.

Нина, опираясь на костыли, бодрым голосом ответила:

– Я!

– Девушка?

– Так точно!

– За мужество и героизм, проявленные в воздушном бою, Указом Президиума Верховного Совета СССР награждается орденом Красной Звезды Бондарь Н. И.! – И вручил Нине коробочку с наградой.

– Служу Советскому Союзу!

– Если все будут так воевать, как товарищ Бондарь, мы скоро победим врага, – подытожил суровый военный.

3

Нину вызвал начальник резерва комсостава фронта, куда её отправили после госпиталя.

– Младший лейтенант Бондарь, сегодня же получите в штабе проездные документы в Москву, в Главное управление бронетанковых войск. Ваше ходатайство удовлетворено.

В Москве она долго плутала по улицам, пока разыскала управление кадров бронетанковых войск.

Начальник отдела – подполковник, с утомлёнными, покрасневшими от бессонницы глазами, долго читал её личное дело.

– Почему вас списали из авиации?

Хотела огрызнуться, что в личном деле всё написано, но сдержалась.

– Из-за ранения. Сейчас всё прошло, я совершенно здорова, товарищ полковник, – забеспокоилась Нина, ожидая отказа в её просьбе.

– Вы танковую службу представляете?

– Так точно, я умею водить и трактор, и автомобиль...

– Это ещё не всё, что нужно.

– Я понимаю, но я ничего не боюсь и не прошу ничего, кроме возможности учиться и пойти в бой. Как вы не поймёте?

– Успокойтесь. Всё понимаю, но если вы силы свои не рассчитали? А ведь вам будут доверены люди, техника.

Нина сжала губы, чтоб не сказать какой-нибудь резкости. Ему-то чего бояться? Сидит здоровый, чистенький, в тёплом сухом месте и рассуждает об опасности, об ответственности.

Подполковник встал из-за стола, одёрнул гимнастёрку и, сильно прихрамывая на левую ногу, пошёл к выходу, приказав Нине:

– Идите за мной.

Они вышли из здания. У подъезда уже стояла легковая машина. Подполковник распахнул дверцу.

– Садитесь.

Когда Нина села, подполковник с трудом разместил свою негнущуюся ногу.

Долго ехали по вечерней затемнённой Москве. Подполковник всю дорогу молчал. Нина не решалась спросить, куда они едут. Тайно надеялась, что к товарищу Сталину, и очень трусила. «Что я ему скажу? Скажу: «Товарищ Сталин, поверьте, честное комсомольское, всё выдержу. Я не боюсь никакой работы...»

27

Вспомнилось, как провожали ребята из резерва, многие из них уезжали в Саратовское танковое училище и ей наказывали, чтоб туда же просилась. Ребят очень удивило, как она осмелилась написать письмо Сталину.

Отшутилась:

– А он мне дядя, потому и вызвал в Москву.

К её удивлению, кое-кто поверил и даже позавидовал. Улыбнулась про себя.

Машина остановилась возле подъезда высокого здания. Разделись в гардеробе. Подполковник внимательно со всех сторон критически осмотрел Нину.

– Ничего, сойдёт, – подвёл он итог осмотра, – не на бал. Война...

Нина мысленно похвалила себя: как бы трудно ни было, а успела привести себя в порядок.

– Обстановка такова, товарищ Бондарь, – сказал подполковник, – сейчас с вами будет беседовать маршал Ворошилов.

– Ворошилов?!

И вопрос, и удивление, и чуточку разочарования уловил подполковник в этом возгласе.

– О чём говорить-то?

– Ну там видно будет.

Они поднялись по широкой лестнице на второй этаж, прошли длинным коридором.

– Вот. Это приёмная. Да ты не тушуйся, – неожиданно перешёл на «ты» подполковник. – Климент Ефремович не любит тух-матюх. Смелее.

Нина глубоко вздохнула. Так она всегда делала, когда решалась на что-нибудь отчаянное.

За высокой дверью её встретил моложавый полковник, он кивнул, подошёл к двери и, открыв её, сказал Нине:

– Сюда входите. Маршал ждёт вас, товарищ Бондарь.

Нина увидела в глубине просторного кабинета массивный стол и за ним Ворошилова, пошла строевым шагом, чуть прихрамывая на раненую ногу.

Маршал вышел из-за стола, дождался, когда Нина отчеканила слова рапорта, и, спокойно улыбаясь, тихо произнёс:

– Вот вы какая! Проходите. Садитесь, – он показал на мягкое кресло.

Нина села и только тут перевела дух. Маршал не сразу заговорил. Он посмотрел Нине прямо в глаза. Она не отвела взгляда и улыбнулась. Улыбнулся и маршал.

– Ну и задали же вы работы нашим кадровикам!

Только теперь Нина разглядела маршала. Точь-в-точь как на портрете. Только роста не большого, чуть повыше её, да седины много. А глаза молодые, улыбочивые. Не приходилось ей разговаривать даже с генералами. А тут маршал, да ещё какой! Ворошилов!!! «Напишу маме – не поверит».

– Рад познакомиться с вами, товарищ Бондарь. Ваша просьба удовлетворена. Будете учиться в танковом училище. После окончания будете командовать танком, а дальше – как сами себя покажете. Пока вы первая девушка-танкист в Красной армии. Понимаете, что это значит?

– Климент Ефремович... Товарищ маршал, – взволнованно ответила Нина, – я всё-всё понимаю. Честное комсомольское слово, вы не услышите обо мне ничего плохого. Никогда. Я обязательно до Берлина дойду!

– Ну-ну. Прямо уж и до Берлина. Пока вот врага только от Москвы отогнали. Но это хорошо, что вы так убеждены в победе. Если встретите какое-нибудь непонимание со стороны командования, а это очень даже может быть, дайте знать. В то же время не ждите особого к себе отношения.

– Что вы, товарищ маршал. Спасибо за всё, – Нина поняла, что беседа окончена. Поднялась.

– Разрешите идти?

– До свидания, товарищ Бондарь! Успеха вам и удачи в бою!

Командир учебной танковой роты, когда ему сказали, что в его роте будет учиться девушка, нагрубил начальнику строевой части и в тот же день получил строгача, а вечером с курсантами торопливо оборудовал в казарме место под жильё для необычного ученика.

Курсанты, в основном парни Нинино же возраста, шептались за её спиной, в строю похихатывали. Первое время она отмалчивалась, присматривалась. А когда присмотрелась, на первом же комсомольском собрании высказала всё. И добавила под конец:

– Посмотрим ещё, кто из нас будет настоящим танкистом.

Ребята сидели красные от стыда и не знали, что сказать.

Секретарь комсомольской организации Витя Петров выручил всех.

– Ты, Бондарь, нас извини. Больше этого не повторится. Верно я, ребята, говорю? А насчёт соревнования правильно сказала. Давайте посмотрим, кто кого?

Потом много раз он вспоминал эти слова.

Непросто, оказалось, угнаться за этой девчонкой. На спортивных снарядах она как птица летает, особенно на брусках, бегают – не догонишь. А о грамоте говорить не приходится – в школе училась отлично. Ну а потом узнали ребята и про аэроклуб, и про воздушный бой, за который она получила орден Красной Звезды. Недели через две после комсомольского собрания они с Витей в парке приводили ходовую часть танка в порядок. Во всей танковой службе это самое муторное и трудоёмкое дело. Гусеница танка расчленяется на траки, и из каждого трака надо выбить спрессованную до крепости камня грязь. И ковыряют её, и кувалдой бьют.

– Вот же оказия, чтоб они сгорели! – ругался Витя, стараясь кувалдой выбить грязь из выемок в траке. – И на кой чёрт кому эта чистота нужна? Ну в моторе бы, а то железо голимое. В бою не до них...

– Устал? Дай я постучу, – предложила Нина.

– Ладно тебе! Не твоя забота, ты лучше внутри всё прибери, это по твоей части.

– Витя, ты в настоящем бою был?

– Да как сказать, Нина, отходили мы. Командир сказал держать оборону. Ну и держали. С места огонь вёл. Ты же знаешь эту пуколку – сокопаятку? Ею только мух гонять, а не танки. Вот у тридцатьчетвёрки пушка как пушка. Ну высмотрел меня фриц и выстрелил. Будто вот такой кувалдой по башке кто огрел. Вытащили меня ребята из машины, кое-как до своих добрались. Вот и весь бой. А к чему ты спросила?

– Смогу ли я? Вдруг струшу.

– Конечно струсишь. Первый раз все трясут. Ни черта же не видно. Хорошо, если попадёт механик-водитель толковый. У нас был так себе парень. Тракторист недавний, какой с него спрос. Он и о танках-то едва слышал... Ну и угораздило же тебя в танкисты. Уж лучше бы в зенитчики. Там хоть служба чистая. А тут – беда. К девчатам не сходишь: за версту соляжкой, мазутом несёт... Нина, я всё хотел спросить тебя, жених у тебя есть?

– Нашёл заботу, – Нина опустила через люк в башню танка, и разговор сам собой прекратился. Но не забылся. Недаром же покраснела Нина при вопросе Виктора. Потому и нырнула в люк.

Вспомнила аэроклуб, Бийск. Как это было давно! Словно во сне, словно не с ней. Нет, женихов у неё не было. И не станет до конца войны. В это она верила. Она будет командиром-танкистом. Задумалась, протирая ветошью пушку, прицел. Но почему она от дружбы бежит? Это же совсем другое дело. Сама себе монастырь создала. Парни – всей душой, а она как коза дикая. Ну дурёха!

Виктор – земляк, он из Рубцовска, небольшого городка на Алтае, и стал первым другом, товарищем. Ребята из взвода между собой договорились освободить Нину от тяжёлой работы. Она это заметила и взяла на себя другую нагрузку – помогала всем в теории, изучении техники. Моторы знала ничуть не хуже преподавателей, и ей даже поручали, особенно в часы самоподготовки, проводить занятия по устройству моторов или теории артиллерийской стрельбы, где очень важно знать математику.

Однажды, ещё в начале учёбы, Нина замешкалась в башне танка, приводя после рейса танк в порядок, и услышала разговор.

– Ну как твоя курсистка? – спросил один голос.

Узнала – командир батальона.

Ответил командир роты:

– Наплачемся мы с этим танкистом в юбке, – и добавил ещё что-то.

Нина не сдержалась. Поднялась резко из люка.

– Товарищ капитан, и вам не стыдно? Я делаю всё, что делают курсанты, и даже больше. А вы... Мало мне приходится терпеть от курсантов, так ещё и вы...

Командиры смутились, оба покраснели. Первым опомнился комбат.

– Капитан Третьяков, извинитесь перед курсантом Бондарь.

Капитану ничего не оставалось делать.

– Извините, товарищ курсант Бондарь. Нехорошо получилось.

А командир батальона добавил:

– За нетактичное и грубое поведение по отношению к девушке объявляю вам, капитан, выговор.

– Есть выговор!

Нина, не спросив уставное «разрешите идти», отошла от танка.

Командиры были мужчины молодые, здоровые. Их недавно отозвали с фронта передавать курсантам боевой опыт. Оба горели в танке, чудом спаслись, и оба больше всего ненавидели эту тыловую службу. После трёх месяцев работы в училище подали рапорт об отправке на фронт. Начальник училища даже разговаривать не стал с ними, а написал на рапортах резолюцию: «Мальчишки!». А теперь ещё этот танкист в юбке укоряет. Оба готовы были провалиться сквозь землю. Хорошо ещё, что никто не слышал разговора.

В училище Нина узнала, что такое танк. Здесь были разные системы машин: Т-28,

БТ-7, БТ-70 и даже старый малютка Т-27, с одним пулемётом, скорее бронеавтомобиль, только на гусеницах. Совсем недавно училище получило новые Т-34, которые теперь заменяли средние танки. Ради него и проходили учёбу курсанты. Войска получали таких машин всё чаще, а использовать по-настоящему было некому. Не хватало командиров.

Этот танк казался Нине самолётом, только без крыльев. Такая у него была обтекаемая устремлённая вперёд форма, внутри для экипажа созданы удобства почти как в самолёте. Переговорное устройство и радиосвязь есть.

Командир роты для всех курсантов училища показал боевые возможности танка. Он на большой скорости гонял по пересечённой местности, разворачивал на триста шестьдесят градусов, нырял в котлованы с водой. Мокрый, словно

конь в мыле, танк вылетал с рёвом наверх, снова нёсся по полю, стрелял из пушки по мишени с ходу, с остановки.

– Вот это машина! – восхищались курсанты.

Каждому не терпелось сесть за рычаги. Но преподаватели, командиры рот, взводов, не торопили события. Политзанятия, тактика, строевая, стрелковая, химическая и ещё целый десяток боевых дисциплин значились в расписании.

Молодые курсанты, кто ещё не был в боях, с нетерпением ждали конца учёбы. А те, кто в училище пришёл с фронта или из госпиталя, не спешили и другим не советовали спешить. Они знали: войны с лихвой хватит на всех, надо только хорошенько овладеть новой техникой.

Весной сорок второго программу подготовки значительно сжали. Остались главные дисциплины: тактика, вождение танка, стрельба из танковой пушки и пулемёта.

Под конец учёбы, в холодный мартовский день, с Ниной приключилась беда. А может, и не беда... Командир роты приказал ей сесть на место механика-водителя во второй танк и следовать по маршруту танкодром – училище. Первый танк вёл сам командир роты. В третьем ехал за водителя заместитель начальника училища подполковник Золотарёв.

На танкодроме командир взвода поставил Нине оценку «хорошо», похвалил за аккуратность при вождении, преодолении препятствий, но предупредил, что надо быть более решительной.

– Раздумываешь, Бондарь, долго. А в бою на это времени нет.

– Да я не раздумываю, товарищ старший лейтенант. Рычаги не отождмишь. Смазка загустела. Надо бы отогреть. А то можно заехать куда-нибудь.

– Какая там смазка! Другие же водят.

Нина закусил губу: «Опять... Ладно...» И пожалела, что не настояла на своём.

При спуске с невысокого косогора почувствовала, что танк стал неуправляем. Заклинило рычаги поворотов, не слушался ногу рычаг подачи горючего. А внизу под склоном – поворот влево, и недалеко от поворота чуть видна из-под снега крыша избушки. Это окраина небольшой деревушки.

Ни остановить танк Нина не может, ни повернуть. Валенком стучит по педали главного фрикциона, тянет изо всех сил двумя руками левый рычаг. Пот заливаает глаза.

Командир танка кричит над головой:

– Газ сбрось! Слышишь? Да тани ты рычаг!!! Как будто Нина не знает, что делать.

Танк перемахнул по прямой через небольшой кювет, зарылся в глубокий сугроб, подняв облако снега. И врезался в угол избушки.

Не снег бы, который смягчил удар, от избушки осталось бы одно воспоминание. В ней хозяйка, ветхая старушка, у печки разжигала самовар да так и замерла, когда что-то грохнуло над головой. Посыпалась земля с потолка. Потолочная балка упала на печку. Тем и спаслась старушка от смерти.

– Свят-свят! – крестилась она. Так и нашли её курсанты у самовара.

Нина вместе с командиром танка с трудом завела машину, включила заднюю передачу и развернула её к дороге.

А у избушки уже народ деревенский собрался. Старушки причитают да ахают. Когда подошла Нина, хозяйка избушки уже в себя пришла. Не кричала, не плакала. Она в такой же, как сама, ветхой шубейке стояла около избушки, скорбно глядела на дела Нины, и скупые слезинки скатывались по морщинистым щекам.

Нина подбежала к ней.

– Бабушка, простите меня. Это я виновата. Не смогла повернуть танк.

Старушка изумлённо посмотрела на Нину.

– Никак девка? – спросила старушка.

– Ну да...

– Это что же, мужиков нет, что ли? – сердито, сильно окая, спросила старушка у всех. – Девку в такую машину посадили. Где ж ей... Что же ты, девонька, села туда, если не можешь...

– В чём дело? – раздался громкий хриплый голос.

Нина обмерла. Это заместитель начальника училища подполковник Золотарёв.

Командир танка доложил:

– Товарищ подполковник, водитель Бондарь не справилась с управлением, и вот, – он показал рукой на свороченный угол избушки.

Подполковник обошёл избу, взглянул на угол.

– Ну что, хозяйка, будем делать?

– Да делать-то нечего. Избушке сто лет. Она была такой же старой, когда я замуж выходила. Уж не о ней жалеть. Да вот беда, жить-то негде. Куда я теперь? Два сына на войне. Да эвакуированные у меня квартируют, невестка с детьми. Вот беда-то.

– Ладно, бабушка, не расстраивайся. Пока соседи тебя приютят. Отремнтируем мы тебе

избу. В воскресенье как новая будет, – подвёл итог подполковник и скомандовал курсантам: – По танкам!

Курсанты разбежались, остановились у люков.

Подполковник подошёл к Нине. Она и командир танка стояли навытяжку возле чуть слышно гудящего танка.

- Что произошло, курсант Бондарь?
- Смазка замёрзла, заело рычаги поворотов.
- Ну-ка, попробуем.

Подполковник ловко нырнул в люк танка. Танк рывками проехал несколько метров. И вскоре голова полковника в шлеме показалась из люка.

– Командиров роты и взвода сюда!

Нина побежала. Командир роты уже, наверное, подъезжал к училищу, не обратив внимания, что танки отстали.

Командир взвода бежал к танку и на ходу отчитывал:

– И как тебя угораздило? Заварила кашу.

Подполковник уже вылез из танка. Он, не выслушав рапорта старшего лейтенанта, жестом показал:

– Садись и веди танк в училище. Бондарь – в мой танк за водителя!

Этого она не ожидала, но не растерялась. 37 Бодро ответила:

- Есть! – И побежала к танку подполковника.
- По местам! – скомандовал подполковник.

Курсанты заняли свои места в танках.

Нина вопросительно посмотрела на подполковника.

- Поведёте танк до города.
- Есть.

И быстро, словно мышка, юркнула в люк. Попробовала рычаги. Действуют. Стрелок-радист забрался в командирский люк. Подполковник сел на место стрелка-радиста.

– Вперёд! – скомандовал подполковник.

Нина уверенно, по всем правилам вождения поехала. Понимала – это для неё самое серьёзное испытание, экзамен из экзаменов. Дорога петляла между сугробами, во многих местах была переметена. Непросто по такой дороге вести танк. Но тот, кто водил самолёты, не терялся в обстановке, где любая ошибка стоит жизни, не терялся и в танке. Вначале вела осторожно, расчётливо, примериваясь к его характеру, рычагам управления. А как только освоилась, прибавила газу. Ждала, что подполковник одёрнет её, а он

молчал. И тогда Нина рискнула. На полной скорости она пронеслась по сравнительно прямому участку дороги, удачно вошла в повороты. На одном из них подполковник жестом руки показал на снежную целину. «Прямо!» – поняла по губам его команду.

Нина повела танк по глубокому снегу. Если смотреть со стороны, танка не видно. Несётся снежный ревуший смерч. Вот он делает резкий, почти под прямым углом поворот и снова гремит, поднимая столб снежной пыли.

– Молодец, курсант Бондарь, – сказал подполковник Нине, когда она точно, с первого захода, поставила танк в парк училища в общий ряд со всеми. – А избушки всё-таки надо объезжать стороной.

– Есть объезжать! Разрешите вопрос?

– Слушаю.

– А как же наш командир взвода? Тот танк не управляем.

– Это уж моя забота. Ремлетучка за ним пойдёт. Можете быть свободной.

Нина побежала к подходившим в парк машинам роты. Там её увидел капитан, командир роты.

– Вы почему здесь?

– Я вела машину подполковника. Он приказал.

– А где же ваша?

– Моя – там, – неопределённо махнула рукой Нина. – В снегу застряла. Подполковник послал туда ремлетучку.

– Авария, что ли?

– Нет, замёрзло всё, надо отогреть. Я дом свернула.

– Какой ещё дом?.. Эй ты! – закричал на входивший в ворота танк капитан. – Ну и мазила! Я до тебя доберусь. Куда? – капитан побежал навстречу и начал жестами показывать водителю дорогу.

Уже поздно вечером пригнали отставший танк. Командир взвода до того устал за день и промёрз, что даже домой не смог уйти. Он зашёл в канцелярию роты, чтобы отогреться, да там и заснул на стуле, не сняв ни телогрейки, ни ватных брюк, ни валенок.

Утром следующего дня подполковник перед всеми курсантами батальона сделал разбор происшествия.

– В чём ошибка курсанта Бондарь? – спросил он и сам ответил: – В принципиальности. На неисправном танке нельзя в бой идти, нельзя

сделать даже сотню метров. Это её счастье, что всё обошлось без человеческих жертв. Помните: в бою нужен танк исправный. Не сумели подготовить его вовремя – доложите, но в бой идти не смейте, иначе вы и машина станете добычей врага, если даже вы и овладеете мастерством вождения танка, как овладела им курсант Бондарь. Да, товарищи, курсант Бондарь сейчас одна из лучших в училище по вождению танка и по стрельбе. Пусть будет стыдно тем курсантам, которые имеют двойки-тройки... Курсант Бондарь, выйти из строя!

Нина вышла, повернулась лицом к курсантам. Все смотрели на неё. Она опустила глаза, смущённая похвалой.

– Посмотрите, товарищи, на курсанта Бондарь. Посмотрите и расскажите всем, что вы служили вместе с Ниной Ильиничной Бондарь, бывшей лётчицей, ставшей танкистом. И я горжусь, что вчера она вела танк под моим командованием. Я уверен, что и в бою командир Красной армии Бондарь будет высоко нести честь и славу нашего танкового училища.

А Нина стояла пунцовая от смущения. Всё-таки нашлась сказать:

– Служу трудовому народу!

Когда встала в строй, Витя Петров шепнул:

– Дай пять, пожму твою геройскую руку.

– Иди ты! И так хоть сквозь землю проваливайся: расхвалил, куда там – герой. Дом сворота.

– Ты помолчи. Он сказал то же, что и мы думаем, – шепнул Витя.

– Разговорчики! – крикнул командир роты.

В начале июня тысяча девятьсот сорок второго года ускоренным темпом были проведены экзамены курсантов. Как объяснил начальник училища, войска получают новые танки, а танкистов, умеющих ими владеть, мало.

Нина по предметам получила пятёрки и четвёрки. Пятёрок больше. Ей и ещё трём курсантам было присвоено звание лейтенанта. Остальные аттестованы младшими лейтенантами, командирами танка Т-34.

Выпускного вечера не было.

4

Перед отъездом на фронт ребята, кто успел завести знакомства среди городских девушек, устроили вечеринку с танцами. Пригласили и Нину. Потом она пожалела, что пошла. Своим видом, а обмундировали курсантов с иголки,

Нина ввела в смущение девчат: получилось вроде бы – вот, дескать, как надо поступать в военное время. Командирская форма будто специально создана для Нины. Курсанты привыкли видеть своего старшину в брюках, в курсантской застиранной форме, разношенных сапогах. Словом, была как все, не выделялась ничем. Кое-кто даже начал забывать, что их старшина-то женского пола. А тут на вечеринке удивились. Нина была неузнаваемой. Чёрная пилотка на тёмно-русых волосах, габардиновая гимнастёрка с отложным воротничком, петлицы с лейтенантскими кубарями, портупея, кобура сбоку и чёрная аккуратная юбка. Парни невольно косились на её высокую грудь под гимнастёркой, стройные сильные ноги в хромовых сапогах.

Не получилось вечеринки. Девчата загрустили, заскучали и засобирались вскоре по домам, парням же хотелось побыть вместе. Встретятся ли теперь когда? Едут в огонь войны. Туда дороги широкие.

Нина поздно поняла свою промашку. Но ей тоже хотелось побыть вместе со своими. Это же её ребята! Встретит ли она ещё такую же бескорыстную дружбу? Разве она не видела, как они вместо неё подставляли свои плечи, делили её груз на всех, ограждали от обид.

Нина налила в рюмку вина и попросила:

– Тише, ребята! Дайте я на прощание скажу тост, как смогу.

Все затихли.

– Ребята, дорогие мои товарищи. Мне сегодня очень, очень хорошо оттого, что я всех знаю, со всеми училась, и очень грустно, что мы расстаёмся, может быть, навсегда. Но я хочу, чтобы мы все оставили в памяти вот этот не очень весёлый вечер, и наше танковое училище, и нашу дружную роту. Я хочу выпить за победу, чтобы мы все вернулись домой, чтобы вы встретили своих девушек.

Нина пригубила рюмку, закашлялась с непривычки.

– Пойдём, Витя! Проводи меня, если ты свободен.

До самого КПП училища шли молча. Нина ждала особенных слов от Виктора и знала, что оборвёт его, но всё-таки ждала. Любила ли она его? Нет. Нисколько. Просто привыкла. Он очень красив, не очень умён, не хватает, как говорится, звёзд с неба. Он был вроде защиты от соблазнов. Многие удивлялись их дружбе. Виктору завидовали.

Возле КПП Витя замедлил шаги.

– Не торопись, Нина. Давай постоим. Ты на юг едешь, а я под Калинин, ясно, что больше мы не увидимся. Если только после войны. Рядом ведь живём. Я бы мог тебе, Нина, рассказать, как я тебя люблю и как я тебя уважаю. Но знаю, не для тебя эти слова. Верно ведь?

Нина не ответила.

– В общем, ты сама всё знаешь. Все ребята в тебя влюблены, и я не знаю, чего сказать. Можешь тебя поцеловать?

– Ой, Витя, чудик ты мой преданный, – засмеялась Нина и сама поцеловала Виктора. Потом сказала: – Разве об этом у девушек спрашивают? Пошли в роту.

– Ну ещё немного постоим, а?

– Как хочешь, а я пошла, – сухо ответила Нина.

Сама для себя отметила: «Кончилось мирное время, Нина! Кончился праздник. Начинается и для тебя война. Всё, что было до этого, – подготовка к главному».

Нина просыпается от сильной тряски. Самолёт попал в воздушную яму. Открыв глаза, смотрит по сторонам. Как же в самолёте чисто, прямо как в её танке. И ей вспоминается первая встреча со своим экипажем...

Трое танкистов стояли возле танка. Старшина Михаил Толмачёв, пожилой механик-водитель, прикрикнул на молодых танкистов:

– Ребята, полундра! Комроты идёт и с ним какая-то цаца. Не иначе, опять докторша с уколами. Ей-богу, сбегу...

Сергей Зырянов, стрелок-радист, торопливо убрал свой чуб под шлем. От врачей жди всяких неприятностей.

– А ты хоть морду оботри. Подойдут – испугаются, – сказал старшина Ваньке Камышеву.

– Здравствуйте, товарищи! – поздоровался старший лейтенант.

Танкисты удивились. Они же виделись с командиром роты утром. Поздоровались не очень дружно, но с интересом посмотрели на смеющиеся глаза старшего лейтенанта Семёнова. Вот вот расхохочется. Рядом с ним стоит в синем новеньком комбинезоне лейтенант – молоденькая женщина. Смотрит сердито и внимательно на каждого по очереди. Всё норовит в глаза заглянуть.

Пауза затянулась. Первым не выдержал Серёга:

– Мы слушаем, товарищ старший лейтенант. Командир роты не ответил, зачем-то подошёл к опущенному чуть ли не до земли дулу пушки, заглянул в ствол, покачал недовольно головой и снова подошёл к танкистам.

А девушка-лейтенант всё стояла и смотрела. Старшина понял, что она разглядела его небритый подбородок, оторванную пуговицу на гимнастёрке, прожжённую дырку на комбинезоне. Михаил знал: никому не нравится его замызганный вид. «Ходят тут разные, но что делать? Вот стоит, любитесь. Точно – доктор!»

А девушка – роста невысокого, кареглазая. Под пилотку аккуратно зачёсаны тёмно-русые волосы, в талии тоненькая и вообще – хрупкая девчонка. Видно, что на городских хлебах росла. Пальчики тоненькие нервно теребят комбинезон. Чего это суетится командир роты?

Наконец старший лейтенант заговорил:

– Дело такое, знакомьтесь, командир вашего экипажа – лейтенант Бондарь, – и показал рукой на девушку.

– Что-о?! – почти одновременно воскликнули изумлённые танкисты.

– Лейтенант Бондарь назначена командиром вашего танка. Всё.

Он обратился к Нине:

– Знакомьтесь с экипажем, наводите порядок. Я пошёл.

Нина осталась с растерянными танкистами.

– Ну что ж, будем знакомиться? – бодро спросила Нина танкистов, всё ещё не пришедших в себя от такого неожиданного известия.

На войне всего можно ждать, ко всему были готовы танкисты, но такого сюрприза...

Первым опомнился Сергей:

– А вы что умеете делать? Это же танк!

– Спасибо за разъяснение, – насмешливо ответила Нина. – Чтоб у вас нормально шарики заработали, докладываю: я окончила танковое училище, до этого летала на самолётах, так что кое в чём разбираюсь. Хватит на первых порах для знакомства?

– А в боях были? – не унимался Сергей.

– На танке – нет.

О том, как подбила немецкий истребитель, распространяться не стала.

– Меня зовут Нина. Можно – лейтенант. А как вас? – обратилась она к старшине.

Тот угрюмо ответил:

– Толмачёв Михаил, старшина, механик-водитель.

- А откуда родом?
- С Томской губернии я.
- Откуда-откуда? – обрадовалась Нина.
- Город Томск.

– А я из города Бийска. Он раньше входил в состав Томской губернии. Почти земляки. Я рада, что будем вместе служить.

Михаил не ответил, и не видно было, что он тоже рад такому обстоятельству.

Нина прищурилась, с головы до ног окинула его взглядом и уже без всяких радостных ноток, по-командирски строго заметила:

– Чтобы я в последний раз видела вас небритым и таким... – она чуть скривила губы.

– Ладно...

– Не «ладно», а есть!

Нина как будто бы не заметила его открытый молчаливой демонстрации, повернулась к Сергею. Тот не стал ждать вопросов, а весело, с улыбочкой заговорил:

– Сергей Зырянов, стрелок-радист, двадцать второго года рождения, холост, комсомолец, из пехоты, в бою бывал, в танкисты попал по недоразумению... Всё!

– Негусто. Ну а вы? – спросила она третьего, чумазого по самые уши танкиста.

– А я чё? Мы псковские, замковый, значит, ну и комсомолец опять же... Иван Тимофеевич Камышев.

– Что же вы такой грязный?

– Да танк же...

– Сходите к речке. Чтоб через час были здесь в выстиранном обмундировании, и сами помойтесь. На кого вы похожи? Механик-водитель, доложите о техническом состоянии танка.

– В порядке. После боя он к нам из ремонта. Готов к бою.

– А что делали с орудием?

Сергей вмешался в разговор:

– Пробивали. Знаете что это такое? А сил не хватило. Одной человеческой силы.

Нина, сделав вид, что не заметила подковерку об одной человеческой силе, сказала:

– Орудие сегодня же надо привести в порядок. Завтра – учебная стрельба. Я хочу проверить слаженность экипажа.

– А вы и стрелять будете? – не унимался Сергей.

– Буду.

Сергей многозначительно посмотрел на старшину. Мимо танка стали пробегать танкисты с котелками, буханками хлеба.

– Товарищ лейтенант, разрешите сходить за обедом? На вас получать?

– Я не знаю. На довольствие ещё не поставлена.

– Значит получать. Я мигом.

Нина легко, уверенно поднялась к башенному люку. Ожидала увидеть внутри башни полнейший беспорядок, и была очень удивлена – кругом идеальная чистота, снаряды протёрты, пол вымыт.

– Прицельную линию выверяли? – спросила она старшину.

– Нет, а что?

– Вот этим сейчас и займёмся.

– Так пробить же надо.

Нина отругала себя за рассеянность.

Ничего не поделаешь, только после обеда можно заняться выверкой, то есть проверкой параллельности линии прицела и оси канала ствола. Довольно кропотливое занятие. В училище командир роты очень толково объяснил, как эту выверку сделать: «Без выверки в бой не суйся. Прицеливаться будешь в одно место, а снаряд упадёт чёрт-те где». Он несколько раз заставил её самостоятельно сделать выверку. Он же научил стрелять с места, с ходу, с короткой остановки. Стрельбой Нина и рассчитывала завтра поднять свой авторитет в экипаже.

Она внимательно осмотрела всё внутри танка, покрутила рукоятки орудия, закрыла и открыла замок его. «Молодцы какие! А не подумаешь по виду, что чистоту любят. Сами как кочегары, а тут хоть платочком вытирай. Пылинки не найдёшь», – мысленно похвалила она ребят.

Сергей, пока ходил за обедом, успел расстрезвонить дружкам о своём новом командире. Конечно, никто не поверил.

Когда Нина поднялась из люка, Сергей стоял возле танка и ложкой стучал по котелку, приговаривая:

– Бери ложку, бери бак, нету ложки – рубай так...

– А у меня в самом деле нет ложки, – сказала Нина.

– Найдём. Эй, ребята, у кого есть «собственный разводящий»?

Только теперь Нина заметила, что в отдалении от танка собралось с десяток танкистов. Смотрят на неё, чуть не открыв рот от удивления.

Один из них крикнул Сергею:

– Вот, друг, бери насовсем! Заветная.

Он подошёл к танку, не спуская глаз с необычного лейтенанта. «В самом деле, не трепался Серёга. Ну дела! Вот навоюет! Птичка, а не лейтенант», – мысленно оценил танкист Нину.

Но ничего не сказал, а только ухмыльнулся, глазами смерил Нину и вразвалочку отошёл. Нина услышала, как он вроде бы для ребят, но так, чтобы слышала она, позавидовал:

– Повезло же чертям.

Нина вспыхнула от возмущения и очень обрадовалась, когда в ответ услышала:

– Дурак, хоть и танкист...

Михаил расстелил сравнительно чистый кусок брезента. Обедали молча.

– Иван Тимофеевич наш с горя, наверное, утопился, – сказал Сергей, пряча в тень под днище танка котелок с супом и крышку от котелка с кашей – обед Камышева, – ему же до конца войны не отмыться.

– А в башне навёл чистоту...

– Это он, – показал на Сергея Михаил. – Заел всех чистотой.

– Правильно сделал. Как же пробить ствол? Не сможем мы втроём.

– Сделаем! – Сергею понравилось выполнять приказы симпатичного лейтенанта. Были бы крылья – полетел.

Михаил, неразговорчивый, сердитый, будто его кто-то обманул: пообещал сделать одно, а сделал другое. Он самый пожилой среди танкистов не только своего экипажа, но и во всём батальоне. Ему тридцать пятый. Конечно, обидно воевать под командой какой-то девчонки.

Сергей сбегал к соседнему танку, замаскированному в глубине роци, и привёл оттуда нескольких танкистов. Они дружно застучали пробойниками и вскоре вытолкнули спрессованный чёрный от гари кляп с глубоко врезавшимися от нарезки ствола канавками.

– Серёжа, теперь надо проверить прицельную линию. Знаете, как наклеить на дуло перекрестие из ниток? Вот нитки. Пушсалом намазать ствол. Нет, лучше мылом, сало растопится. Там есть на срезе ствола риски. Наклей нитки. Вот и всё.

Нина поднялась в танк, развернула башню, что бы выбрать удалённую точку наводки. Проверкой осталась довольна. Видно, что танк в бою находился недолго, всё в нём в порядке. Пулемёт, спаренный с пушкой, похоже, что и не стрелял ещё. Она пробралась на сидение механика-водителя, завела, опробовала на разных оборотах. Хорошая машина! Не опозориться бы завтра. Ко-

мандир бригады сказал, что сам будет проверять стрельбу роты, и, конечно, с Нины спрос особый. Вот ведь судьба. Говорят – не женское дело, а спрашивают больше, чем с мужчин.

Здесь, в Задонье, безмятежная тишина. Танковую бригаду рассредоточили побатальонно в оврагах и глубоких балках, густо заросших кустарником, молодым дубняком. Некоторые танки были окопаны высокими ровиками, но сделано это больше для формы, чтобы начальство не цеплялось. Фронт был так далеко, что никто не верил в возможность его приближения к Дону.

Дни стояли жаркие, безветренные. С голубого неба нещадно палило солнце, и от него не было спасения ни в танке, ни под танком.

Иногда в сторону фронта пролетали самолёты. Как же Нину тянуло в небо, как же она хотела летать, находиться в самолёте и бить врага. Но её место теперь в танке, и она будет уничтожать фашистов на земле...

Командир бригады дал два дня для приведения материальной части в порядок и объявил, что только потом начнутся занятия. А их-то как раз танкисты больше всего не любили. Все понимают, что без науки воевать нельзя, а как услышат про занятия, каждый стремится увильнуть. Сегодня последний день отдыха. Завтра – проверка.

За подготовкой к завтрашнему дню Нина забыла про Ивана. А его надо проверить в первую очередь. От заряжающего много зависит в стрельбе. Вдруг он совершенно не знает, как это делается?

Сергей возился с большой брезентовой палаткой. Нина поняла, для чего она, но ничего не сказала. Надо бы послать Сергея на розыски Ивана, да жалко отрывать от дела. Ночь приближается, а где ей спать?

– Дворец оборудую, – сказал Сергей, увидев, что Нина смотрит на него. – Будете, как у мамы родной, жить и не тужить.

– Серёжа, давай будем на «ты». Я с детства с мальчишками и не привыкла, когда величают.

– Хм... Попробую. Это ведь непросто. Само собой должно прийти... Эге, а вот и его светлость Иван Тимофеевич собственной персоной, а мы уж думали, что он к Берлину подбирается.

– Ваше приказание выполнил, товарищ лейтенант! – отрапортовал Иван.

Нина внимательно его осмотрела, сдерживая готовую сорваться улыбку. Чувствовала, что такая улыбка навсегда оскорбит Ивана.

Да, постарался парень. Даже жалко его стало. Гимнастёрка побелела от старательной стирки, комбинезон стал неопределённого цвета с тёмными пятнами от масла, бензина и ещё чего-то, что не поддавалось стирке. А сам Иван светился и на удивление оказался парнем симпатичным.

– Хорошо, молодец! Пообедайте, Ваня. Там вам оставили.

– Не, я уже, – ответил Иван и застеснялся, стушевываясь.

А Сергей добавил:

– Этот тихоня блат завёл на кухне, будто он самый главный портной или сапожник. Прикармливают его. И за что? Похлопает-похлопает своими глазёнками перед поваром, и тот ему самый жирный кусок мяса в котелок – бац...

– Да ладно тебе. А что делать? – спросил он у Нины.

– Завтра стрельбы. Вы знаете свои обязанности?

– Старшина показывал, да что-то не очень...

– Вот хорошо, что сказали правду. Ну-ка в башню марш!

Иван забрался на башню и как-то неловко, не по-танкистски спустился туда. За ним в башню нырнула Нина.

До самой темноты тренировала она Ивана на быстроту заряжения орудия, перемены диска в пулемёте, заставила выучить назначение рядов и чем они отличаются друг от друга.

– Ну всё! На сегодня хватит. Завтра с утра ещё повторим, и будете вы настоящим танкистом.

Нина, как белка, выскочила из люка, а когда оттуда показался Иван, не могла удержаться от смеха. Иван был перепачкан маслом, грязью чуть ли не больше, чем до стирки.

– Я же говорил... – Он вытер потный лоб о локоть и оставил на лбу чёрную полосу.

– Да где же вы успели? Я же с вами в танке была... Ну человек!

Ночью долго не могла уснуть. Всё думала о предстоящей стрельбе. Не совсем хорошо началась служба в бригаде. Подвела её фамилия. В строевой части бригады не обратили внимания на имя и отчество: «Н. И. Бондарь – лейтенант, прибыл для прохождения дальнейшей службы...».

Капитан Елфимов, занимающийся распределением командиров по подразделениям, недолго думая, отметил в списке: «Первый батальон». С новичками должен познакомиться командир

бригады Проценко, но его не было, уехал получать матчасть.

Капитану же некогда. Он отдал писарю приказание:

– Предупредить старшего этих новичков из училища, чтобы завтра к девяти ноль-ноль были тут, у штаба. Начальник штаба будет знакомиться.

Писарь вышел из избы и вскоре вернулся.

– Ну и старший у них... Малолеток берут же.

– Ничего себе, малолеток, – ответил капитан, просматривая какие-то бумаги, – двадцать два года... А у нас есть и восемнадцатилетние бойцы.

– Вы о ком говорите-то?

– Да вот об этом лейтенанте... Как его... Бондарь...

Капитан ещё раз посмотрел командировочное удостоверение, вещевого и продовольственный аттестаты.

– Что-о-о? – не поверил он своим глазам... – Баба?! Нина Ильинична Бондарь... Лейтенант, всё верно.... Нет, ты только посмотри, – обратился он к писарю, – это же женщина! А её в первый батальон командиром взвода. Она, видимо, фельдшер или врач. Вот ребята поохотали бы...

Писарь внимательно прочитал документы, развернул личное дело.

– Нет, товарищ капитан, всё верно. Лейтенант Бондарь – командир танка, способна командовать. Отличные результаты...

– Ты что-нибудь понимаешь? – спросил растерянно капитан писаря. – Женщина в танке...

Он торопливо закрутил ручку телефона.

– Алло, товарищ второй? Новость. К нам в бригаду прибыло пополнение из училища, и среди младших лейтенантов один лейтенант, Бондарь, – ба..., то есть женщина. Девушка, значит... Да, да. Да нет, точно. Вот передо мной её документы. Сам-то не разглядел. Думал, врач или ещё кто... Есть!

– Разыскать – и немедленно к начальнику штаба, – приказал капитан писарю.

Знакомство с майором Николаевым очень расстроило Нину. Майор категорически отказался назначить её командиром танка.

– Вы думаете, тут детсад? Вам люди доверены будут. Как вы будете командовать? Нет, я отказываюсь понять тех, кто дал вам возможность учиться и кто вас послал на фронт.

– Меня, товарищ майор, никто не посылал. Я сама добровольно пошла. И командиром танка Т-34 я буду! Обязательно! – сказала решительно Нина и тем заставила задуматься май-

ора. Видимо, почувствовал он в её словах силу и убежденность.

– Хорошо. На первых порах будете командовать бронемашинной. Танков всё равно нет. А нам позарез нужен офицер связи. Машину-то водить умеете?

– Я согласна сесть на машину, но только при условии, если вы обещаете перевести меня на тридцатьчетвёрку, как только они появятся в бригаде.

– Я этого не решаю.

– А назначить имеете право?

– Вы меня не учите, что делать. Выполняйте приказ!

– Есть! Но я буду жаловаться. Вы не имеете права...

– Жаловаться – можно. Очень хорошо начинать службу с жалобы, – язвительно сказал майор.

Нина чуть не со слезами ушла от начальника штаба. Подумала, погоревала и приняла броневой автомобиль – маленькую, горбатенькую, пузатенькую машину.

Недели две носилась на ней по степным дорогам. Опротивела она ей до тошноты. Но зато хорошо познакомилась с местностью, дорогами, узнала, где расположены штабы, и видела многих командиров полков, бригад, начальников штабов и даже самого командира танкового корпуса генерала Катукова.

Её всюду принимали за молоденького парнишку, кое-кто удивлялся, что таким доверяют столь серьёзное дело, как связь, но их удивление не меняло судьбы Нины...

Как-то на повороте дороги, объезжая яму, она резко повернула руль и... свалилась с машиной в кювет. Выбралась сама из машины. Хоть плачь! Ни одной души кругом. Броневики хоть и маленький, а весу в нём хватает. Надо где-то искать трактор или танк. Постояла-подумала – делать нечего, взяла сумку с документами и бодро зашагала в сторону своего штаба. Часа два топала, когда её нагнал легкий Т-70. Нина подняла руку.

Танк остановился. Из люка показалось потное лицо механика-водителя.

– Ты чего?

– Будь другом, помоги машину поднять. Видел там, на повороте, свалилась?

– Это твоя? Из какой части?

Назвала бригаду.

Механик присмотрелся к ней.

– Погоди, что-то не соображу. Ты девка, что ли?

– Вот невидаль. Ну и что?

– Откуда ты такая взялась? Вот обрадуется командир бригады.

– Кто?

– Да наш комбриг Проценко. Встречать ездил его. Он только сегодня приехал. Ездил на Урал танки получать... Садись, покатым обратно.

– Вот спасибо. А то иду и боюсь, вдруг кто машину поднимет да угонит. А там пулемёт...

– Её и так уже угнали...

Нина пробралась на место стрелка рядом с водителем.

– Ты что говоришь? Меня же под трибунал отдадут!

– Это точно! Отдадут. А вон она катится, твоя разлюбезная. Ну комбриг! Тебе повезло. Он увидел на броневику номер нашей бригады и заставил поднять его. Меня послал в штаб за помощью, думал, не заведётся машина.

Броневики остановился на дороге. Рядом остановился танк. Из открытой дверки машины показался майор.

– Что? – крикнул он механику-водителю.

– Товарищ майор, я хозяина поймал. Вернее хозяйку. Вылезайте, – сказал он Нине.

Нина выбралась из люка. Соскочила с гусениц и, подойдя строевым шагом к майору, доложила:

– Водитель бронемашинной офицер связи лейтенант Бондарь.

У комбрига широко открылись глаза.

– Кто вас назначил?

– Начальник штаба бригады. Я не соглашалась.

– Как вы в бригаде-то оказались?

Нина вкратце рассказала о себе и в конце не удержалась:

– Товарищ майор, я прошу вас, переведите меня на боевую машину. Я же танкист, а не шофёр...

– Как же вам доверить танк, если вы эту малютку не можете удержать в вертикальном положении?

– А кто её удержит? Прежний шофёр три раза падал. А я – в первый раз...

– Ладно, садитесь, поедем. Там видно будет, – он жестом показал на дверцу машины.

Не проехали и километра, как броневики свалился. Майор больно ударился плечом о ручку дверцы, молча выбрался из машины, помог выбраться Нине.

Комбриг остановил идущий позади танк.

– Не машина, а гроб. Садитесь в танк на место механика-водителя, поедem в штаб бригады. Посмотрю, на что вы годны. Механик останется здесь, из бригады пришлю помощь.

Нина знала танк этой системы не очень хорошо и водила его мало. Но всё-таки она удачно выдержала экзамен. Комбриг повеселел.

– Что ж, знай наших, ни в одной бригаде нет такого. Это здорово, что вы решились стать танкистом! Получите танк. Обязательно. Но смотрите, чтоб экипаж стал лучшим в бригаде! Сам проверять буду.

– Постараюсь!

5

Утро началось с шумного появления командира роты. Это был старший лейтенант Николай Семёнов. Он оказался возле танка, когда все ещё спали. Нина чувствовала себя очень неуютно под насмешливыми взглядами командира роты. А он словно не замечал, что ей надо привести себя в порядок. Ему вроде бы доставляло удовольствие видеть её растерянность.

Приказал выложить весь инструмент, противогазы, огнетушители. Нина испугалась за ребят. Вдруг у них ничего нет? Хотела отличиться – вот и отличилась. Но Михаил неторопливо вытащил из танка топор, пилу, лопату, ломик, огнетушители, трос, густо смазанный маслом. Всё оказалось на месте, всё приведено в надлежащий порядок.

– Ну ладно, орлы, я на тот случай, что сегодня помпотех проверять будет, у кого что есть в наличии, а командир батальона пообещал стружку снять, если чего не хватать будет. Ну как, к стрельбе готовы? Я тоже весь день провозился со своей машиной. Вроде бы новая, а всё разболтано. Ваша тоже не мёд! Посмотрим, как стрелять будете.

Нина ничего не ответила. Она злилась на бестактность старшего лейтенанта. Неужели каждый раз напоминать ему, что она всё-таки танкист.

Сергей шепнул Нине:

– Ничего, не волнуйтесь. Будет порядок. Вот посмотрите.

– Спасибо, Серёжа. Скорее бы на стрельбище.

Командир роты осмотрел танк внутри, обошёл его со всех сторон.

– После завтрака вывести танк в район стрельбища. Механик-водитель знает куда.

Только ушёл командир роты, ещё танкисты не успели уложить в машину инструмент, появился нежданный гость – комиссар батальона, пожилой капитан нестроевого вида. Нина доложила, что экипаж танка занимается приведением материальной части в порядок.

Комиссар Хакимов поздоровался со всеми за руку, спросил у всех фамилии и записал себе в блокнотик.

– Надо со всеми познакомиться, а времени нет и нет. Вот с вас и начал обход. Вы у нас особый экипаж. На весь корпус особый. Все комсомольцы, а механик – партийный человек. И это меня очень радует. Хотелось, чтобы вы всё время были на хорошем счету.

– Будем, товарищ комиссар, – за всех ответил Сергей.

– А как командир танка думает?

– Постараемся... Пока ещё не знаю ничего. Сегодня стрелять будем. Промажем – вот и счёт будет.

– Ну зачем так? Возьмите себя в руки. Я, вижу, вам помешал? Потом поговорим, хорошо?

– Есть потом! – ответила Нина.

Вроде хороший человек комиссар, но не ко времени. И так уже всё пошло кувырком. Разве после этого можно рассчитывать на хорошие результаты?

Торопливо позавтракали. От командира прибежал связной.

– Выводите танк в балку. Там уже командир бригады и ещё какое-то начальство.

– По местам! – скомандовала Нина.

Танк взревел и медленно покотился вслед за другими танками роты.

Стрельбище было оборудовано в глубокой балке. Нина, узнав условия стрельбы, обрадовалась. Самые примитивные. Надо с трёх снарядов попасть в щит пушки и расстрелять из пулемёта «пехоту» – несколько щитков маленького размера, имитирующих солдат противника. Её танк выполнял упражнение третьим.

Командир роты поразил цель с третьего выстрела и сделал пять попаданий из двадцати по пехоте противника. Результат средний.

Второй экипаж не выполнил задачу.

Подошла очередь Нины.

– Вперёд, Миша! – скомандовала она механику-водителю.

Михаил выехал на исходный рубеж. Нина внимательно смотрела на сигналы руководителя. Вот он махнул рукой.

– Вперёд!

Танк набрал большую скорость. Небольшой разворот, и вдаль замечен Ниной тёмный бугорок. В прицел хорошо виден квадратный щит – пушка.

– Миша, дорожку. Ваня, осколочным – заряджай!

Михаил выбрал ровный участок дороги. Это очень важно для стрельбы. Надо чтобы танк катился ровно, не качался из стороны в сторону.

– Готово! – крикнул Ваня.

– Есть дорожка! – крикнул Михаил.

Нина подвела вершину угольника в центре прицела под основание щита. Не просто удерживать в таком положении орудие. Резко нажала на спуск.

Танк вздрогнул и понёсся дальше. Нина заметила – недолёт. Совсем рядом от щита. Установку прицела решила не менять.

Заряжающий крикнул в переговорное устройство:

– Готово!

– Миша, дорожку!

Михаил снова подыскал удобный участок.

– Дорожка!

– Выстрел!

– Ура! Есть попадание! – обрадованно закричала Нина.

Ей это попадание было нужно как глоток воздуха. За пулемёт она была спокойна. Короткими очередями, когда танк подошёл на нужное расстояние, она расстреляла два десятка патронов. Танк, не снижая скорости, пронёсся мимо мишеней.

Нина успела заметить в щите пробоину и рядом воронку от взрыва. Прямое попадание.

Михаил развернул машину, на полной скорости подогнал её к исходному рубежу.

Нина доложила командиру роты о том, что экипаж задание выполнил.

– Хорошо! Ждите, когда сообщат результаты, и тогда пойдёте вон туда, на наблюдательный пункт командира бригады, с докладом.

Телефонист, сидевший недалеко от исходного рубежа, закричал:

– Пушку вдребезги, всю пехоту расстреляли!

– Поздравляю, – сказал не совсем радостно командир роты. – Докладывайте!

Нина побежала к видневшемуся на высоте блиндажу – наблюдательному пункту. Подбегая, отыскала глазами майора, но увидела тут много незнакомых полковников и подполковников.

Оторопела... Они с интересом смотрели на неё. Обратилась к самому пожилому полковнику:

– Товарищ полковник, разрешите обратиться к командиру бригады майору Проценко.

Полковник улыбнулся.

– Вот с него надо начинать – начальник штаба корпуса. – Он показал на высокого командира, на петлицах которого только теперь Нина разглядела звёздочки.

– Ладно, лейтенант, обращайтесь, – сказал генерал.

– Товарищ майор, экипаж танка Т-34 задачу выполнил. Командир танка лейтенант Бондарь.

– Молодец, лейтенант. Товарищ генерал, представляю вам единственную в корпусе девушку-танкиста и, как видите, неплохого танкиста.

– Благодарю, лейтенант, за отличную стрельбу. Утерли вы нос старым танкистам.

– Служу Советскому Союзу!

– Ну как вам служится?

– Отлично, товарищ генерал.

– В небо не тянет?

Нина удивлённо взглянула на генерала. Откуда он про небо знает? Наверное, о ней уже был разговор.

– Теперь нет, товарищ генерал. Теперь я до Берлина – танкист.

– Надеетесь, что попадёте туда?

– Я слово дала Клименту Ефремовичу Ворошилову.

– Вот как? Вы и с маршалом знакомы?

– Он дал мне направление в танковое училище.

– Хорошо начали службу, товарищ лейтенант. Так и продолжайте.

– Разрешите идти?

– Да! Там вон уже кто-то вышел на исходную.

Командир бригады заметил:

– Ещё один танк из их роты. Ах ты! – с сожалением воскликнул он. – Сразу видно неумеху-водителя.

Нина не стала ждать результатов стрельбы четвёртого танка. Она словно на крыльях летела к своему экипажу.

– Ура, ребята! – кричала она звонко, весело. – Наша взяла. «Отлично», нам «отлично» поставили!

При приближении Нины экипаж застыл в ступоре. Из расстегнувшегося на бегу комбинезона виднелся приколотый к гимнастёрке орден Красной Звезды.

Первым очнулся Сергей:

– Товарищ командир, это вас сейчас наградили орденом?!

– Нет, – игриво ответила Нина. – Не сейчас! А когда и за что – потом расскажу...

Скорей бы в настоящий бой!

И вот он настал. В первом бою осенью сорок второго года Нина хоть и не растерялась, но и толку от неё было мало. Вышли на позиции выжидания под Воронежем. А потом пошли лавиной за огненным валом. И вот сколько ни присматривалась Нина, не могла найти для своей пушки цель. Только мелькали отдельные пятна вывороченной разрывами снарядов земли. Так и прокатились на танке, ни разу не выстрелив. Километров десять отмахали. Сделали остановку, спрятавшись за бугорок.

Нина открыла люк, выглянула. Широко по степи, на сколько глаз хватает, расположилась танковая бригада. Катятся танки, поднимая за собой шлейфы степной пыли. Все стреляют, кто с ходу, кто делает короткие остановки. Видно, что и по нашим танкам стреляют, а кто и откуда – не видно. И вообще из этого боя Нина ничего не поняла. Подождала, когда три танка их роты поравнялись с её танком, и скомандовала Михаилу: «Вперёд». И снова вырвался её танк из общей линии. В одном месте ей показалось, что впереди стоит пушка.

– Миша, дорожку!

– Есть! – и почти сразу же крикнул: – Дорожка!

Нина выстрелила. Земля взметнулась перед пушкой. А когда ближе подъехали, то оказалась, что это брошенный кем-то железный бак.

Михаил старался держаться колеи, оставленной кем-то раньше. Может, танк прошёл или бронетранспортёр. Хорошая гарантия против мин.

Командир роты по радио закричал:

– Третий! Третий! Куда вас чёрт несёт? Стой и не с места! Занять оборону. Впереди противотанковые мины и ров.

А как остановишься, если танк на самом видном месте? Нина высмотрела впереди небольшую высоту и решила укрыться за ней.

Михаил, не сворачивая с проторённой дорожки, погнал танк к горке и там затормозил.

Ни пехоты, ни танков вражеских рядом нет. Почему-то нет и связи с командиром роты. Что делать? Вперёд идти – приказа нет, на месте стоять без дела – не по себе становится от мысли: «А если немцы рядом?».

Но всё обошлось, и Нину даже похвалили. А командир роты, когда комбат сделал разбор боя на коротком перерыве, не то в шутку, не то всерьёз добавил:

– Дуракам всегда везёт. Лезет сломя голову. По ней пушка три раза ударила и не попала. Скажи спасибо экипажу второго танка. Он её уничтожил.

Нина не заметила, когда пушка стреляла по ним. Потом, после разговора с командиром батальона, подробно расспросила командира роты, что он видел в бою и как сам бой шёл. Оказывается, она многого не видела. Больше всего боялась нарваться на мины. От мины редко танкисты гибнут, а танк всегда выходит из строя. Очень Нине не хотелось терять свою тридцатьчетверку с номером три.

Потом было много боёв, больших и малых. Под Старым Осколом громили выходящие из окружения дивизии противника, танком брали пленных и на танке их гнали на сборный пункт. Обмороженных, больных, голодных. Глядеть-то было жалко на этих потерявших человеческий облик немецких солдат.

В одном из боёв погиб командир роты. Нина со своим экипажем подъехала к его тридцатьчетверке, танк догорал. Остановились, подошли посмотреть, есть ли кто живой. Люк механика-водителя был открыт и за рычагами сидел Юрка Орлов. Нина чуть задела за волосы, он ш-ш-ш и распался. До того Нине стало плохо...

Вскоре был тяжело ранен комбат – нарвался на фугас, и на его месте образовалась после взрыва глубокая воронка, а башня оказалась отброшенной метров на десять в сторону.

Но танк Нины шёл и шёл на Запад. Шёл без единой царапины. «Заговорённый», – шутили танкисты.

Нина помалкивала. Знала, что и её очередь взлететь на фугасе может прийти в самый неожиданный момент. Но верила в Михаила, старалась и сама предусмотреть как можно больше. У инженера бригады расспросила о схемах минирования, применяемых немцами, и это ей помогло однажды проскочить через минное поле, под огнём противника провести танк, словно протанцевать босыми ногами на стеклянных осколках и не пораниться, и ворваться во вражескую траншею невредимыми.

Она научила каждого в экипаже водить танк и стрелять из всех видов оружия, устранять простейшие неисправности, а также быстро и лов-

ко покидать танк при пожаре, что в дальнейшем не один раз спасало жизнь экипажу.

Конечно, трудно ей приходилось в мужском обществе. Про любовь кто только не успел напеть ей. Кто будто в шутку скажет, прицеливаясь, кто без всякой пристрелки предлагал руку и сердце, кто пытался с дальних позиций подкатиться.

Она посмеивалась над ухажёрами и оставалась верна своим ребятам. Они её ревниво оберегали. Полюбили самой крепкой товарищеской любовью и готовы были идти за своим командиром хоть куда. Иногда их ревностная преданность угнетала Нину. Бывали такие минуты, когда хотелось побыть одной, расслабиться, дать волю своим чувствам...

После гибели комбата, человека исключительной доброты и чуткости, прибыл в батальон капитан Кузнецов. Храбрый, толковый командир, но как-то встретился с Ниной и загорелся идеей «осчастливить» её.

А когда Нина высмеяла его, то он обиделся и пригрозил:

– Ты у меня посмеёшься теперь. Я тебе устрою...

Нина коротко ответила:

– Дурак.

А когда осталась одна, чуть не заплакала, и почему-то захотелось прижаться к материнской груди и услышать от неё ласковые слова...

Хорошо, что недолго оставался в командирах этот капитан. Перевели его куда-то, и Нина успокоилась. Но всегда оставалась настороже. Самым опасным на фронте для неё противником оказались малознакомые мужчины. Чёрт их знает, кто им внушил, что на фронт одни гулящие девки идут.

Попали они один раз с танком под бомбёжку. В такую, что танк швыряло из стороны в сторону. Думали: «Всё, конец!» Смолкла бомбёжка, улетели немецкие штурмовики, а танк цел, только с той поры стал щербатым, словно оспой переболел, – так его осколки наковыряли. Но выжил.

– Ребята, никуда не уходите, я сбегая к командиру роты.

Танк ротного находился невдалеке. Там тоже суетились танкисты, пробовали мотор, гоняли танк вдоль опушки.

Нина на ходу разворачивающегося танка заскочила сзади на моторную часть, пробежала до люка.

– Что делать, товарищ капитан?

– Какого черта тебя тут носит! Попадёшь под машину.

– Что я, слепая? Вот какая луна – как прожектор. Что дальше-то?

– А я знаю? Комбата вызвали к комбригу. Сиди и жди. Всё.

– Счастливо, товарищ капитан. Не забудьте про нас.

Это она ему намекнула на недавний случай, когда весь батальон перешёл на новую линию обороны, а про танк Нины вспомнили, когда уже командир батальона стал проверять маскировку.

– Не забуду! Я теперь памятный стал, – засмеялся командир роты.

И Нина улыбнулась. Тогда командир бригады перед строем, перед всеми командирами рот и взводов поставил её и командира роты и сказал:

– Посмотри, капитан, кого ты оставил. Понял? Выговор тебе. А уж лейтенант Бондарь сделает свои выводы. Становись в строй!

Последовала команда: «По машинам!». Предстояло добраться до ближайшего перекрёстка, что находился в нескольких километрах. К восходу солнца танк Нины был уже закопан на перекрёстке нескольких дорог возле моста через небольшую речку. Чуть левее горела маленькая деревушка. Танкистов Нининой роты построили перед командиром батальона.

– Задача одна – стоять, чтоб немец не прошёл. За нами дорога на Обоянь. Противник пятого июня перешёл в наступление с целью ударом с юга окружить войска в районе Курска. Дело, ребята, очень серьёзное. Но не унывайте – нам же с места стрелять. Только не торопитесь. Подпускайте – и наверняка. Без приказа – ни шагу назад!

Нина, как только посветлело, наметила ориентиры для стрельбы, на всякий случай даже пробежала до ближних, чтоб точно знать, какую установку прицела поставить. Чуть только солнце позолотило верхушки деревьев, налетели самолёты и давай молотить многострадальную деревушку, и реку, и маленькую рощу южнее деревни.

Началось. Речка, небольшой приток Псёла, могла сослужить хорошую службу для обороняющихся. По левому берегу проходили траншеи профиля. Но мало в них солдат. Одними танками не остановить противника.

«Юнкерсы» бомбили, а Нина, не обращая на них внимания, смотрела на противоположный берег. После такой бомбёжки жди немецкие танки. А их не было и не было. Бой шёл где-то южнее, на первой линии обороны танковой армии.

Немецкие пикировщики вились всё больше за речкой.

Вечером танкисты поняли, что завтрашний день будет зависеть от них, обороняющих вторую линию. Нажимал немец изо всех сил. Бросил в бой и авиацию, и танки. К ночи бой затих, и только артиллерия продолжала гроыхать по всему фронту. Командир роты по радио дал команду Нине выдвинуться к реке метров на сто.

– Нельзя, товарищ первый, нельзя этого делать, я сейчас стою так, что фрицы не увидят меня, а я их как миленьких тут всех приголублю. Да и куда сейчас сунешься, кругом воронки. Только машину погубим.

Капитан помолчал, а потом сказал:

– Ладно. Жди их там.

Спали танкисты на своих местах, не выходя из танка, ведь враг мог напасть в любую минуту. Проснулись от шума моторов.

Немцы решили, что за рекой нет войск. Видимо, обманулись тишиной на переднем крае и отсутствием в траншеях солдат, поэтому атаку начали без артиллерийской подготовки и без авиационного прикрытия. Выползло из-за бугра с десятков танков, потом ещё примерно столько же. И давай стрелять из пушек и пулемётов по всему участку. А наши танкисты затаились. Ждали, когда немецкие танки подойдут ближе.

Нина поймала в прицел большой, до сего времени не виданный ею танк. Поняла: это тот самый – «тигр», грозный и неуязвимый, о котором так много ходило разговоров и слухов.

– Ваня, подкалиберным – заряжай!

А «тигр» шёл и шёл. Пoblёскивали на солнце гусеницы, иногда сверкала фара или стекло в щелях башни. Первая линия танков достигла речки и, не задерживаясь, переползла её. Стала подниматься на берег.

«Пора? Или подпустить ещё?» – спрашивала себя Нина. Решила ударить по гусеницам. В лоб такую громадину не возьмёшь. Осталось не больше восьмисот метров.

– Огонь! – скомандовала себе.

Трассирующая линия под днищем «тигра», видимо, не задела его.

Навела чуть левее, торопливо нажала на спуск.

– Выстрел! – закричала Нина.

На этот раз трассирующая линия оборвалась под гусеницей и, похоже, что-то наделала там. Танк дёрнулся туда-сюда. Попятился и стал разворачиваться.

– Огонь!

Нина физически почувствовала силу удара снаряда в немецкую броню, словно она сама держала подкалиберный снаряд в руках и ударила со всей злостью в эту громадину.

– Вот тебе! Огонь!

Третий снаряд ударил по башне, но срикошетил.

– Ваня, скорее! – крикнула Нина заряжающему, она увидела, что наводчик «тигра» ищет цель. Длинный ствол пушки, как голова гигантской змеи, шарит во все стороны.

Только четвёртым снарядом Нина пробила броню «тигра». Он задымился так же, как и все другие танки.

– Ура! Ребята! Есть! Горит!

Немецкие танки пошли напролом, но споткнулись. Наши сапёры успели заминировать берег. Немцы быстро сообразили, что не пробиться им тут. Два танка уже подорвались на минах. Остальные начали пятиться. Дымом заволкло всё кругом. Становилось невыносимо жарко и душно от гари разорвавшихся снарядов, выстрелов пушки. Вентилятор не успевал проветривать внутренность танка. Бой переместился правее. Теперь Нина уже стреляла в борта вражеских танков. Но они были далеко, попасть непросто. Пойти на сближение – свой бок подставить.

На берегу речки появились немецкие противотанковые пушки. Одну пушку Нина подбила с первого выстрела.

– Миша, дымовые! – скомандовала Нина. Она решила уйти из-под огня немецкой артиллерии.

Через минуту от танка в сторону атакующих поплыло белое густое облако дыма. Дым стелился по земле, прикрывая танк Нины.

– Миша, поверни машину вправо, покажу, куда ехать. Там наши отбиваются.

Михаил развернул танк и сразу же увидел, как в километре от них идёт неравное сражение: на два наших танка полукругом шли с десятков немецких, стреляя на ходу из пушек и пулемётов.

Танк с места рванул на большой скорости. Дымовая завеса дала возможность метров сто пройти незамеченным. А когда скорость набрана, то трудно попасть. Поле сплошь перекопано траншеями, окопами, чуть ли не на каждом метре воронки. Огонь со стороны противника с каждой минутой нарастал.

– Миша, дорожку! – крикнула Нина, поймав в прицел немецкий танк, идущий под прямым углом к их тройке. Танк вёл огонь в противоположную от Нины сторону.

– Дерьмо тут, а не дорожка! – ответил сердито Михаил. Танк бросало из стороны в сторону, прицел трудно было удержать на выбранной цели.

– Есть дорожка, лейтенант, лупи их, гадов!

Но дорожка оказалась совсем коротенькой. Нина успела один раз выстрелить, а куда улетел снаряд, уже не увидела – машина нырнула в глубокую воронку, и только мастерство Михаила помогло вывести танк из неё. Нина больно ударилась головой о пушку, разбила голову до крови.

– Дорожку, Миша! Да смотри под ноги!

– Есть дорожка!

Второй снаряд ударил в борт немецкого танка, и, видимо, в нём сдетонировали боеприпасы. Раздался такой мощный взрыв, что тридцатьчетвёрку чуть приостановило взрывной волной.

– Молодец, лейтенант. Так их! Ребята, держитесь, сейчас я одного гада скovyрну.

Машина Нины неожиданно для неё да и для немцев оказалась в самой гуще вражеских танков. Немецкие танкисты этого ещё не поняли. Михаил вспомнил, как бывалые танкисты рассказывали, что высокие немецкие танки можно свалить ударом на хорошей скорости. А скорость у тридцатьчетвёрки была приличная – километров сорок. Прицелившись серединой острого, как нож, переднего броневого клина в ведущий каток проходящего мимо танка, Михаил прибавил скорость. Удар оказался очень сильным. Хорошо, что экипаж приготовился к тарану. Все в танке были живы и невредимы, но с машиной что-то случилось. Мотор не мог набрать оборотов. Будто кто держал танк. Немецкий же танк лежал на боку, и одна его гусеница беспомощно бегала вокруг катков.

– Не горим? – озабоченно спросил Михаил. – Вроде гусеницу заело. Ни туда ни сюда.

Нина провернула башню вокруг. Нет, дыма не видно. Позади, почти в линию, идут несколько немецких танков. Они, конечно, видели, как таранили их танк. Нина, не предупреждая механика, выпустила несколько снарядов по переднему танку. Он закрутился на месте. Добить бы. Дважды промазала: торопиться начала.

Михаил крикнул:

– Лейтенант, прикрой меня. Взгляну, что там.

– Куда?! Отставить!

– Да ладно! Не погибать же...

Михаил открыл люк и вывалился из танка.

Наседали немецкие танки со всех сторон. В башне не продохнёшь от гари и дыма. Иван запарился, подавая снаряд за снарядом в казённый. Можно ли выгадать пару минут?

– Ваня, к автомату! Бей по немцам из люка. Не подпускай пехоту. Серёжа, как ты?

– Отлично, как на сковородке, только масла нет. Ну я им покажу!

Курсовой пулемёт залился долгой очередью. Нина посмотрела через прорезь в башне. Пехота, бегущая за танками противника, залегла и открыла огонь по танку. Но что с танком? Лишь бы не подстрелили Михаила.

Иван, открыв люк, вёл короткими очередями огонь. Высовывался на секунду, давал очередь и прятался.

– Посмотри Михаила, – попросила Нина.

Иван попытался подняться повыше в люке и сразу, словно мешок, упал на дно. Ребристый шлем на голове Вани оказался весь в клочьях, видимо, попала разрывная пуля.

Сердце сжалось у Нины. Неужели всё? Танк теперь как неподвижная мишень для немецких танкистов. Немцам стрелять неудобно, можно по своим попасть. Кругом немецкая пехота: кто на танках, кто крадётся за танками.

Сергей закричал в переговорное устройство:

– Есть, Нина! Михаил тут. Говорит, всё в порядке – камень попал под катки. Ну мы им сейчас дадим!

– Серёжа! Заряжающим становись!

Мотор мощно заревел на полных оборотах. Танк снова был в строю.

– Куда, командир? Командуй, ничего не вижу! – тревожным голосом прокричал Михаил.

– Серёжа – за наводчика.

Нина нырнула к сиденью механика.

– Давай вперёд! – и осеклась, увидев, что всё лицо у Михаила в крови.

– Быстро освободи место.

Михаил торопливо перелез на место радиста, а Нина перебралась на его место. Уверенно включила скорость, и танк понёсся с единственной целью – не попасть под выстрел.

Михаил тем временем подключил свои наушники к радиостанции и передал:

– Лейтенант, командир роты приказывает отойти на вторую линию обороны немедленно.

– Поняла. Что у тебя?

– Да ничего страшного. Лоб разбил, затекли кровью глаза, жить можно.

– Серёжа, смотри в оба. Бей! – закричала она, увидев впереди своего танка немецкое самоходное орудие, раскрашенное жёлто-зелёными пятнами.

Самоходка не успела выстрелить. Кто-то другой, не Сергей, попал в моторное отделение самоходки, и оттуда сразу же повалил густой дым. Нина, стараясь не попасть гусеницами в траншею или свалить танк в воронку, на полной скорости гнала машину ко второй линии обороны. Нужна во что бы то ни стало передышка и им, и машине. Не осталось ни патронов, ни снарядов.

Вторая линия – за речкой Солотинкой. Нина не знала, сколько прошло времени, не чувствовала ни страха, ни боли от ушибов, но интуитивно понимала, что ещё несколько минут такого напряжения – она потеряет сознание. В голове – шум, в глазах рябило от постоянного мелькания предметов в прицеле или смотровой щели. Мutilo от приторного запаха крови, бензина, гари, порохового дыма.

Когда танк, минуя все опасности, вышел на вторую линию обороны, бой на первой линии стих. Противник превосходящими силами потеснил наши части, но сломить сопротивление не смог. Нина остановила танк в овраге, открыла люк, а выбраться не хватило сил. Она закрыла глаза и сидела, не шелохнувшись, глубоко вдыхая свежий, пахнувший цветами лесной воздух. Не верилось, что её танк вырвался из смертельного кольца.

Первым выскочил из танка Сергей. Он подбежал к открытому люку механика-водителя и хотел позвать Нину, но вдруг замер. Ему показалась, что она спит.

– Ребята, а ведь мы живы? – неожиданно сказала Нина.

– Ну, лейтенант, хватили мы лиха, думал, не выберемся. Жалко парнишку... Что делать-то теперь? – спросил Михаил.

– Сейчас разберёмся. Где-то тут штаб должен быть, – вылезая из танка, ответила Нина.

В штабе она нашла адъютанта Кириллова. Он объяснил сложившуюся обстановку. В батальоне осталось пять исправных танков. Три сгорело на берегу речки, два подорвались на минах. Большие потери были в других батальонах бригады. Ни один танк не отошёл без приказа. Но и настроение было не из радостных. Как ни дрались, как ни сопротивлялись, а пришлось от-

ходить. Пусть ненамного, но всё-таки это отступление. Столько танков в одном бою не приходилось видеть никому.

Командира роты Нина не нашла. Его замещал командир танка Т-70 лейтенант Кузовлев.

– Контузило командира. Видела, как фугас рванул? Ну вот. А он с танком оказался недалеко от того места... Дело дрянь. Ещё один такой бой – и от бригады останется одно название. Как у тебя?

– Убит заряжающий, ранен механик-водитель. Но уходить в госпиталь не хочет.

– Легко ранен?

– Даже не ранен, а ушиб руку и лоб рассёк. Как бы заражения не было. Мы фрица таранили. А я «тигра» подбила. Где хоронить Ивана?

– Комиссар сейчас придёт – скажет. Ты о грючем и о боеприпасах позаботься. Мы теперь с тобой два начальника на всю роту.

– Ребят жалко. Такие ребята остались там...

– Ты больно-то не настраивайся на похоронный лад. Ещё всё впереди. Видишь, как немец прёт. Соколова наградили орденом Красной Звезды: два танка подбил. И тебя тоже наградят. Вот увидишь. Друг мой Колька Шандыбин погиб. Геройский парень. Как брат был... «Адольф Гитлер» – вот такая дивизия нас атакует. Да ещё «Великая Германия».

– Откуда ты знаешь?

– Меня офицером связи сделали. Носился от штаба бригады к штабу армии. Вроде бы готовится с утра наше наступление...

Ваню похоронили на краю высокого оврага. Поставили над могилой деревянный столбик с дощечкой. На ней написали: «Похоронен Иван Тимофеевич Камышев – танкист из-под Пскова».

И сразу же начали подготовку к следующему дню. Надо получить боеприпасы, заправиться. Михаил торопился подремонтировать танк. Таран не прошёл бесследно для машины, что-то в трансмиссии дребезжало. Пришлось менять траки, помятые во время тарана.

Заряжающим Нины стал новичок – запасной механик-водитель Кеша Образцов, недавно окончивший школу механиков-водителей. Нине хотелось его попробовать как водителя, но всё не было времени, а теперь вот понадобился на другом месте.

Спать почти не пришлось. Нина чуть-чуть задремала перед рассветом. А Михаил с ребятами всю ночь провозились с танком.

Утро наступило росное, свежее. Выглянуло

солнце, и беззаботные лесные птицы подняли шум и гам, как будто не было войны.

– Вот разорались! Рано птичка запела, как бы кошка не съела, – заметил Михаил, прислушиваясь к лесному гаму.

Они с Сергеем и Кешей только что закончили работу и лежали возле танка на траве грязные, с воспалёнными глазами. Каждому хотелось хоть ненадолго заснуть, но возбуждённая нервная система не хотела успокаиваться.

– Нина устала, спит как убитая, – сказал полшёпотом Сергей. – Молодец она у нас.

– Что уж говорить. Не каждый выкрутился бы из такой кутерьмы. Со всех сторон лезут танки, а она хоть бы что. «Миша, поверни чуть-чуть», – передразнил Нину Михаил. – А сама лупит и лупит. Ванюшки нет... Ты, Кеша, потренируйся на снарядах. Она знаешь как стреляет? Не задумывается: раз – готово, а ты должен успеть снаряд загнать в ствол... Может, ты, Серёга, станешь к пушке?

– А радио?

– Да, и тут надо. Без связи капут. Если бы вчера не услышал команду отступить – мы там бы и остались. Разве бы она стала самовольничать...

– Эх, в баню бы сейчас, да с веником, а потом сто грамм – и на перинку, – добавил Сергей, – жрать охота. Вчера старшина привёз ужин, а я даже ложку держать не мог, а тут Ваня...

Опять замолчали. Каждый невольно задал себе вопрос: «Кто следующий?».

Утренняя тишина нарушилась грохотом, свистом снарядов. Началось наступление, но не наших, а немецких войск. Яростное, отчаянное, словно командование противника решило испытать все свои силы, чтобы сломить сопротивление русских. Налетели «Юнкерсы». Мощно, многогласно загудели впереди, перед речкой, немецкие танки. Бой с первых же минут вскипел яростными танковыми атаками. Шли танк на танк.

На этот раз Нина долго вела огонь с места. И скомандовала Михаилу сменить позицию только тогда, когда получила приказ отойти километра на два назад, на окраину небольшой деревушки. Михаил, пренебрегая опасностью, открыл люк. Надо осмотреться: недолго наскочить на мины.

Редкая цепь наших пехотинцев передвигалась впереди по краю оврага. Сапёров не видно. Бой, вроде бы стихавший, вдруг разгорелся с новой силой. Всё вокруг загремело, засвистело. Немцы пошли в новую атаку.

– Сволочи, осмотреться не дадут, – ругнулся Михаил. – Лейтенант, куда теперь? Командуй!

– Миша, назад! – закричала Нина. – Фугас под носом!

Танк споткнулся и медленно, словно нащупывая дорогу, попятился.

– Куда? Куда тебя несёт? Стой! Да не тебе, Миша! – сказала Нина механику. – Мальчишка на дороге.

Теперь и Михаилу хорошо видно, как, не пригибаясь и не прячась, от покосившейся ограды старенького дома бежал мальчишка лет двенадцати. Он размахивал руками и что-то громко кричал. Его высокий голосок прорывался за броню сквозь грохот мин и снарядов. Мальчишка бежал, легко перепрыгивая через неглубокие и частые воронки. На секунду он скрылся в придорожном кювете, на четвереньках выбрался из него и снова бежал к танку. Тяжёлый снаряд рванул где-то позади дома. Мальчишка упал в метрах десяти от танка. Михаилу было видно, как он, широко открыв рот, часто-часто дышал и испуганно смотрел на танк. На нём старая рваная рубашонка и короткие штанишки. Длинные, давно не стриженные рыжие волосы торчали во все стороны.

– Давай сюда! – крикнул Михаил мальчишке. – Тебе что, жить надоело? Ты чего здесь носишься? – Кое-как просунул его в танк.

– Дяденька, дяденька! Нельзя сюда, – едва переводя дух, с перерывами, торопясь, сказал мальчишка. – Мины... Я знаю, где проехать. А там, за домом, – два танка, немецкие. По деревне стреляют. Меня мамка послала...

Нина склонилась над мальчишкой.

– Без тебя, вояка, точно не справимся. А ну показывай, где танки, куда ехать.

Мальчишка с любопытством выглядывал из-за спины Михаила. Для него он главный командир. Даже не обратил внимания на слова Нины.

– Дяденька, прямо, где я бежал. Там тропка. А мамка в погребе. Скорее, дяденька!

– Миша, как видимость? – спросила Нина. – Парнишка дело говорит. Слышишь, бьют? Танки.

– Ударим, командир. Тропку вижу.

Танк рванулся с места, легко перемахнул дорогу, как соломинку, подмял изгородь и обошёл дом.

– Малый ход, Миша. Вижу танки. Молодец, хлопец. Чуть тронь вперёд, Миша, берёзка мешает. Стой!

Недалеко от дома, под косогором, два немецких танка стреляли из пушек и пулемётов. Видимо, попали в трясины и не могли сдвинуться ни назад, ни вперёд.

– Огонь! – сама себе скомандовала Нина.

– Есть, ребята! – крикнула Нина, увидев после выстрела дымок над моторной частью немецкого танка. – Огонь! – ещё раз скомандовала Нина и почувствовала, как вздрогнул её танк от тяжёлого удара. Это второй немецкий танк послал ответный снаряд.

– Миша! Назад! – скомандовала Нина.

Но было уже поздно. Танк натужно взревел, однако с места не тронулся, а только развернулся влево.

– Командир, ходовая перебитая! Стреляй скорее! – закричал Михаил.

Нина старалась не торопиться, прицелилась под основание башни немецкого танка и нажала кнопку спуска, увидев в прицел, может быть, на сотую долю секунды раньше, чем раздался выстрел, вспышку из немецкого танка. Выстрелила почти в одно время с немецким танкистом...

Очнулась Нина от настойчивого стука чем-то металлическим в крышку верхнего люка. Темно. С трудом поднялась с пола, нащупала кнопку аварийного освещения, не понимая, что с ней и экипажем.

– Миша, ребята, что с вами?

В ответ ни слова. Только слышно, как стонал не то Кеша, свалившись под пушку, не то Сергей. Михаил сидел неподвижно на своём месте, зажав голову руками.

– Ребята! – закричала Нина в испуге.

Она с трудом добралась до стопора крышки люка.

– Откройте! – услышала Нина женский крик.

Преодолевая боль во всём теле, Нина потянула стопор на себя. Пружина резко отбросила крышку.

– Лёнька тут мой? Где Лёнька? – закричала женщина, заглядывая в люк.

От свежего воздуха у Нины потемнело в глазах, и она, не отпуская поручней, повисла на руках.

Женщина закричала, как ревет по покойнику.

– Ну-ка посторонись! – раздался спокойный чуть хрипловатый голос.

Пожилой пехотинец осторожно отстранил женщину от люка, сильно ухватился за руки Нины и, напрягаясь изо всех сил, медленно вы-

тянул из танка обмякшее тело, положил тут же. Женщина осторожно подсунула руку под голову Нины. Только теперь женщина разглядела, какой молодой танкист, почти мальчишка, с ещё по-детски припухшими губами. Она одной рукой начала расстёгивать пуговицы на комбинезоне и вдруг отдернула руку, словно обожглась.

– Да никак девчонка?! – вскрикнула женщина. – Это что же творится-то!

Нина приоткрыла глаза и снова закрыла их.

– Принимай ещё одного! – раздался приглушённый голос из люка. – Жив твой Лёнька, только сомлел чуток. Духотища тут. Бери под руки, да не суетись ты, не реви.

Мать легко вытянула сына из люка. Его рыжая головка безжизненно свалилась на плечо матери. Женщина долго стояла с ним, прислонившись к башне танка, прислушиваясь к тихому биению маленького мужественного сердца.

– И этот живой! – услышала она из глубины танка. – В рубашке родились – болванка прошла борт насквозь, а ничего, отделались! Э, да тут ещё двое...

К танку подъехала легковая машина. Из неё вышел невысокого роста пожилой грузный человек.

– К орденам всех! – крикнул он следовавшему за ним адъютанту. – Это же герои. Спасители наши. Ну-ка, кто тут отличился?

Из командирского люка высунулась голова пехотинца.

– Вылезай, герой!

– Да я, товарищ генерал, не герой. Я – после драки. Герои лежат вон на травке, контузило их, бедных...

Весь экипаж танка и Лёньку отправили в госпиталь. Командир стрелковой дивизии доложил командующему армией о подвиге танкистов. Командующий наградил всех орденами Отчужденной войны первой степени...

6

Нина очнулась от воспоминаний. Это Клава будит её.

– Нина, посмотри вниз. Какая красота под нами.

Самолёт летит над горами. Восходящее солнце освещает их, и они кажутся ещё более величественными.

Нина вспоминает, как она воевала в Карпатских горах, как первая на своём танке ворвалась на Дуклинский перевал...

В начале августа 1944 года третий раз за время фронтовой службы ехала Нина Бондарь из госпиталя в свою танковую бригаду. Хорошо, что на небольшой железнодорожной станции ей попался на глаза знакомый танкист из её бригады. Он рассказал, как найти штаб танкового корпуса, а там рукой подать.

Ехала на попутной машине и во все глаза смотрела на незнакомую страну. Поляки встречали по-разному: одни по-хорошему – смеялись и разговаривали, эти радовались приходу русских солдат; другие – молчали, и в их молчании скрывалась ненависть. Не сразу Нина поняла, откуда эта ненависть. Все – паны, но паны-то разные. У одного хата как дворец, а у другого только-только голову можно в дверь просунуть. Пол земляной, печурка малюсенькая. Дом кажется ненастоящим, временным, вроде солдатского блиндажа. Одним словом, беднота.

Зато сады какие! Яблоками, грушами – хоть объедайся. Радовало Нину и тёплое лето, и то, что нашла свой танковый корпус, возможно, найдёт и своих ребят.

Но чем ближе фронтовая линия, тем неспокойнее становилось на душе у Нины. Как её встретят? Снова ли придётся доказывать свои права? Или, может, кто-нибудь остался из старых командиров и помнит её?

О многом передумала Нина, пока добиралась до штаба корпуса, а затем до штаба бригады. Везде встречали хорошо, приветливо. Не забыли её. И это больше всего радовало. Как бы домой возвращалась. Но ни командира батальона, ни знакомых командиров рот она не встретила. Кто погиб, кто отлёживался в госпиталях.

Назначенный командир батальона майор Терёхин уже слышал о девушке-танкисте и не очень удивился, когда она ему представилась. Он даже обрадовался, что она снова попала в свою часть.

– ИС хотите? Хорошая машина. Только что получили, – предложил комбат.

ИС – тяжёлый танк «Иосиф Сталин».

– Товарищ майор, я не знаю этой машины и её качеств, – честно призналась Нина. – Вдруг не получится. Такая громадина.

– У вас получится. Экипаж сами подберёте. Кажется, ваш механик-водитель тоже ищет работу. Спросите у старшего адъютанта.

– Миша Толмачёв вернулся?! – обрадовалась Нина. – Это же здорово, товарищ майор!

Знаете, что это за человек?! Мне больше никого не надо. С таким человеком, конечно, возьму ИС.

– Ну и договорились. На подготовку совсем мало времени остаётся. Поторопитесь.

– Есть, товарищ майор!

Нина козырнула и, выйдя из хаты, которую занимал командир батальона, побежала искать Михаила. А он тоже от кого-то узнал о возвращении Нины. Встретились как родные. Нина, не стесняясь никого, кинулась к нему, расцеловала.

– Ой, какой ты худющий! Не кормили, что ли?

– Кормили, но плохо. Ничего, тут ребята подправят.

– Ну ладно, я тебя обрадую. Нам дают новенький ИС. Только получили. Не знаешь, где наши ребята?

– Кешу направили в учебную часть. Пополнение готовить. А Серёга... Нет больше Серёги. Умер в госпитале.

Это её ошеломило. Она неожиданно для себя расплакалась. Как в детстве – навзрыд.

– Ну что ты, лейтенант, зачем так?

Ему хотелось сказать Нине какие-то особые слова, такие, чтобы в них можно было выразить ей уважительную любовь, особую, взрослую, вроде отцовской. А слов не находил. Он привлёк к своей широкой груди беззащитную голову лейтенанта и погладил, как, бывало, в детстве Нину гладила мать.

– Всё будет хорошо. Экипаж есть. Не надо плакать, Нина. Ни Серёгу, ни Ивана теперь не вернёшь. Вон сколько на нас смотрит народу.

Нина как-то забыла от волнения о том, что они не одни с Михаилом. Посмотреть на необычного лейтенанта сбежалось много танкистов. О Нине уже легенды начали слагать. И про то, как её танк с боями прошёл без ремонта и без единой пробоины от Воронежа до Белгорода, и о том, какой был у неё дружный боевой экипаж, и как мальчонка их на немецкие танки вывел. И что награждена она двумя орденами Отечественной войны (первой и второй степени) и орденом Красной Звезды, который сгорел в её танке, а у Нины полностью выгорели волосы, и поэтому она целый год ходила в шлемофоне, не снимая, пока волосы не отросли. И ещё знали, что по числу подбитых танков ей бы уже надо всю грудь увешать орденами, но так получилось, что писать наградные листы после боя было некому: редко когда оставались в строю командиры.

– Ладно, не буду, – смущённо сказала Нина. – Ну что, принимаем ИС?

– Понимаешь ли, Нина, трудно с ним. Ребята уже хватили с ним лиха. Неповоротлив.

– Зато броня и пушка какие!!!

– Зачем нам гадать? Не на базаре. Какой дадут, тот и бери. Справимся.

Экипаж подобрался хороший. Стрелок-радист Николай Ерёмченко – спокойный высокий парень. Он из колхозников. Поэтому с Михаилом сразу нашли общий язык. Заряжающим стал Сеня Попов, недавно вернувшийся из госпиталя. Горел в танке, но удачно избежал ожогов и сам снова попросился в танк. Значит, настоящий танкист. К тому же он мог водить танк, стрелять из пушки и пулемёта.

И началась снова фронтовая жизнь. Танковый корпус находился в резерве Ставки главного командования, и его бросали с одного участка на другой.

В середине августа танковый корпус, поддерживая наступление войск Первого Украинского фронта, перешёл в стремительное наступление. Нина проснуться толком не успела, как рано утром её громадный, трудно управляемый с непривычки ИС был погружён на понтонный паром, чтобы переплыть через довольно широкую и глубокую реку Вислу на западный берег, на который уже вышли стрелковые подразделения. Такой стремительности Нина ещё не видела.

Паром плыл на буксире за двумя моторными трескучими лодками. Нина сидела на краю башенного люка. Михаил ходил вокруг танка, присматривая, чтобы он при качке не скатился в какую-нибудь сторону. Очень уж шаткая эта штука – паром. Стрелок-радист Коля устроился на месте механика-водителя и рассматривал приборы, примериваясь, как бы он в случае нужды повёл танк. А Сеня просто дремал, прислонившись к башне танка. Из-за треска буксирных моторов поздно услышали команду: «Воздух!». Прямо на них пикировали немецкие бомбардировщики. Нина даже видела, как от первого самолёта отделилось несколько бомб. Через несколько секунд они засвистели пронзительно и противно.

– Перелёт, – определила Нина и быстро развернула пулемёт стволом в небо. На ИС он находится на башне танка и приспособлен для стрельбы по воздушным целям. Она выпустила очередь из пулемёта.

Следующая серия бомб разорвалась вблизи них, волной круто накренило понтон, и танк свалился в речку. Нина едва успела выскочить из люка и, упав в воду, торопливо отплыла в сторону.

– Нина! Нина! – услышала она сквозь шум самолётов и залпы зениток.

В метрах пяти от неё барахтался в воде Михаил. Но где остальные ребята из экипажа? Ага, вот ещё один. Это стрелок-радист Коля. Он испуганно хватал воздух ртом, беспорядочно шлёпал руками по воде, хотя было видно, что плавать умеет. Только в себя не может прийти, наверное, пока выбирался из танка, нахлебался воды. Нина подплыла к нему сзади и схватила за воротник комбинезона. Приподняла его голову над водой. Радист несколько раз струёй выпустил изо рта воду, откашлялся и, высвободившись из рук Нины, погрёб к берегу.

Михаил тем временем выловил в воде Сеню. С ним было хуже – сильно ранен в плечо. А тут «Юнкерса» сделали очередной заход на бомбёжку. Грохот разрывов, столбы воды, свист осколков, стрельба зенитной артиллерии с берега – всё слилось в один гул. На счастье танкистов, из облаков вынырнули несколько наших истребителей, отогнали немецкие самолёты, и сразу наступила относительная тишина на переправе.

Нина старалась помочь Михаилу доплыть с раненым до берега. Пехотинцы увидели, как тяжело приходится танкистам. И хотя они плыли на резиновой надувной лодчонке, которая едва держалась под тяжестью трёх солдат с пулемётом, но танкистам помогли.

– Эй, ребята, цепляйтесь на буксир! Мы видели, как вы тут с танком загремели.

Нина ухватилась за лопатку-весло. Михаил одной рукой держал голову Сени над водой, другой тоже ухватился за лодчонку. Так шестером и добрались до берега.

Среди плывущих солдат на лодке был сержант. Он помог выбраться Нине на берег. И был очень удивлён, узнав, что спас девчонку-танкиста.

– И как тебя угораздило? Что, дома делать нечего? Или жених на фронте?

Нина ещё в себя не пришла от невольного купания, а он уже допрос устроил. Серdito ответила:

– Не ваше дело.

– Да нет, я так, извините, товарищ лейтенант. Сразу-то не разглядел, кого спасал. Я не хотел

обидеть. Только чудно как-то. В тылу такие ухахи сидят, а вы вон куда, да ещё с танком. В жизнь бы не поверил, если бы сам не видел.

Разговаривая, он помог Нине снять мокрый комбинезон, сапоги, отгородил возле прибрежных кустов плащ-палаткой местечко, чтобы Нина могла снять и наскоро выжать обмундирование. А Михаил стоял возле переправы, где выходили на берег танки с понтонов.

Командир роты увидел Михаила, закричал:

– Где Бондарь? Жива?

– Жива, товарищ капитан! Наш танк утонул.

– Знаю. Видел. Вон там идёт один танк, экипажа нет – бедняги сидели сверху, всех убило. Как причалит, заводи и на берег. Задачу Бондарь знает. Садитесь и догоняйте роту.

– Так у нас теперь нет башенного, ранило его.

– Ничего. Где-нибудь найдёте. Сейчас – только вперёд! Командир бригады уже там, – он махнул в сторону предполагаемой передовой, где разгорался бой.

Тут как раз и Нина подошла, и с ней сержант-пехотинец. Радист Коля ещё лежал недалеко от переправы, его рвало водой. Он умоляюще смотрел на Михаила, боялся, как бы про него не забыли и не оставили на берегу.

– Товарищ лейтенант, вон наш танк подходит, – обрадованно крикнул Михаил, когда Нина приблизилась, – тридцатьчетвёрка.

Командир роты уже поднялся на свой танк и что-то кричал в сторону Нины, но его слов понять было невозможно. Тогда он пальцем показал на Михаила, а потом себе на губы. Нина поняла, что Михаил расскажет.

Паром уже уткнулся в берег. Михаил перепрыгнул на него. Четверо танкистов, кто на башне, кто на моторной части, истерзаны осколками так, что смотреть невозможно. Кровь залила весь танк, и Михаил не знал, что делать с такой машиной.

Немного подумав, Михаил забрался внутрь, завёл мотор и, как только сапёры канатами закрепили паром, осторожно вывел танк на берег.

Подбежали санитары с носилками и занялись своим делом.

Пришёл бледный заряжающий Сеня Попов. У него были перевязаны рука и шея.

– Я отказался ехать в госпиталь, товарищ лейтенант, – обратился он к Нине.

– А что можешь делать? Ну-ка рукой пошевели.

Сеня пошевелил, помахал.

– Рука – ерунда. Тут вот в шее что-то хрустит, но до вечера выдержу.

– Ну смотри не хныкай. Не к теще едем на блины.

Нина обошла танк кругом. Тридцатьчетвёрка, видимо, из капитального ремонта.

– Сержант, садись, заряжающий у нас ранен, – обратилась Нина к пехотинцу.

– Не могу, товарищ лейтенант. Впереди моё отделение. Вы лучше скажите, где вас после войны искать.

– Это зачем же?

– А там видно будет.

– Город Бийск. Алтай. Бондарь Нина. Я там одна такая.

– А я Пётр Ширяев. Сватов ждите.

– Иди-иди, жених нашёлся. Фашист сейчас женит... – сердито сказал подошедший стрелок-радист Николай.

Он уже откашлялся, хотя был бледным и едва держался на ногах.

– Ох, испугался! Бегу! Не до тебя, утопленничек. До свидания, товарищ лейтенант, в Бийске. Мы же в одной реке теперь крещёные. Теперь нас водой не разлить, – сказал сержант и убежал.

А Нина, задумавшись, долго смотрела ему вслед, пока он не скрылся за невысоким холмом. Вздохнула. Чем-то понравился ей этот сержант, как никто ещё не нравился.

– По местам! – скомандовала Нина.

Танкисты заняли места. Тридцатьчетвёрка – родной танк, всё тут знакомо, как в хорошо обжитой квартире. Только одна беда – все личные вещи, какие у них были, утонули.

Танк сначала осторожно прокатился, чуть рокоча мотором, а потом Михаил включил на полную скорость. Танк рванулся вперёд.

Михаил закричал Нине в переговорное устройство:

– Недаром тот был нам не по душе. Вот его и прибрала река. Жалко, но этот лучше. Вон он какой!

Михаил крутанул на полной скорости танк влево, потом вправо и, словно на разгорячённом коне, выскочил на высотку.

Нина быстро сориентировалась в обстановке. Несколько наших танков утюжили траншеи противника. По ним вели огонь противотанковые пушки с окраины села. Туда Нина и направила танк.

- Заряжай! Миша, дорожку!
- Есть дорожку! Дорожка!
- Выстрел!

Нина с первого выстрела уничтожила вражеский орудийный расчёт. Михаил вывел танк во фланг немецких артиллеристов. Те не успели развернуть пушки, и танк Нины прошёл по станинам орудий гусеницами. Батарея перестала существовать...

К середине дня танк Нины, целый и невредимый, присоединился к своей роте. Наши танки вклинились километров на двадцать в оборону противника. Заканчивались боеприпасы, горячее в танках и машинах. Нужна была хоть короткая передышка.

Командир батальона собрал командиров танков возле небольшого дома.

– Командование нам объявило благодарность за активные действия, – начал он без всякого предисловия. Он устал так же, как остальные танкисты, вытирал ежесекундно пот с лица. – Немец скоро пойдёт. Занимайте оборону, но так, чтобы в наступление можно было сразу перейти. Горячее и боеприпасы скоро будут. На переправе застряли. Там бомбят не переставая. А, лейтенант Бондарь, – обрадованно сказал комбат. – Я сразу-то не заметил вас. Молодец, товарищ лейтенант. Я видел, как на батарею налетели. Только в другой раз будьте осторожны. А если бы было минированно?

– А я же с фланга. Когда им успеть?

– Ну всё равно. Рискованно. А вообще, замполит готовит наградные листы и на вас тоже. Как машина?

– В порядке. Горячее на исходе, и не ели мы с вечера.

– Всё будет. По машинам, товарищи! Пока не начался обстрел.

Командиры танков быстро разбежались по своим машинам. Большинство замаскировали танки возле избышек. Тут не было сёл, а всё больше хуторки по два-пять дворов. Нина не стала прятать танк на хуторе. Сюда, определила она, в первую очередь полетят снаряды и будут бомбить вражеские самолёты.

Они с Михаилом нашли чуть заметную высотку и перегнали танк на неё. Низкорослый кустарник надёжно укрыл танк от немцев, и в то же время Нине было хорошо видна местность перед высоткой.

Танки вырвались вперёд пехоты, и только сейчас стали пробегать мимо танка Нины небольшие группы пехотинцев.

Нина присматривалась к каждому пехотинцу. Ей хотелось ещё раз увидеть того голубоглазого сержанта. Но он не появлялся. А через несколько минут началась атака противника.

Как и рассчитывала Нина, первый удар немецкой артиллерии пришёлся на хутор. Туда налетела и вражеская авиация. А танк Нины оказался вроде бы как в засаде. И когда пришла пора отбиваться от наседающих танков и автоматчиков, её танк сыграл решающую роль. Дважды Нина останавливала немецких автоматчиков, отсекая их огнём пулемёта от танков. А с танками ничего поделаться не могла – не было бронебойных снарядов. Два подкалиберных оставила как энзэ, на крайний случай. Он, этот случай, наступил раньше, чем она думала. Разгадали немцы, где стоит её танк, и с трёх сторон пошли на неё.

Нина передала командиру роты по радиации:

– Меня атакуют танки, поддержите огнём. С двумя справлюсь. Нет снарядов.

– Нина, держись, – ответил он. И Нина услышала его команду: – Пятёрка! Жми к Нине. Видишь её?

– Не вижу, но знаю, где она. Нина, держись!

– Держись, ребята. Ага, вот...

Нина не договорила. В прицеле показался медленно выбирающий дорогу немецкий танк.

– Подкалиберным – заряжай! – крикнула Нина Сене.

– Готово!

Нина выстрелила прямо в лоб немецкому танку. Танк остановился и замер. Так до конца боя он и не подал признаков жизни. У второго танка подбила гусеницу. Кто-то из пехотинцев подкинул ему под вторую гусеницу гранату, и на этом месте вскоре поднялся столб чёрного дыма. Третий танк боя не принял. Попятился и спрятался за рошей.

И так весь день до вечера бой то начинался, то неожиданно затихал, чтобы через час-полтора снова начаться...

И опять Нина даже в самые беспокойные минуты, удивляясь сама себе, вспоминала голубоглазого сержанта-пехотинца.

«Вот дался он мне», – сердилась она на себя и тут же пыталась припомнить, какие у него брови и почему он чуть-чуть прихрамывает.

Вечером, когда немного стемнело, командир роты приказал отвезти танк в тыл на заправку горючим и боеприпасами. Надо было передохнуть и танкистам. Они одурели от угара, копоти.

Хорошо, что в своём танке Нина нашла канистру с водой, а то бы от жажды совсем развезло.

Не успели отужинать, как прибежал посыльный от командира батальона и приказал немедленно вывести танк к переправе.

– Ну началось! – ворчал Михаил. – Только горячее жжём.

– Горючее что? Пустяк, – сказал радист Коля, – опять через реку...

– А тебе теперь бояться нечего. Проверен, – засмеялся Сеня, – такое добро, как ты, не тонет.

– А ты – так прямо золото. Тоже пузыри пускал, да не потоп. Мне танк наш жалко. В нём махорки две пачки утонуло...

– После войны достанешь.

– После войны я курить брошу. У меня внутри нагар – керосином не отмоешь. Но не к добру нас перегоняют. Такая у нас позиция была. Тот, первый-то подбитый танк, посмотреть бы... Скис сразу. Здорово вы его, товарищ лейтенант! – и, повернув голову в сторону Нины, осёкся. Она, как сидела на траве, опершись спиной на гусеницу танка, так и заснула. Рядом спал и Михаил.

– Глянь, Николай, спят.

– Пусть. Десять минут дадим им поспать, – сказал почти шёпотом Николай. Они замолкли минут на десять. Потом Николай осторожно приоткрылся к плечу Нины.

– Товарищ командир, – он ещё не привык называть её по имени, – а товарищ командир, пора!

Нина сразу же проснулась. Присмотрелась к чуть светящемуся в темноте циферблату часов.

– Да, пора, – сказала она, как будто и не дремала, а только на минуту прикрыла глаза.

Михаила же разбудили, только облив водой. Сказались и купание в реке, и бессонные ночи, и трудный суматошный день.

Возле переправы их уже ждал командир батальона. Он посветил фонариком карту и указал Нине, куда направить танк. Она некоторое время не могла сообразить, куда ехать. Потом удивлённо сказала:

– Так это же на той стороне, за Вислой.

– Ну наконец поняла, – засмеялся он. – На той. Выходим из боя. Тут и без нас справятся.

На переправе был уже не паром, а понтонный мост. По нему шли и шли войска. В одну сторону шли машины, гружённые снарядами, ящиками с патронами. Обрато они везли в основном раненых.

Танкисты недоумевали, почему они уходят в самый разгар боёв, но приказ есть приказ. Только позднее они узнали, что были участниками боёв на знаменитом Сандомирском плацдарме, на котором polegло немало советских бойцов. Но как немецкое командование ни пыталось сломить упорство наступавших частей Советской армии бомбардировками и контратаками – ничего поделаться не смогло. С этого направления потом началось наступление на Берлин!

А танковый корпус резерва Ставки главного командования перебросили на такой участок фронта, где, казалось, и пехоте-то не пройти. В Карпаты.

Трудными тут были не бои, а переходы. Так казалось Нине. По карте вроде бы совсем немного насчитывалось километров, но, присмотревшись внимательнее, Нина окликнула Михаила:

– Ты смотри-ка, куда нам идти. Это же сплошные горы. Тут всего одна дорога.

– Значит, так надо.

– Понятно, что надо. А пройдем? Я это к тому, что надо танк приготовить. Бери ребят, запасайся брёвнами, канатами.

– Понял. Сделаем.

Нина предполагала, что командование бригады соберёт командиров и объяснит обстановку. Судя по картам, какие получили в штабе батальона, предстоит марш по горным дорогам, вернее, по одной дороге.

Но никаких объяснений не последовало. В лесу, где сосредоточилась танковая бригада и другие части – сапёрные, стрелковые, артиллерийские, Нина услышала незнакомую речь. Это не поляки и не украинцы говорили. Догадалась – чехи или словаки. А там, за горными перевалами, находится их родина – Чехословакия. Но почему туда выбран такой путь, не поняла и гадать не стала.

Радист Коля кое-что пояснил:

– Сам слышал по радио: словаки подняли восстание против немцев и просят, чтобы мы скорее пришли на помощь.

– Интересно, – сказала Нина, – к ним по воздуху только и можно добраться. Угробим машину на таких участках. Как думаешь, Михаил?

– А что тут думать? Скажут и поедем.

Командование ничего не сказало, но танки обеспечили длинными прочными тросами. Инспектирующие несколько раз проверили наличие в танках лопат, топоров, пил. Приказано

было на каждый танк дополнительно установить несколько бочек с горючим и маслом. Механикам-водителям показали приёмы преодоления горных перевалов, лесных завалов, крутых спусков и подъёмов.

Восьмого сентября Нине приказано было вести танк по дороге Беско – Трнавка – Дукля, быть готовой в любую минуту к отражению вражеских атак. Началось наступление тридцать восьмой армии с целью оказания помощи восставшему народу Словакии. Вместе с советскими войсками наступал и Первый чехословацкий армейский корпус.

За годы войны Нина всякого насмотрелась и ничему не удивлялась. Но тут на долю танкистов выпали небывалые испытания. Единственная дорога вилась серпантинном по склонам гор, спускалась в ущелья, поднималась на сопки. Не свернуть, не обогнать впереди идущего. Машины или танки, остановившиеся из-за поломок, без разговора сталкивались с дороги в пропасть. На десятки километров вытянулась лента из пехотинцев, танков, автомашин с пушками и боеприпасами. Как стервятники, над колонной кружили с утра до вечера немецкие бомбардировщики, но не так-то просто попасть с высоты в узенькую ленточку горной дороги. Бомбёжки делали много шума, но потери от них были небольшие. Хуже бомбёжек были обороняющиеся подразделения противника. Смять бы их, раздавить танками. Но как? Поместиться на дороге может только один танк, и его могут подбить в любую минуту.

Подбитый танк сменяется очередным, чтобы через несколько километров пути вспыхнуть чёрным дымом. В начале пути танк Нины шёл где-то в середине колонны, но чем ближе подходила голова колонны к перевалу, тем всё больше и больше выдвигался её танк вперёд. Михаилу особенно доставалось на этой горной дороге. Постоянно был начеку. То слева провал, то справа, того и гляди, как бы не свалиться в пропасть или не врезаться во впереди идущий танк.

Уже перед самым Дуклинским перевалом разгорелся продолжительный и кровопролитный бой. Немцы здесь заранее оборудовали оборонительный рубеж, пристреляли наиболее заметные на местности точки и чувствовали себя очень уверенно, считая, что их оборону невозможно пройти. Основания для этого были. А тут ещё начались дожди, и дорога стала почти непреодолимой для танков и автомашин.

Перед подъёмом на перевал танковой роты дали небольшую передышку. Командир роты нашёл в лесу небольшую хорошо укрытую вековыми дубами и орешником от немецких самолётов площадку. На неё и собрались танкисты.

Они понимали, что такая передышка – минутное дело. Механики-водители, едва остановились, занялись проверкой технического состояния танков. Тяжёлым испытанием оказалась эта дорога. Но тридцатьчетвёрки выдержали. Из-за неисправностей никто в батальоне не отстал.

В лесу было сыро, неуютно. Мелкий дождик моросил и моросил. В такой непролазной жиже не то что на перевал подниматься, а танки с места не смогут сдвинуться.

Вечером, когда танкисты наскоро поужинали, командир роты созвал командиров взводов и экипажей. Устроились под ветвистым дубом. Лампочку, горевшую от аккумулятора, не маскировали – никто в такую темень и за дождём её не увидит.

Командир роты ознакомил собравшихся командиров танков с задачей, поставленной комбатом:

– Дело такое, ребята. Достаньте карты. Смотрите! Вот перед нами высотка. Мы – ниже. На высотке – укрепленный оборонительный узел. Его надо взять во что бы то ни стало, взять с тыла. Наша рота ударом с высоты... смотрите южнее – вот с этой... должна разгромить этот узел. Ясно? – спросил он командиров.

Все с удивлением уставились на командира роты.

– Ну чего смотрите? Спрашивайте...

– А без загадок нельзя? – спросила Нина. – У нас крыльев нет.

– Вот что значит – женщина. Она сразу берёт быка за рога. В том и задача, чтобы без крыльев попасть на ту высотку. И чтоб завтра к середине дня. И ударить так, чтобы мокрое место от фрицев осталось. Подниматься будем вот здесь. Смотрите на карте.... Отсюда танкам надо подняться на вершину, а там уже сами скатимся. Помогать нам будет рота сапёров. Но и самим тоже надо думать. Утром в шесть ноль-ноль выходим.

Кто-то уже успел посчитать, что надо сделать подъём почти на километр по высоте и десять с лишним километров пути подъёма по бездорожью. За полдня не успеть. Только бы дождя не было.

– Успеть обязаны. Нас стрелковые роты там ждать будут. Без нас всем будет плохо, – ответил командир роты спокойно.

Верил ли он в возможность пройти? Или он старался поверить в это, чтоб и остальные поверили?

Ночь стояла прохладная, ветреная. Нина почти не спала, проворочавшись на жёстком брезенте, прикрывшем траву и ветки, собранные в лесу. Ребята в танке, кто где смог, уснули. Михаил так измотался за день, что уснул, едва прикоснувшись щекой к свёрнутой телогрейке.

Нина проснулась рано и долго лежала, размышляла. Что принесёт этот день? Подняться на горные кручи с танком? Командование говорит: «Нужно». Значит, можно. Значит, уже с кем-то посоветовались, провели разведку, выбрали маршрут. Только бы танк не подвёл. Но дорога...

«Пора», – подумала Нина и только хотела разбудить Михаила, как рядом загудел мотор танка.

– Подъём, ребята!

Когда Нина заняла своё место в танке, лес уже наполнился грохотом ревущих моторов. Машина командира роты начала прокладывать дорогу в лесу. Позднее Нина узнала, что впереди машины командира роты шёл проводник из сапёрной роты и показывал дорогу. По этой колее двинулись и другие танки. Машина Нины шла, как обычно, третьей.

Михаилу приходилось всё время объезжать могучие стволы дубов. Он понимал, каково приходится впереди идущему танку. Сначала дорога шла под уклон, ну вот начался небольшой подъём, и танк забуксовал, зарывшись гусеницами по самые оси катков. Танкисты знали, что делать. Они закрепили бревна на гусеницы – лишь бы под грязью был крепкий грунт. Танк сам себя и вытащил. И так, по считанным метрам, пришлось преодолевать заболоченный участок. А потом, когда подошли к перевалу, с которого надо атаковать противника, стало ещё хуже. Крутой подъём. Земля в лесу превратилась в сплошную жижу от проливного дождя.

– Пойду посмотрю, – сказал Михаил.

Там он увидел сапёров, которые распутывали толстые тросы. Поднявшись выше, откуда спускались тросы, Михаил понял, что задумало командование. Тут уже всё было приготовлено для подъёма танков. Мощные лебёдки закреплены за толстые, чуть ли не в два обхвата ду-

бы. И так, в несколько этапов, будут поднимать танк до самого перевала.

Михаил прибежал повеселевший.

– Порядок, товарищ лейтенант. Там такая техника, вознесут нас – и глазом не успеем моргнуть. А я думал, своим ходом. Сожгли бы мотор...

И вот танк командира роты, натужно ревя мотором, медленно пополз в гору и скоро скрылся за деревьями. Нина скомандовала Михаилу, чтобы он подогнал танк к месту подъёма. Подошедший командир сапёров приказал всем, кроме механика-водителя, покинуть танк.

– Если сорвётся, то наделает дров. Так что лучше, чтоб все были в стороне.

– А нельзя, чтоб без дров? – с улыбкой спросил радист Коля.

– Стараемся, – серьёзно ответил командир сапёров. – Там наверху пехота вас заждалась. Они со вчерашнего вечера сидят под дождём, мокрые и голодные. Без танков соваться бесполезно. Ждут, чтобы внезапно атаковать, – объяснил сапёр Нине, когда она с экипажем покинула танк.

Командир сапёров, молоденький капитан, весь промок до нитки. И от капитана шёл пар. Оборудовать такую горную переправу ему ещё не приходилось, и поту он тут пролил немало. Капитан так был измучен, что даже не обратил внимания на девушку-танкиста.

Сапёры быстро закрепили тросы на крюках танка, объяснили Михаилу, как держать скорость и какой, в случае чего, ждать беды. Михаил заверил их, чтоб не сомневались. Сделает как надо.

Капитан дал команду, и танк полез в гору, на которую смотреть – сердце замирает.

Цепляясь за траву, за кустарник, карабкались в стороне за танком танкисты. Метров через пятьдесят танк остановился в выемке, выкопанной сапёрами. Тут его прицепили за другие тросы, и снова начался подъём. Так с пятью остановками танк поднялся на гребень высоты. Дальше тропа была каменистая, и танки пошли в гору своим ходом. В район сосредоточения вышло только три танка из пяти. Один застрял в болоте, а у другого отказал мотор.

– Трое нас, – доложил командир роты, когда прибыл к командиру стрелкового батальона, с кем предстояло штурмовать укреплённый узел противника.

– Три – это здорово! И как вы тут оказались? Ни за что бы не поверил, если бы тут ты не сто-

ял, – удивился командир батальона, пожилой майор. – Мне ещё вчера сказали: «Будут тебя поддерживать танки». Думал: «Так, для успокоения говорят». Приказали без танков не наступать, немцы с этой стороны даже охранения не поставили. В шестнадцать часов начало атаки. Готов?

– Почти. Покажи, куда нам стрелять. Тут же сплошной лес. По своим бы не попасть.

– Смотри! – комбат развернул карту. – Видишь – высота? Это – мы с тобой. Слева наступают чехи – боевые ребята. А вот лес кончается, там позиции противника. Там то ли два дота, то ли танки закопанные, не разберёшь по звуку. Вот их тебе надо выковырнуть...

Нина осмотрела танк, проверила пушку, пулемёт. Приказала Семёну протереть снаряды, вместе протёрли ствол пушки.

Ровно в шестнадцать ноль-ноль начался бой. Немцев ошеломило появление танков и пехоты в своём тылу, и они сдались почти без сопротивления. Только один, хорошо замаскированный и закопанный танк, долго вёл огонь, пока танкисты не разглядели, где он запрятался. Несколько прямых попаданий заставили его замолчать.

Дорога на Дуклинский перевал была открыта. За этот бой Нина в числе немногих советских солдат и командиров, была награждена чехословацким правительством Дукельской памятной медалью или, как тогда говорили: «За Дуклю».

Настоящие бои, упорные и кровопролитные, начались за перевалом. Бои велись за перевалы, господствующие высоты, главные дороги. Немецкое командование подтянуло резервы, да и восстание словаков начало угасать из-за кровавого террора, какой развязали по всему краю немецкие войска.

Только в конце года танковую бригаду отвели в резерв Ставки верховного командования. Через месяц бригаду, укомплектованную новыми танками и личным составом, перебросили на участок наступающих войск западнее Сандомира.

В наступательных боях танк Нины Бондарь прошёл, прокладывая огнём и гусеницами до-

рогу пехоте. От Сандомира до Ченстоховы, по Домбровскому угольному району на Фрейштадт – Гольдберг – Ауер и уже с другой стороны, с севера, принял участие в освобождении городов Троппау, Морава – Островска. Тут вместе с товарищами отсалютовала Нина в честь Победы из танковой пушки, выпустив снаряд в сторону Берлина.

В конце войны Нину наградили орденом Красного Знамени. Ходили слухи, что якобы командир бригады писал представление к высокому званию Героя Советского Союза. Но командование посчитало, что будет достаточно ордена Красного Знамени...

Нина приходит в себя от воспоминаний, услышав громкий голос Клавы:

– Через пять минут будем садиться!

В окно показывается до боли знакомый аэродром.

Клава легко садит самолёт.

– Вот ты и дома. Я прилечу через три дня. Не опаздывай.

– Хорошо, – отвечает Нина, и они крепко обнимаются.

Нина выходит из самолёта и направляется к машине, куда загрузили почту, прилетевшую вместе с Ниной.

Дорога на почтамт проходит мимо дома Нины.

Вот и родной дом. Чувство радости охватывает Нину, сердце учащённо бьётся в груди. Рывком открывает калитку. Мама с бабушкой копаются в огороде.

– Мама, бабуля! Я вернулась!

Нина бросается в объятия своих близких. Слезы радости не дают никому произнести ни слова. Так они стоят несколько минут, и только скрип калитки заставляет их оглянуться.

– Нина! Я, как и обещал, нашёл тебя.

В проёме калитки стоит тот самый сержант-пехотинец – Пётр Ширяев.

– Кто это, Нина?

– Это мой жених, – краснея, отвечает Нина...

**Владимир
ЧУГУНОВ**

**МЕНЯ В ЧАС ВСТРЕЧИ
ПОМЯНИТЕ**

НОВЫЙ ГОД

От границы Дальнего Востока
До Москвы отправился в поход
Молодой, плечистый и высокий
И такой весёлый Новый год.
Тишину нарушив на заставах,
Бьют часы двенадцать раз подряд.
И великой Родине во славу
Песни оборонные гремят.
К Комсомольску Новый год шагает.
Радость этой встречи не уймёшь.
Он с большим волнением обнимает
Боевую нашу молодёжь.
На столах в бокалах семицветных
Золотое пенится вино.
Бьют часы. И время незаметно
Молодому году отдано.
1942 г.

СВЕТЛАНА

Я друзей обманывать не стану,
Сердце не грубеет на войне;
Часто дочь трёхлетняя Светлана
Мысленно является ко мне.

Тёплая и нежная ручонка
Норовит схватиться за рукав.

Что скажу я в этот миг, ребёнка
На коленях нежно приласкав?

Что нескоро я вернусь обратно,
А возможно, вовсе не вернусь...
Так закон диктует в деле ратном:
«Умирая, всё-таки не трусь!»

55
Может быть, в журнале иль газете,
Жёлтых от событий и времён,
Дочь моя, читая строки эти,
Гордо скажет: «Храбро умер он!».

А ещё приятней, с нею вместе
Этот стих короткий прочитаю,
Говорить о долге, славе, чести,
Чувствуя, что был тогда ты прав.

Я друзей обманывать не стану,
Сердце не грубеет на войне:
Часто дочь трёхлетняя Светлана
Мысленно является ко мне...
1943 г.

КУКУШКА

Над головою пуля просвистела.
Шальная иль прицельная она?
Но, как струна натянутая, пела
Пронизанная ею тишина.

ЧУГУНОВ Владимир Михайлович родился в 1911 году на станции Иланская Сибирской железной дороги в семье железнодорожного врача. Работал коногоном, забойщиком, машинистом врубовой машины на шахте Анжеро-Судженска. Стихи публиковал в газетах «Борьба за уголь», «Большевицкая смена», «Советская Сибирь». Поэтический сборник В. Чугунова «Горючий камень» вышел в 1939 году в Новосибирске. Писал он также рассказы, очерки, повести. Во время Великой Отечественной войны командовал стрелковым взводом. Погиб в июле 1943 года на Курской дуге.

Меня сегодня пуля миновала,
Сердцебиенье успокоив мне,
И тот же час в лесу закуковала
Весёлая кукушка на сосне.

Хорошая народная примета:
Нам жить сто лет, напололам деля
Всю ярость бурь и солнечного света,
Чем так богата русская земля.

15 апреля 1943 г.

Северный Донец

* * *

Все распри сводятся на нет
Артиллерийской перестрелкой.
Сияет ярче дружбы свет,
И места нет корысти мелкой.

Мы в дни войны сошлись втроём,
Равно бедны, равно богаты,
Грустим, смеёмся и поём
Под потолком крестьянской хаты.

А завтра в бой!
Быть может, смерть
Свершит над кем-нибудь расправу.
Он упадёт на землю, в травы,
Но жаворонок будет петь,
Цвести ромашки, незабудки

И многодумный лес шуметь...
С судьбой теперь плохие шутки:
Здесь очень просто умереть.

И если первым буду я
Судьбой отторгнут от событий,
То вы, товарищи-друзья,
Меня в час встречи помяните.

А коль возьму над смертью власть,
Ток животворных сил почую,
Всю поэтическую страсть
Вот в эти строки уложу я.

1 мая 1943 г.

с. Первомайское

ПОСЛЕ БОЯ

После грома взрывов, после боя,
Выдыхая дым пороховой,
Смотрим мы на небо голубое –
Облака плывут над головой.

А в затихшем орудийном гуле,
Что в ушах ещё моих звенит,
Вся страна в почётном карауле
Над убитым воином стоит.

10 мая 1943 г.

с. Первомайское

**Валентин
РОКОВ**

РАССКАЗЫ

БАБУШКИН АТТЕСТАТ

Резкий и глухой удар о лобовую броню танка метнул в лицо заряжающему частицы сухой краски. Ватной тишиной заложило уши. Мотнув головой, Василий открыл глаза. Смотреть было больно. Глаза запорошило, и, похоже, микроскопические осколки отслоённого ударом металла посекали кожу лица в кровь: то, что он увидел перед собою, было затянато розовой плёнкой. Несколько осколков покрупнее впились ему в грудь и в живот. Он телом ощутил их колющее жжение. В броне танка зияло сквозное отверстие величиной с хороший кулак, через которое в наполненную пороховой гарью башню стал проникать свежий воздух.

«Интересно, какой силой надо обладать снарядом, чтобы пробить двадцатимиллиметровую броню? Но ещё, пожалуй, интереснее то, что, проткнув металл, как гвоздь масло, болванка никому из сидящих в башне не причинила вреда», — подумал он и наклонился в машинное отделение за следующим снарядом для пушки. Острая боль пронзила живот. В беззвучном крике распахнув рот, Василий потерял сознание и безжизненным комом свалился под ноги стрелку-радисту...

Очнулся он в длинной комнате одноэтажной сельской школы, переоборудованной под прифронтовой госпиталь. Командир танка, как вы-

яснилось впоследствии, по рации вызвал помощь, и раненого вывезли с поля боя.

«Осколки были маленькие, — вспоминал этот эпизод своей жизни Василий Карпович Негодяев. — Их тогда, в январе сорок третьего года, вырезать не стали. Некогда врачам было: много серьёзных раненых в госпиталь поступало, а тут ещё я со своими дробинками. Решили тогда врачи, что присутствие инородного металла не особенно опасно для моего здоровья. В тот раз они промыли хорошенько мои ранки, продезинфицировали, перевязали и недели три продержали в госпитале, пока они не поджили. А за это время фронт продвинулся далеко вперёд. Наши войска начали освобождать север Донбасса. Я, как специалист (водитель-механик, заряжающий и стрелок-радиист), должен был вернуться в свою часть.

— А где она? — спрашиваю у врачей.

— Ищите сами, — отвечают.

При выписке выдали мне продовольственный аттестат, предъявив который властям любого населённого пункта в освобождённой от немцев территории, я имел право получить продуктивное довольствие и ночлег. Но чем тогда обладали власти в разграбленных и разрушенных городах и сёлах? Так что документ этот среди выздоравливающих очень скоро приобрёл название «Бабушкин аттестат». Это потому, что

РОКОВ Валентин Петрович родился в 1950 году в городе Анжеро-Судженске. Детство провёл во Владивостоке и Кемерове. Окончил Беловский энергостроительный техникум. Работал монтажником на различных электростанциях СССР. Учился в Дальневосточном государственном техническом рыбохозяйственном университете (Петропавловск-Камчатский) на штурмана дальнего плавания. Но с морем не сложилось. С 1990 года живёт в городе Берёзовском.

предоставляли ночлег и пищу (если могли) бредущим к фронту солдатам бабушки и жители, сыновья которых воевали за Родину.

Лежал я в пригороде Подковска. Оттуда и подался на фронт. Первые дни шёл один. Февраль на Урале и в Сибири даёт о себе знать морозами, а в Донбассе на зимний месяц он не похож. При желании можно было в одной гимнастёрке шагать. А у меня ещё с танка промасленная фуфайка осталась. То есть с комфортом передвигался я от деревни к деревне, следуя дорожным указателям. Смотрю на эти указатели и иду.

Всё бы хорошо, дороги хоть и были расквашены машинами, однако идти по обочинам вполне можно, но переходы получались у меня очень длинные, хотелось побыстрее до фронта дойти, в свою часть и, может даже, на свой танк попасть, было бы здорово! При звёздах поднимался в путь и до самых звёзд шагал я. Привычные мы к этому. На сытый желудок бы эти перегоны преодолевать – я б и не тужил совсем, а тут в худощавом сидорке, кроме пары портянок и ложки, совсем ничего нет.

«Чем бы это брюхо своё набить?» – начали меня одолевать такие мысли. Гляжу: в берёзовых рощицах подле деревень голуби порхают и почки у деревьев клюют. «Вот бы, – думаю, – поймать такую птичку и отварить её. Из двух голубков одна настоящая курочка по весу должна получиться». Развивать такую тему в мыслях мне никто не мешал, осуществить же её за отсутствием времени и охотничьих приспособлений я не мог. А есть очень хотелось постоянно. Вот если бы оружие было. Прицелился: бац два раза – и готова похлёбка! Я ж из барзасской тайги парень, стрелять и зверя, и птицу влёт приходилось. И здесь вот, на фронте, зазря меня, что ли, на место стрелка посадили? Не только они в нас, но и мы в них попадали, и почаще, чем некоторые, и поудачнее...

Оружие при выписке нам не полагалось: на месте обеспечат. Стал я размышлять, где бы его раздобыть. Начал по пути заглядывать за обочины, в траншеи, что нередко в полях встречались, и выискал для себя новенькую немецкую винтовку, а к ней сорок патронов. Обрадовался! В тот же день пару голубков себе подстрелил. В деревню пришёл и попросил бабушку, которая к себе на постой пустила, отварить их. Такой хороший супчик сварила она! И я сыт был, и они с дедушкой покушали. Воспрянул я душой и телом: проблема с питанием решена.

На другой день возле села Гусинка (там ещё разрушенный фарфоровый завод был) встретил я на дороге ещё с десяток солдат, так же, как и я, из госпиталя возвращающихся в свои части. Стало веселее. Да только быстро это веселье из нас, как кипятком тараканов, выпарило. Перезнакомились, значит, мы друг с другом, идём, байки травим, рассказываем, кого, где и куда ранило. Не заметили, как очутились на окраине выжженной немцами деревни. Вместо домов одни трубы торчат, припорошенные снежком. На косогоре деревня расположена была. Место красивое: под косогором небольшая река, плавно изгибаясь, на юг, к Донцу уходила. Возле деревни окрест луга и поля обширные, а километра через три, на севере, лес чёрной стеною застыл. Встали мы, разинули рты, любуемся. Вдруг не помню кто толкает нас: «Смотрите-ка, а это что такое?» Смотрим – в стороне от дороги на маленькой площади, к которой сходятся три небольшие улочки, несколько столбов высоких с перекладинами – и на них люди. Повешенные!

Никто из нас никогда не видел такого. Ужас! Висят на тонких верёвках и покачиваются от лёгких порывов ветра. Бросились мы к ним – трое мужчин и одна женщина. На груди у каждого прикреплен плакатик: «Не снимать! Смерть!». Наши, когда наступали, поди, не заметили, а может, времени просто не было их снять. А кому снимать сейчас, если деревни нет и неизвестно куда народ из неё делся? Срезали мы верёвки, уложили казнённых рядом возле столбов. Могилу копать нечем – прикрыли лица плакатами, перекурили и пошли, остервенелые, к фронту. Настроение – убийственное, не до шуток тут. Каждый думает, как бы побольше за этих повешенных наших советских людей вражьего отродья в землю вогнать.

Через несколько километров просёлочная дорога, по которой мы продвигались, вывела нас к широкой магистрали. По ней уже изредка в обоих направлениях проскакивали одиночные военные машины. Идём, пытаемся голосовать, чтобы подхватил кто и подвёз до станции Глубокой. Идти пешком далековато: если верить дорожному указателю, то до неё тридцать километров осталось. Нас же либо боялись, либо очень уж торопились, но никто не подбирал. Обиделся я: на фронт иду, не к тёще на блины, винтовку свою с плеча срываю, встаю поперёк дороги и первую машину (бен-

зовоз оказался), пальнув вверх для острастки, останавливаю.

– Подвези! – говорю шоферюге.

– Не могу, не положено. И некуда вас сажать.

– Мы танкисты и наверху, на твоей броне уместимся.

– Нельзя, меня накажут!

– Ах так?!

И вытаскиваем его из кабины.

Я сам ведь шоферил до войны, за руль сажусь. Солдатня с водилой на цистерну забрались, и поехали мы с ветерком и комфортом. На фронт.

Перед станцией КПП останавливает: «Документы!»

– А вот у него.

Шофёр с бочки подаёт. Посмотрели, удивились, но пропустили и рассказали, как в комендатуру проехать. Остановились мы у неё, шофера с его бензином отпустили, а сами к коменданту направились. Так, мол, и так, ему докладываем, на фронт хочется быстрее попасть, где он тут у вас, показывайте. Комендант наши аттестаты прочёл, видит – специалисты как на подбор: один из нас даже лётчиком был. Приказал он в столовой женщинам накормить нас. Они пельмени для нас стряпают, а мы им помощь свою предлагаем. Разговоры, смех, шуточки – прелесть какая! Такое ведь у нас в каждом городе до войны было, неужели вернулось? Не верится даже, что это всё с нами происходит, вот до чего военное лихолетье всё человеческое от нас оторгло.

Нас накормили женщины, а потом девушка отвела в пустой дом, там кровати и постели были. Выспались мы и утром из города дальше к фронту потопали, но с настроением, я вам скажу, очень приподнятым. Убедились воочию: недолго осталось нам воевать, если жизнь настоящая к нам возвращается.

Так вот до фронта я в общей сложности полторы недели добирался. Редко когда кто подвезёт, всё больше пёхом. А как вошли мы в прифронтовую полосу, тут уж проще стало. Проверяют на каждом шагу: куда идёте да кто вы. А мы объясняем, документы показываем. Нам говорят, где какая часть расположена. Мы и начали рассасываться понемногу. Наконец-то и мне сказали, что я приблизился к своей цели: «Вон в том домике штаб нашей части!». Знали бы вы, как я обрадовался! Будто к папе с мамой вернулся! В селе дом этот стоял. Фронт проле-

гал совсем недалёко. Слышно было, как орудия палят. Взбежал я на крылечко, захожу внутрь, а в горнице сидят за столом несколько военных и среди них – мой командир младший лейтенант Александр Митрофанович Никитенко. Ему уже, правда, старшего лейтенанта присвоили, по звёздочкам видно. Посмотрел он на мою заросшую образину и сразу признал. От стола ко мне ринулся: «Вася, живой!». Поверите или нет, а у меня аж слёзы из глаз брызнули: к своим, домой вернулся!

Никитенко из всего нашего экипажа один остался в живых. И вообще от нашего полка (тридцать танков) за месяц один только танк целый сохранился. Он ночами вокруг деревни с зажжёнными фарами ездил, отпугивал диверсантов и создавал видимость, что тут большое скопление техники. А вообще-то оставшиеся без танков танкисты были временно переведены на роль пехотинцев и охраняли военные коммуникации прифронтовой полосы. Через неделю на смену другая часть подошла, и нас на пополнение в тыл перевели.

В тот день Никитенко отвёл меня к парикмахеру, потом в баню, выдал новую амуницию, и я, как свежий огурчик, засверкал! И стал полноправным членом его выведенного из строя танка.

Через месяц из пополнения нас направили в Верхнюю Дуванку, и я с Никитенко воевал до девятнадцатого июля сорок третьего года, пока не получил тяжёлое ранение в живот. Выбыл тогда из строя на два месяца. Выписав из госпиталя, меня перевели по состоянию здоровья в автоматчики. На лёгкий, так сказать, труд»...

В июле сорок первого года Василий Негодяев был призван в армию. Воевать начал с двадцать третьего октября сорок второго года. Демобилизовался из армии в июле сорок пятого года. Четырежды ранен, имеет медали «За отвагу», «За взятие Будапешта», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». И воспоминания, которые ничем затмить нельзя. Они предупреждают нас, призывают всех нас к тому, чтобы мы берегли мир – возврат к нему через войну долог, болезнен и труден. А для тех, кого не пощадит война, он становится невозможен.

ЦЫГАНЕ В КАЗАХСТАНЕ

«Вторую неделю возим скот на мясокомбинат Кустаная от целинных совхозов. Край боль-

шой. Его потребности собственная шоферня удовлетворить не в состоянии, поэтому на лето, в страду, от автопредприятий союзных республик командируют сюда водителей со своим транспортом. Для техобслуживания прикрепляют к местным автобазам. Жильём обеспечивают в общежитиях гостиничного типа. Повсюду на бескрайних полях стрекочут комбайны. Над грунтовыми дорогами множество снующих в разных направлениях машин поднимают пыль, от которой не продохнуть. Горло сохнет так, что даже нечем плевать. На день не хватает пятилитровой канистры воды, потому что ведь не только пьёшь её, но и частенько, останавливаясь, плещешь на лицо пригоршню-другую, чтобы освежиться. По-другому я не могу, по-другому – спечёшься. Может свалить тепловой удар. Меня не сваливало, но случаи были.

Вот и сегодня, как и всегда, весь день пылица, жара. Последняя ходка. Блеющее напуганное долгою тряской стадо овец, протопав копытцами по сходим, освободило кузов моей машины. Можно уезжать на отдых. Осторожно разворачиваюсь во внутреннем дворе мясокомбината и на первой скорости вырливаю за ворота. Куда бы сейчас податься? В гостинку спать – ещё рановато. Харч – всегда с собой в бардачке. Можно, конечно, и в столовой есть, но привык к самообслуживанию. Да и дешевле получается, если варить из собственных продуктов. А они у меня действительно получаются собственными, эти овощи и фрукты, здесь произрастающие: где сам сорвёшь по дороге, где хозяйка сердобольная в подарок сунет в кабину. Ведь мы же общаемся с населением.

Купание в реке или рыбалка уже не прельщают. Хочется отдохнуть. И не в одиночку. Чтобы вокруг тебя что-то тормозилось, щипало, сопело, не давало уснуть. Чтобы верещало и требовало. И ты бы подчинялся всему этому, насколько не обижаясь на проявляемую деспотию. В общем, семейного счастья захотелось, общения с близкими. А где их, близких, сейчас возьмёшь, если они на Алтае, в Бийске, без тебя маются и сном-духом не ведают, где в этот час, где в это время тебе вдруг взгрустнулось о доме.

Метрах в ста от ворот стоит, подняв руку, мужчина. Интересно, что надо ему? Подъезжаю, торможу. Чернявый, кудрявый, скалит сахарно-белые зубы губастый цыган. Бодренько заскакивает на подножку, открывает дверцу и бесцеремонно плюхается на сиденье, обращая ко мне.

– Земляк, будь другом, выручи. Сто лет благодарить буду. Детям и внукам своим закажу молиться за твоё здоровье и долголетие. Не откажи, помоги мне! – на одном выдохе протараторил он и выжидательно воззрился на меня.

– Чего помоги-то? Твою тещу придавить, что ли? – отвечаю, с улыбкой разглядывая его забавную рожицу.

– Нет, нет! Зачем так шутишь? Не тещу придавить, в одно место съездить надо ввечеру и привезти сюда лошадок.

– Далеко, наверное, или лошадям ноги поотрубали, если своим ходом пригнать их сюда не можете...

– Шутник ты! Не так далеко. Я заплачу. Много заплачу. Доволен будешь. За одну ходку триста рублей даю. Уж очень надо, чтобы сегодня лошадки здесь были. Помоги, дружок.

Я задумываюсь: сумму приличную сулит заказчик. Но ведь за просто так такие вот граждане платить не будут. Нечисто здесь что-то.

– Они, лошадки эти, не твои, поди, уворованные?

– Бог с тобой! Свои лошадки, таборные! Только совсем обезножели они, своим ходом сюда не дойдут.

Видно, что заливают цыганча, но как проверишь его? А триста рублей на дороге не валяются. Вот только много слишком за одну ходку, подозрительно.

– Сейчас прямо, что ли, ехать тебе?

– Ну да.

– Нет, не могу. Подожди чудок. Через пару часиков освобожусь, подкачу сюда, тогда и поедем за твоими лошадами.

Пункт, который назвал цыган, был за сто километров от Кустаная. В два конца – двести километров. За ночь вполне управиться можно, но надо предварительно бригаду в известность поставить, чтобы знали, искать где, мало ли чего может случиться со мною. Цыган, Яшкой зовут, подумал-подумал и согласился.

– Добро, подъезжай. Мы тебя ждать будем.

Отправился я в гостинку. Туда уже большинство шоферни нашей подъехало. Рассказал я им о предложении цыгана. Некоторые позавидовали моему приработку, а которые же предостерегать начали: обжечься можно. Такой уж народ цыгане. С ними ухо остро держать надо. А тут один местный шофёр услышал наш разговор, он к напарникам часто вечерами заглядывал в картишки скинуться или песни послу-

шать, подсел ко мне и говорит: «Я в прошлом году тоже попался на простачка. Может, с твоими, а может, с другими цыганами, их здесь несколько таборов промышляет в округе. Отвез им по договорённости лошадей, да из обещанных сотенных и рубля не получил. Гуртом налетели, обступили меня, пригрозили. Напугали. Добро хоть ноги целы унёс».

Мужики рассвирепели: это с вами можно, а нас за так не проведёшь! Тут же составили план действий. Вычислили пострадавших от проделок цыган и определили, что в одном только месте лошадей те сгружают по приезду в город. Ну и сговорились сделать там засаду. Со мной поехал напарник в своей машине следом. Для страховки. Через два часа подъезжаю к мясокомбинату. Ждут. Четверо.

Яшка-цыган в кабину забрался. С ним ещё один из новеньких втиснулся, здоровый, фикса-тый. И где они золото на зубы берут? Вот ведь работаешь как папа Карло – всю жизнь мечтаешь о золотом перстне и всю жизнь таскаешь во рту железные протезы. На них же посмотришь: в отрепьях ходят, а весь рот в золоте. И золотом с головы до ног обвешаны. Мафия, одним словом.

– Ты зачем друга с собой взял? Нам одной машины хватит. За другую платить не собираюсь, – недовольно пробурчал Яшка.

– Как зачем? Технология у нас такая, – отвечаю ему.

– По одному дальнобойщикам никак ездить нельзя. Вдруг поломка случится какая – и загорай тогда в степи целый месяц. Да и не уместится что в мою машину, то ему в кузов догрузим.

Яшка явно не желал видеть рядом со мною свидетелей.

– Ты бы и один мог съездить. Не так уж и далёко.

– Нет-нет, не могу. Это приказ бригадира. Говорю тебе, было со мною уж такое не раз: вроде и близко, а застучит кардан или ещё что покрупному – и спёкся тогда. Нельзя. Нас сюда работать направили. Степь, безлюдье кругом. Кто тут поможет? Не вы же с вашими обезноженными лошадьми.

– Ну, добро. Поехали, – согласился Яшка, переглянувшись с фикса-тым.

Погрузились остальные в кабину напарника, и мы тронулись. Было уже десять часов вечера. К двенадцати подъехали куда надо. Голая степь. Костёр. Шатёр. Кибитка разряженная и табунок

лошадей стреноженных возле пасётся. Откуда-то цыган орава выскочила. Сноровисто эдак бор-та раскрыли, из досок сходни на край положили и тут же всех лошадок по кузовам разместили, привязали к бортам, травы им под ноги натрусили. Одной машины моей хватило, она же у меня с прицепом. Расселись возбуждённые удачей цыгане по кабинам.

– Трогай!

Поехали. Степь. Звёзды. И шакалы откуда-то изнутри степи зловеще взлаивают. Мой «Магирус» пустой когда, по кочкам, как кузнечик прыгает, а тут загружен хорошо. Мы плавно идём, словно по тихому озеру на вёслах сплавляемся. Не шелохнётся машина, урчит, довольная, километры на спидометр мотая. И я доволен. Беспокоюсь, правда, немножечко – вдруг не туда завезут лошадей цыгане и с засадой нашей дело сорвётся.

Обратно ехали подольше. То, что груженные, – одно, не той дорогой возвращались. И к городу выбрались не с той стороны. Яшка-цыган по едва заметным признакам показывал дорогу. Наконец подъехали к насыпи, окаймлённой кустами. Насыпь была обрывиста и как раз вровень с бортами. Разгрузка лошадей заняла ещё меньше времени, чем загрузка. Яшка из кабины не вылезал до тех пор, пока не сошла последняя лошадь. Пачка с деньгами – перед стеклом. «Возьмёшь, – говорит, – деньги, как полностью разгрузимся». Я и не тороплюсь. Вот и разгрузились. Я потянулся за деньгами. А фикса-тый схватил пачку и ножик показывает.

– Ты чего? – говорю. – Я привёз лошадей. Деньги мои. Отдавай.

– Зачем они тебе? Обойдётся, – отвечает Яшка и посмеивается.

– Ну что ж, если так, то и ты отсюда не уйдёшь, – говорю, а сам думаю: «Успели ребята в засаду залечь, тут ли они? Иначе махаться придётся. И по-серьёзному». Дураком в глазах цыганчат я выглядеть не хотел. А то, что нож у них, то ведь и у меня монтировочка на выходе из кабинки припрятана. Успею выхватить её и замахнуться. Нажал я на сигнал. Заревел мой «Магирус». Напарник тоже подал голос и ко мне подъезжает.

– Чего какафонишь, кто тебя услышит? На десять километров здесь нет никого, – озабоченно завертел головой Яшка и попытался выскользнуть из кабины.

Но в это время выскочили из кустов наши парни, скрутили Яшке руки. Я в кабине успел заломить руку фиксатому, и не дал ему вытащить ножик из кармана. Он притих. Только зыркает зенками по сторонам и зло щурится. Я предупредил парней, что у фиксатого ножик в кармане и вытолкнул его из кабины. Они его отоварили пару раз, обезоружили и связали его же ремешком руки. Упаковали как следует и отвели в кусты к тем двоим, что лежали там уже связанные. Скрутили и Яшке руки. Прислонили его к борту машины и на меня смотрят. Я вылез из машины, подхожу.

– Где остальные цыганчата? – спрашиваю.

– Да вон, в кустах лежат.

– Ну и молодцы, ведите этого к ним. Бить будем всех. Обманул он меня.

– Не надо, ребята, не надо, милые... – затрясся Яшка-цыган. – Я вам отдам деньги и ещё сверху триста рублей положу, только отпустите меня!

– Ишь ты, заверещал как! – засмеялись парни и отпустили его, развязав ему руки. Он действительно вынул из пиджака шестьсот рублей и отдал их мне.

– Мужики! Если этого раскололи на столько, то и с других соучастников не грех будет за обман столько же.

Придерживая по бокам Яшку, мы подошли к связанным цыганам. Их караулили двое шофёров. Яшка что-то сказал по-своему поделщикам. Они посоветовались между собой и решили откупиться деньгами. Когда мы их развязали, то цыгане выложили нам дополнительно ещё тысячу рублей и на лошадях тут же ускакали в темноту. А мы разделили деньги – по машинам и в гостинку.

Потом осторожничали, в одиночку действительно не ездили. В кабине при нас постоянно лежало что-то увесистое на всякий случай. Думали, что отомстить захотят. Но кишка слаба у них оказалась. С тех пор всё лето о цыганах мы не слышали. Похоже, напугали мы их до того, что снялись они и подались всем племенем с этих краёв в другие. Целина ведь большая, и всем хватило места. Вот только б на новом месте не пакостили.

Уже пять лет минуло, а я и по сей день удивляюсь: и как это нам удалось объегорить таких пройдисвитов. А ведь удалось же, удалось! Посмотри, с тех денег ещё часы офицерские у меня ходят», – поднеся к моим глазам красивого циферблата большие наручные часы, Лёшка-

междугородник задумался и молчал уже всю дорогу до Декольчей.

Он теперь ездит в командировках по БАМу. А когда и в Алдан, и в Сквородино заезжает. Здесь платят прилично. Для семьи – в самый раз.

ВЕЛИКОЛЕПНАЯ ЗАДУМКА

В углу, у стенки, были сложены свёрнутые в рулоны образцы линолеума с теплоизоляционным покрытием. От общего торгового зала это место отгораживал двухметровой высоты экран, с которого свешивались языки разноцветных обоев. Прежде чем спрятаться в присмотренном ещё днём местечке, Пашка – так звали вытянувшегося уже во взрослого мужчину узкоплечего застенчивого мальчишку – постарался убедиться в том, что на него никто не смотрит. Шагнув за экран, он опустил на четвереньки и в два приёма оказался в углу. Там он прижался к стенке, поднырнул под линолеум, осторожно натянул его край на себя и затих.

До закрытия магазина оставалось тридцать минут. Лежать было холодно, ведь пол-то бетонный. Не предусмотрел! Но не это волновало Пашку, к холоду ещё можно притерпеться: страх, который давеча подавил он громадным усилием воли, пряча себя в укромном местечке, вновь начал разжигать замелькавшие в голове мыслишки. Опять он засомневался в том, что его великолепная задумка удастся. «А может, пока не поздно, отказаться от затеянного и вылезти из укрытия?..» – мучительно думал он. А пока думал...

«Света, рабочий день закончился», – донеслось до него из зала. Это говорила коротко стриженная высокая и красивая блондинка, что сидела в отделе спорттоваров. Обычно с того отдела начинал свой ежедневный обход магазина «Олимпиец» Пашка.

Ещё сейчас он мог объявиться, ещё сейчас он мог выйти из магазина, отказавшись от воплощения своей фантазии! Он страстно хотел этого! И не пошевелился. Тело и разум не повиновались ему, скованные необъяснимым страхом.

Магазин закрыли. Продавщицы обслужили последних покупателей, подсчитали дневную выручку и до следующего утра покинули торговый зал. Пашка слышал непринуждённый разговор столпившихся у служебного выхода молодых женщин, их смех, стук двери, звук закрываемого замка и, бессознательно воспринимая эти

звуки милой жизни, понимал, что предотвратить замышленное он уже не сможет. Всё. Теперь он остался в магазине один. Отступать некуда, а значит, надо прогнать сомнения прочь. Они ни к чему. Надо действовать, как решил. Ещё рано выходить из укрытия, он выберется наружу, когда стемнеет на улице. Так что в первую очередь надо устроить своё гнёздышко поуютнее. Пашка развернул рулон и улёгся, подмостив под себя изоляцию. Теперь можно и подождать первых ночных звёздочек. А проскользнуть в дальний отдел радиотоваров, где выставлен поразивший его воображение двухкассетный магнитофон «Шарп», для него не составит труда: из-за стоящих вплоты витрин, проход к радиотоварам с улицы плохо просматривался. Магнитофон «Шарп» – классная штука! У Пашки вообще нет никакого. А хотелось, ой как хотелось иметь даже старенький, чиненный-перечиненный, но зато свой личный магнитофон! А мама не купит, ей не до этого.

Отторгнувший от себя Пашку город продолжает за стёклами окон магазина напряжённо шуметь и плавиться в лучах заходящего солнца. Скоро на улицах зажгутся фонари. Чтобы мать не беспокоилась, Пашка сказал, что заночует у приятеля. Он всё заблаговременно предусмотрел и продумал. А если разобраться, то сделать то, на что он решился, способен любой парень. И делают ведь! Он слышал об этом: прячутся в магазине перед закрытием, потом аккуратно отбирают себе нужное из товаров и утром, дождавшись в тайничке первых покупателей, спокойно уходят.

Но Пашка так не поступит, всю ночь ждать – долго, утром ещё могут застукать. Он кое в чём разбирается. Мать его работает в соседнем магазине уборщицей, и он видел, когда все уходят, включают сигнализацию. Найти, где её включают в этом магазине, Пашка, наверное, сможет. Значит, отключить сигнализацию для него дело выполнимое. Для открывания двери он принёс с собою монтировочку. Отожмёт ею дверь и выскочит. Дверь не то чтобы хлипкая, но деревянная, и замок у неё внутренний, совсем как в Пашкиной квартире. Ему уже случалось терять ключи от квартиры, и он знает, что монтировке дверной замок легко поддаётся. Одолеет он и эту дверь, справится с нею.

Со стороны площади доносился перезвон разворачивающихся по кругу троллейбусов. Вот уже и вспыхнули фонари уличного освещения. Осмелевшему Пашке был виден бульвар, по-

тому прогуливались люди с детьми и собаками. Были и те, кто нёс в руках кошечек с бантиками на шее. Пашке вообще-то была смешна и совсем непонятна любовь проживающих в квартирах горожан к животным и их желание ощущать этих животных вблизи себя постоянно. «Лишние хлопоты себе создают, и только. Что, скажите, пожалуйста, в квартире делать жирафу, или пятиметровому удаву? А то ведь ещё случается, в своих квартирах люди и львами забавляются! Это ж сколько на их прокорм мяса переводить, сена заготавливать надо, а опасность быть сожранным в своей постельке – такое любители животных учитывают?!» – думал он.

Впрочем, как не обидно теперь казалось Пашке, за стеклом витрин магазина текла та жизнь, частицей которой только что был он. Теперь же Пашка просто не имеет на неё права до тех пор, пока не выберется благополучно наружу к этим вот людям, с их собачками и крокодилами на поводках. А может и не выбраться, но об этом лучше не думать. И без того муторно.

Пашка перевёл взгляд с угрожающе нависшего над ним потолка на подпирающие его в середине зала колонны, великаными прыжками выскакивающие друг за другом из глубины магазина. Их наступление неотвратимо, как возмездие. На железном поясе одной из дальних колонн связкой распущенных скальпов прилипли к кронштейну куртки, брюки, плащи. Зеркала внутренней стены и стёкла огромных окон другой, обращённой к бульвару, высвечивали внутри магазина разложенный по отделам товар. Железные морды двухпудовых гирь, круглый оскал велосипедных колёс, задранные кверху хромированные рога мотоциклов, похотливо вздутые овалы резиновых лодок, ряды застывшей на плечиках одежды и выделенное ото всего пространство, плотно заставленное радиоаппаратурой...

Последнее – именно то, что было надо Пашке. Предварительно выбрав в спорттоварах вместительную сумку с ремнём через плечо, он, зайдя за прилавок, взял наконец-то в свои руки стоящий на полке магнитофон. Чёрный, металлическим блеском по фасаду надпись: «Шарп». Вот оно, чудо японской техники! И он, Пашка, обладатель этого чуда!

Он торопился. Уложив в сумку магнитофон и обнаруженные под прилавком тридцать чистых кассет, Пашка вдруг увидел в ячейках незапертого кассового аппарата стопки денег. Их бы-

ло много. Дневная выручка отдела. И им нашлось место в сумке! Туда же поместились наушники, микрофон, а также набор струн для электрогитары. Последние Пашка взял другу, имеющему этот инструмент и порванные к нему струны. Прихватив с собой ещё и приглянувшуюся ему удочку-телескоп, Пашка понял, что пора уносить ноги. Пересекая вновь всю длину магазина, так же осторожно укрываясь за ограждающими отделы витринами, он не заметил физиономии женщины, расплоснувшей нос о стекло окна. Та прогуливалась в одиночестве по обезлюдевшему бульвару и, совершенно случайно уловив движение внутри пустого магазина, сгорая от любопытства, прильнула к окну в попытке разглядеть движущийся объект. Царящий внутри полумрак не помешал ей определить, что в магазине хозяйничает посторонний мужчина. С годами накопившаяся на всех исключительно мужчин злость за то, что ни один из них не желает по достоинству оценить её ласки, нежность и доброту, она, натура деятельная и нетерпеливая, заметалась по бульвару в поисках выхода из создавшейся ситуации.

Неживой свет фонарей выхватывал из темноты раздвинувшееся в глубину ночи опустевшее пространство бульвара. Фары проезжающих машин резким пронзительно наплывающим светом вырывали кусками затушёванные темнотой внутренности магазина. В такие моменты Пашке хотелось застыть на месте, пригнуться за прилавок, распластаться на полу. И в мыслях не держа, что его кто-то мог заметить снаружи, он снова почувствовал страх. Замирая едва не на каждом шагу, Пашка прокрался в служебные помещения, туда, где находились бытовки работников, склады и кабинет директора магазина. В длинном коридоре двери помещений были закрыты. Без опаски быть обнаруженным он, найдя выключатель, зажёл свет и тщательно обследовал служебный выход. В проёме мощной двери, в правом верхнем углу, Пашка увидел чёрную кнопку отключения сигнализации. Порядочек! Теперь надо приниматься за дело и закончить его за пару минут. Только бы удалось! Дрожа от возбуждения, Пашка поставил сумку на пол, вытянул из-за пояса монтировку, вставил её в щель между косяком и полотном двери. Затем дотянулся свободной рукой до кнопки отключения сигнализации и, нажав на неё, начал выворачивать язычок замка монтировкой. Дверь не поддавалась. Слабоват оказался? В эту минуту он осознал, что на-

прасно с пренебрежением относился к ежедневным занятиям друга с гантелями и штангой. Тот до изнеможения, до седьмого пота загружал себя килограммами железного веса и всё время предлагал Пашке пощупать твёрдые, как камень, бугры мускулов на своём теле.

Пашка в ответ беззаботно отмахивался, считая, что занятия спортом не так уж и обязательны. Да и обременительны они. Есть много интересного в мире, на что следует тратить своё время. Вот и не прав, получается. Как бы она сейчас, эта мускулатура, ему пригодилась. «Да что думать об этом! Поздно, батюшка, поздненько...» – Пашка знал, что как только он отключит сигнализацию, об этом сразу же узнают охранники и примчатся на машине сюда. Во что бы то ни стало он должен успеть открыть дверь до их приезда и уйти от магазина как можно дальше. Путь отступления разработан им до мелочей. Выбравшись из магазина, он по заросшей кустарником территории детсада проберётся к девятиэтажному общежитию, в подвале которого (он был там как-то с другом) можно отлежаться на досках до утра и потом уже, не таясь, выбраться из подвала и вернуться домой. В подвал он проникнет, если тот закрыт, через разбитое окошко.

67 Пашка, в нечеловеческом усилии обеими ногами упираясь о дверь, дёргал на себя монтировку. Но ничего с дверью не получалось: либо он сам оказался слабоват для такой двери, либо длины монтировки чуть-чуть не хватило – щель между дверью и косяком, несмотря ни на что, увеличивалась очень уж медленно. В глаза Пашке стал затекать пот. Он судорожно перехватил руками свою миниатюрную монтировочку и едва ли не застонал: ещё усилие, ещё чуть-чуть только поджать – и дверь поддастся ему! Но тут же снаружи, за дверью, он услышал рокот подъезжающей машины, стук её открываемых дверей и направляющиеся в его сторону шаги. Юный воришка в испуге застыл на месте: «Неужели за мной, и так быстро?».

– Пломбы на месте, дверь целая, – задумчиво произнёс грубый голос, – вам, наверное, показалось.

В это время, истошно гудя сиреной, к двери подкатила ещё одна машина. Мужские голоса тревожно обсуждали проблему. Из разговора за дверью Пашка узнал, что вторыми подъехали охранники. Одного они по отработанной схеме высадили у главного входа. Значит, пути отсту-

пленя для Пашки даже через разбитое окно уже быть не может. Но и сдаваться просто так страшно. Зловеще звякнула связка ключей. «Они хотят войти», – догадался Пашка и, подхватив сумку, на цыпочках побежал в своё укрытие под линолеумом. Он успел спрятаться, когда по мозаичным плиткам пола зацокали уверенные шаги.

– Вроде бы здесь никого нет, – снова раздался мужской голос.

– Да нет же, он здесь, ищите, – убедительно произнесла невидимая Пашке из укрытия женщина до удивительного знакомым ему с детства голосом.

– Я своими глазами видела, как он стоял у витрины и что-то оттуда вытаскивал.

– Может быть, может быть... – слышалось в ответ будничное бормотание мужчины, всё более приближающегося к укрытию Пашки.

Неожиданно мужчина этот или другой – попробуй определи: вон их сколько сюда понаехало! – шагнул за двухметровой высоты экран, подошёл к стенке и, приподняв край линолеума,

радостно воскликнул: «А, вот ты где, миленький, спрятался, а ну-ка вылезь!».

«Можно было и не приказывать. Ишь, обрадовался: нашёл! Да тут-то и прятаться негде, если по-хорошему. Одни стены да полки с товарами...»

Пашка, ещё как только услышал звон ключей за дверью, то сразу и понял, что сорвалось им задуманное и ничто теперь ему не поможет. И он только для приличия и от страха немножко лежал, притаившись, в своём укрытии. «А так что же? Вот он я, берите. Теперь уже всё. Никогда мне не везло, а сейчас с чего бы, спрашивается, повезло, да и так крупно? Подобное, если и случается, то очень редко. Как в лотерейке. Жизнь, она справедливая. И всё в ней происходит совсем по-другому, не так, как бы тебе хотелось». Он приподнялся с пола и, зажмурившись на мгновение, шагнул вперёд на свет люминесцентных лампочек.

– Пашенька? – удивлённо воскликнула сопровождавшая сотрудников милиции и охраны женщина и начала медленно оседать на пол...

Георгий ДОРОНИН

О РУССКИХ ЛЮДЯХ

* * *

Страна родимая – Россия!
Цветами убранный шатёр.
Неописуемо красивый
Полей и рек твоих простор.

Твоей с вином янтарной чаши
Не расплескал никто вовек.
Живёт среди лесов и пашен
Здесь русский гордый человек.

Объятый жаждой созиданья,
Он строит сёла, города.
Своей страны на поруганье
Врагу не выдаст никогда.

Он биться с недругами будет,
Пока в глазах горят лучи.
Вот о таких, о русских людях,
Строка, металлом зазвучи!

Над голубой поляной рея,
Снижался тихо белый снег.
На одинокой батарее
Их было двадцать человек.

Они пришли и на закате
Здесь стали – воины в строю,

Чтоб защитить на этом скате
Свой край и родину свою.

И, разгребая снег лопатой,
Установили пушки тут.
И замполит сказал ребятам:
– Здесь мы. Здесь немцы
не пройдут!

1942

САША СИБИРЯКОВ У МИНОМЁТЧИКОВ

Саша час затратил целый,
Наблюдая мин полёт,
Метко бьёт в руках умелых
Наш советский миномёт.

Говорят бойцы, разведав
Место, мина где легла:
– Нам оружие победы
В руки Родина дала.

Мина вражью бьёт пехоту,
Рвёт на тысячи кусков.
Подползает к миномёту
Сам Григорий Костяков.

ДОРОНИН Георгий Антонович родился в 1904 году в Томской области. Был избачом, селькором, секретарём вол-исполкома, делегатом первого Всероссийского съезда крестьянских писателей, работал в различных газетах Сибири, с 1940 года – редактором городской газеты Новокузнецка «Большевицкая сталь». Во время Великой Отечественной войны Г. Доронин – ответственный секретарь дивизионной газеты «Боевая красноармейская», бойцы хорошо знали его поэму «Саша Сибиряков». В походной типографии была напечатана его поэтическая книжечка «Сыны Отечества». Г. А. Доронин погиб в бою на высоте Гнездиловской, на Смоленщине, в августе 1943 года.

*Уломер он точно ставит,
Чтобы миной в цель попасть.
Он явился с гор Алтая
В нашу воинскую часть.*

*Где Катунь-река струится,
Он оставил дом, семью,
Чтобы насмерть с немцем биться
За отчизну за свою.*

*Вот, не дрогнув, опустила
Мину в ствол его рука.
Мина птицей быстrokрылой
Улетела в облака.*

*И, упав на сопке мшистой,
Разнесла мишень в куски...
Так на фронте по фашистам
Будут бить сибиряки.*

*Чтобы минами без счёта
Поражать в бою врагов,
Бить учись из миномёта,
Как товарищ Костяков.*

*Миномёт – оружие смелых,
Миномёт – орёл в бою.
Миномёт в руках умелых –
Смерть фашистскому зверью.*

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ ЗАМАЛЕЕВ

Он пришёл в редакцию журнала «Огни Кузбасса» перед 63-м Днём Победы и прочитал это стихотворение, не торопясь, как-то обстоятельно, подчиняясь дыханию своего возраста.

*На войне о смерти мало говорят,
В день её встречают много раз подряд.
Слишком, даже много этих смертных дней,
Так чего же ради говорить о ней?*

*На войне о жизни любят говорить,
Благо жизнь солдата тонкая, как нить.
Тонкая, но как бы ни была тонка,
Как бы ни рвалася – всё равно крепка.*

*Прошипела мина, пролетел снаряд,
И опять о жизни люди говорят.
Курят папироски, пряча их в ладонь,
Говорят о девушках, вспоминают дом.*

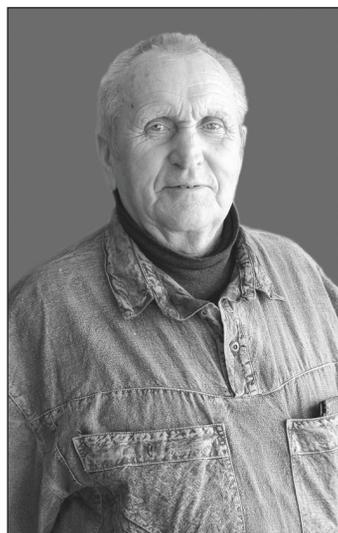
*На войне танцуют, на войне поют.
Есть одна надежда: может, не убьют.*

«Это стихотворение мне рассказал во время войны на передовой старший лейтенант Замалеев. Наверно, убит. Я был солдат. Фамилия моя **Поручиков Михаил Григорьевич**», – сказал он.

Записал Сергей ДОНБАЙ

Борис КУЗНЕЦОВ

РАССКАЗЫ

КОРМИЛЬЦЫ

В последнее военное лето маму отправили на заготовку сена. Сенокосные угодья находились километрах в двадцати пяти от посёлка. В бригаде работали шестнадцать женщин, почти все – солдатки или вдовы. Направили их от швейной мастерской. В мастерской они шили нижнее солдатское бельё. Маму назначили бригадиром в этой непростой команде не потому, что у неё были способности, а потому, что была она партийной. Бригадиром из-за слабохарактерности она была плохим. Не умела ни приказать, ни наказать. Звали маму Надежда Сергеевна, только бабы в бригаде уважения к ней не проявляли и называли Надей, а то и Надькой.

Мама взяла на покос Витька и Колю. Она хотела оставить детей на попечение свекрови, но та воспротивилась, ссылаясь на нездоровье:

– Да разве я, старая-больная, догляжу за этими бандюками!

Мальчики ликовали. Они не любили суетливую и злую бабку. Маленькая, сморщенная, она курила махорку и ругалась, как мужик. Она смогла бы учинить догляд не только за своими внуками, но и за ватагой таких, как они. Витьку исполнилось восемь лет, Коля был на полтора года старше. От мамы

и бабки подзатыльники им причитались примерно в равном количестве, но Витёк ещё получал дополнительную порцию от Коли.

На покос шли пешком. На единственном коне везли косы, вёдра и прочую походную утварь. Коня звали Чингис. Его мобилизовали на трудовой фронт из монгольских степей. Командовал «обозом» завхоз мастерской, которого женщины звали Никифор Петрович, а мальчики по фамилии – дядя Еремеев.

На берегу речки Бегунки стоял ранее отремонтированный Никифором Петровичем просторный балаган для покосниц и навес из горбыля со столом и скамьями. Здесь бригаде предстояло жить какое-то время, и время это зависело не только от старания людей, но и от погоды. Хорошая погода позволяла справиться с заданием быстро, и всё-таки каждая из женщин мечтала о нескольких днях ненастья, в которые можно успеть отлежаться и отоспаться.

После того, как отдохнули от утомительного пути, Никифор Петрович раздал косы и велел обкосить становище, прокосить дорожки к воде и наносить в балаган травы для постелей. Женщины вразной, а некоторые совсем неумело замахали косами. Заросшая высокой травой

КУЗНЕЦОВ Борис Павлович родился в 1936 году, окончил в Сталинске (с 1962 г. – Новокузнецк) Сибирский металлургический институт. Инженер-металлург, всю жизнь отработал в мартеновском цехе Гурьевского металлургического завода. Первые стихи написал в школе, они печатались в газете «Гурьевский рабочий». В студенческие годы посещал литературную студию при газете «Кузнецкий рабочий». Стихотворения выходили в кемеровских сборниках «Молодые голоса» (1959), «День поэзии» (1970), альманахе «Огни Кузбасса» и газетах «Комсомолец Кузбасса», «Земляки», «Кузнецкий рабочий», «Советский воин». Автор четырёх книг стихов и прозы. Живёт в городе Гурьевске Кемеровской области.

и потому казавшаяся тесной поляна, теперь освобождённая, раздвинула границы, повеселела.

Во время очередного «перекура» выбрали повариху, самую молодую, высокую шустрю Валентину. Она, было, заартачилась, но товарки на неё цыкнули:

– Ты хочешь, чтобы мы, старухи, в жару вокруг костра крутились?

Самой старшей женщине едва перевалило за сорок.

– С чем крутиться-то? – сопротивлялась Валька. – Варить всё одно нечего, кроме пшёнки.

– Но почему же кроме пшёнки? Будет и ещё что-нибудь. Правду я говорю, Никифор Петрович? – спросила Надежда Сергеевна.

Еремеев неопределённо буркнул. По прошлогоднему опыту он знал, что надеяться на дополнительный приварок не следует.

– Ты, Валька, радуйся, что тебя к каше ставят. Вон ты какая тощая: ни кожи, ни рожи. При котле, авось, и тело наберёшь, – высказалась самая старшая в бригаде, Елена. Скандалистку, её не то чтобы боялись, но если она напрашивалась на ссору, то старались не ввязываться. Жалели. Елена недавно получила похоронку на мужа.

Валька взорвалась:

– Ты, тётя Лена, меня сразу в воровки записала. Плевать я хотела на этот котёл!

– Довольно! – рявкнул Никифор Петрович. – Нечего здесь воровать! И если ставят тебя к котлу, то не дёргайся. Устроили здесь пионерский сбор! А ты, дура старая, – обратился он к Елене, – не подначивай, не зуди!

Успокоились. Попили холодной воды, пожевали то, что с собой прихватили, поделились с теми, у кого ничего не было, и пошли махать косами. Перед солнцезакатом Никифор Петрович уехал в посёлок. После его отъезда женщины косьбу закончили, лишь Надежда Сергеевна махала косою, надеясь личным примером вдохновить баб на продолжение работы, но те не вдохновились.

За ужином вспыхнул скандал. Когда Коля дошёл к Валентине за порцией каши, Елена закричала:

– Почему чужие харчатся из нашего котла? Нахлебников нам не надо!

Мама кинулась к Коле, вырвала из рук его миску, в которую Валя уже успела положить порцию для мальчиков и вывалила содержимое в котёл. Бригада молчала. Елену никто не подержал, но и за мальчишек никто не вступился.

Только красивая Оля произнесла:

– А ведь Еремеев про тебя, Ленка, правду сказал. Дура ты старая!

Так нехорошо началась покосная страда. Но дело на месте не стояло. С рассветом начинали косить, а к полудню приезжал Никифор Петрович. Женщины пили чай с привезённым им хлебом и опять принимались за работу, а Еремеев настраивал косы. Женщины заметно веселели, даже соперничество в косьбе появлялось, но перед закатом Никифор Петрович уезжал, и в бригаде снова воцарялось равнодушие.

А Коля с Витьком днём уходили на гору за речку, «пасться» на клубнике. Ягода надела обильно, вот только рвать её приходилось с осторожностью из-за змей, которых водилось на горе несчётно. Счастье это длилось три дня, а на четвёртый дядя Еремеев дал мальчикам грабли и приказал ворошить первую кошенину, а потом они из балагана вытаскивали подопревшую, сырую траву, служившую покосникам постелью на первое время, и заменяли её свежим сеном.

Вечером повариха Валя спросила:

– Мальчишки заработали кашу?

Покосницы промолчали. Валя хотела каши ребятам наложить, но мама не разрешила.

На следующий день после полудня бригада ворошила и сгребала готовое сено. Коля верхом на Чингисе ездил вдоль валков, а две женщины набрасывали сено на волокушу. Витёк завидовал брату, ему тоже хотелось восседать на коне, командуя «Но!» или «Стой! Чёрт лукавый!». Так руководил Чингисом Никифор Петрович. Завидовать долго не пришлось. Через пару часов Коля сполз с хребта Чингиса, он уже не мог сидеть на нём, он ни на чём уже не мог сидеть из-за мозолей и ссадин на ягодицах.

Витёк уже без особого рвения вскарабкался на коня, но выдержать он не смог даже двух часов. Теперь мальчики по очереди водили Чингиса за повод, а женщины кидали сено и подсмеивались над ними.

Так продолжалось несколько дней. Погода стояла жаркая, с полуденным ветерком. Не погода, а мечта. Женщины втянулись, работали скоро, не обращая внимания на оводов. Вечером они шли на галечный перекал Бегунки, смыть пот и сенную труху. Ужинали и заползали в балаган. Никаких сидений и разговоров у костра. Если погода не подкачает, то недели через полторы, от силы две, можно было рассчитывать на окон-

чание страды. Но в этот установившийся порядок вдруг вкралось непредвиденное. Однажды утром Никифор Петрович не приехал. Попили чай с тем, что у каждой было про запас, вышли на работу, а перед сном поужинали кашей, сваренной Валею из остатков пшена. На следующий день приезда Еремеева ждали, как окончания войны, но он опять не приехал. После обеда мама пошла в посёлок за хлебом и прояснить обстановку. Работа на покосе продолжалась по инерции. Валя сходил на колхозную пасеку, отстоящую километрах в двух, но пасечник помочь не смог. Накануне к нему приезжали председательница с представителем из госпиталя и весь мёд забрали для раненых. Валя принесла в чашке изломанные соты, перемешанные с мёдом, и немного хлеба, который от себя отделил сердобольный старик.

И на следующее утро Никифор Петрович не приехал. Мама тоже не пришла.

– Всё, бабы, – с грустным смешком сказала Люба, – отработаем и подышать будем.

– Не подохнем! Может, Надька придёт, а если нет, то ребятишки рыбы в речке наловят. Вот и прокормимся. Как вы думаете, Витька, Колька? Наловите рыбы, спасёте несчастных? – красивая Оля засмеялась.

– А чем? – хором спросили братья.

Ольга сползала в балаган и вернулась с голловым платком:

– Вот вам невод. Ловить не переловить!

Как ловить рыбу тряпкой в ручьях и мелких речушках ребята знали. Они взяли под улов ведро и спустились к Бегунке, вода в которой не прогревалась даже в полдень. Бегунка не допускала до себя солнечные лучи, струилась в зарослях лозняка. Берега густо обросли крапивой и марьиным корнем. Стайки рыбёшек, пескарей и голянов сновали в прозрачной воде.

Вначале у братьев получалось не очень, а потом пошло хорошо. За один проход иногда удавалось поймать несколько горстей рыбы. Когда Витёк не успевал вовремя поднять свой конец «невода» и рыбёшки сбегали, он получал от Коли оплеуху. Обидно, конечно, но не столько за подзатыльник, как за то, что от брата рыба иногда сбегала безнаказанно для него. Однако работа шла, ведро заполнялось, и даже вода стала теплее, может, от разогревшегося воздуха, а может, просто мальчишки привыкли к её остылости. Когда ведро наполнилось на две трети, Коля сказал: «Хватит!».

Они несли ведро вдвоём. Подъём от Бегунки был крутой, ноги путались в траве. На стане никого не было. Хотелось есть. Витёк предложил брату сходить на Змеиную гору за клубникой, но тот молча сел к столу и стал где ножом, где пальцами потрошить скользких и жирных рыбёшек. Витёк подсел к нему. Ловить рыбу было гораздо интереснее, чем подготавливать к варке. Братья уже заканчивали работу, когда пришла Валя.

– Так много! В Бегунке? Скажи кому, так никто не поверит.

Когда покосницы, молчаливые, утомлённые зноем и голодом, пришли к балагану, уха, а точнее рыбная каша, так как рыбы в котле было больше, чем воды, остывала на краю стола. Женщины недоверчиво вдыхали ароматный запах и шли на речку, смыть пот и усталость.

Ели варево с жадностью, подливали себе добавки. Лица разглаживались, глаза веселели. Елена заикнулась было: «Хлебца бы!», но её оборвали.

Наперебой хвалили мальчишек:

– Кормильцы! Мужики! С такими не пропадём!

Стемнело. Костёр погас. И без него было тепло, даже душно. У ребят слипались глаза, да и женщины одна за другой заползали под тёмный свод балагана. Братья лежали между Валею и красивой Олей, которые вполголоса переговаривались.

– Ну как там кормильцы? – спросил кто-то из темноты.

– Спят кормильцы, – отозвалась Оля.

За стенами балагана трещали цикады, где-то далеко ухал филин, а за Бегункой от клубничной горы раздавался громкий треск, и все верили, что так трещат змеи. Под сводом балагана висела душная тишина, и вдруг в самом дальнем его конце раздался голос:

– Нинка, что там у тебя в брюхе урчит и урчит?

– Не урчит, – полусонно отозвалась Нинка, – это пескари икру метают.

Первая засмеялась Валя, потом ещё кто-то, и ещё, и ещё. И громкий смех, какого не было за всю покосную страду, заглушил все другие звуки.

– Тише, вы! – прикрикнула красивая Оля. – Кормильцев разбудите!

А утром приехали Никифор Петрович и мама. Они привезли трёхдневную норму пшена и хлеба и большую банку американской тушёнки.

ВЕЛИКОЕ КИНО

Клуб воздвигли лет за пять до войны. Люди строили социализм, но они не очень понимали, каким он должен быть, и видели его в своих мечтах большим и светлым, и клуб получился большой, белый, с колоннами. Он стоял на возвышенности. К нему вела широкая лестница, стилизованная под мрамор, окаймлённая массивными бетонными перилами. В перегибах перил стояли гипсовые вазы. Летом они краснели ноготками и пестрели аютиными глазками. И ещё. Один недавний мудрец сказал, что «из всех искусств для нас важнейшим является кино», а вера в этого человека была непоколебимой, и поэтому кинозал в новом клубе мог вмещать больше полутысячи зрителей. А потом началась война, и строительство светлого будущего прервалось.

Зима тянулась долгая и холодная. Вечерами по улицам с деревянными винтовками маршировали отработавшие длинную смену в цехах мужчины призывного и допризывного возраста. Под командой фронтовика, получившего отсрочку после ранения, они «штурмовали» Крутиху, гору, до блеска заезженную салазками и самокатами. Мальчишки бегали смотреть, возьмут или не возьмут «наши» Крутиху? Но «наши» взять её не могли, слишком скользким был подъём. И на другой вечер эти, а может быть, другие, мужчины «штурмовали» горку и опять скатывались вниз. Зато какая радость овладевала мальчишками, протаскившими свои салазки или самокаты по забитому снегом проулку на вершину горы, катить с неё с восторгом и страхом.

В конце февраля висевшую на клубном стенде недели четыре афишу с «Волгой-Волгой» сменили на «Разгром немецких войск под Москвой».

К началу сеанса люди шли сплошным потоком.

Коля и Витёк в первый день кино не посмотрели. Баба Лена работала в утреннюю смену, и сбежать на улицу они не смогли. Баба Лена сказала, что «в такой мороз хороший хозяин собаку из дому не выгонит», хотя морозило не так уж сильно, но холодный ветер продувал насквозь. А дед вместе с другими «штурмовал» Крутиху. Ребята сидели у репродуктора. Включённый на полную громкость, он всё равно говорил тихо, а порою хрипел, но ребята к этому привыкли и почти всё понимали. В доме была книга. Библиотечная. «Пятнадцатилетний капи-

тан». Книгу по вечерам вслух читала баба Лена, иногда дед. Мальчишки читать могли только по складам. Коля в школу должен идти осенью, а Витёк через год.

На следующий день братья попали в кинозал. Это было несложно, людей пришло ещё больше, а где много взрослых, там и маленькому легко, нужно только не быть с краю, а затереться в серединку. В двери мимо контролёра протискивались сразу по три-четыре человека, а иногда кто-нибудь протягивал целую ленту билетов. И говорил, показывая на окружающих: «Эти со мной!», а замотанные таким многолюдством контролёры не считали, соответствует ли число протиснувшихся билетам.

Кино ошеломило мальчишек. Там по снежным полям неслись выкрашенные белой краской танки, скакала конница, бежали в атаку красноармейцы, друг за другом шли лыжники с автоматами. А ещё показывали разбитые немецкие пушки, танки и автомобили. Ими были завалены обочины дорог и освобождённые города. Но когда показывали замученных фашистами красноармейцев, у ребят от ужаса глаза делались круглыми и отвисали подбородки. Нет, они не отворачивались от экрана. Они знали о жестокости войны.

77

Пробрались братья в кинозал и на следующий день, а потом через два дня ещё. Благо баба Лена работала в вечернюю смену, а дед никак не мог завоевать неприступную Крутиху. А после четвёртого похода в кино случилась беда, с Витька сдёрнули шапку. Его, сдавленного людской массой, выносило из клубных дверей, и в этой толкотне на шапку позарился кто-то из шпаны. Витёк носил её, не завязывая ушей. Не маленький он, в конце концов. А баба Лена всегда спрашивала, отправляя его на улицу: «Шапку завязал?» – и проверяла, подвязал он тесёмки или нет. Колю не проверяла. Коля отличался аккуратностью.

Витёк стоял, привалившись к бетонному ограждению, и ревел, ревел по-настоящему. Люди шли мимо, но мало кто обращал внимание на плачущего мальчика, а потом Витька нашёл Коля. Ему не нужно было ничего объяснять. Он знал местную шпану и сам мог стать таким же, но у него были строгие дед и бабка. Мороз стоял нешуточный, лестница не освещалась и скоро опустела. Люди, посмотревшее кино, ушли, а пришедшие смотреть зашли в зал, а Витёк всё стоял на том же месте. Коля не мог уговорить

его и отвести домой, тогда он дал Витьку подзатыльник и ушёл. Вернулся он вскоре не один. С тётей Ниной. Тётя Нина жила у них за стенкой. Она работала в школе учительницей.

Витёк уже не ревел. Он как мог натянул на стриженую голову фуфайчку, стоял и хлюпал носом. Тётя Нина повязала его своим платком и повела домой. Витёк не упирался, а дома, не раздеваясь, забрался на топчан, забился к самому краю и уснул.

Проснулся он от громкого голоса бабы Лены: «Хоть бы ему башку оторвали вместе с шапкой!». Она ругала Колю, а между сыпавшимися упрёками пыталась выведать, что там, вчерашним вечером, произошло. Витёк буркнул утреннее приветствие, заткнул в валенки ноги, накиннул на плечи фуфайку и выскочил на улицу по своей надобности. За ночь мороз не смягчился, а стал злее. Да ещё и ветер подул. Вот уж, действительно, в такую погоду хороший хозяин собаку из дома не выгонит. Когда он вернулся, баба Лена гремела посудой, а Коля сидел на топчане и по складам читал «Пятнадцатилетнего капитана». Витёк не знал, что успел наврать брат бабе Лене, подсел к нему, и они стали шептаться. Но Коля ничего не наврал, он рассказал всё, как было. Потом баба Лена позвала их за стол, а за завтраком объявила, что теперь никакой улицы, никакого кино.

– Будете сидеть дома и читать!

После полудня к ним зашла тётя Нина. Она принесла Витьку Костину шапку. Костя, сын, весной сорок первого вернулся со срочной, а в июле его забрали на войну. Тётя Нина получила два письма: одно с дороги, а второе оттуда, где очень красиво и течёт большая река, чудная при всякой погоде. Взрослые восхищались Костиной находчивостью, а недели через три по радио передали, что наши оставили Киев. Больше тётя Нина писем от Кости не получала. Она стала часто плакать, но потом к ней подсадили эвакуированных: женщину с двумя девочками-школьницами, и плакать тётя Нина стала реже. Костина шапка была Витьку великовата, но она очень понравилась мальчику, и он примерял шапку так и этак, кривляясь перед зеркалом.

Тётя Нина опять заплакала, а Витёк решил, что ей жалко отдавать такую хорошую шапку и сказал:

– Не плачьте, тётя Нина! С меня её могут сорвать только вместе с башкой!

Тётя Нина заплакала ещё горше и пошла к себе.

Вечером баба Лена и дед были дома. Они пошли в кино. Коля с Витьком тоже пошли в кино, а тётя Нина не пошла. Она сказала, что ей не справиться с собой, что она будет весь сеанс реветь и испортит людям отдых. Мороз ослабел. Людей набрался полный зал и балкон. Те, кому не хватило места, стояли у стен и в проходах. И опять на экране бежали в атаку красноармейцы, белые танки неслись по полю и мчалась конница. И опять становились круглыми, немигающими глаза, когда шли кадры о зверствах захватчиков. Оглушительная тишина обрушивалась в эти минуты на кинозал, и только всхлипывания женщин в темноте зрительских рядов нарушали её.

Четвёртую неделю крутили в клубе «Разгром...», а народ шёл и шёл к каждому сеансу, и толпа, поднимающаяся по лестнице к клубу, становилась день ото дня плотнее. Эти люди даже в самые тяжёлые осенние месяцы верили в победу, а сейчас шли за подтверждением своей веры, и после каждого просмотра они выходили те же, но уже другие, потому что это было Великое кино, созданное Великим народом.

АМЕРИКАНСКИЕ ШТАНЫ

Вторую военную зиму мы пережили куда как лучше, чем первую. Тогда у нас дрова и картошка закончились в феврале. Дед говорил, что война застала нас «без штанов».

Весной дед выменял на что-то картофельные семена – грязные, сморщенные, мелкие, как бобы, клубеньки. Не семена, а картофельный мусор. Сажали по одному клубеньку в лунку, чтобы получилось больше, потом ждали: «Взойдёт не взойдёт», а когда возшла, то за каждым кустиком ухаживали, как за дитём. И ещё возили на тележке дрова. Картошка уродилась, и зимой баба Оля два раза каждый день кормила нас. Утром – варёной в мундирах, вечером – жареной. Печку тоже топили два раза: утром и вечером.

Жили мы вчетвером: я, старший брат Коля, он этой весной перешёл в третий класс, баба Оля и дед. Дед приходился нам не совсем дедом. Он был мужем бабы Оли. Отец наш воевал.

Я подслушал, что говорил дед своему напарнику, тоже конюху, об отце:

– Ему что? Он всё время воюет. На Халхин-Голе воевал, на финской – воевал, теперь вот на германской.

Было обидно. Получалось, что папа не хотел копать картошку и возить дрова, а ушёл на войну.

Когда месяц-другой с фронта не приходили письма, дед говорил:

– Опять, наверное, в окружении плутает.

Если письма вдруг начинали приходиться часто, то объяснял так:

– В госпитале отлёживается. Вот и строчит от делать нечего.

Позднее я понял, что за этой бравадой прятались непроходящее беспокойство и желание не допустить в дом панику.

Про маму не говорили никогда. Наша мама сидела в тюрьме.

Когда в домашних делах появлялся просвет, я и Коля в компании таких же заморышей уходили в лес или на горы, искали съедобные травы и выкапывали луковицы цветов. Весной – кандыков, а ближе к лету – саранок, мучнистые корни которых были вкусными и сытными. Мы очищали их от земли травой, но всё равно на губах оставался чёрный налёт. Саранки встречались редко. Многие, как и мы, охотники ходили по горам и от первой зелени до самых снегов мяли босыми ногами окрестные травы.

А на Шкрап босоногим не пойдёшь. Шкрапом называлось место, где сваливали железный лом для завода. Позже я узнал, что мы просто исказили слово скраб. На Шкрап нам ходить запрещали: там работали краны и ходили паровозы. Охранял площадку одноногий сторож дядя Лёня, который жил тут же, в будке. После госпиталя он не мог уехать, потому что его родная деревня была «под немцем». Мы с ним дружили, и на нас он кричал лишь тогда, когда мы лазали близко у работающих кранов и когда на площадке находилось начальство. Много интересного находили мы на Шкрапе, но лучшей добычей считалась противогазная сумка с ремешком. Сумка годилась подо всё, а ремешком пользовались, как брючным. Его можно было обменять даже на еду. А если в сумке сохранился противогаз, то нашедший считался счастливчиком. Лучшие рогатки делались из противогазной резины. Говорили, что Вовка Гусь сбил из рогатки ласточку на лету. Я не очень верил, но не спорил. Гусь был самым старшим среди нас, и мы ему подчинялись.

Так что жизнь наша с Колей складывалась совсем неплохо, но в самом начале лета на меня свалилось несчастье. Мне подарили американские штаны. Где-то какая-то комиссия распределяла поступившую из-за океана помощь, и, наверное, помощи было немало, но штаны

достались почему-то мне. Я видел такие на картинке, в книжке про Тома Сойера. Клетчатые, с ляжками, с пуговицами на боку и под коленками. Штанины отсутствовали, прореха тоже.

– Повезло, – с издёвкой отметил брат.

– Хорошие штанины, – ласково пропела баба Оля. Она готовилась к битве.

– Не надену! – заорал я. – Не надену!

– Не наденешь – выпорю, – вмешался дед. Других воспитательных методов он не знал.

– Не надену, не надену! Сами носите! – орал я, пуская слёзы.

– Но ты посмотри, в чём ты ходишь, – всё ещё ласково ворковала баба Оля.

Действительно, то, что носил я и из чего давно вырос, заношенное, в заплатках, давно нуждалось в замене. Дед говорил: «Из-за гостей хозяйина не видно», это о заплатках. «Ноги торчат, как у кулика», – это о том, что штаны стали малы.

Я продолжал буйнить, а баба Оля вдруг сдалась:

– Хорошо. Будь по-твоему.

И бросила американские штаны на табуретку. Коля покачал головой. Такой лёгкой победы над бабой Олей не случалось даже у деда. Баба Оля не знала поражений. Успокоившись, я поел картошки и ушёл играть, а возвратившись уже в сумерках, сразу уснул.

Когда, проснувшись утром, я стал одеваться, то любимых моих штанов на месте не оказалось. Я поискал там и там. Искать было просто, у нас почти отсутствовала мебель. Американские штаны лежали на табуретке, клетчатая материя походила на тюремную решётку.

– Где мои штаны? – предчувствуя недоброе, крикнул я.

– Сожгла я твои штаны, – отозвалась из кухни баба Оля.

Я опять захныкал, но никто в комнату не заходил. Коля тоже испарился.

«Предал», – обиделся я.

Хотелось есть. На столе в чашке дымились варёная картошка, и я собрался сесть на своё место, но баба Оля сказала:

– Без штанов за стол не пуцу!

И тогда я надел американские штаны.

Я думал, что ребята будут надо мной смеяться, но они отнеслись с пониманием:

– Заставили? – спросил Стёпка:

– Заставили, – уныло подтвердил я, но о том, как я с рёвом отбивался от этого подарка, распространяться не стал.

– Можно носить, – сказал Стёпка, а Лёха выдернул из тесины гвоздь и стал раздёргивать нитки.

– Не, я уже смотрел. Не рвутся.

– Не рвутся, – согласился Лёха.

– По крапиве не побегаешь.

– По Шкрапу тоже не походишь, – вмешался молчавший до этого Гусь.

– Не походишь, – подтвердили все.

На Шкрап пошли ближе к вечеру. Не дойдя какую-то сотню шагов до места, Гусь вдруг остановился.

– Дурак! – выдохнул он и красиво плюнул сквозь зубы.

– Кто? – не поняли мы.

– Я! – Гусь опять красиво плюнул. – Надо было Витьку ноги тряпками обмотать. Сходи к дяде Лёне, может, у него что-то найдётся, – обратился он ко мне.

Ребята разошлись по железным завалам, а я пошёл к будке. Дядя Лёня курил, сидя в тени, деревянная нога стояла, прислонённая к скамье. Я поздоровался.

– Американские? – спросил дядя Лёня.

– Они, – вздохнул я.

– Заставили? – спросил дядя Лёня.

– Других нет, – ответил я. – Мне бы тряпок каких, ноги обмотать.

– Не стоит. – сказал сторож. – Там давно всё проверили, а вагоны с неделю не поступали.

Дядя Лёня сунул культю в деревяшку и захромал в будку. Вернулся он с коробкой, в которой лежали ножницы, нитки и прочая дребедень.

– Снимай!

Дядя Лёня отпорол лямки, скроил из них петельки и пришил к поясу штанов. Потом опять зашёл в будку, принёс ремешок от противогазной сумки и продёрнул в петельки. Я чуть не заплакал от радости.

Подошли ребята. Они действительно ничего не нашли, но переделанные штаны одобрили.

– Ништяк! – сказал Гусь и сплюнул.

– Ништяк! – хором повторили все.

– Прореху бы ещё, – попросил я.

– Сделаем и прореху, – сказал дядя Лёня. – Приходи.

А главное, что не стало позорных детсадовских лямок. Примерно так думал я, когда мы возвращались домой, и друзья соглашались со мной.

Хорошо было работать на огороде, хорошо было пропалывать в поле картошку, там никто не

смеялся над американскими штанами, но пройти по городу, сходить на речку или в кино и не услышать обидное не получалось. Дразнили полузнакомые пацаны, а совсем незнакомые тыкали пальцами и смеялись. Я мечтал о настоящих штанах, таких, какие носили все. Да ещё Коля давил на больное место:

– Скоро лето пройдёт, заморозки начнутся. И куда ты в них? Ни в лес, ни по грибы.

Стояла жара последней недели июля. На огороде и на пашне всё росло само, тучнело и вызревало. Я и брат на тележке возили сосновые шишки и сучки. Ездить приходилось далеко, все спешили запастись к зиме топливом, ближайшие сосняки были вычищены до иголки, и сегодня мы решили забраться подальше в лес, чтобы нагрузиться быстрее. На полянах, как пуговицы на американских штанах, блестели шляпки только что пробивших сосновую подстилку маслята. Сообразив из могучих листьев лопухов подобие корзины, мы пристроили её на тележке среди мешков и наполнили крепенькими скользкими грибами. Собрать грибы оказалось много приятнее, чем сосновые сучки. Дома растроганная баба Оля сразу принялась чистить маслята, а нас до ужина отпустила на речку.

Купались мы на Длинном плёсе. Коля плавал хорошо и уплыл на тот берег, а я хлюпался на мели. Одежда лежала около самой воды.

По берегу шли большие парни. Ремеслуха. Один увидел мои штаны, поднял их и засмеялся, размахивая ими перед друзьями: «Во, сила!»

– Не трожь! – крикнул я, шлёпая к берегу.

– Твои? – спросил парень. – На, держи!

Он протянул мне штаны, но, когда я был уже готов схватить их, бросил своему спутнику, а тот – другому, а другой – третьему, и я бегал от одного к другому и кричал: «Отдай!», и плакал от бессилия и злости, а взрослые парни гоняли меня по кругу, пока один не крикнул: «Лови!». Он забросил штаны в воду через голову плывущего на выручку брата. Коля развернулся, но поймать быстро тонущую тряпку не успел. Долго нырял он, всё ещё надеясь нащупать на дне американские штаны, но на такой глубине не сумел. А может быть, их уже отнесло течением.

Домой мы вернулись поздно. Баба Оля уже беспокоилась, не так о нас, как об остывающих на сковороде грибах, поджаренных с зелёным луком. Маслята любят, когда их едят горячими.

– А штаны где? – первым опомнился дед.

– Спёрли! – хором захныкали мы.

По дороге домой мы сговорились врать, что штаны украли. Если баба Оля узнает, что произошло на самом деле, то на речку нам ходить запретят.

– Беда! – заохала бабушка.

– Врут! – дед стал снимать брючный ремень, но баба Оля сказала, что от битья штаны не вырастут. Но она очень расстроилась и не скрывала этого.

Мы ждали, что будет порка, будут крики и слёзы, но всё закончилось просто и немного печально. Я даже пожалел свои американские штаны.

Мне приснились кузнечики. Было их много, и они громко стрекотали.

Проснулся я поздно, солнце пятнами лежало на стене, из кухни слышались негромкие голоса. За столом сидели дед, баба Оля и брат. Раскрытая швейная машина стояла на подоконнике, на полу валялись узенькие обрезки серой ткани, а на табуретке лежали новые штаны. Настоящие. С длинными штанинами, с карманами и прорехой.

– Примерь, – баба Оля подала обнову.

Они были великолепны! Правда, велики в поясе, в шаге, а штанины волочились по полу. Баба Оля запричитала, но потом прямо на мне подвернула штанины, прихватила нитками, закрепила пояс ремешком, отошла в сторону, оглядела меня и вздохнула:

– На вырост.

– Не дотянут, – недоверчиво хмыкнул дед.

А я был уверен, что дотянут. Потому что стояло лето, а когда лето, к тому же если можно два раза в день почти досыта есть картошку, то растёшь очень быстро.

ВЫПУСКНИКИ

*Деревянный рабочий посёлок,
Угнетённый нуждой и войной,
И начальная наша школа,
Где четвёртый класс – выпускной.
Мы хорошего мало знали,
Больше горя и нищеты,
Об одном мы тогда мечтали:
Чтоб Победа и много еды.
И шивали листочки газетные
В самодельные дневники
Мы, почти что двенадцатилетние,
Большеглазые выпускники.
Сумка сшита из старой тряпки,*

*Двойка за недоученный стих,
Из обойной бумаги тетрадки
И учебник один на троих.
И залатанные фуфайки,
Не спасающие в мороз,
И чернильницы-непроливайки,
И проверки на педикулёз.
Дорогие мои, дорогие!
Поколение одной судьбы.
Были в жизни ещё выпускные,
Но и первый тот не забыт:
Полевые цветы в горшочке,
Солнце майское бьёт в окно,
И диктант на белом листочке
С синим штемпелем горono.
На доске полосочка мела,
В классе шорохи тишины.
И война давно отгремела...
Целый год уже нет войны.*

ВЕЛОСИПЕД

*В войну все жили бедного беднее:
Заплаты да картошка на обед,
Но наша улица других была главнее –
На нашей улице был велосипед.
Им до войны за личные рекорды
Был награждён литейщик дядя Фрол,
Он вёл домой его, счастливый, гордый,
В сарай поставил и ушёл на фронт.
Весной, едва дорога подсыхала
И появлялась первая трава,
Велосипед на лето нам вручала
Маруся, дяди-Фролова вдова.
Его мы чистили, его мы обтирали,
Его мы мыли светлую водой.
Мы пацанам чужим кататься не давали,
С Заречной улицы и улицы Крутой.
Неимоверно силы напрягая,
Трудилась измождённая страна.
Война гремела, всё собой сжигая,
Но день настал – и кончилась она.
Вмиг посветлел наш закопчённый город,
Повсюду песни слышались и смех.
Взметнулись волны радости над горем,
Взметнулись выше и объяли всех.
До темноты окраина гудела,
Гармони пели в лад и вразнойбой.
Каталась ребятня, в звонок звенела:
И наши, и с Заречной,
И с Крутой!*

Сергей ЧЕРНОВ

ТУМАН

Рассказ

*Деду
Лукьянову
Александрю Трофимовичу
посвящаю*

Дымок от затушенного костра поднимался тонкой струйкой, еле видной в сумерках. Шумели сосны, покачиваясь на ветру, гуляющему высоко. Кряхтела груша-дичка посреди поляны скошенной травы, как старуха, что через боль в костях ещё старается что-то сделать – прибрать, подмести. Так и груша вот-вот согнётся и прикроет голыми от старости ветвями флягу с холодной питьевой водой.

Весь день мы сгребали сено в валки, и они лежали теперь как выползшие из-под земли в темноте на лесной поляне.

От работы гудели руки. Усталость жгла под веками. Хотелось спать, но после дневной жары было зябко, и комары зудели, лезли в лицо. А укрыться от них с головой – дышать тяжело, душно, да и куртки пропахли дымом.

Я ворочался с боку на бок, вытягивал ноги, замерзал, укрывался, сбрасывал куртки, махал руками, отгоняя комаров; застеленная сеном телега казалась мне узкой, а воздух – душисто-сладким.

Отражаясь в тракторном стекле, зажигались звёзды. Над верхушками сосен встал яркий ме-

сяц, осветив скатерть поляны, валки, заросший обрывистый берег. Мне всё ещё чудился в руках гладкий черенок граблей, и казалось: вот-вот, и снова вставать, сгребать, но теперь уже звёзды в одну большую бриллиантовую копну. Ворочаясь, я видел поляну, и она при лунном свете всё уходила вдаль, расширялась и сливалась с соснами где-то совсем далеко. Как вдвоём её осилили – ума не приложить.

76 Да, сна не видать – хоть вставай. И вправду, встать, что ли, взять удочки, попробовать порыбачить... Битюг здесь глубокий, одни омуты. И вода ледяная. Пот смыть и то страшно, из ведра охлынёшься – сердце застывает. А месяц уже там, должно быть, в реке, точно слиток золотой, на дне лежит. И звёзды блестяют, заглядывают в белые глаза кувшинок... Нет, раз лёг – уже не встать, лень. И дед не спит – шумно зевает, вяло отгоняет комаров. А может, я ему спать мешаю...

От Битюга поднялся густой туман, как молочно-белый дух реки. Низко стелясь, он пополз во все стороны. Коснулся груши и фляги у её ствола. Упёрся в тракторные колёса. Скрыл под собой сундучок с едой и деревянные грабли.

– Да, тогда тоже туман был, – сказал дед как самому себе.

Чернов Сергей Валентинович родился 10 августа 1988 года в селе Хреновёе Бобровского района Воронежской области. Окончил Воронежское областное училище культуры. Работает библиотекарем Центра культуры и информации Слободского сельского поселения. Печатался в журналах «Подъём» (Воронеж), «Север» (Карелия), «Нева» (Санкт-Петербург), «Волга» (Саратов), «Нёман» (Минск, Белоруссия), «Жаны Ала-Тоо» (Кыргызстан), «Берега» (Калининград) и др. Сопредседатель литературно-краеведческого объединения «Подкова» (Бобровский район Воронежской области). Живёт в селе Хреновём.

Я повернулся к нему и так же тихо спросил:

– Когда? В прошлом году?

Дед лёг на бок и засмеялся, как смеются старики, тяжело втягивая воздух.

– Ну уж «в прошлом году»! Годков много прошло...

Он замолчал. И я молчал тоже. Тишина, казалось, гудела, мучительно что-то храня в себе.

Хлопнув комара на шею, я не выдержал:

– Ну что? Туман – что?

Дед повернулся на спину и грубой ладонью потёр щетинистый подбородок:

– Годков много прошло... Да-а-а... Ещё в войну. Это сколько?.. А-а-а, девятого скажут. Девятого всё: и как губили, и как бомбили, а десятого – молчок. И то хорошо. Хоть так... – Он вздохнул, пожевал губами. – И то... Мы раньше работали не то что нынче. Денег им подавай побольше, хлеб с маслом. Мы работали, так работали. Зачем, для чего – знали. А сами – четырнадцать годков. Худые, как спичка, хоть на фронт посылай – в упор стреляй, не попадёшь... Э-хе... А лето – тут наскребай мозоли. Колхоз. И дома в стороне не стояли. А вечером с колхозным конюхом, Зелёновым дедом, коней в ночное гоняли. Зелёнов Алексей Иваныч – был такой. Старик. В фуфайке ходил зимой и летом. Чёрная такая, засаленная, аж блестит. Вот тебе: «зимой и летом одним цветом»... Нас человек десять одногодков. У каждого лошадь своя, любимая. Кто себе выбрал – чужой не тронь, а то получишь. Ну какая там драка – потолкаемся, а потом соплю утрём, и опять не разлей вода. Обычное дело: повздорили, поспорили – и ветерком выдуло, как не было ничего... Да, такие дела... И вот у каждого лошадь «своя», и он вокруг неё так и вьётся, так и вьётся... У меня Весёлый был. А чего Весёлый? Чёрт его знает! А так смотришь – улыбается вроде, глазами. Казалось... Раз Весёлый, так улыбаться должен... И мы, значит, играем, боремся, то скачки устроим, то ещё что... Да-а-а, вот... И то, какая это работа? Забава одна. Друзья, лошади тут, целый вечер смеху, аж щёки дубеют. А тут – вечером тем – на Бабье болото поехали. Дед травы накопил, а мы её в кучу – постель вроде... Кхэ!.. – Дед громко закашлял, прикрыв рот кулаком. Доски телеги слабо скрипнули. Дед вытер губы. – Во-о-от... Тут уж ночь. Глаза слипаются. За день намаялись, ноги как мякоть. Травы... кхэ... настё.. кхэ... настелили, зарылись в неё, а холод – не уснёшь. Дрожим, ворочаемся, глаза слезятся, холод – до

костей. Ну, слежалась трава. Согреваться стали кое-как... по чуть-чуть, помалу. Тут уж угомонились... Да, тут уж не заметишь, как уснёшь – с усталости, в тепле... А дед Зелёнов в подводе спал. Он любил там. Каждый раз...

Дед замолчал. Он лежал на спине, сложив руки на животе поверх курток. В свете луны было видно, как он вытянул губы, будто вспомнил какую-то старую мелодию и собирался тихо её насвистеть. Он зевнул – сладко, протяжно. Продолжил:

– Сколько спал, не помню. Проснулся – только брезжит. Туман кругом густой, как сметана. А начинается вот так, в полуметре от земли. Я на колени встал – голова в тумане, а сам нет. Туман сырой, холодный. А мне интересно. Туман сверху, а над землёй видно. Лошади вдали ходят – одни ноги видно. Чудно так... Ладно. Смотрю, лошадь одна ближе идёт. Я... Сердце как об сковородку бьётся. Какая ж это лошадь?! Ноги человечьи! Двое идут, и как-то медленно, с опаской, будто лишнего шума сделать боятся. У меня во рту пересохло, воздух холодный аж до кишок проходит. Ближе... Ближе... Я лег как мёртвый. Страшно – жуть. А эти – ближе. Через туман фигуры видно, размыто так, еле-еле, а видно. Сердце – и в горле, и в ушах. А они вплотную уже. Мне и дышать страшно. Сердце щемит, всё громче, громче бухает, вот-вот, думаю, услышат. И шевелиться боюсь – заметят. А затылок, как назло, чешется, и шея немеет – вот хрустнет... А они на меня, сейчас на ногу наступят... Смотрю, остановились. Сквозь туман фигуры просвечивают, а что там на них, какие они – не видно. Ну, думаю, и меня не видно... А может, услышали? Стоят, прислушиваются: где это сердце бьётся?..

– Так чего боялся? – Я пододвинулся ближе. – Заблудились...

– Да... – дед хмыкнул, на щеках его заиграли желваки. – Заблудились... Нашли где. Когда заблудятся, молчком не ходят. Тихо так они, словно прячутся. А уж когда встали... Чего им бояться? А эти... И как стоят, и сапоги – обычные сапоги, а как-то... Всё так, да не так. Что-то... Как сказать? Нехорошее... Человек когда стоит, по нему видно. А эти... Да-а-а... И страшно, сердце разбухает. Дышу через раз, в груди жжёт, а всё громко как-то... Тут один нагнулся. По мне пот градом. На землю что-то ставит. Видно, вниз не смотрел, а поставил чуть не на ногу мне. Смотреть неудобно. Чемоданчик

какой-то небольшой... Раньше у железнодорожников были. Коричневый... Саквояж, что ли?.. Железнодорожники с такими ходили – у них там ключи всякие, всё такое... Смотрю на ноги им, а они друг к дружке повернулись и молчат. Вот, думаю, сейчас нагнётся – и в меня глазами... Зажмуриться хочется, а не могу... Они развернулись. Тот боком согнулся так, ручку нащупал, поднял – в другую руку, стало быть, взял. Прочь пошли... Уходят – дальше, дальше... И тихо, как с опаской, ступают неслышно. В сторону от лежанки нашей и от повозки ушли... Уж невидно их, и ног их невидно, а я всё лежу; дышать, шевелиться не могу никак... Сколько лежал, не помню. Тут уж туман бледнее, бледнее... Я кое-как, ползком к повозке. Мурашки по коже бегают. Знаю, ушли, а кажется, где-то здесь ещё – того и гляди в сапог упрёшься. Подползаю – дед спит, голову запрокинул. А если б захрапел?.. У меня ком в горле, слёзы к глазам подступают. Так захрапел бы – и всё... Подушили бы нас, как котят. А дома тепло... И мать...

– Да, дед, на войне не был, а страху натерпелся...

– Да... – дед потёр щёки, изрезанные глубокими морщинами. – Я – деда Зелёнова за рукав, а он меня матом: иди, мол, отсюда, спи!.. Я всё тяну, рот разеваю, как рыба. Он проморгался спросонья: «Чего?» Я кое-как ему: «Два, два...» И пальцем: «Туда... туда!..» Он слез с повозки, посмотрел: да, трава в росе, по росе хорошо видно следы. Пальцем мне: «Молчи!» Сам лошадь поймал и поскакал в сторону села. Ну в Хреновое то есть...

Тут уж совсем светло. Я стал ребят будить. А у самого холодок – это ж надо, думаю, ни одна душа не храпела. Тут каждую ночь кто-нибудь да устроит, а сейчас... Бог уберёт. Засвистел бы кто носом, и что тогда?.. Ребята сонные. На меня нуль внимания. А так ведь хочется, чтоб кто-нибудь спросил, куда это дед делся и что это я такой?.. Дед молчать велел, а так хотелось сказать... Аж внутри ходуном ходило! И хочется – и нельзя... И весело так после страха. И гордость какая-то! Это ж не просто так! Это ж я молодец! Да-а-а... А тут внимания – нуль. Обидно, не приведи Господь. Собрались, лошадей домой погнали, а я всю дорогу представляю, как меня по плечу хлопать будут: «Молодец, Санёк! Герой – что ты!».

А в это время в здание школы солдат пригнали. И вот они все куртины, все солотя – как учение. Цепочкой выстроились и давай прочёсывать.

То и дело: «Ура! Ура!» Вроде в бой идут. Вечером смотрим: солдаты на краю села появились. Четырёх человек ведут в железнодорожной форме... Все, кто был, на улицу высыпали, галдят, обсуждают: «Кто такие? Кто такие?». А я как крикну: «Это я! Это я их!.. Только их двое было!.. Я деду Зелёнову сказал!» И тут мне затрещина – в глазах потемнело. Я в слёзы. Мать меня за ухо – и в дом. «Молчи, собака, – говорит, – смерти нашей захотел?!» Да... Немцы уже на Дону стояли. Хреновое бомбили... Здесь на станции – эшелоны военные; а в степи самолёты стояли... Среди соседей были и такие, кто немцев ждал уже... А если б немцы в Хреновое пришли, чёрт знает, что б сделали за мой-то подвиг... И со мной... И с матерью... Со всей семьёй...

Дед лёг на бок и закрыл глаза. Говорил он всё медленней, всё тише...

– Мне четырнадцать стало... в июле, сорок втором... Трактористом стал... В нашем отряде женщины да такие, как я... В две смены работали: день, ночь... В полевом стане жили. Домой не пускали обмыться, одежду сменить... Ночью страшно... Глаза слипаются, а трактор без кабины. Задремлешь, и вниз... под колёса... Случай был... парнишка... уснул... Раздавило... По двое... стали... – дед замолчал, дышал глубоко, ровно – уснул.

В первый раз в жизни я пожалел, что не могу видеть чужой сон. Снится ли ему туман, эти ноги или затрещина матери? А может, снится ему, как дурачились они, скакали на лошадях, вздорили и быстро мирились? Как были счастливы счастьем юности, той, которую не убьёт, не отнимет ни один враг и в душе от которой останется самое доброе и светлое... Нет ничего ярче детства. Даже детства, в котором была война...

Отчего-то мне было грустно.

Туман исчез, лёг дух реки в своё извилистое крепкое русло. Чаем пахло сено. Луна уже много прошла, по-хозяйски вымеривая ночное небо. Комары пропали, видно, холодно стало для них... Да и что они нам теперь?..

Я потеплее укрылся куртками, но спать не мог. Я думал.

Да, это крохи, малые крохи... Но главное, не потерять их, сохранить. Сколько ещё нерассказанных историй? Сколько историй, которые уже никогда не будут рассказаны? Все их нужно узнать, все их нужно сберечь, донести до людей. Иначе погибнут они. Погибнут те дети, солдаты,

те города и сёла. Погибнут наши отцы и деды. Погибнут... И уже не будет средств вернуть их обратно...

Утром мы погрузили сено в телегу. Солнце уже припекало. Железо тракторной кабинки нагрелось и жгло руки. Поляна казалась коротко подстриженной зелёной головой.

Взревел тракторный движок. Громкое эхо пролетело над Битюгом, заблудилось в дере-

вьях, пугая птиц. Мы тронулись в путь по узкой лесной дороге, по колеям, ведущим домой.

Поляна осталась за поворотом, рассыпалась в частоколе сосновых стволов.

Сколько лет прошло, а ни разу не довелось мне вернуться туда. Уж и не знаю теперь, есть ли она ещё, та поляна? Цела ли та груша, тот обрывистый берег, ледяная вода? Да, есть история и память, но нет и не будет дорог, ведущих назад, в прошлое...

Тумана

Когда-то, лет двадцать назад, я заблудилась в Мюнхене и спросила по-английски дорогу к улице, на которой жила, у высокого сухопарого старика.

– А зачем вы приезжаете в страну, языка которой не знаете? – ответил он вопросом на вопрос.

И тут я обратила внимание на его выправку, на заострённые черты лица: такой офицер, фриц.

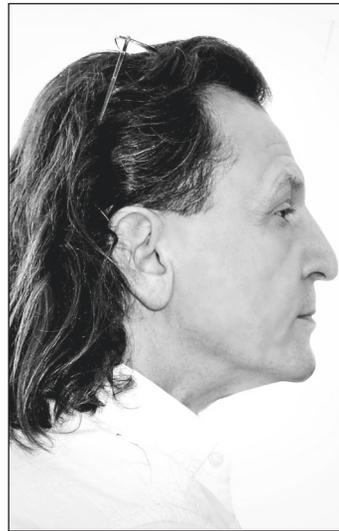
– А вы, когда заявили в Россию и прошли аж до Волги, что, знали русский язык? «Курка, яйки...»

У него что-то мелькнуло в глазах, словно быстро прокручиваемая кинолента, он издал хрипловатый звук, словно закашлялся, и тут же махнул рукой в направлении моей улицы.

Олеся НИКОЛАЕВА

**Владимир
СКОБЦОВ**

**ЖЕМЧУЖИНОЙ РОСА
БЛЕСТИТ НА МИНЕ**

НЕ БРОСЬ

*Летит Отчизна под откос,
Конец ремёсел,
Ты во спасенье её брось,
А ты не бросил.*

*Ты в этом в мире только гость,
Другие гости
Давно ушли, сказавши:
– Брось!
А ты не бросил.*

*Трещит, устав, земная ось
От зим и вёсен,
Инстинкт подсказывает:
– Брось!
А ты не бросил.*

*Души не вешаешь на гвоздь,
Не сушишь вёсел,
Тебе приказ отдали:
– Брось!
А ты не бросил.*

*Всех мирозданий зреет гроздь
В одном вопросе,
Когда тебе предложат:
– Брось!
А ты не бросишь.
Люби её, какая есть,*

*Отцом ли, мужем,
Не важно, нужен ли ты здесь,
Ты там не нужен.*

*И как бы горько ни жилось,
Хоть на погосте,
Живи, когда сказали:
– Брось!
А ты не бросил.*

РУССКАЯ ВЕСНА

*Прокол серьёзный дьявольских спецслужб –
летят погоны, звания, медали –
из царства льдов, снегов, живуч, как уж,
восход прополз откуда не желали.*

*До дна допили водку мужики,
весенним льдом сошли зимы вериги,
а там подснежники – не только мертвяки,
но и сокровища из нашей Красной книги.*

*И по полю – не кровью ли красна
и сколько ляжет за неё народу? –
с косою ступает русская весна,
весны нерусской не бывало сроду.*

*Рассветный час от тишины оглох,
жемчужиной роса блестит на mine,
и тронут невзначай чертополох,
и ночи как и не было в помине.*

КОМЕНДАНТСКИЙ ЧАС

Застыл полночный час на том краю земли,
где жизнь не про запас и в небе журавли.
И умирал Донбасс под сердцем у Руси,
лишь эхом каждый раз «помилуй и спаси!».

За всех, кого не спас, кто помощи просил,
не чокаясь, за нас, последнее прости.
Как там в Москве сейчас, кто в тренде,
кто в чести,
как те, кто предал нас, сойдя на полпути?

И Бог пришёл в Донбасс. Скажите, отчего
Господь не продал нас, как продали его?
И был полночный час, и в городе Зеро
был комендантский час, и Бог, и никого.

МОЛОХ

Мы кузнецы и дух наш – Молох,
Кто ищет, тот всегда найдёт,
Судьба сменила серп и молот
На батальонный миномёт.

Сквозь звездопад летит осколок,
Пуская ангелов в расход,
Лет через триста археолог
Находку выбросит в отход.

Как лупит «град», что значит голод,
О том, как выглядит прилёт,
Расскажет выживший ребёнок,
Который нас переживёт.

Родись герой без недостатка,
Ему бы не было цены,
Кому «победа» слово сладко,
Тот не видал ещё войны.

Блажен бедой не перемолот,
Блажен не знающий забот,
Блажен, кто смолodu был молод,
Блажен рождённый в мирный год.

ЭХО

Душа вдоль вечности плывёт,
услышь, она поёт
о том, как любит он её,
Как любит он её.

Звучит над нами, не устав,
вселенский лейтмотив –
кто жив любовью, тот и прав,
услышите те, кто жив,

как на седьмых на небесах
душа его поёт
о том, как любит он её,
как любит он её.

А смерть вошла, как и не жил,
под левое плечо,
его другой солдат убил,
солдату нипочём

его любовь, а есть устав –
врага списать в архив,
кто виноват и кто здесь прав,
решайте те, кто жив.

И только эхом в облаках
по вечности плывёт
о том, как любит он её,
как любит он её.

НИЧЬЯ ВИНА

На небесах копыта, всхрапы,
знамёна, шпоры, стремена.
«Свои, свои, стреляй, Шарапов,
идёт священная весна.

И в простоте всего хотя бы
одно запомни, старина:
кому война – с косою баба,
ну а кому-то – мать родна».

А солнце катится на запад,
с востока ночь идёт темна,
как гончий пёс бежит на запахах,
грядут иные времена.

Там, у войны своё оттяпав:
кресты, медали, ордена,
ступает мир на мягких лапах,
ничья вина ему цена.

Там интендант в победный рапорт
другие впишет имена,
там мир закончит тихой сапой,
что не доделала война.

**Светлана
УЛАНОВА**

ПРОРВЁМСЯ

Рассказ

В город Таня с матерью ехали на колхозном грузовике. Всю дорогу мать повторяла, чтобы Таня во всём слушалась крёстную – тётю Марию, на улице рот не разевала, так как город не деревня, там людей и машин видимо-невидимо. Главная её обязанность – отовариваться по продуктовым карточкам крёстной, а очереди там длинные. И не ленилась чтоб, по дому помогала. Что дядя Иван на фронте, а детей не нажили. Вот и мыкается Мария одна. Таня слушала, слушала... Скорей бы уже приехать к лёле!

Таня и раньше бывала в гостях у крёстной. Она жила в районном центре – небольшом шахтёрском городке. Муж лёли, дядя Иван, до войны работал в шахте, зарабатывал хорошо. Потом дядю отправили на фронт, а крёстная окончила курсы горнорабочей и пошла в шахту, на очистной участок – лаву. «На шахте теперь баба – мужик!» – грустно шутила она. Мама переживала, что Мария не успевает высыпаться от смены до смены. Ей как шахтёру полагалось больше граммов в продуктовых карточках и похлёбка – горячее питание.

– Нинка поди уросит дома-то? Хоть бы Вася с ней сладил! – спохватилась мама, вдруг вспомнив оставленных дома детей, – Я тебя передам Марии да сразу обратно!

Таня кивнула.

– Mam, a tya skopo priedet?

– Скоро, скоро! Отец теперь не литовки в колхозе отбивает, а бомбы катает! Приедет через неделю и тебя заберёт. Хоть с сестрой повидается!

Отца Таня видела дома редко, он с начала войны работал на заводе в городе, в другом районе.

А в деревне был свой огород. Большая часть урожая шла на фронт. «Ничего, с голоду не умрём! – приговаривала мама. – Нам тут легче, чем в городе. А на фронте и того трудней!»

На машине из деревни до дома крёстной приехали быстро. Хорошо, что квартира её не в центре, от большой дороги недалеко!

Мария с радостью встретила крестницу. Мама дальше порога даже проходить не стала, торопилась. Да и грузовик долго ждать не мог.

Утром Мария рано подняла Таню, собираясь на смену. Показала, где лежат продуктовые карточки, объяснила, как быстрее дойти до магазинчика под мостом и несколько раз повторила номер в очереди. Очередь за хлебом крёстная заняла ещё вчера. Обняла крестницу и ушла. Таня умылась, туго заплела косу, похлебала вчерашний суп и, достав карточки, стала их разглядывать. Карточек было три. На одной написано: «Хлеб. Норма

УЛАНОВА Светлана Владимировна родилась 2 января 1967 года. Окончила Кузбасский политехнический и Томский архитектурно-строительный университеты. Работает на шахте. Публиковалась в журналах и альманахах «Огни Кузбасса», «Союз писателей», «Бег», «Русский писатель», «Московский вестник», «Наше поколение», «Кольчугинская осень» и других, литературных сборниках «Поэты России», «Поэзия без границ», «Лик», «Шахтёрская доля такая», в московском еженедельнике «Слово». Автор книг стихотворений «На тонких струнах любви» и «Кольчугино колечко». Живёт в городе Польшаево Кемеровской области.

500 г в день», на других – про макароны, крупу и сахар. На всех: «На октябрь 1942 года», посередине – непонятная для Тани надпись: «Рабочие и ИТР 1 катег.». А внизу всех карточек: «При утере карточка не возобновляется». Таня долго внимательно читала последнее длинное слово по слогам. Быстро оно не проговаривалось. Она положила карточки в карман и вышла на улицу. До магазина было рукой подать, она раньше частенько с мамой и крёстной туда ходила, покупали леденцы и местные тульские пряники. И что бы ни говорила мама, Таня истинно верила, что пряники эти точно привозили из далёкого города Тулы.

Подойдя ближе к магазинчику, Таня едва узнала его – всё вокруг было по-другому. Людей много. Одни стояли, другие, постарше, сидели на чём придётся. Девочка заняла свою очередь и огляделась. Люди вокруг тихо переговаривались. Таня молча прислушивалась и думала, что мама была права и людей в очереди очень много, наверное, целая деревня. Таня нащупывала в кармане карточки. Её очередь была не сильно далёко. Чем ближе она продвигалась к окошку, тем сильнее пахло хлебом. Таня вспомнила, как мама в прошлом году пекла ароматные булочки. А рядом младшая Нинка – вся в муке. Нинка стояла у стола на лавке в перевёрнутой вниз сиденьем табуретке, перевязанной маминым чулком, как в клетке. Но зато была под присмотром у матери, и не нужно было Тане с ней водиться. Таня с братом ходили на луг и в поле, что у деревни, и собирали разные травы: лебеду, крапиву и пучки, колбу, петушки, копали корни саранок. Прошлой зимой они с Васей зимой ходили на картофельное поле. Картошку-то с колхозных полей убрать не успели, рук не хватило, и часть картофельного поля так и ушла под снег. Мама дала им топор, лопату и мешок. На поле снега много, ноги проваливались, идти было трудно, а тут ещё мама шалью своей укутала – не повернуться. А Вася впереди прокладывал дорогу, чтобы ей легче идти, и помогал встать, когда Таня падала. Потом вместе разгребали снег, с трудом отыскивая засохшую картофельную ботву. Вася рубил топором мёрзлую землю. Топор звенел, а картошка на картошку не походила – была как камни. Вася вырубал её вместе с землёй, Таня складывала эту каменную картошку в мешок. Потом они вместе волокли мешок к дому. А ещё топор и лопату. Зато мама вечером наделала оладьи из картошки, которые все называли «тошнотики».

Таня загляделась на грязных голодных воробышек. Птицы прыгали возле лужи и слетались

к ногам стоящих людей, выискивая еду. Нашулав в глубине кармана несколько завалявшихся семечек подсолнуха, Таня подошла ближе к воробьиной стайке и бросила семечки птицам. Воробышки накинулись, быстро всё склевали и ждали добавки. Девочка улыбнулась.

Вдруг около Тани откуда-то появились мальчишки и затеяли потасовку. Потом так же неожиданно убежали. По очереди пронёсся недовольный ропот. А Таня подумала: «На вид такие, как Вася, но мой брат другой, он серьёзный, как папа».

– Продвигайся! Не задерживай очередь! – вдруг услышала за спиной визгливый женский голос, который заставил её вздрогнуть.

Обернувшись, Таня увидела позади себя грузную женщину в цветастом платке.

– Спишь, чё ли? Ты чья будешь-то? Вчера я тебя тут не видала...

– Не здешняя я... К лёле приехала. Из деревни. У нас там в школе пятого класса нету. Помогаю вот.

– А сама-то она где?

– В лаву ушла. На сутки, сказала...

– Следующий! – прозвучало из окошка магазинчика.

Таня встрепенулась. Это её очередь. Она кинулась к окошку и, опустив руку в заветный карман, похолодела. В кармане было пусто. Карточки исчезли... Все! Она в панике стала выворачивать карманы, но обнаружила только сор и шелуху от семечек, которая посыпалась на землю. На неё тут же набросились знакомые воробышки в надежде найти съестное. У Тани потемнело в глазах и зашумело в ушах, и она упала бы, если бы её не подхватили чьи-то руки. По щекам покатались слёзы. Она пыталась стереть их с глаз, но только размазывала по лицу. «При утере карточка не возобновляется», – стучало в голове. Таня посмотрела под ноги, потом кинулась к луже, где прыгали воробышки. Ни-че-го... В очереди понимающе стихли. Люди вокруг расступились, пытались помочь в поиске.

– Господи! Что же делается? – нарушила тишину женщина в цветастом платке и протянула карточки в окошко. Получив паёк хлеба, отломив кусок и подала девочке.

– Спасибо! – тихо прошептала Таня, подняв на женщину полные слёз серые глаза, и неуверенно взяла хлеб. Потом быстро пошла к дому крёстной, не теряя надежды, что карточки выронила по дороге. Она рассматривала каждую булку, заглядывала под камушки. Ни-че-го...

В квартире карточек тоже не было. «Потеряла, потеряла... При утере карточка не возобновляется, – пульсировало в висках. – Как теперь лёля жить будет? Нужно бежать домой, там мама, она поможет...»

Девочка ещё раз обвела взглядом комнату, достала из кармана подаренный хлеб и, глядя на него, всхлипнула. Потом разломала. Маленький кусочек завернула в тряпицу и спрятала в карман, а больший оставила на столе, прикрыв полотенцем. Девочка выбежала из квартиры крестной и направилась к маме. В деревню.

По городу идти было легко. Дул слабый ветерок. Но он усилился, как только Таня вышла на открытую дорогу. Он стал промозглым, от него слезились глаза. Она то и дело вытирала их рукавом выцветшего пальто, но это не помогало. Стояло начало октября. А октябрь в Сибири такой: то непогодой задождит, то теплом пригреет, а бывает, он и с запахом снега. Хорошо ещё, что не было дождя, хотя хватило и того, что он шёл несколько дней, превратив дорогу в сплошное месиво. Девочка еле волочила ноги: налипшая на обувь грязь вперемешку с травой походила на кандалы.

Выбрав сухое место у дороги, она остановилась, заправила выбившиеся русые волосы в платок и начала вытирать обувь о траву. Двенадцатилетняя Таня носила брезентовые туфли матери. Они были тёмно-зелёного цвета, с двумя большими пуговицами. Туфли хлябали, и приходилось носить их с шерстяными носками, потуже обвязав бечёвкой вместо шнурков. В школе она очень стеснялась своих башмаков, но её прежние туфли развалились ещё в прошлом году, а новых не было.

«Что делать, что делать? – рассуждала девочка. – Как сказать лёле? Она теперь останется без хлеба... Всё из-за меня! Моя лёля может умереть с голоду! – Таня ещё больше испугалась своих мыслей. – Нет! Она не может умереть!» Обхватив рукой края одежки, где вместо пуговицы чёрным паучком жалко болтались нитки, всхлипнула: «Ещё и пуговку где-то потеряла... Мама заругает...». Потом воодушевилась: «Ну и пусть! Пусть ругает! Лёлочка моя-а... Я дойду! Ты никогда не умрёшь!»

Кусты вдоль дороги шелестели разлетающейся осенней листвой и изгибались, иногда принимая на себя порывы ветра, словно хотели защитить путницу. Она понимала, что до деревни ещё далеко и нужно успеть до темноты. Достав из кармана кусочек чёрного хлеба, несколько мгновений вдыхала его хлебный дух, потом откусила. Сразу вспомнила про крестную: «Надо идти!».

Совсем уставшая девочка с облегчением вздохнула, увидев издали знакомую гору, на которой росли две тонкие берёзки: именно здесь летом она с матерью собирала ягоды. Там, за горой, бывшее картофельное поле, а рядом деревня.

Вечерело. Мать мазала обветшалый дом глиной, пока ещё позволяла погода и снова не начались дожди. Нинка, закутанная в мамину шаль, стояла рядом в своей табуретке.

Увидев дочь у ворот дома, мама уронила ведро и всплеснула руками:

– Таня?! Что случилось? Ты с кем?

Дочь бросилась к ней и, захлёбываясь слезами, рассказала о потерянных карточках. Нинка тоже заревела.

Продукты собирали всей деревней. Помогли кто чем мог. На следующий день к обеду, выпросив коня в колхозе, погрузили всё в телегу и поехали к Марии в город. Двоюродный дед Михаил, потерявший ногу ещё в начале войны, ловко управлял лошастью. До Тани доносились матерные слова. Дед любил крепко выразиться, и лошадь его понимала. Таня морщилась и старалась не слушать. Отец её в отличие от деда Михаила никогда не матерился. «Меня видно ругает... Он на войне был... Теперь без ноги... А лёля из-за меня от голода...» – Таня прижалась к матери. Дед обернулся: «Не замёрзли? Ноги-то тулупом кутайте! Не лето чай... Скоро приедем!». И подмигнул Тане.

Потом всю дорогу молчали. Каждый думал о своём.

К вечеру подъехали к дому Марии, не застав её, привязали коня к дереву и стали дожидаться хозяйку. Ждать пришлось долго, часа два или больше, прежде чем они увидели в сумерках знакомую невысокую худощавую фигуру женщины. Когда крестная подошла ближе, в свете фонаря Таня заметила, что лицо её осунулось, потемнело.

– Лёлочка, милая, прости! Я не хоте-е-ела их потерять, – бросилась к крестной Таня, чуть не запнувшись о мешок с продуктами. – Вот картошка тебе и грибы!

– Я тебя везде искала... – с дрожью в голосе проговорила Мария, обняв крестницу. Та уткнулась лицом в фуфайку Марии, и обе расплакались. Мать тоже с облегчением заплакала.

Стоящий рядом на деревянном протезе дед Михаил отвернулся. Потом по-мужски твёрдо и уверенно проговорил:

– Ничего, дочки, прорвёмся! Обязательно прорвёмся!

Анна ХАРЛАНОВА

РАССКАЗЫ

НЕЗНАКОМКА

Не может быть, чтобы вы не видели картину Ивана Крамского «Незнакомка». На самом деле картина называется «Неизвестная», написана она в далёком тысяча восемьсот восемьдесят третьем году и хранится сейчас в Третьяковке. Помните, там изображена сидящая в коляске красивая черноокая дама, одетая дорого и элегантно: на ней шляпка с лёгкими перьями, пальто украшено собольим мехом и атласными лентами. Смотрит немного насмешливо. Кто она? Историки говорят, что «кодекс неписаных правил исключал строгое следование моде в высших кругах русского общества», и перед нами не дама из высшего света.

Помню, как впервые в детстве увидела «Незнакомку», но не в Москве, не в музее. Висела репродукция этой картины справа от печки. И это было единственное украшение избы, потому как даже икон не помню. Тусклый свет просачивался в немытые окна, лоснился по полу, спотыкался о сундук, взбирался по брёвнам и вдруг вспыхивал ярче, оживал, удивлённый, и силился понять, как и почему в этой грязной серой комнате оказалась такая непостижимая красота.

Но тут из кухни, приютившейся за печкой, неся за собой керосиновый дух, вышла тётя

85

Зоя, и всё стало понятно, всё очевидно: это же она на картине, только шляпку надень – и готово: прекрасная незнакомка, тётя Зоя, прабабушкина соседка. Жила она с моей Анисей через стенку, в деревянном доме на двух хозяев. Сколько они прожили так, под одной крышей, не знаю, я бывала наездами, да и детство – такая пора, когда память сохраняет запах мокрых топей и вяжущий вкус черёмухи, но презирает даты.

У тётки Зои был старый отец, дядя Коля, он всё время сидел на заборчике, плакал, разинув беззубый рот, курил самокрутки и сплёвывал в малинник. Разумеется, ягоды есть мне было запрещено. И я совсем не расстроилась, узнав однажды, что дядя Коля умер. Прабабушка сказала, что он «все мозга пропил и сам во всём виноват».

Дядя Коля несколько раз сидел в тюрьме то за воровство, то за хулиганство, дети его выросли без него, разъехались кто куда, жена умерла ещё раньше, и только тётя Зоя не бросала отца до самой его кончины.

Вскоре умерла и моя прабабушка. Я больше не бывала в том доме. Но однажды, когда мне было уже лет семнадцать, всё же довелось встретить тётю Зою ещё раз.

Помню, как поздно вечером её выкинули из машины прямо на глазах у запоздалых про-

Харланова (Чернышева) Анна Павловна родилась в 1980 году в Липецке. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького (семинар прозы В. В. Орлова) в 2004 году. Публиковалась в журналах «Юность», «Подъём», «Балтика», «Причал», «Симбирск» и других. Автор трёх книг. Член Союза писателей России. Ведёт студию для литературно одарённых детей. Живёт в Липецке.

хожих, возле рынка. Она была сильно пьяна, отползла по разбитому асфальту на обочину и замычала матерные ругательства. Передние зубы у неё были выбиты, рваное платье – в блевотине. Несмотря на всё это, я узнала её спустя столько лет. Мои друзья перестали жевать чипсы и пить пиво и наблюдали за происходящим. А я отвернулась.

До сих пор не знаю, что именно вызвало острое чувство стыда: сценка, свидетелем которой стала, или то, что я сделала вид, что мы с тётёй Зоей не знакомы?

НЕРАСКАС

Мне никогда не забыть летний вкус пресной лепёшки, которую прабабка Анися пекла на плитке-керосинке. Анисе – девяносто, мне – шесть. Сначала – мука на столе и, мы в четыре руки месим тесто. Потом из бутылочки льём керосин в плитку и поджигаем. На всякий случай кашеварили в сенцах и ставили рядом ведро воды. На чугунной сковородке пекли лепёшку. И потом Анися кидала на деревянные порожки старую телогрейку, и мы сидели, и ели, и наблюдали, как ветер раскачивает ветви черёмухи, и смотрели на редких прохожих, и слушали, как соседи пилят дрова.

Мне не забыть запах свежей стружки, то, как её кудряшки в конце лета душистым ковром застилают дорогу к дому. И так по всей улице! Но это предвестник осени. А потом мелькает и ускоряется: синие, розовые, белые астры, грустное небо и запах костра, выцветшая листва – и спутанные волосы сухой травы, и грачи ставят галочку: осень.

А как-то Анися сказала, что я расту вверх, а она – вниз, и когда-нибудь станет такой маленькой, что исчезнет...

Мне никогда не забыть, как пахнет только что пойманная рыба, уснувшая на льду, но живая; огромные дедушкины валенки, обметённые веником, но ещё источающие мороз. Если я влезала в них, то как раз было по самый корешок... А ёлка, которую занесли в дом, а до этого хранили в сарае! Молодая пушистая сосёнка, с сильным смолистым запахом. Сама холодная с улицы, а запах – тёплый.

И вот – приносят ящик со старой гирляндой, стеклянными игрушками на прищепках и ниточках. Мне очень нравится волшебник, и гриб, и ещё домик с окошком – они крепятся прямо к веточке и словно стоят на ней. А жёлтый про-

зрачный шарик с крутящейся бабочкой внутри! Можно долго смотреть, как она юлит, белая, с чёрными точками на крыльях. Инь и ян моего детства.

А вот ещё. Зимой темнеет рано. Фонари освещают аллею, голые ветви тополей отбрасывают страшные тени. Хрустит под бабушкиными валенками снег. Я – в санках, в шубейке и рукавицах, укутанная для верности пуховым платком. Купили муку, и я уютно сижу, обхватив пакет руками, и ковыряю в нём дыру. А бабушка идёт впереди, тащит за верёвочку санки. И воздух пахнет дымом из труб. А дома ждёт Анися, и бабушка с порога кричит: «Мам, мы пришли!». И после плачет и смеётся одновременно, обнаружив пустой пакет из-под муки...

И вот этого мне не забыть. Я уже старше. Острый нож – и сочащийся луковый сок, влажное небо вваливается в форточку, впитывает запахи. На мне синий байковый халат в нарисованных чайничках, волосы собраны в хвост. Штрихпунктирная нарезка лука: точка – воткнуть нож, тире – разрезать. И звонок в дверь, и щелчок замка, и телеграмма, и тихий голос отца: «Анисию убили».

Она смешно говорила «дефир» вместо «зефир». У неё оставался только один зуб. Она ела по ночам, а днём спала под громкое радио. Бывало, я пряталась у неё под кроватью и мяукала, а прабабушка, проснувшись, шуровала веником, прогоняя кота, и я прыскала от смеха. Анися зажигала лампадку перед иконой из плотной фольги и говорила, что на небе Бог и ангелы, а я тогда не верила и смеялась.

Мне тогда всё было так смешно!

ХРУМЧАЖНЫЕ СНЫ

– Я тебя поцелула, когда шепчатый дождь покрупчал в окно...

– Ты можешь прожевать, а потом читать?! – возмутилась Кира. – Бредятина какая-то получается!

А по-моему, прелестно, по-моему, самое то, что надо. Поцелула вместо поцеловала – это же необыкновенное слово! Хм.

...Я тебя поцелула, когда шепчатый дождь покрупчал в окно...

Кира тоже жевала, лопала, нямчила за обе щеки пиццу.

– А знаешь, – сказала она, облизывая с пальцев соус. – Первую пиццу сделали в Неаполе в каком-то махровом году, это была бед-

няцкая еда, хлеб и помидорный соус, по сути. Ну а теперь эта еда в самой старой пиццерии Неаполя знаешь сколько стоит?!

– Кир, а там вкуснее пицца? – спрашиваю, а сама смотрю, сколько уже Кирка кусков съела, вот прожорливая.

– Хмгмпфш! – чавкает она. – Конечно, там вкусней! Свежайший соус, понимаешь, да и сыр там тако-о-о-о-ой, ммм, а помидоры таки-и-ие! Солнечная Италия, ясное дело.

Кира уже много где побывала, её отец часто бывает в заграничных командировках и берёт дочь с собой. Кира – блондинка, никакая не крашенная, а самая настоящая, от рождения. Цвет волос у неё восхитительный. И кожа такая чистая, чуть загорелая, розовато-фруктовая. И грудь уже вполне привлекательных размеров. Не то что я: бледная до зелени, с блёклой косичкой и тощая. Я много читаю и много мечтаю. Кирка говорит, что я тургеневская девушка. И это не комплимент.

Я тебя поцелула, когда шепчатый дождь покрупчал в окно...

– Погода отличная. Пойдём сейчас на речку, а вечером – на костёр, – скомандовала Кира.

У неё красивый купальник, новые туфли на каблуках, короткая юбка-шорты и замшевая жилетка с бахромой. И всё сидит на ней как влитое. А на меня даже купить что-то подходящее сложно. Не в детском же отделе закупаться в шестнадцать лет?!

– Кир, дашь на вечер свою жилетку? – не люблю просить, но прошу, так как сегодня новые парни придут на костёр, и я хочу их сразить.

– Бери, – позволяет великодушная Кира. – Только тебе ж велико...

– Нормально, сгодится! – радуюсь я возможности понтонуться.

«Два, пятнадцать, девяносто два, – повторяю про себя, – два, пятнадцать, девяносто два. Лишь бы не забыть, прихожу и записываю в блокноте рядом с выписками из Лермонтова и Ахматовой: «2-15-92». В коричневом блокноте теперь не только буквы, не только рисунки, здесь первые цифры, и это его номер, его номер. Я поцелула тебя... И фонари маяками светили путь... А на реке лягушки озверели от страсти и теперь орут – не квакают, надрываются в темноте... И половинка луны так устало смотрит в окно... А комары чёрными точками на белом потолке – затаились, ждут, сволочи, когда я выключу свет и лягу смотреть свои хрум-

чажные сны, а они кинутся на меня всей стаей и будут восторженно чавкать. А их комарий командир скомандует: «Два-пятнадцать! Марш! И девяносто два! Чвафк!» А я уже сплю, положив под подушку блокнот, наполненный мечтами и мыслями – моими и великих.

«Я готов был любить весь мир, меня не поняли – и я выучился ненавидеть» (Лермонтов).

«Время – бархатный чёрный шар, катится скользкой дорогой» (Элюар).

«От любви твоей загадочной, как от боли, в крик кричу, стала жёлтой и припадочной, еле ноги волочу» (Ахматова).

«Я не хочу на шахматной доске фигуркой быть» (я).

– Доча, побольше пофигизма! – пожелала мне мама на день рождения. – Ты хорошая девочка, даже слишком, у тебя комплекс отличницы. Поэтому побольше тебе пофигизма!

А я привыкла маму слушать, поэтому летом стараюсь не только учить английский и читать книги из сельской библиотеки, но и гулять, наблюдать, нравиться. Вот сегодня поплыли на лодке на Мельников сад, это местечко такое, где до революции жил мельник, там и сейчас большой яблоневоый сад, а в высоком берегу живут стрижи. Дом не уцелел, а вот в протоке между островами нужно быть осторожным: как гнилые зубы, торчат под водой сваи от старого деревянного моста. Налетишь на них – мало не покажется.

Кира сильная, без видимых усилий управляется с веслом. Сидит на хвосте лодки, и только видно: широкий взмах и спокойное вжиль – весло погружается в упругую воду, отталкивается от неё, а потом – р-раз – поворачивается и, словно рычаг, выравнивает движение лодки. Когда я сажусь рулевым, мы беспомощно кружимся посреди реки на потеху ребятишкам на берегу.

– Ничего, – утешает Кира. – Ты просто ещё не привыкла, научись.

Чудесная, великодушная Кира! Золотовласая Кира!

– Смотри! Там твой, вчерашний, – вдруг говорит она.

И я падаю-лечу-парю, но всё это никому не заметно, только спина напряжённая такая, ровная. А Кирка меня знает.

– Ну чего ты?

А я чего... Грудь у меня нету, в купальнике смотрюсь как малёк плотвы. Если он чего в темноте не заметил – сейчас разглядит, и пиши пропало мои мечты. А он вон какой! На тарзанке

мотается, потом делает сальто и – вжих! – дух захватывает от его полёта! И в воду входит, как в мои сны: смело и упруго.

– Ты, главное, виду не подавай, что рада его видеть. И страх не показывай. Держись как ни в чём не бывало. Пусть сам подойдёт. А ты спокойно так: «А, привет. И ты тут?» – советует Кира, а лодка неумолимо приближается к пляжу, и проплывают мимо стрижиные гнёзда и заросли ежевики, и чья-то пучеглазая коза вытарасилась на меня, даже жевать перестала. Я сижу с такой спиной, что можно сразу в балет, и забываю дышать. А возле тарзанки – шум, смех и всплески воды.

Я давно уже за Киркой наблюдаю и многому у неё научилась. Самому важному научилась, о чём Тургенев и Бунин ни гугу: быть женщиной. И вот тут, конечно, грудь очень помогла бы, но не она главное. Важно держаться уверенно, смело, обещать взглядом, но ничего не предпринимать самой, позволять – и ускользать, не навязываться, не просить. И уходить, если что не так, гордость тоже нужна, не меньше груди.

...Я тебя поцелула, когда шепчатый дождь покрупчал в окно...

Я расправила плечи, задрала подбородок и, улыбаясь всем и никому, вышла из лодки.

70-летию танка Т-34

*Про Победу над ордой проклятой
Я б напомнил городу и миру.
От Победы год шестьдесят пятый
Нарекли бездумно годом Тигра.*

*Словно с нами справилась эпоха,
Словно мы не пёрли до Берлина!
Позабыли Прохоровки грохот,
Имя нашей боевой машины.*

*Эй, Маэстро, заводи «Смуглянку»!
Чтобы понял каждый тигр в мире:
Это год совсем другого танка.
С Новым годом, Т-34!*

Дмитрий МУРЗИН

2009 г.

**Геннадий
КУЗНЕЦОВ**

**СТИХИ
ИЗ ВОЕННОГО ДЕТСТВА**

ЛЕТОМ 1940 ГОДА

С лопатой, тяткою ли дело – старался, чтоб перед людьми не стыдно было. Но хотелось работать в поле с лошадьми. И я с желанием кипучим был рад силёнки напрягать в ученье, как быстрее и лучше в повозку лошадь запрягать. Тот день во всю сиял обновой, когда, как бравый ездовой, в повозке с бочкой столитровой поехал к речке за водой. Я, кепку на затылок сдвинув, на полевой стан воду вёз. И тракторист мне из кабины кричал: «Не потеряй колёс!»

УЧИМСЯ В БАРАКАХ

В сорок первом – госпиталь в здании школы. Учимся в бараках. Наш шестой «А» занимается в комнате, где служит полом безо всякой примеси глина одна. Стынут чернила в непроливайшке. В пальцы сначала я подышу, не на тетради (их нету в продаже), а на газете задачу решу. После уроков мальчишки – за санки:

надо к барачу дров подвезти.
Утром дежурный натопит времянку,
чтобы учитель урок мог вести.
На перемене обступим печурку.
Телу теплей – и в глазёнках лучи.
Только Борисов и вялый, и хмурый –
он похоронку вчера получил.

В ОЧЕРЕДИ ЗА ХЛЕБОМ

Ночью глубокою мать меня будит:
«Быстро вставай, мы за хлебом пойдём».
Темень сплошная. Какие-то люди
с нами идут в направленьи одном.
У магазина уже многолюдно –
с вечера очередь полнится здесь.
Ночью стоять в ней и скучно, и нудно,
Только на корточки можно присесть.
Хлеба – полбулки лишь на человека.
Кое-кто всею семьёю стоит.
И со здоровым здесь рядом калека,
охаёт старец, младенец сопит.
Очередь движется тягостно, медленно.
Вдруг затолпилась она у дверей –
очередь занявшие последними
вздумали первыми сделаться в ней.
В давке той разум лишается власти.
Кто-то полез даже по головам.
В общем, не спали в ту ночь мы напрасно:
хлеба, увы, не хватило нам.

*Но с октября спим спокойно мы с мамой:
хлеб продаётся по карточкам всем.
Норма иждивенца – четыреста граммов.
Крох не теряя, хлеб бережно ем.*

ПОГРУЗКА

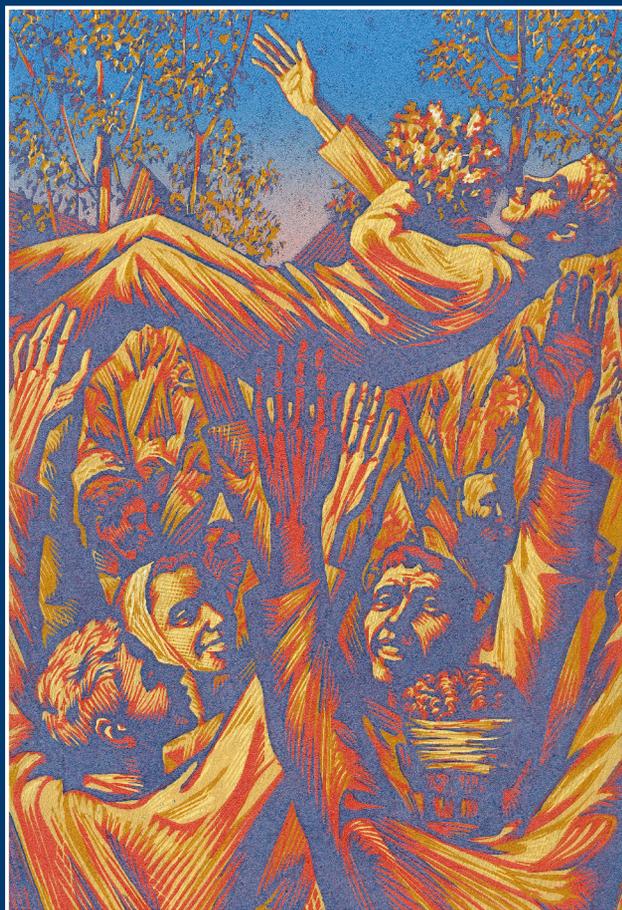
*Ученики чтоб в школе не мёрзли
в декабре (мороз – тридцать два!),
ночью на станции Борзый
наш десятый «А» грузит дрова.
Ставим к вагону лесины,
брёвна вверх катим по ним,
напрягая все силы,
дружным порывом одним.
Но поломалась рогуля –
ею толкал Гуль бревно.
Вниз соскользнуло и Гулю
кости сломало оно.
Словом, потерь, как на фронте,
не удалось избежать.
Месяца три «на ремонте»
Гулю пришлось полежать.*

*Радостные – не подкачали.
Счастливые – погрузили.
Вповалку в автобусе спали,
в котором домой увозили.*

ТЕЛЕЖКА

*Мчит тележка на колёсах,
не виляя, напрямик.
На тележке – нетверёзый
и безногий фронтовик.
Ах, тележечка-тележка,
все четыре колеса!
Так трясёт твоя пробежка –
прошибает глаз слеза.
Хорошо – остались руки:
оттолкнулся – и кати!
А чтоб легче были муки –
фляжка с водкой на груди...
Сколько их, таких тележек,
по дорогам всей страны
прокатились безутешным
эхом горестным войны.*

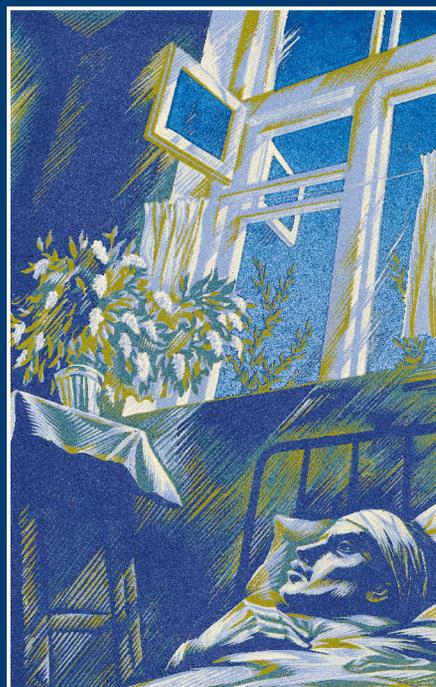

С. С. Косенков
Евгений Носов, рассказ «Красное вино Победы»,
иллюстрация. 9 мая. 1978 г.

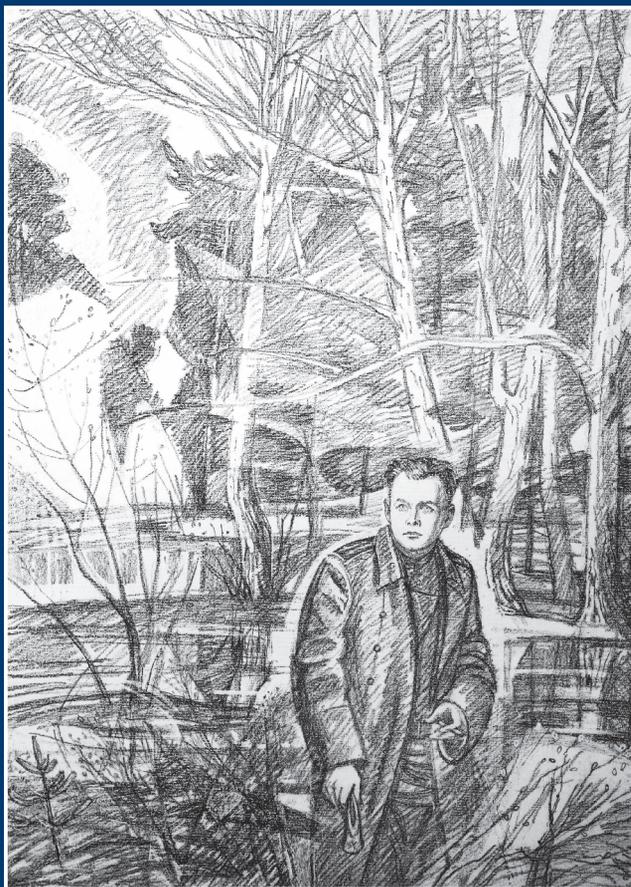

С. С. Косенков. Евгений Носов,
рассказ «Красное вино Победы»,
иллюстрация. Ракеты Победы. 1979 г.

С. С. Косенков. Евгений Носов,
рассказ «Красное вино Победы»,
иллюстрация. В палате. 1978 г.

75 лет
Великой
ПОБЕДЕ

И. Л. Бруни. Графическая серия
«Памяти Твардовского»
А. Т. Твардовский, весна 1945 года. 1974 г.

И. Л. Бруни. Графическая серия «Памяти Твардовского»
Разговор о войне. 1977 г.

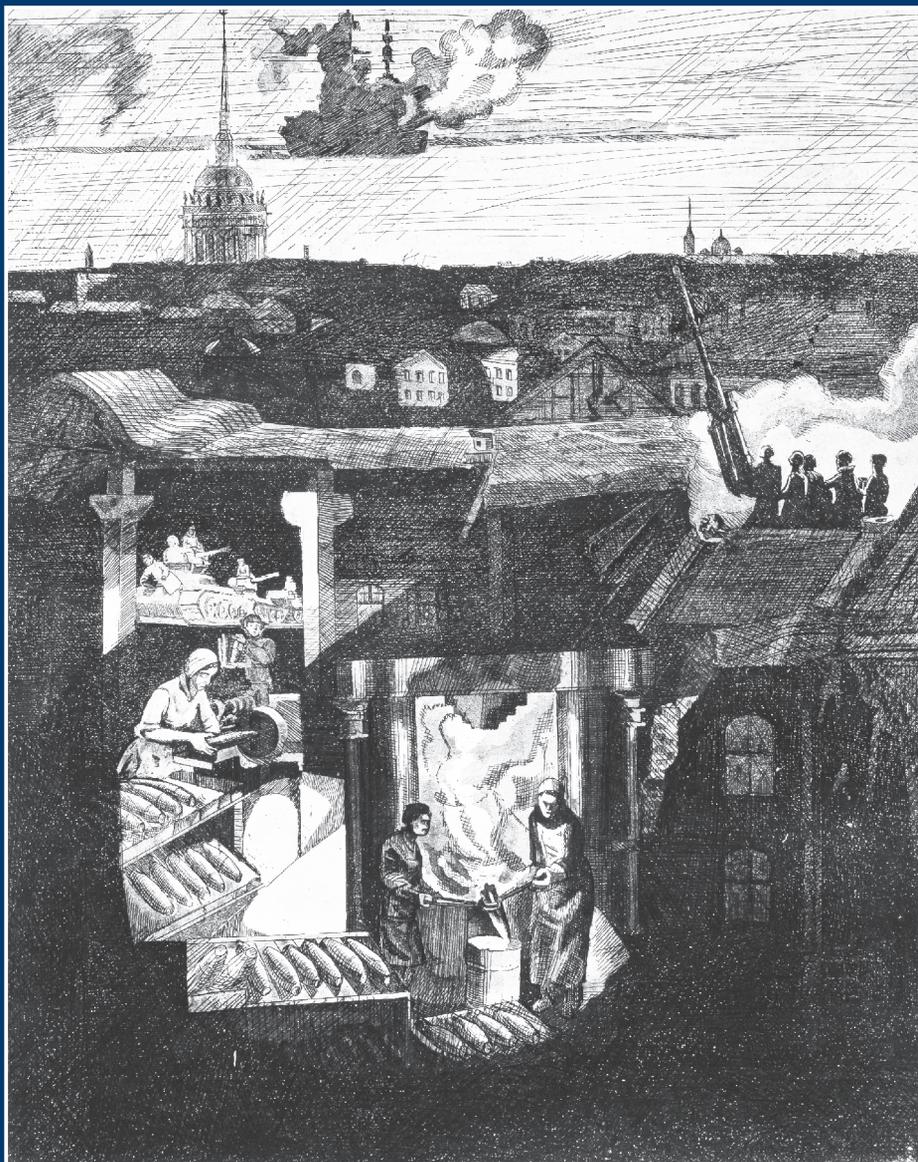

И. Л. Бруни. Графическая серия
«Памяти Твардовского». Гармонь. 1974 г.

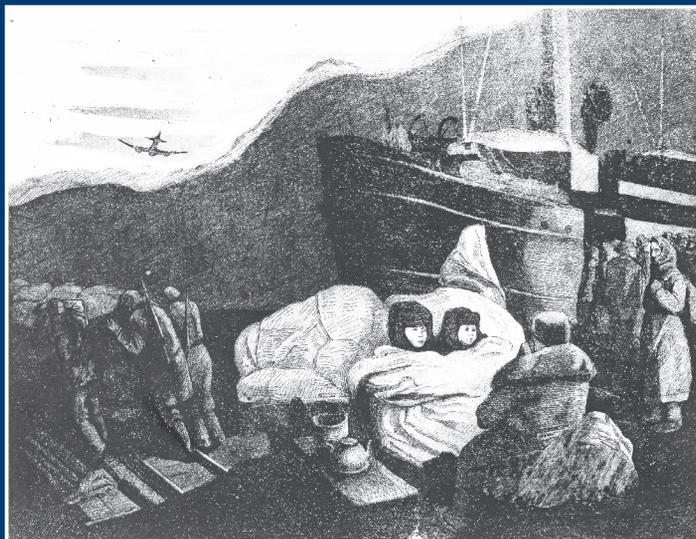

И. Л. Бруни. Графическая серия
«Памяти Твардовского». Я не слышал разрыва. 1976 г.

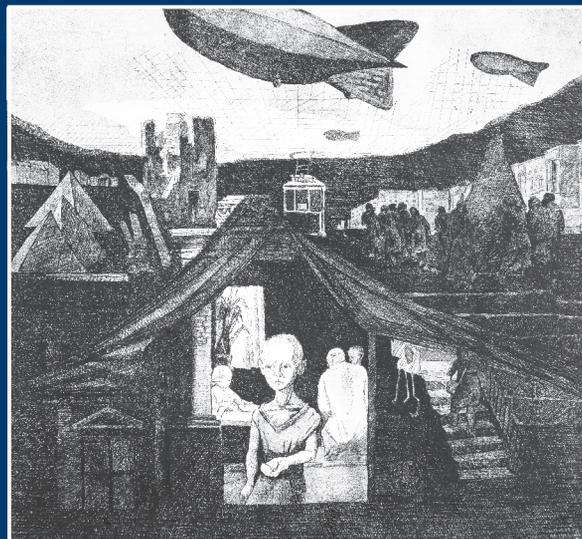
75 лет
Великой
ПОБЕДЕ

Е. И. Коньков. Противостояние

Е. И. Коньков. Дорога жизни

Е. И. Коньков. Милосердие

Надежда УСОЛЬЦЕВА

У ВОЙНЫ И ЖЕНСКОЕ ЛИЦО

Война всегда преследовала её. С самого сорок третьего, когда она увидела настоящий фронт. Видения войны мучительны. Она пыталась вытолкнуть из памяти этот безобразный образ, но ничего не получалось. Война приходила в её сны жутким окровавленным трупом солдата: без головы, без рук. Головы не было, но тем не менее она ясно видела и открытый чудовищный рот. Труп полз на неё, протягивая отсутствующие руки, и вот-вот готов был схватить её.

«А-а-а!» – дико кричала она и просыпалась в холодном поту. «Доченька, опять он?» – подбежала встревоженная мать. «Да, мама, опять», – всхлипывала Тамара, ну совсем как ребёнок.

Мать прижимала её голову к своей груди. «Ты бы, дочка, сожгла все бумаги, – советовала, – глядишь, сгинет эта нечисть...»

Вот тогда ещё, в первый послевоенный год, Тамара Павловна Голикова сожгла и военные фотографии, и все письма, и все остальное, так или иначе напоминающее о войне. Но от ужасов не избавилась. Они продолжали являться все в том же облике.

Какие они, девчонки сороковых? Кем они были для войны и в войне и чем война была для них? Из наивных девчонок война создала этаким гибридом семнадцати-восемнадцатилетних девочек-женщин, взваливших на свои хрупкие плечи все ужасы и тяжести военного лихолетья.

– Я вот так, бывало, поздно вечером выйду и начинаю на небе свою звёздочку искать, – рассказывала Тамара Павловна, – звёздочка-звёздочка, возьми, возьми мои мысли и маме передай, чтобы она знала о том, что я о ней сейчас думаю. Ведь в сказках это можно сделать... – Тамара Павловна улыбнулась: – Вот и судите, кто я тогда была: ребёнок или взрослая.

Она рассказывала о своей фронтовой жизни эпизоды, которые и запомнятся могут лишь в этом возрасте, на что взрослые-то и внимания не обратили бы. Эта детская наивность восприятия сопровождала её всю войну, а куда денешься от возраста.

Ей до боли было жаль зря сорванных дынь, арбузов, винограда, которые ей совали солдаты в одной из станиц. «Зачем вы столько много срываете? – ахала она. – Ведь не съедите! Не обижайте хозяина...» «Ешь, кучерявая, – смеялись солдаты, – может, последний раз едим». А она робко отрывала несколько виноградных ягод и отдавала кисть обратно: «Мне хватит...».

Она, деревенская девчонка, из семьи, где ничего лишнего не было, и на войне продолжала оставаться экономной, не падкой до чужого. Что таить, трофеев многие нахватили, чемоданами везли тряпки. А она всегда помнила наказ матери: «Чужого не бери. Увижу – руки отобью».

Потому так горько плакала над своей сгоревшей при бомбёжке машиной.

– Там и сорочка моя единственная осталась, и единственная пара белья, – вспоминает она.

Конечно, можно рассказывать, как она свой грузовичок водила по дорогам, как выходила из окружения. Но куда более интересен внутренний мир тех девчонок, которые на войну попали всяк по-своему: одни – добровольцами, другие – по официальному призыву, как и Тамара.

– Я вообще понятия не имела, что такое война, писала брату на фронт и спрашивала: «А что такое война?» «Эх, сестрёнка, – отвечал тот, – это страшный ад, которого ты себе представить не можешь».

Да, она не могла представить, что это такое, до тех самых пор, пока не увидела смерть. Даже тогда, когда впервые на передовую попала, она сразу ясно не ощутила, где она, что здесь происходит. «Вон танки», – показывают ей солдаты. «Где, где?» – «Да вон же, посмотри в бинокль».

– Смотрю, а по полю спичечные коробки едут. Всё было для меня открытием. Как-то увидела ствол пушки, похожий на лилию. «Что это?» – спрашиваю. – «А это прямое попадание...» «Вот, значит, что такое прямое попадание», – думаю. А однажды услышала, что рядом бой с власовцами прошёл. К комбату побежала: «Можно посмотреть, какие они?» – «Да какие, – смеется тот, – такие же, как и мы с тобой». А когда увидела сложенные штабелями трупы, бросилась в страхе обратно. Такие, да не такие.

Своими глазами она посмотрела на тех, кто Родину предал, и увидела в них страшное, жуткое человеческое отражение.

Ведь не боялась же она видеть смерть своих солдат. Только плакала долго и безутешно после каждого боя.

– Как-то в бой пошли шестьсот человек, а вернулись всего десять. Ох, как же я плакала!

А первую смерть она увидела тогда, когда танковый бой впервые наблюдала. В кузов её машины принесли молодого раненого лейтенанта.

– Он лежит, не шевелится, я испугалась, его обнимаю, плачу, целую: «Не умирай, миленький, не умирай». А мне кричат: «Воздух, воздух! Ложись!» А я только этот крик слышу, а смысл его не доходит. Я всё этого лейтенанта глажу по лицу, уговариваю: «Ну, миленький, не умирай». А он уже мёртвый.

Я бы сказала, что лицо у войны всякое: и мужское, и женское, и детское. Это общее лицо горя всех людей. И таких девчонок, как Тамара, втянутых в водоворот пылающей и рвущейся земли, водоворот стонов, невосполнимых потерь.

Их заедали вши, порой месяцами не мылись в бане. Пусть это грубо, но это было. И это было для женщин тяжелее стрельбы.

Но самым страшным стало то, что многие из этих тысяч фронтовых девчонок не стали матерями.

Тамаре Павловне повезло. Она вернулась домой, робко, будто тысячелетие не была здесь, поднялась на ступеньки материнского крыльца, и только тогда её тревога оставила. На душе стало спокойно, она вдыхала аромат сухого дерева родительского рубленого дома, как музыку, слушала скрип ступенек и упивалась тишиной мирной улицы. Наконец-то она была дома! Дома!

– Вот такого состояния никогда уже больше в жизни не испытывала, – говорила Тамара Павловна. – И не было больше в душе такого восторга, который испытала в Праге, накануне Победы. Прага ликовала. Улицы стали узкими от скопившихся пражан. Женщины целовали наших солдат. Дети обнимали им ноги. А сколько было цветов! Я в своей жизни их столько не видела. Нас вели домой, давали одежду, кормили, оставляли ночевать. Вот сейчас некоторые стараются утверждать, что не было такого. А я сама это видела, видела эту радость, мне самой руки люди целовали. Было такое, было!

Восторг этот всю жизнь сохранялся в душе фронтовички. Она только в последние годы рассказывала о своем военном прошлом. Бывало, в музее, где она работала дежурной, сотрудники просили её: «Проведи, Тамара Павловна, экскурсию для школьников, расскажи о войне».

Соглашалась, рассказывала, чтобы знали, что такое война, чем она стала для людей, что это самое страшное, что может быть в жизни. Что это такая беда, которая до самой смерти не оставляет человека, прошедшего войну, мучая память и терзая сердце.

Николай САМОХИН

СХОДИТЬ НА ВОЙНУ

Он умер через восемнадцать лет после окончания войны.

Не от старых ран умер, хотя ранен был. И не от старости: ему шёл только шестьдесят третий год, выглядел он ещё вполне крепким и для своих лет молоджавым.

Его убил рак. От какой сырости завёлся он в мужике, не болевшем за всю жизнь ничем, кроме насморка?.. Но вцепился клешнями своими намертво (операция не помогла) и держал полгода в постели, медленно, по капле, выедавая жизнь из организма.

Отчего-то людям добрым, простым, невеликим, по бесхитростности своей не успевшим и нагрешить как следует, часто достаётся мучительная смерть. Ломает судьба человека, ломает, гнёт его, мордует по-всякому, а он живёт себе, крутится да ещё и порадоваться умеет: тому, что ведро на дворе или дождичек ко времени, что картошка уродилась не в пример прошлогодней, крупная, что ребятишки нынче почти не болели и что к празднику отвалили пятнадцать рублей премии. И паразитом не становится, в глотку никому не вцепляется, не гребёт под себя всеми четырьмя лапами. И тогда в последнем слепом озлоблении, что ли, судьба посылает ему тяжёлую, неизлечимую болезнь. Вот, мол, гляди: ведь помираешь лежишь. Откукарекался, шабаш. А чего видел в жизни? В каких красных углах какие жирные пироги ел? Словно хочет доломать его под конец, обидеть на весь белый свет. Да только ничего у неё не получается. Замечено: уходят мужики достойно (хотя и слова этого сроду не знали), не цепляясь за жизнь, но и не торопясь из неё, до последнего хрипа вытерпев боль.

Человек, о котором наша повесть, именно таким и был: простым, незлобивым, принявшим жизнь (со всеми её нехватками, с тюрьмой и сумой, чёрной работой, редкими праздниками и тяжёлыми похмельями) не как проклятье, а как свою мужицкую норму.

Что о нём рассказать?

Построил он за свой век три дома. Не хоромы – пятистенки, рубленные в «лапу». Торопливое было

время – не до хором. Приезжая на новое место, он, как и все вокруг, торопливо лепил засыпуху, лишь бы не зимовать с ребятишками в палатке. От засыпух не осталось теперь и следа, зато дымят в тех местах три завода-гиганта, в которых, выражаясь по-книжному, есть и его труд тоже.

Один раз в жизни он дрался. Бил человека. Это случилось сразу после фронта, когда он левую руку носил ещё на перевязи и начальник конного двора временно поставил его на лёгкую работу – послал объездчиком на сенокос. Драка, хотя она и кончилась в его пользу, была какая-то непочётная, из-за бабы. То есть, конечно, если разобраться, то не из-за бабы вовсе. Но разбираться никто не стал. Фактически получилось – из-за бабы.

Сено заготавливали в тридцати километрах от города, возле деревни Безухово. Жили коновозчики, откомандированные на покос, все вместе, в длинном балагане. А в конце балагана был отгорожен закуток с топчаном – для поварихи. Вот в этот закуток он вскоре и переселился. Как-то всё нечаянно вроде получилось, само собой. Рука ещё побаливала, мозжила, повязку надо было время от времени менять. Ну повариха раз помогла ему перевязаться. «Ты полежи, – сказала, – здесь, отдохни, пока я со стола приберу. А то мужики, гляди, размахались руками – ещё заденет кто в колготе». Он и прилёг на топчан. А ночью проснулся – повариха под боком...

Ну и... Мужик ведь тоже не железный. Тем более всего неделю дома побыл – и опять его за тридцать километров. Ближе лёгкой работы не нашлось.

Повариха, хоть и молодая ещё деваха была, но уже очень гостеприимная. Алёшка Сквородин, здоровенный дядя, чуть не в полтора центнера весом, оставленный ею ради фронтовика, зарезановал, начал заедаться по любому поводу. Однажды вечером он заявился в балаган выпивши, сел в торце длинного стола, воткнул перед собой нож и крикнул:

– Начальничек! Выходи! Драться с тобой буду!

«Начальничек» лежал в закутке босой, смотрел на Алёшку поверх своих ног. Прямо на кореженный жёлтый ноготь большого пальца насажена была красномордая Алёшкина голова. «Ишь, отъел ряшку в тылу, боров», – думал он без азарта. Вставать не хотелось. Не хотелось связываться с дураком.

Алёшка осмелел.

– Что, в штанах мокро?! – захохотал он. – Мужики! Он же не воевал! Он у бабки в подвале просидел. Точно говорю. А потом сам себя стрелил – и домой.

Вот это и сдернуло фронтовика с топчана, обидное это обвинение.

Он подскочил к железной печке, стал хватать здоровой рукой поленья. Поленья были широкие, из расколотых надвое толстых чурок – не хватыва-

лись, выскальзывали. Алёшка глумливо ржал. Потом пихнул его в бок ногой, повалив на эти поленья.

Тогда он поднялся и кулаком ударил в смеющуюся рожу. Даже и не мечтал, что уронит Алёшку. А тот вдруг как-то покорно осел, будто стукнули его не кулаком, а мешочком со свинцовой дробью. Вскочил было на ноги, но от второго удара снова упал на четвереньки. Так, на четвереньках, он и выполз из балагана.

Рассказывали, что ошеломлённый Сковородин, отмахав за ночь тридцать километров, к утру появился на конный двор с жалобой на объездчика. Но не был признан: вместо лица у Алёшки оказался сплошной синий блин.

«Начальничек» потом рассматривал свой кулак, помахивал им, недоумённо хмыкал. Большая убойная сила, выходит, таилась в руке.

Открытие это, однако, не сделало его в жизни отчаяннее. Один раз он праздновал труса. Очень позорно, унижительно. Кстати, уже после случая с Алёшкой Сковородиным.

Началось так: сперва прилетел от соседней сизый голубь и опустился на крышу засыпухи. Следом за голубем прибежал хозяин его. Жил неподалёку, в квартирантах у деда Остроумова, один такой подзрительный хлюст-голубятник: неприятный парень, видом и замашками похожий на урку. Все про него так и считали – урка. Хозяин прибежал, стал поднимать с земли половинки кирпичей и швырять ими в голубя.

Засыпуха была крыта толью. Половинки беззвучно пробивали толь, оставляя рваные раны.

Он вышел из дому, сказал укоризненно:

– Что ж ты делаешь, а? Ведь ты, погляди, крышу мне совсем издырявил.

Парень усмехнулся, запустил руку во внутренний карман пиджака и вынул что-то продолговатое, завёрнутое в толстую мешочную бумагу. Всё так же молча скалясь, развернул. В руке его тускло блеснула финка жёлтого металла.

Он бежал от урки на подгибающихся, непослушных ногах, некрасиво приседая, будто у него вдруг отяжелел зад. Бежал, бледный, как молоко, мимо собственного порога, мимо кобеля, надсаживающегося от хрипа (стоило только нагнуться, карабин отстегнуть), мимо стайки, где хранились вилы и лопаты, хотя урка даже и не гнался за ним, а только, пугая, топотил на месте.

Потом он, храбрясь, говорил:

– Да кабы мне в тот момент вилы подвернулись!.. Я бы ему враз четыре дырки провертел. Провертел бы – и думать нечего!

Но это он уже так, перед собой оправдывался. Ничего бы он на самом деле не провертел, потому что блатняков всю жизнь боялся панически.

Один раз (давно, ещё в тридцатые годы) довелось ему участвовать в огнестрельной переделке.

Было это в Киргизии, где они с женой недолго работали в табаксовхозе. Весной, во время пахоты, наскочили на совхозный посёлок басмачи. Зарубили учётника, исхлестали плетью старух и ребятишек, подожгли два барака.

Мужики, которые были на пашне, увидели дым, сообразили, в чём дело, выпрягли лошадей из плугов и, похватав оружие (три винтовки и два дробовика), ударились коротким путём наперерез.

Далеко справа разматывалась по равнине пыльная лента: басмачи уходили в горы. Дорога у них была одна – через ущелье. Туда же, нахлёстывая пузатых своих коняг, спешили совхозники.

Они успели чуть раньше, попадали за камни и дружно ударили в накатывающийся оголовок «ленты» из всех стволов. «Лента» споткнулась, распухла рваным облаком, в жёлтой тьме его забились, пронзительно заржали раненые кони, хрипло закричали всадники.

А совхозники палили и палили по этому пыльному клубку, не давая басмачам опомниться.

Один раз он украл. В сорок втором году, зимой. Украл несколько килограммов овса на конном дворе. Заскочил как-то в склад, побродил в сапогах по вороху, сыпанул ещё за пазуху да набил карманы дождевика. Домой пришёл нараскаряку (овес из-за пазухи просыпался в штаны, колот там и щекотал), но довольный своей придумкой, как мальчишка.

– Ну-ка, мать, тyani сапог! – возбуждённо сказал жене.

– Ты что это, белены объелся? – удивилась жена, не зная за ним, даже за пьяным, привычки куражиться.

– Тyani-тyani. Что-то ногу у меня свело, – наивно схитрил он, предвкушая, как обрадует её сейчас.

Жена потянула сапог, но, увидев хлынувший овёс, испуганно ойкнула, набросила ему на ноги фуфайку и кинулась выталкивать за дверь ребятишек.

– Чёрт!.. Дурак! – всхлипывала она, занавешивая одеялом окно. – Ведь посодют тебя, окаянного! Осиротишь детей!

Потом он сидел на табурете в одних исподниках, жена, не переставая всхлипывать, перетряхивала его одежонку, голиком выковыривала из щелей между половицами отдельные овсинки, а за дверью скулил меньший пацан: «Ма-а-амк... пусти, я озяб...». И так было нехорошо, стыдно и страшно, таким он казался себе врагом народа, что тут же дал зарок: если пронесёт бог с этим овсом, не дознаются – никогда больше пылинки чужой не брать.

Шесть дней он был на фронте, в боях. Не погиб в первые минуты, как одни, и не дошёл целехоньким до Берлина, как другие, а оказался тем самым среднестатистическим солдатом-пехотинцем, каких и в природе, наверное, почти не было, а существовали они на бумаге, вычисленные арифметически.

Он не рвался на войну, не просился добровольцем. Но и не бегал от неё, не тряс штанами, болячки себе не придумывал. И когда в первые дни пришла ему повестка – собрал котомку и пошёл на призывной пункт. Однако к вечеру вернулся. Оказалось, что немудрёная специальность его попадает под бронь. Строящемуся алюминиевому заводу никак невозможно было обойтись без транспорта, а главным тяглом выступали лошадки и главным транспортным цехом считался конный двор.

Взяли его поэтому только осенью сорок третьего года, когда замелькали в городе американские «форды» и «доджи» и безусые мальчишки-допризывники обучились на шоферов.

Война уже докатилась до середины, уже наплотила она калек, и всем было ясно, что скоро беда эта не кончится. Но, с другой стороны, не было уже той горячки, чтобы выхватывать мужиков, как картошку из огня. Ему, например, разрешили даже суточную отсрочку – доделать крышу (он как раз перекрывал на зиму свою землянку). Уже впопыхах закончил он эту работу, а утром, чуть свет, собрался на другую. По такому случаю надел он свой единственный суконный пиджак, новую косоворотку и смазал солидолом сапоги. За стол, рано побудив ребятишек, сели всей семьей. Он выпил подряд две большие рюмки водки, похлебал борща и, перецековав детей, пошёл воевать...

С войны он принёс стандартный трофей: немецкую безопасную бритву с десятком лезвий к ней, ранение в кисть левой руки и медаль «За боевые заслуги».

Про эти шесть дней его войны давно уж следовало бы мне написать особо. Не раз и мысль такая приходила: «Надо, надо написать». Точнее, не мысль приходила, а тянуло что-то за душу, сосало, беспокоило. Так тянет, наверное, недоделанная ра-

бота, письмо, лежащее без ответа, невыполненное обещание (ищу и не нахожу точного сравнения). А может, это «что-то» было тем самым, что называют теперь высокими и щемящими словами «память сердца»?.. Да, на памяти сердца, как видно, лежал груз, давил и тревожил.

Но я всё останавливал себя. Сначала, когда был моложе, отважнее (и сам, никогда не нюхавший пороха) мог взяться написать хоть о Крымской кампании, останавливал тем доводом, что в судьбе моего солдата нет ничего выдающегося, способного потрясти читателя. Уж больно земной он, обыкновенный, не конкурент он тем героям, про которых я в школе разучивал песни, читал книги и смотрел фильмы.

Потом, когда жизнь и годы научили пристальности и пришло понимание войны как вынужденного тяжёлого труда, я стал убеждать себя, что не имею права писать о боях, ранах, окопах: ведь сам я в тех окопах не сидел. Ну да – я знал солдат. Помнил, как уходили они на фронт и как возвращались, увечные и калечные. Помнил их бесхитростные рассказы, их глаза, их плохо выскобленные подбородки, старенькие белёсые гимнастёрки с одной медалькой, а то и без неё – именно таких вот, чернорабочих войны, поставляла на фронт улица моего детства. Я знал их, конечно, но... ТАМ с ними я не был.

А время шло. И в мире не становилось спокойнее. И росла цена не только тому большому, что совершил народ, но и тому малому, что сделал каждый.

И тяжелел груз на душе.

Теперь, мне кажется, я понимаю, о чём ДОЛЖЕН написать. Не о войне – о человеке на войне – о МОЁМ солдате, которого я всё равно знаю лучше романистов и кинематографистов и о котором никто другой не расскажет.

Как бы надо рассказать о каждом!

Нелли СОКОЛОВА

ПРИКОСНОВЕНИЕ К ПОДВИГУ

Серёжа!

Моё последнее сказание, которое я хотела предложить в журнал, не состоялось. Ошибочно и сам очерк об Афанасии Шилине, дважды Герое Советского Союза, и все расшифровки моей беседы с ним оказались выброшенными. Досадно, о нём в Кузбассе как-то мало писали. Осталась одна фотография – красивый генерал в красивой генеральской форме.

Посылаю тебе подборочку «Прикосновение к подвигу». Сделала её с мыслью, что может пригодиться для школьных музеев. Какое-то беспокойство меня всё время скребёт – ведь и о Масалове с его девочкой новые дети мало что знают. А мне повезло тогда, я первая из журналистов после того, как о нём вспомнил маршал Чуйков, встретила с ним и рассказала по радио. И ещё кое-что для школьных учителей тут может пригодиться. Поэтому прошу тебя – передай это Галине Ивановне Карповой, она имеет связь со школами, позвони ей. А твоё внимание хочу обратить на очерк «Сестричка из 22-й гвардейской». Когда писала его и потом даже, когда уж был напечатан, совсем не писали о тяжелейших боях на Ржевско-Вяземском выступе в линии фронта. А сейчас о том периоде вспомнили, мемориал воздвигают, конкурс на главную фигуру состоялся (солдат на крыльях журавлей). Готовятся открыть ко Дню Победы. Там наши сибирские дивизии полегли, там и сестричка Лидия Мичурина бедовала, первые ранения и первые награды получила. Вот такое произошло сближение. Может, и нам вспомнить? Я там в конце материала немножко написала об этом.

Желаю тебе, Серёжа, всяческих успехов в жизни.

«Уходящая натура» Н. Соколова.

СЕРДЦЕМ БОЛЕЛ, ЧТОБ ОНА УЦЕЛЕЛА

Вечный огонь

Когда земля озеленится маем,
А дни его – огнями красных дат,
С какой мы острой болью вспоминаем
Войною похороненных солдат!
И неужели где-то в дальней дали
Придут такие горькие года –
От жизни тех солдат,
Что в битвах пали,
На свете не останется следа?

Михаил НЕБОГАТОВ

Со многими замечательными людьми за полвека работы в журналистике я встречалась. По-доброму, с благодарностью помню их. Но знакомство с Николаем Ивановичем Масаловым, спасшим во время штурма Берлина маленькую немецкую девочку, не только памятно – оно оставило в душе свет, который всегда со мной. Подвигу нет срока давности. И как бы далеко от нас ни уходили события Великой войны, имена участников героических былей не должны забываться. Из поколения в поколение

Николай Масалов. 1964 г.

передаются они. И те, кто нас значительно моложе, хотят знать, как же всё было.

Работала я тогда на Кемеровском областном радио. Николай Иванович в ту нашу давнюю встречу совсем не был избалован вниманием, не наскучили ему ещё корреспонденты со всех городов и весей. Впервые от меня услышал он о публикации в журнале «Октябрь» воспоминаний маршала Василия Чуйкова «Конец Третьего рейха», в которых тот и рассказал о подвиге солдата из Сибири, знаменщика 220-го гвардейского стрелкового полка Николая Масалова. В самом конце войны в момент штурма последнего убежища Гитлера Тиргартена солдат вынес из-под огня немецкую девочку. Чуйков вспоминал, как всё это произошло, и сообщил, что рассказал о случившемся Евгению Вучетичу: это вдохновило скульптора на создание главной фигуры памятника-монумента в Трептов-парке в Берлине – солдат с девочкой на руках.

Родился Николай Иванович Масалов в 1922 году в деревне Вознесенке Тисульского района. Семья была многодетная, так что, когда пришла пора защищать Родину, на войну ушли четверо братьев Масаловых. Андрей с тяжёлой артиллерией до Европы дошёл, Василий танкистом стал, Михаил на северных фронтах в пограничных войсках воевал, Николай – под Сталинградом в миномётной роте наводчиком. Это потом, уже на Украине, в селе Широком, назначили его знаменосцем.

Родители получали от сыновей солдатские трюгальнички: «Жив, здоров, бью фашистского гада. Не волнуйтесь». Даже о ранениях и контузиях сообщали парни уже после лечения в госпиталях. Приходили письма и от командиров частей, где служили сыны, благодарственные письма. Хранила их мать, а потом, уже через много лет после войны, жена Николая.

Одно из них в ту давнюю встречу я переписала в блокнот, испытав (и сейчас тоже испытываю) чувство благодарности к командирам нашей Красной армии. В жесточайших боях, под огнём, думали они не только о своих солдатах, но и об их родителях, живущих в далёких-далёких сёлах, желали их ободрить, дать надежду.

Уважаемый Иван Ефимович!

Наша гвардейская часть отмечает третью годовщину своего существования. За годы Отечественной войны мы прошли большой победоносный боевой путь от Волги за Вислу, освободив от немецко-фашистских извергов тысячи сёл, десятки городов нашей советской земли. Родина достойно оценила наши боевые заслуги, наградив нашу часть тремя орденами – орденом Суворова, Красного Знамени, Богдана Хмельницкого. Рядом благодарностей удостоились мы от Верховного главнокоманду-

ющего И. В. Сталина за умелые боевые действия по разгрому немецко-фашистских захватчиков. Непосредственным участником этих славных боевых дел является ветеран нашей части Ваш сын гвардии старший сержант Николай Иванович Масалов. За образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом доблесть и мужество он награждён медалями: «За оборону Сталинграда», «За отвагу».

Командование гордится Вашим сыном и приветствует Вас в день нашего юбилея, который мы отмечаем сейчас за пределами нашей Родины, на подступах к логову фашистского зверя. Желаем Вам здоровья, успехов в работе по оказанию помощи фронту для быстрейшего и окончательного разгрома врага. Крепко жму Вашу руку.

Командир части 39232 гвардии генерал-майор Вагин. 5.12.44 г.

Позднее, уже в 1945 году, Николай Масалов был награждён медалями «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы», польской медалью «За Варшаву», орденом Славы III степени.

В самом конце мая 1964 года в маленьком неказистом домишке на окраине Тяжина, где жил Николай Иванович с женой и дочкой-школьницей, сидели мы за столом. Парок шёл от только что сваренной картошки, селёdochка была почищена. Ветеран решил, что по такому случаю можно и по рюмочке выпить. Не ожидал солдат, что про него маршал вспомнит, всему миру расскажет. Потрясён был. Изображение памятника, что стоит в Берлине, много раз видел. Сказал мне с изумлением: «Не думал, что это про меня... Случай-то с девочкой был, я про него жене рассказывал и Валюшке, как подрастать стала».

Николай взял лист бумаги и стал рисовать план того места в Берлине, откуда шли они на Рейхстаг. Насыпь из искорёженного асфальта, канал, мост разрушенный. Я тихонько включила магнитофон.

– Рано было, тишина стояла. Все орудия молчали, только готовились мы к штурму и вдруг плач услышали, жалобный такой, и голосок: «Мутер, мутер». Из-под моста доносилось. Я сообразил, как туда пробраться, обратился к командиру за разрешением. Он говорит, ухлопают, мол, тебя, сержант. «Нет, пройду». До моста метров шестьдесят было. Ползком с насыпи, потом вот здесь в обход пробежками – и под мост. Увидел, женщина лежала убитая, а рядом девочка ползала, лет трёх. Кошёлочка стояла. Взял девочку на руки, от страха она замолчала. Только хотел высунуться, пулемёт застрочил. Я девочку каской прикрыл, крикнул своим: «Пулемёт из окна, заткните ему глотку! Я с ребёнком».

Наши ударили по пулемёту, пушки заговорили. Я одним махом перелетел это пространство, в проёме стены оказался. Отдал девочку штабистам.

– А сам?

– Сам – к знамени. На последний штурм пошли, всё уже загудело.

Какое-то мгновение мы молчим. Потом жена, смахнув слезу, говорит:

– Он за детишек куда угодно бросится. Вот и теперь ведь всё с ребятами возится, на лошадке катает, скамеечки, горки им ладит. Вы его ведь в детском саду нашли? Туда завхозом ушёл, как со здоровьем совсем плохо стало... Расскажи, Коля, и про Сталинград, как на лодке ребяташек перевозил. Помнишь?

– Я про то, умирать буду, никогда не забуду.

И тут услышала я рассказ, который тоже не забываю.

Перевозил Николай с товарищами снаряды с одного берега Волги на другой. Туда – боеприпасы, назад – детей сажали, которые ещё в городе оставались. Одна маленькая девчушка уцепилась за Николая, не хотела идти в лодку. Тогда он посадил в лодку к товарищу девочку вместе с матерью. Но когда выплыли они на середину Волги, налетел «мессер», прострочил всех, и лодка перевернулась, только панамка по воде поплыла.

Никто, наверное, и сейчас без волнения не прочтёт эти строчки. А тогда Николай Иванович, сглотнув комок в горле, сказал:

– После уже сам всегда на вёсла садился. Как-то мне лучше удавалось разрывы обходить.

Вот откуда начался-то его подвиг!.. Ради ребёнка, ради новой маленькой жизни...

«Ради будущего», – сказали потом за Николая журналисты. И другие, высокие и справедливые, слова написали. А он просто не мог поступить иначе. И не раздумывал ни минуты.

– На Волге были наши ребяташки, а в Берлине под мостом – немецкая девочка, – всё же сказала я Николаю Ивановичу.

Вот его ответ с той старой плёнки:

– Она дитё, ни в чём не виновата. Её спасти надо было. Я сердцем болел, чтоб она уцелела.

Столько смертей повидал, друзей хоронил, сам на краю жизни не один раз оказывался и тут, можно сказать, за час до Победы, немецкую девочку собой прикрыв, «сердцем болел, чтоб она уцелела»!

Не одну меня потрясли слова Николая Масалова. Радиоочерк смонтировали мы в тот же вечер, как я вернулась из Тяжина. А наутро, 1 июня, в День защиты детей, прозвучал он через Новосибирскую станцию на всю Сибирь. Через день передали его по Всесоюзному радио и на группу советских войск в Берлине. Сколько писем тогда пришло на радио! Благодарили Масалова, восхищались им, хотели знать, как он сейчас живёт. Где та девочка? Знакомы

ли они? Даже из ГДР газета «Юнгевельт» переслала нам письма. А в Тяжин ехали, летели, мчались журналисты газет, радио, кинохроники, телевидения. Ни одно советское издание не обошлось без рассказа о подвиге Масалова, да и зарубежные поместили о нём статьи, очерки. Кемеровский писатель Владимир Ворошилов написал книгу «Подвиг, отлитый в бронзу».

Не дожили до этих счастливых для старшего сына дней его родители. Нет уже с нами и Николая Масалова. Все дальше в прошлое уходит Великая Отечественная война. Но особенности человеческой памяти безграничны. Благодарные земляки поставили в Тяжине памятник герою и открыли его музей. Но подвиг героя воплотился не только в памятнике. Он стал легендой.

СЕСТРИЧКА ИЗ 22-й ГВАРДЕЙСКОЙ

*Тружусь, и живу, и старею,
И жизнь до конца дорога,
Но с радостью прежней не смею
Смотреть на поля и луга...*

А. ТВАРДОВСКИЙ

«Всем было тяжело на войне, но как выдерживали этот ад девочки, до сих пор не могу понять», – не раз я слышала подобное от бывших воинов. Скажут и замолчат, слов не находят. Да и где они, те слова, чтобы объяснить не почему пошли на защиту Родины вчерашние школьницы-комсомолки, а как вынесли постоянную угрозу смерти, невероятные физические нагрузки, полное отсутствие санитарных условий, ранения и контузии? Ведь они были ещё совсем хрупкими в свои 18–19 лет. Но выдюжили наравне с мужчинами, к Победе пришли.

Читаю записки-воспоминания гвардии старшины медицинской службы 9-й стрелковой роты 3-го батальона 65-го Кузбасского полка Лидии Мартемьяновны Мичуриной. Прошла она с солдатами своей родной 22-й (150-й) гвардейской Рижской стрелковой дивизии сибиряков-добровольцев от прифронтовых деревень под городом Белым Калининской (ныне Тверской) области до латвийского города Мадонна под Ригой, где была в третий раз ранена, тяжело контужена, в 20 лет стала инвалидом. Небольшая её книжка издана в Кемерове более 20 лет назад тиражом всего в 500 экземпляров, поэтому немногие могли её прочесть. А жаль! В ней, как признали ветераны, правда о войне. Написана искренне, с любовью к боевым товарищам, с благодарной памятью о них, живых и мёртвых. В ней нет восторженных слов о героизме, о подвигах. Лидия рассказывает о труде и повседневной жизни на войне девушек-санитарок. Оторвались они от мам, учителей, книг,

Л. М. Мичурина

мечтаний и попали на передовую жесточайших сражений. Но ведь сами рвались на фронт! И потому плакали порой, уткнувшись в колени друг другу, испытывая невероятный страх и ужас, но так, чтобы не видели солдаты.

«Я очень боялась, что кто-нибудь поймёт, что я трушу, солдаты увидят. Сильнее всего этот страх был, – вспоминала Лидия Мартемьяновна. – Увидят – доверять перестанут. А без доверия друг к другу на фронте не выжить. Солдаты знали, что к ним, к раненым, прибежит, приползёт санитарка, поможет. А мы были уверены, что в опасной ситуации они нас не оставят, выручат из-под носа у фашистов».

В ноябре – декабре 1942-го и в начале 1943 года 22-я стрелковая дивизия сибиряков-добровольцев в составе Калининского фронта, преодолевая упорнейшее сопротивление фашистов, изгоняла их с Ржевско-Вяземского выступа в линии фронта. Немцы намеревались использовать этот выступ как плацдарм для нового наступления на Москву. По несколько раз переходили из рук в руки начисто сожжённые деревни и посёлки. Ди-

визия обескровливалась, много раз пополнялась, потери были огромные.

Место санитарки с солдатами – в самом уголке укрытия, которое устраивали из ящиков с землёй, установленных над траншеей. В долгих боях, всю зиму в окопах, без смены белья, без бани. Одежда пропитана потом и гарью, рукава и полы шинели – в крови, завшивленные и чумазые. И всегда на глазах мужчин, а ведь необходимо было и уединяться хоть ненадолго. Когда вдвоём, то проще, а когда одна среди солдат, то старалась девчонка держаться ближе к тем, кто постарше. Они и поймут, и помогут. Но солдаты часто менялись. Уйдут в бой 100–120, а вернутся 8–10.

Поднялись из окопов, пошли в атаку бойцы – санитарка должна бежать за ними. Проскочить под огнём бруствер – и туда, где рвутся снаряды, свистят пули, где уже кто-то зовёт: «Сестрица!». Помощь надо оказать как можно быстрее, пока раненый не погиб от потери крови или болевого шока. По изрытой снарядами земле ползли, бежали в полусогнутом состоянии, падали на бегу. «Ползёшь на голос, слышишь только: «Сестра, сестра...» Пули над головой «жик-жик». Раненый лежит в глубокой воронке. Попробуй его оттуда выволочить! Никого рядом с тобой. Помощи ждать не от кого. Берёшь, полусидя, раненого за ремень и подтаскиваешь шаг за шагом ближе к краю воронки. Рванёшь из всех сил и вытянешь. Найдёшь место потише, оставишь его там, а сама опять под огонь. Бывало и так, – вспоминает она. – Тащишь тяжело раненого на спине или волочишь на чём придётся, выбьешься совсем из сил. Он скажет: «Оставь меня, сестрёнка. Не выжить мне, и ты пропадёшь тут со мной». – «Что ты, милый, ты только потерпи ещё немножко... Я сейчас. Выберемся мы с тобой, в санроту тебя передам, они в госпиталь отправят. Вылечат там тебя обязательно». И от этой веры и у самой сил прибавится, дальше двигаемся, а он рукой ли, ногой ли неискалеченной пытается помогать тебе».

Лидия ещё на фронте писала стихи, заметки о подругах в дивизионную газету. Без сострадания, душевной боли и сейчас не расскажешь обо всём, что случилось с ними на поле боя. Увечья подруг переживали особенно тяжело. Все девчата очень боялись ранений в лицо. «Только не в лицо!» – молила каждая. Но пуля ведь не выбирает. Вот фотография Вали Юдиной, теперь она Одноворцова. Красивая была девушка. А домой в Прокопьевск вернулась со шрамом во всю щёку и без глаза. Шрамы у многих оставались на всю жизнь. И на всём пути дивизии оставались могилы девушек-санитарок: Маши Тимофеевой и Кати Илюшиной – близ деревни Симоновки в ноябре 1942 года, Саши Сучковой – под посёлком Локня

в феврале 1943-го, Тони Сорокиной и Ани Носковой – под Ельней, на высоте 233,3, Маши Старцевой (Маши Беленькой – так звали её солдаты) – у деревни Опочка-Пустошка в 1943-м, Ани Сухановой и Оли Жилиной – в Латвии в октябре 1944-го...

Когда в 1988 году возила Лидия Мартемьяновна ребят из школы № 60 деревни Красной (г. Кемерово) на место боёв своей дивизии, на высоте 233, 3 нашла могилу Тони Сорокиной. Опустилась на колени у обелиска, слёз не могла удержать. Ребята стояли потрясённые. Знали они многое о жестоких боях у этой высоты. Есть у них в музее боевой славы фотография той местности и портрет Антонины Сорокиной есть, не раз посетителям музея о ней рассказывали. Давно война прошла, их и на свете ещё не было. Но сдвинулось время в летний солнечный день. Стояли дети у забытой могилы, молчали, и казалось, что это они только что похоронили свою славную сандружинницу. Музеем в школе руководила Анна Артемьевна Мандрова, хороших ребят воспитывала.

А Лидии Мартемьяновне словно завещал кто, назначил быть связной между поколениями. И не забывала она об этом никогда...

В конце 1944 года вернулась Мичурина после госпиталя в Кемерово. На руках – свидетельство об инвалидности, в красноармейской книжке – запись о наградах – ордене Красной Звезды, Отечественной войны I степени, медали «За отвагу». Жизнь надо было начинать заново... Устроилась на работу санитарным врачом. Почти 30 лет оберегала здоровье кемеровских угольщиков.

Через пять лет после Победы в Новосибирске состоялась первая встреча ветеранов дивизии. Организовал её бывший замполит дивизии Андрей Сергеевич Ширяев. Семьсот человек собралось. Радости и слёз было море. Узнавали, отыскивали друг друга, обменивались адресами. Не все смогли приехать. Далеко от Сибири разметала иных судьба. Но по цепочке, от одного к другому летели весточки.

У Лидии Мичуриной появились 90 респондентов. Объединила она их, согрела приветом и вниманием. И постепенно стала её квартира наполняться их воспоминаниями, книгами, фотографиями. И стал её дом настоящим музеем боевого пути 22-й гвардейской Рижской стрелковой дивизии сибиряков-добровольцев.

С каким интересом рассматривают школьники прежде всего четыре альбома её рисунков, в которых – путь дивизии от принятия присяги на Юргинском полигоне в сентябре 1942 года до последних боев за Ригу. Лидия Мартемьяновна никогда не

училась рисовать, не то детство было в полунищей семье: отец рано умер, на руках у матери – трое детей. Это у Лиды – природный дар, рисует карандашом и красками. В Музее воинской славы в Кемерове устраивали однажды выставку её работ. Так вот, эти четыре альбома рисунков карандашом сделала, когда болела, часто лежала в постели. Но в них и местность, где шли бои, приметы сожжённых деревьев, разрушенных городов, Квадратная роща, Долина смерти... Обозначены окопы наших и блиндажи немцев. Открытые огню поля и дороги, по которым перебегают санитарки, оказывают первую помощь, несут раненых на спине или тянут на плащпалатках в укрытия, картинки фронтового быта в короткие минуты передышки... Освобождённый посёлок Локня, здесь дивизия была переформирована, приняла пополнение. Ей присвоили наименование 22-й гвардейской, а Лидии Мичуриной вручили медаль «За отвагу». Это уже март 1943-го...

Большой альбом «Овеянные славой» – это тоже история дивизии, только в фотографиях рядовых и командиров, замполитов, комсогов, сандружинниц. Есть уникальная фотография: командный состав дивизии на совещании перед началом наступления на Гнездиловских высотах. Чудом сохранилась она у командира роты Александра Леонтьевича Кириллова, что жил в Подмосковье, в Голицыно. Мичурина ездила к нему за фотографией, потом увеличила её, теперь она открывает этот бесценный альбом, где есть ещё и короткие воспоминания ветеранов, вырезки из газетных статей, военных сообщений, стихи. Такое вот у неё богатство. У кого-то красивые семейные альбомы, у неё – альбомы военной истории, папки и коробки, чемоданы писем, фотографий. Не разлучалась она с дорогими людьми, бывшими её боевой семьёй. О них и рассказывала на встречах с молодёжью, в школах на уроках мужества, в музеях. Она часто бывала в редакциях газет, особенно в редакции газеты ветеранов войны и труда «Земляки», с просьбой напечатать воспоминания о ком-либо из фронтовых товарищей, подруг. Как председатель совета ветеранов полка знала, у кого и когда памятная дата в жизни, кто очень болен и кому лекарством будет эта публикация в газете. И никогда не приносила заметок о себе.

Жила, несла свою службу, как и все седые ветераны. Со временем меньше болят у старых солдат телесные раны. Вот только память... «жестокая память», как назвал её поэт-фронтовик Александр Твардовский, не врачуют её никакие годы. Бывший отважный и неунывающий старшина медицинской службы оставила в своей заветной тетрадке такие грустные строчки:

*Не пришлось нам прожить недотрогами
И любить, пряча лица в цветах, –
Мы прошли фронтовыми дорогами,
Не носили нас там на руках.*

Не по человеческим силам, тем более не по силам неокрепших душ тех девочек были эти испытания. Они в их снах, в их жизни всегдашней печалью.

* * *

В январе 2018 года прочитала я в «Союзном вече» (газета Парламентского собрания Союза Беларуси и России) о том, что руководство Постоянного комитета Союзного государства по просьбе ветеранов Великой Отечественной войны предложило увековечить память солдат, погибших под Ржевом, создать в Тверской области мемориальный комплекс с музеем Победы. Почему решили увековечить эти героические события спустя столько лет? «Ржевские операции стали одной из излюбленных мишеней фальсификаторов истории, – пишет газета. – Часто звучат реплики, что потери Красной армии на Ржевско-Вяземском выступе не имели смысла. Это не так. Именно подо Ржевом находилась мощнейшая немецкая группа армий «Центр», которая собиралась перебросить свои дивизии на южный фланг и идти на Москву. Красная армия не могла этого допустить, ведь решался и сценарий битвы под Сталинградом...»

Идею создания такого мемориала поддержали Российское военно-историческое общество и Министерство культуры РФ. Создана рабочая группа и объявлен открытый международный конкурс на лучший скульптурный проект, который ляжет в основу будущего мемориала. Он должен быть создан к 75-летию Великой Победы. Первые конкурсные работы выставлены в московском Музее Победы. Одну работу газета описывала так: «Четыре солдата пытаются вырваться из кольца окружения... В стремлении одолеть врага идут в наступление. Один боец тяжело ранен. Молоденькая медсестра пытается помочь и тянет его на себе с поля боя».

Тянет на себе с поля боя... Может, это наша Лида Мичурина? Или Маша Тимофеева? Или Саша Сучкова?.. Или одна из тысяч тех девушек, что ушли «Из детства в грязную теплушку, в эшелон пехоты, в санитарный взвод <...> От Прекрасной Дамы в «мать» и «перемать», потому что имя ближе, чем Россия, не могли сыскать?»

Много в России памятников героям-воинам. Мы поклоняемся им, скорбим об их рано оборвавшихся жизнях. Внуки и правнуки гордятся их подвигами, несут цветы.

Памятника медсестре я не видела. Наверно, он тоже где-то есть, не может не быть... Но вот здесь, на этом Ржевско-Вяземском выступе, где 14 месяцев бились с фашистами советские солдаты, где полегло их более полутора миллионов, где приняли боевое крещение сибирские добровольческие дивизии и стояли потом насмерть, а санитарками были у них девушки из Кемерово, Новокузнецка, Прокопьевска, Юрги...

Молоденькая медсестра тянет на себе с поля боя тяжело раненного... У кого не сожмётся сердце от боли, от невысказанной вины перед этими девушками за их невероятные испытания, ранения, увечья, за тот надлом в их юных душах, что несли они потом и несут до конца своих дней, если удалось уцелеть в огне.

Организаторы конкурса проектов мемориала высказали пожелание, чтобы памятник отражал не только само событие, но и трогал за сердце, никого не оставлял равнодушным.

Мне кажется, скорбящим ангелом, трагической нотой в великой нашей печали о несбывшихся молодых жизнях может быть фигура юной девушки-санитарки, пытающейся спасти раненого, вынести его из-под огня. Удастся ли это ей?.. И найдётся ли в большом мемориале место и для такой скульптуры?

БАЛЛАДА ОБ ОДНОМ ИЗ ТРЁХ

*Порой в бессонной маяте
Забывтый миг пробудит память,
И в полный рост вдруг встанут те,
Которым в вечности не кануть.
В чеканной поступи легки,
Идут,
Расправив плечи шире,
Мои годки и земляки –
И цвет, и молодость Сибири.
Не на парад,
А в бой идут,
В дыму скрываясь, строй за строем.
Потом историки сочтут:
Из ста вернулось только трое!*

*А остальным возврата нет.
Приемля смерть, как эстафету,
Сгорят они в расцвете лет
На разных подступах к Победе.
Кто под Москвой падёт в снегах,
Кто через год – под Сталинградом.
А кто-то – в логове врага,
Почти с самой Победой рядом.
А ты идёшь, не чуя ног,
Забыв могилам счёт
И вёрстам.*

Ведь ты один из тех, из трёх,
 И в землю лечь –
 Куда б как просто.
 Но у судьбы –
 Иной резон,
 Иные в будущее взгляды.
 Она тот самый твой патрон
 Недослала не скуки ради,
 Не за красивые глаза
 На спуске палец задержала:
 Твой трудный жребий до конца
 Она одна тогда лишь знала.
 И ты идёшь,
 Идёшь,
 Идёшь.
 У пепелища плачут дети.
 С младенцем мать в крови в кювете.
 В огне неубранная рожь.
 Ты это всё – в себя, в себя,
 За годом год,
 Как губка воду.
 И нестерпимое терпя,
 И не ища в пучинах броду,
 Немел от ран,
 От взрывов глож,
 Какие есть, изведал беды.
 Ведь ты –
 Один из тех, из трёх,
 И жить обязан до Победы,
 Чтоб после долго врачевать
 Страны израненное тело
 И остро сердцем ощущать
 Страданье душ осиротелых.
 И, как в боях, гореть в огне,
 В делах за двух впрягаясь в ношу,
 Взяв чести, совести вдвойне,
 К себе,
 Чем к людям, мерки строже.
 Порой в бессонной маяте
 Забытый миг пробудит память,
 И в полный рост вдруг встанут те,
 Которым в вечности не кануть.
 В чеканной поступи легки,
 Идут,
 Расправив плечи шире,
 Мои годки и земляки –
 И цвет, и молодость Сибири.
 Не на парад,
 А в бой идут,
 В дымах скрываясь, строй за строем.
 Потом историки сочтут:
 Из ста вернутся только трое...

Владимир РОМАНЧИН

ЗВЕЗДА ЛЮБВИ, ЗВЕЗДА ВОЛШЕБНАЯ

И тридцать лет спустя, и сорок, и вот уже семьдесят прошло, а память всё возвращает её к тем далеким дням. Иногда ярко всплывёт какой-нибудь эпизод, иногда просто картинка: идёт их группа, пять-шесть человек, по селу... Партизаны здесь желанные гости, немцев не видно.

Женщина выходит к калитке с полной миской слив, угощает их. Самые крупные и красивые сливы оказываются в Аниных руках. «Ведь это Павлик мне их всегда подкладывал», – отмечает она только теперь. Самые спелые сливы, самое большое яблоко...

Сапоги порвались, сыро было. Павлик увидел: «Снимай». Крепко-накрепко подшил их и каблук подбил...

Ложку как-то потеряла. Ребята дали немецкую. Аня не хотела этой ложкой есть. Павлик начистил её песком до блеска: «Что ж, что немецкая. Смотри, какая она чистая, блестящая»...

На фотографии рядом оказались. Да он же всегда близко от неё держался, потому и на фото вме-

102

А. Н. Волынкина (Черепанова). Москва, 1942 год

сте. С фотографии этой и началось её путешествие в прошлое: в войну, в белорусские леса, в небольшой городок Богородицк, где прежде не бывала, но где встретили её как родную и где открылась ей одна тайна.

Она только окончила школу, как началась война. Вместе с другими выпускниками четвёртой кемеровской школы пришла Аня Волынкина в райком комсомола с просьбой отправить на фронт. Иного пути юноши и девушки поколения 1940-х себе не представляли. Они знали, что предстоит смертельная схватка с фашизмом, и готовились к этому: занимались спортом, учились в аэроклубах и кружках, умели стрелять. Были все горячими патриотами, а большая часть ещё мечтателями и романтиками.

Аню взяли в армию, но до фронта была долгая дорога. Сначала в Новосибирске прошла школу молодого бойца, потом в Москве спецшколу радистов. Готовили их для работы в тылу фашистов. Немецкий язык учили, радиосвязь, совершали тренировочные прыжки с парашютом. То, что предстояло, страшило, конечно. Но разве можно было признаться в этом кому-нибудь! Рвались – скорей бы в дело.

И вот ночью на Тушинском аэродроме посадили в «Дуглас» десантную группу. Никто друг друга не знал. Сбросили в Могилёвской области, на опушке Усакинского леса.

Ане крепко повезло: не пришлось блуждать. Можно сказать, прямо с небес приняли на руки. Здесь был зимний партизанский лагерь, 2-я бригада. Без радиста они намаялись, и в то же раннее утро она уже принимала Москву.

Собралось у штаба много людей. Один наушник у Ани, другой передают из рук в руки. Включила рацию. Раздался бой курантов, а потом голос Левитана: «Говорит Москва!». Никогда не забыть ей слёзы на глазах партизан. Это Родина говорила с ними в заснеженном лесу, а кругом были враги.

Работала Аня при штабе. Принимала и передавала сводки, а с наступлением тепла пришла шифровка из Центра – группа получила спецздание. Распрощались со 2-й бригадой и в сопровождении роты отправились в трудный путь. Длительные переходы, чаще ночью, и постоянное чувство опасности. Как и прежде, Аня утром и вечером выходила на связь, принимала и передавала шифровки. В задачу группы входило разведывать, уточнять координаты скопления войск и техники противника. Действовала конная и пешая разведка, жители сёл помогали. В немецкие гарнизоны обычно ходили подростки и девушки. Взрывники делали своё дело.

«Нас постоянно преследовали, – вспоминала Анна Николаевна, – полицаи, отряды СС и СД. При нападении карателей мы должны были отходить

в лес, прятаться. Комбриг мне приказывал: «Убегай первой, береги рацию».

Иногда мы заходили в деревни. Встречали нас местные жители хорошо. Кормили, с собой припасы давали, а ведь сами жили в таком страхе. У них жгли хаты, угоняли девушек в Германию, при малейшем подозрении в связях с партизанами расстреливали. Где они только брали силы! Я и сейчас с благодарностью вспоминаю жителей этих белорусских деревень.

По заданию Центра мы шли дальше на Запад, до тех пор, пока не соединились с нашей армией. В последние дни наступления Советской армии мы сидели в лесу. В нём же скрывались остатки разбитых немецких подразделений. Через наши головы летели снаряды «катюш» и «андрюш».

И как я уцелела в этом аду, даже ранена не была! Мама моя молитвами своими и даже жизнью своей сохранила меня – я так думаю. Ведь я не могла послать ей весточку очень долгое время. Как она настрадалась из-за меня, надорвала своё сердце. Умерла молодой. Всего 41 год ей был.

Отец тоже был в армии. Остались два младших брата, один совсем ещё маленький, в детдом его взяли. Я тогда уже в штабе 50-й армии в опергруппе шифровальщиков служила.

Освободили Гомель, когда я письмо от соседки получила. Горе было для меня огромное. Отпустили меня домой. Приехала в холодный пустой дом. Братишку из детдома забрала, стала ему матерью. Учиться, конечно же, не пришлось, хотя так мечтала после войны в институт поступить, стать учительницей литературы. Пошла работать на Азотно-туковый, братишка, что постарше был, там уже трудился. Вот и я стала осваивать профессию электрослесаря. На заводе нас собралось потом много, вернувшихся с фронта мужчин и женщин.

Анна Николаевна 37 лет отработала электрослесарем в цехе КИП и автоматики, а в последние годы ещё и наставником – учила пришедших в бригаду юношей и девушек. Ушла на пенсию с наградой – медалью «За трудовую доблесть». Но дома сидеть не смогла, в совете ветеранов Заводского района Кемерово не один год выполняла разные поручения. К 65-летию области губернатор Аман Гумирович Тулеев вручил ей медаль «За труд во славу Кузбасса».

Всё это позднее было. А в 1969 году, когда готовились отмечать 25-летие Победы, Анну Николаевну, теперь уже не Волынкину, а Черепанову, пригласили в отделение милиции. Спросили, знала ли она во время войны Павла Дмитриевича Филковского. Конечно, она хорошо помнила его, разведчика и подрывника из их бригады. Ей объяснили, что Павел героически погиб, а её разыскивают «красные

следопыты» из города Богородицка Тульской области, где живут мать и сестра Павла. Завязалась переписка. Мать и сестра Павла очень просили её приехать в Богородицк, очень хотели повидать. Письму ей прислали: гречневую крупу и отрез на платье.

Прошло ещё сколько-то времени. И однажды она собралась в тот город. На вокзале её встречали многочисленная родня Павла и пионеры с цветами. Было большое застолье.

Тут и выяснилось, что Филковские считают Аню невестой Павла, вон они на фотографии-то рядышком стоят. Очень горюют о Павле и жалеют, что не состоялась их с Аней свадьба. Потом её повели в музей, созданный «красными следопытами».

Там среди реликвий Отечественной войны: документов, фотографий, писем, пробитых касок и осколков снарядов – хранилась тетрадка-дневник Павла Филковского. И в ней почти на каждой страничке светилось её имя – Аня, Анечка, Анюта. С её именем шёл он на выполнение опасных заданий, ей посвящал стихи.

Писал, какой красивой она была утром, когда хорошую сводку приняла, как счастлив был, когда вернулся из разведки, а она обрадовалась, увидев его.

Какие нежные слова говорил он о ней в своей тетрадке, какой прекрасной она ему казалась! А может, не казалась – была в свои девятнадцать лет там, где смерть ходила совсем рядом.

Потом долгие годы она анализировала какие-то события и совсем в новом свете видела в них Павлика. Ясно так вспомнился один разговор. После тяжёлого ночного марша отдыхали они в лесу. Красиво вокруг всё было, солнышко играло, согревало их. Павлик несколько ягод сорвал, дал Ане, а кто-то пошутил: «Любовь у вас, что ли...». Политрук третьей роты Иван Трегубов, который втайне очень нравился Ане, задумчиво поглядел на них и, покусывая травинку, сказал, что сейчас никто на любовь не имеет права. А вот если повезёт, уцелеют в огне, тогда должны быть очень счастливы... Не дожидаясь счастья Иван, подорвал немцев и себя гранатами.

Звезда любви, звезда волшебная... Как далеко, через десятки лет идёт её свет. А может, и вовсе никогда не исчезает. Сберегает чью-то жизнь, кому-то даёт надежду, а кому-то помогает совершить подвиг.

Для Анны Николаевны Белоруссия навсегда осталась родной, любимой землёй. Из всех её воинских наград медаль «К 65-летию освобождения Белоруссии от фашистских захватчиков» особенно дорога её сердцу. В школах на уроках мужества она рассказывала о том, как выполняли партизаны задания Центра, как помогали им жители, даже дети, подростки были связными, запоминали, куда

и сколько двигалось немецкой техники, где скапливались войска, расклеивали принятые Аней сообщения о положении на фронтах и, случалось, гибли от рук фашистов.

В музее боевой славы её родной, 4-й школы есть трогательная картинка – тоненькая юная девушка в лесу за рацией. Это Аня Волынкина, такой её нарисовала восьмиклассница Оля Новицкая. Не прерывается связь поколений, и далёкие события истории родной страны становятся ближе и понятнее современным школьникам.

Я записала эту военную историю бывшей партизанки Анны Волынкиной, когда она ещё была жива и часто встречалась со школьниками и молодёжью, всегда с добрым чувством вспоминая Белоруссии, её жителей... И вот нет её с нами... Многое меняется в мире...

Открываю номер «Комсомольской правды» от 25 февраля 2020 года и вижу даже не заголовок к статье обозревателя Дмитрия Стешина, а горестное обращение к читателям: «Вот и дожили: нобелевский лауреат Алексеевич объявила: «Белорусы боялись партизан больше, чем полицаев. Ведь кто такие партизаны? Поначалу это были просто полубандитские группы <...> 18-летнюю еврейскую девушку прислали из Москвы, она была связисткой. С ней спали все партизанские командиры, а потом, когда она забеременела, просто пристрелили на опушке леса».

Испытала я в эти минуты настоящий шок. Радистка партизанской бригады № 13 Могилевской области Аня Волынкина словно была со мною рядом и её глазами читала я эти чудовищные слова. Вот такое можно вещать теперь в Беларуси? Умирают последние свидетели и участники Великой войны. Умолкают их голоса. И появляются алексеевичи, надрываются, чтобы их услышали. Отрабатывают премии, долги перед теми, кто им очень хорошо платит даже за самую несусветную ложь, лишь бы была она поядовитее, лишь бы молодые поскорее забыли, за что их деды и прадеды погибали. Сколько же ненависти ко всему, что свято у нормальных людей: патриотизму, долгу перед Родиной, перед будущим, наконец. Сложно сейчас в Беларуси. Всеми силами стараются оторвать её от России. Летят головешки из соседней Украины. Там пишут новую историю независимой. Польша старается привлечь молодёжь возможностью получать бесплатное образование в вузах, обещают миллиардные кредиты, дешёвую нефть. Много соблазнительных посулов у либерального Запада. Устоят ли белорусы? Девять тысяч сожжённых фашистами вместе с жителями белорусских сёл... Стучит ли их пепел в сердца рождённых в XXI веке?

ХРАНИТЕЛЬНИЦА ПАМЯТИ

*Неужели где-то в дальней дали
Придут такие горькие года –
От жизни тех солдат,
что в битвах пали,
На свете не останется следа?*

Мысль об этом ещё несколько десятилетий назад тревожила не только поэта-солдата кузбассовца Михаила Небогатова. Из крупиц индивидуальной памяти многих людей, их страданий, надежд и радостей слагается память народная. К счастью, есть у этой памяти свои стражи, свои хранители.

«Полагаю, далеко не всегда я делала правильный выбор, правильные шаги... Знаю одно – не сбивалась с главной, столбовой магистрали... Я всю жизнь занималась наукой (не кабинетной). Много, очень много работала в архивах страны над документами Великой Отечественной войны по Кузбассу и Сибири, проводила многочисленные встречи молодёжи с ветеранами разных фронтов, родными и близкими погибших, записывала, обрабатывала, публиковала их воспоминания, увековечила десятки тысяч имён живых и павших в боях за Родину кузбассовцев».

Так рассказывает о том, что вело её по жизни, Зинаида Прокофьевна Верховцева, учёный, педагог, известный не только в Кузбассе человек. Рассказывает в своей книге «Дело всей жизни» (Кузбассвузиздат. 2013), подводит итоги: чему служила, что смогла сделать.

Обожгло её душу горем людским, страхом смерти, что была совсем рядом, ещё в детстве, в сорок первом, на прифронтовой станции Кочетовка, обожгло, да так и не отпустило. Дочь фронтовика, позднее жена фронтовика, спустя десятилетия пошла она по бывшим фронтовым дорогам с поисковыми научными экспедициями. Тогда находили первых непохороненных солдат, их медальоны, устраивали братские могилы, ставили памятники и обелиски, вели скорбный счёт погибшим.

Во многих сражениях отличились сибиряки, в том числе и кузбассовцы. Но долгие годы почти не было публикаций об их вкладе в Победу. Пришла после окончания Кемеровского педагогического института в отдел истории краеведческого музея, а затем уже и на преподавательскую работу в вузах.

Верховцева исследовала эту тему, встречалась с ветеранами войны, читала их воспоминания, участвовала в работе научных конференций. В Центральном архиве министерства обороны в Подольске, куда открыли доступ военным историкам, хрупкая молодая женщина была непривычной фигурой, там прозвали её Школьницей. А она сидела за столом с утра до позднего вечера, пока не истек срок очередной командировки. Возвращалась в Ке-

З. П. Верховцева

мерово с добытыми материалами, и в результате в музее открывались новые экспозиции, в газетах и журналах появлялись статьи, а потом стали выходить книги.

«Рубежи бессмертия (Кузбассовцы в боях за Родину. 1941–1945 гг.)», «Солдаты Сибири. 1941–1945 гг.», «Стояли насмерть. 1941–1945», «Величие подвига», «Вместе сражались за Родину», «Гордость и слава Кузбасса. 1941–1945» – без этих книг уже невозможно представить историю Отечественной войны. Сибирское отделение Академии наук отметило, что труды Верховцевой отличает фундаментальность, объективность, высокая историческая достоверность. Они прочно вошли в научный оборот, в том числе академических изданий, существенно обогатили историческую культуру Кузбасса, Сибири, всей нашей страны.

А для Зинаиды Прокофьевны несравнимой ни с чем радостью были отзывы самих участников сражений. Полковник в отставке Александр Иванович Горбачёв написал ей из Новосибирска: «Самым ценным в Вашем труде является историческая

достоверность. «Рубежи бессмертия» – это не вымысел, а живая, суровая правда без всякого преувеличения... Это первая ласточка в Сибири, первая попытка исторического исследования и литературного обобщения героизма не отдельной группы воинов или даже отдельной дивизии, а группы сибирских соединений, действующих в разное время и на разных участках фронта...»

Леонид Николаевич Пономаренко, Герой Советского Союза, писал о книге «Гордость и слава Кузбасса»: «Большого уважения к участникам Великой Отечественной войны не встречал ни в одной подобной книге. Это настоящий гимн подвигу, мужеству, это памятник самопожертвованию советских людей, моих земляков... Это настоящий учебник патриотизма для подрастающего поколения...»

Годы идут, изданные (некоторые дважды) десятилетиями тиражами книги эти исчезли с полок магазинов, обветшали в библиотеках. Разве будут они невостребованными в будущем? Не прочитаны теми, кому необходимы как путеводный луч в сегодняшней России?

...Осенью 2012 года Верховцева вместе со своим небольшим коллективом завершила труд, поистине завещанный от Бога, – 20-томную Всекузбасскую Книгу Памяти. Увековечены в ней имена более 150 тысяч наших земляков, павших в военных сражениях. Это низкий поклон им от ныне живущих.

Ещё в январе 1989 года ЦК КПСС принял решение о создании Всесоюзного печатного памятника погибшим в Великой Отечественной войне защитникам Родины. Во всех республиках, краях и областях, в том числе и в Кемеровской, началась тогда грандиозная работа по выявлению имён погибших в архивах военных ведомств и соцобеспечения; изучались списки, присланные с мест захоронения, умерших в госпиталях, донесения Центрального бюро по учёту боевых потерь, выписки из приказов Главного управления кадров Наркомата обороны СССР, другие документы центральных и местных архивов. В это патриотическое движение-поиск было вовлечено множество людей, в том числе студентов, даже школьников. Руководила ими областная администрация, и вдохновлял, не оставлял своей заботой тогдашний губернатор Кузбасса А. Г. Тулеев. Все сведения стекались в созданную редколлекцию Всекузбасской Книги Памяти. Живо представляю тот момент, когда при выборе редактора-составителя многотомного издания бывший тогда заместителем председателя облисполкома Г. В. Корницкий сказал: «Верховцеву. Больше никого». А Зинаида Прокофьевна вспоминает притчу нашего земляка Василия Фёдоровича о Строителе, что взвалил тяжёлый камень на плечи поэта и ве-

лел его нести на вершину горы: «Там будет храм». Согбенный усталостью, не один раз хотел сбросить поэт этот камень, но всякий раз спрашивал себя: «А кто же понесёт его наверх? Когда не я, то кто же?». Верховцева приняла такой камень и несла почти 25 лет.

Для тех, кому не доведётся прочитать книгу «Дело всей жизни» (тираж её очень мал), скажу только, что напряжённости, ответственности, физической трудности работы даже только над проверкой списков не выдерживали многие сотрудники, приходившие в коллектив.

Очень короткое время занималась этим и я – проверяла составленные по начальным буквам фамилий уже публиковавшиеся в газетах и брошюрах списки погибших. И вот читаешь, например: «Иван Иванович Меткин. Год и место рождения, когда, где и кем призван в ряды армии, в каких войсках служил, дата гибели, место захоронения». А через несколько строчек фамилия Меркин, и все остальные сведения совпадают, кроме даты или места гибели. И есть ещё Медкин! Кто же это всё-таки?!

Первоначальные списки составлялись по мало-разборчивым документам, заполнявшимся в полевых условиях, часто под огнём. Не каждая буква в написании понятна. Вот и сверяешь имена и фамилии по другим документам – «похоронкам», письмам в солдатских треугольниках, письмам родных... И это только одна чисто техническая деталь, один штрих в многотрудном процессе создания печатного памятника. А у научного руководителя, организатора всей работы было их бесчисленное множество!

Вышел последний, 20-й том. Наша Всекузбасская Книга Памяти признана лучшей среди подобных изданий в стране, награждена многими грамотами, дипломами, медалями российских военных и общественных комитетов. Отличается она не только высокой исторической достоверностью, но и всей своей обращённостью ко дню сегодняшнему, сердечностью, теплотой, бесконечным уважением к павшим за Родину. С трепетным бережением собраны и помещены в ней отрывки из писем, чудом сохранившиеся фотографии, воспоминания товарищей, что были рядом в боях. И много прекрасных стихов из сокровищницы советской военной поэзии. То, что порой не сказано в документах, звучит в проникновенных строчках поэтов-фронтовиков. Для родных и близких, детей, внуков и правнуков зачастую только том Книги Памяти, где сказано несколько строк о дорогом человеке, прежде считавшемся без вести пропавшим, – единственная весточка о его судьбе. И плачут, бывает, над ней, и ставят на видное место в своих домах.

А Зинаида Прокофьевна Верховцева, ведущий сотрудник Кемеровского госуниверситета, доцент,

кандидат исторических наук, почётный гражданин Кемеровской области, до самых последних дней своей жизни шла по выбранной в юности дороге, намечала для будущих историков, что надо сделать, чтобы не осталось забытых солдат. Ведь имя не каждого ещё погибшего солдата увековечено. Есть и желающие переписать историю, увести молодёжь тропой забвения не только дорогих имён доблестных воинов, но и того, за что они сражались насмерть. Так если не мы, то кто же?

ГОДЫ, ГОДЫ...

*Далеко, далеко уже где-то
Вся в воронках, в пыли колея,
Где прошла, в гимнастёрку одета,
Ясноглазая юность моя.
И уже забываются лица
Забайкальцев, минчан, москвичей,*

*С кем в окопах пришлось мне ютиться
Много жарких бессонных ночей.
Лица смутны... Но зримо другое,
Время это никак не сотрёт:
Как, оглохнув от грохота боя,
Мы бежали по полю вперёд.
А навстречу – огонь пулемёта,
Нет надежды остаться живым.
До чего умирать неохота
Жизнелюбам, бойцам молодым!
Но какая-то гордая сила
За решающий миг до конца
Над землёй, над собой возносила
И на подвиг бросала юнца!..
А теперь, распрямившись устало,
Это он после трудных путей
В мирном сквере глядит с пьедестала
На играющих рядом детей.*

Михаил НЕБОГАТОВ

ЧЕМ БЫ ЕЩЁ ПОМОЧЬ ФРОНТУ?

Боевая техника, оружие, обмундирование, продукты питания, приобретённые для фронта на средства кузбассовцев в годы Великой Отечественной войны

Личный вклад трудящихся Кемеровской области в создание военной техники в годы Великой Отечественной войны составил 266 миллионов 120 тысяч рублей.

К 75-летию Победы над фашистской Германией Кузбасс выступил с инициативой вернуть в Кемеровскую область 20 единиц легендарной техники, которую кузбассовцы в годы войны приобретали для фронта на собственные средства.

Внезапное нападение гитлеровцев на Советский Союз полностью изменило привычный уклад жизни кузбассовцев. С первых дней Великой Отечественной войны труженики тыла, не считаясь ни с какими лишениями, делали всё, чтобы дать армии совершенное оружие, одежду и накормить солдат, обеспечить бесперебойную работу всего народного хозяйства. 1 июля 1941 года домохозяйки, жёны и сёстры рабочих и служащих Коксохимзавода обратились ко всем женщинам Кузбасса с призывом заменить ушедших на войну мужей, братьев и сыновей на трудовом фронте. И на рабочие места к станкам, агрегатам, в забои и на стройки пришли женщины, старики и подростки. Не имея ни знаний, ни опыта, они настойчиво осваивали производство и горели одним желанием – дать фронту всё, что надо для победы. Все они трудились на пределе человеческих возможностей. И всё, что производилось, в первую очередь отправлялось на фронт: оружие, боеприпасы, хлеб, снаряжение.

Героически трудились все труженики тыла. Смысл их жизни определяли короткие лозунги: «Всё для фронта! Всё для Победы!». Несмотря на то, что с каждым днём росли темпы производства металла, угля, боеприпасов, вооружения, снаряжения, заготовки продовольствия, все жители Кузбасса старались сделать что-нибудь ещё для солдат, воюющих на фронтах. Отовсюду взывали плакаты «Что ты сделал для Победы?», и каждый мысленно себя спрашивал: «А чем я могу помочь фронту?».

Каждый рабочий и служащий, колхозник и школьник считал своим долгом внести посильную лепту на вооружение Красной армии. Население массово участвовало в создании народного Фонда обороны. В фонд направлялись средства, заработанные дополнительно на воскресниках, полевых работах, сборе металлолома. Люди сдавали личные сбережения, облигации государственных займов, продовольствие, ценные вещи. Всё это превраща-

лось в танки, самолёты, бронепоезда, подводные лодки, автоматы.

В первые дни войны на железнодорожной станции Усяты (г. Прокопьевск) прошёл массовый субботник. Больше 12 тысяч рублей, вырученных за сдачу металлолома, были оправлены в Фонд обороны. 31 августа 1941 года на шахте им. Кирова в Ленинске-Кузнецком провели воскресник в честь годовщины стахановского движения. Всё, что шахтёры заработали в тот день, отчислили на особый счёт обороны. В Анжеро-Судженске в шахту № 5-7 вместе с бригадой Ковалёва спустился депутат Верховного Совета СССР директор школы ФЗО С. А. Баннов. Его взнос во всенародный Фонд обороны – 174 тонны угля.

2 ноября 1941 года коллектив кемеровского Коксохимзавода призвал трудящихся Кузбасса поработать 7–8 ноября и заработанные деньги перечислить в Фонд обороны. Из Новокузнецка в феврале 1942 года сообщали, что на комсомольском воскреснике заработано 270 тысяч рублей. А всего по городу сбор составил 5 миллионов рублей. Кемеровчане и прокопчане внесли по 2 миллиона, в Анжерке – 1,5 миллиона рублей. Коллектив треста парикмахерских внёс более 7 тысяч рублей на оборону и постановил: «Каждый месяц до полного разгрома фашистов один день работать на оборону». Колхозники артели «10-й Октябрь» сдали в Фонд обороны всю прибыль за квартал – 8 тысяч 800 рублей. Много средств собрали и в других городах и районах. Только облигаций поступило на 20 миллионов рублей.

Не стояли в стороне и люди искусства. Артисты Кемеровского театра отчислили в Фонд обороны двухдневный заработок. Первыми внесли свои облигации художественный руководитель Сычёв и артист Китов-Крамов. Война застала гастролирующих в Кемерове артистов московского ансамбля. Они обратились ко всем работникам искусства Советского Союза с такими словами: «Мы узнали, что имеется возможность помочь армии укреплением Фонда обороны. Постановляем: «На всё время войны каждый месяц отдавать двухдневный заработок». Каждый рубль, каждая копейка – удар по гитлеровским бандитам, шаг вперёд к окончательной победе».

Славную страницу в Фонд обороны вписали железнодорожники сибирских магистралей, создав своими силами несколько бронепоездов: «Железнодорожник Кузбасса», «Металлург Кузбасса» и «Лунинец». Первыми в 1941 году к строительству бронепоезда приступили железнодорожники Тайгинского узла. Работали днём и ночью. Слесари-ремонтники депо Тайга Александр Аширов, Геннадий Бернацкий, Иван Власенко и другие напряжённо трудились, оснащая бронепоезд приборами

освещения, отопления, связи, боевой материальной частью; навешивали бронелисты, изготовленные на Кузнецком металлургическом комбинате. В апреле 1942 года первый бронепоезд был готов, в мае его доставили в Новосибирск, где его экипаж перед отправкой на фронт благословил легендарный машинист Николай Лунин. Его именем и был назван бронепоезд. В июле 1942 года бронепоезд «Луинец» (№ 704) принял свой первый бой на участке Касторная – Елец. Вместе с бронепоездом «Железнодорожник Алтая» (№ 663) экипаж вошёл в состав 49-го отдельного дивизиона. Они сражались с врагом в районе Понырей, Шепетовки. За успешные бои приказом Верховного главнокомандующего от 13 февраля 1944 года бронепоезд был удостоен почётного звания «Шепетовский».

В декабре 1942 года из Новосибирского локомотивного депо были отправлены на фронт два бронепоезда: «Советская Сибирь» и «Железнодорожник Кузбасса». Легендарные машины принимали участие в обороне Москвы, Ленинграда, Северного Кавказа. Экипажи только этих двух бронепоездов совершили свыше полутора тысяч огневых налётов на позиции врага, уничтожив 79 танков, 120 автомобилей, до 6 тысяч солдат и офицеров противника. Из бронепоездов «Сибиряк» и «Металлург Кузбасса» был сформирован 42-й отдельный дивизион бронепоездов. Летом 1942 года он успешно защищал подступы к городу Туапсе.

В январе 1943 года железнодорожники Кузбасса отчислили более 6 миллионов рублей на создание эскадрильи самолётов «За нашу Родину». Труженики паровозного депо станции Белово подарили 235-му штурмовому полку 264-й авиадивизии штурмовик Ил-2. Самолёт под названием «Беловский паровозник» участвовал в воздушных боях на Курской дуге, в небе Украины и Польши.

Трудящиеся Кузбасса активно поддержали инициативу комсомольцев Нарыма собрать средства на постройку авиаэскадрильи «Новосибирский комсомолец». Комсомольцы и молодёжь Новокузнецка, участвуя в воскресниках, заработали на постройку боевой эскадрильи 104,18 тысячи рублей, Прокопьевска – 103 тысячи рублей, Кемерово – 110,6 тысячи рублей. К 4 июня 1942 года молодёжью области было собрано и заработано 2 миллиона 787 тысяч 796 рублей.

Свои скромные сбережения в фонд этой эскадрильи отдавали пионеры и школьники города Кемерово. В газете «Кузбасс» от 12 декабря 1941 года писали: «В 23-й неполной средней школе среди учащихся собрано свыше 2 тысяч рублей. 792 рубля внесли ученики 12-й средней школы. Больше всех собрали учащиеся 2-го класса «Б» – 64 рубля. Разбив копилки, малыши Пронин и Попова отдали по 10 рублей своих сбережений. В числе

передовых оказались и малыши-первоклассники в 11-й школе. Их учительница Цецульникова с гордостью за своих воспитанников отдала в фонд эскадрильи 50 рублей».

На собранные средства построили 10 боевых самолётов, которые были переданы 18-му гвардейскому истребительному полку, три самолёта носили название «Комсомолец Кузбасса». К 25-й годовщине Октября новосибирские комсомольцы вручили лётчикам вторую эскадрилью самолётов «Новосибирский комсомолец». Фронтовики в письмах горячо благодарили за такие подарки. Начался сбор средств на постройку третьей эскадрильи. 20 марта 1943 года Новокузнецкое отделение Госбанка приняло миллион рублей на третью эскадрилью «Новосибирский комсомолец». Молодёжь Прокопьевска собрала 195 тысяч рублей. Коллектив шахты им. 7-го Ноября и трудящиеся города Ленинска-Кузнецкого, отработав на субботах, все заработанные деньги также перечислили на постройку самолётов. Труженики Беловского завода «Кинап» собрали средства на приобретение девяти самолётов для истребительного полка. Один из самолётов с названием «Комсомолец Кузбасса» был закреплён за гвардии старшим лейтенантом Цыгановым. За время войны лётчик Цыганов совершил около 200 боевых вылетов, уничтожил 7 вражеских танков и 28 автомашин с боеприпасами.

Кемеровские химики вносили средства на авиаэскадрилью «Кемеровский коксохимик». Рабочие и служащие Коксохимзавода собрали и сдали в Госбанк 1 миллион 200 тысяч рублей. Коллектив азотно-тукового завода внёс 1 миллион 300 тысяч рублей на строительство звена самолётов им. Менделеева.

Активно вносили свои средства кузбассовцы на постройку авиаэскадрильи «За Родину». Трудящиеся Кировского района города Кемерово внесли на постройку авиаэскадрильи «За Родину» 769 тысяч 167 рублей. Коллектив Правобережного комбината сдал 213 тысяч 618 рублей. Номерной завод, где был директором Романов, внёс 118 тысяч 566, и номерной завод (директор Абраменко) – 118 тысяч 566 рублей. Пенсионер Кемеровского рудника Ф. Е. Павлов каждый месяц отчислял в Фонд обороны однодневный размер своей пенсии и за военный период внёс 15 тысяч руб. В Орджоникидзевском районе Новокузнецка собрали более 700 тысяч рублей. Бывший партизан С. Погребной писал: «Мы с женой тоже хотим помочь постройке самолета «За Родину» – вносим тысячу рублей наличными. Пусть наш скромный подарок поможет нести смерть фашистам».

Горняки шахты «Коксовая-1» (г. Прокопьевск) решили на собственные средства построить авиаэскадрилью «Шахтёр Кузбасса». Заведующая

шахты «Зиминка» М. П. Косогорова внесла в фонд эскадрильи 10 тысяч рублей. В декабре 1942 года смена мастера Володина с новокузнецкой шахты им. Димитрова также открыла счёт сверхплановой добычи на постройку эскадрильи. Молодёжь Прокопьевска собрала на строительство самолёта «Шахтёр Кузбасса» 1 миллион 67 тысяч рублей. Житель Прокопьевска Иван Герасимович Захаров из своих сбережений внёс на строительство самолёта 20 тысяч рублей.

Молодёжь ремесленных училищ собирала средства в фонд строительства авиаэскадрильи «Трудовые резервы» и «Кемеровский ремесленник».

По инициативе кемеровского артиста Петра Князева было собрано 100 тысяч рублей на строительство самолёта-бомбардировщика с надписью на борту: «Кемеровский артист». После этого в театр пришла благодарственная телеграмма от Верховного главнокомандующего И. Сталина.

Труженики сельского хозяйства также вносили свои средства в Фонд обороны. Колхозники Ленинск-Кузнецкого района собрали на боевое оснащение армии 1 миллион 850 тысяч 226 рублей. Колхозники Кузнецкого района собрали 6 миллионов 800 тысяч рублей на самолёты эскадрильи «За Родину» и 500 тысяч рублей на танковую колонну. А колхозники Барзасского района перечислили 30 тысяч рублей на строительство танков и на общем собрании постановили – построить самолёт «За Родину».

Металлурги решили построить на свои средства танковую колонну «Кузнецкий металлург». Трудящиеся Кузнецкого металлургического завода отдавали в фонд танковой колонны свои заработки или компенсации за неиспользованный отпуск. Коллектив ТЭЦ отдал однодневный заработок, машинист Руденко – двухдневный, мастер Калина – трёхдневный. Сварщик Соколенко – пятидневный, электрик Гончарова – десятидневный. Начальник цеха блюминга внёс тысячу рублей. Начальник смены Бидуля – 500 рублей. В результате дополнительно было собрано 112 тысяч рублей. Молодой сталевар КМК Александр Чалков сделал 108 сверхплановых плавок, из которых были сделаны 24 танка, 36 орудий, 1 500 миномётов, 1 800 автоматов, 10 тысяч гранат. Вся страна знала боевую чалковскую сталь, за которую он получил Государственную премию. На денежную премию в 20 тысяч рублей Чалков приобрёл автоматы и отправил их на фронт в гвардейскую сибирскую добровольческую дивизию.

Строители Кузбасса собирали средства на танковую колонну «Строитель Кузбасса». Одним из первых внёс деньги коллектив стройуправления № 1. За ними последовали другие. Сотни строителей города Кемерово, желая помочь Красной армии, вносили свои личные сбережения, намного

превышающие их месячный заработок. Комсомолец, токарь Вершинин внёс 400 рублей. Он заявил: «Ничего не пожалею, всё отдам, чтобы раз и навсегда покончить с фашисткой гадиной».

За счёт выдачи сверхплановой продукции и собственных средств кузбассовцев был оснащён Кузбасский танковый корпус. Трудящиеся Крапивинского района вносили средства на постройку танкового корпуса «Кузбасс» и авиаэскадрильи. Рабочие и служащие Крапивинской конторы связи внесли 6 тысяч рублей, Тарадановской МТС – 12 тысяч 600 рублей, «Заготзерно» – 9 тысяч 376 рублей, Тайдонского леспромхоза – 83 тысячи рублей. Члены сельхозарттели «Большевик» решили купить боевой самолёт и собрали 151 тысячу рублей. Председатель этого колхоза А. Ф. Дианов из личных сбережений внёс 27 тысяч 500 рублей, за что получил благодарность Главнокомандующего Красной армии.

Чем могли, помогали и жёны командиров Красной армии, живущие в Кузбассе. «Боевая подруга», так называлась танковая колонна, созданная на их средства. Первыми личные сбережения на эту колонну внесли Исакович, Тележкина, Шишкина, Чусовитина.

Молодой шахтёр Кемеровского рудника Алексей Трошкин на личные сбережения приобрёл танк, добровольцем пошёл в армию, обучился вождению танка и повёл свой Т-34 с надписью на борту: «Месть за Родину». Панику и страх наводила его машина на врага.

Узнав о героических сражениях 7-го гвардейского Нежинского механизированного корпуса под командованием Героя Советского Союза Ивана Петровича Корчагина, трудящиеся Кузбасса решили помочь. Созданный в 1942 году танковый корпус участвовал в боях под Москвой. За мужество и отвагу при разгроме Орловско-Мценской группировки врага 26 июля 1943 года корпусу было присвоено наименование «Гвардейский». 14 сентября 1943 года танковый корпус освободил город Нежин, и корпусу было присвоено наименование «Нежинский». О подвигах гвардейцев узнала вся страна. Но после кровопролитных боёв танковому корпусу требовалось перевооружение, и кузбассовцы помогли в этом.

В одном из писем воинам соединения они писали: «В дополнение к ранее собранным 188 миллионам рублей мы собрали на вооружение вашей части ещё 97 миллионов 122 тысячи рублей и обратились к Верховному главнокомандующему Вооружённых сил с просьбой присвоить ей наименование «Кузбасская». Делегация тружеников тыла Кузбасса вручала оружие гвардейцам корпуса в августе 1944 года под Минском. И дала воинам наказ: «Бить врага беспощадно, уничтожать проклятых за-

хватчиков, дойти до Берлина». В 1944 году после кровопролитных боёв за освобождение Украины корпус был полностью перевооружён на средства трудящихся Кузбасса. Была удовлетворена и просьба кузбассовцев о переименовании корпуса. В приказе Верховного главнокомандующего от 2 августа 1944 года говорилось: «По просьбе трудящихся Кузбасса боевая материальная часть, изготовленная на средства, собранные трудящимися Кузбасса, вручена гвардейскому механизированному Нежинскому корпусу, и ему присвоено наименование Кузбасского». Тесная связь с труженниками Кузбасса воодушевляла бойцов, придавала им силы. Одетый в непробиваемую кузнецкую броню гвардейский Кузбасско-Нежинский корпус штурмовал 17 городов, форсировал 7 крупных рек, участвовал в штурме Берлина. За героизм и мужество, проявленные в Великой Отечественной войне, более 20 тысяч его воинов были награждены орденами и медалями Советского Союза, а 21 воин удостоен высокого звания – «Герой Советского Союза».

В январе 1943 года комсомольцы и молодёжь Новосибирской области развернули сбор средств на постройку подводных лодок. На призыв откликнулась молодёжь не только Новосибирска, но и Кемерово, Мариинска, Нарыма, Прокопьевска, Томска и многих других населённых пунктов Западной Сибири. За короткий срок было проведено несколько воскресников и собрано около 7 миллионов рублей. К 1 февраля 1943 года только комсомольцами и молодёжью города Кемерово было собрано 640 тысяч рублей, которые пошли на постройку подводной лодки. 10 августа 1943 года представители Новосибирской областной комсомольской организации выехали к морякам Северного военно-морского флота и передали им подводные лодки, построенные на средства сибиряков и названные «Новосибирский комсомолец».

Не отставали от взрослых и школьники. Кузбасские учителя вместе с учащимися активно помогали фронту. Работая в колхозах и на воскресниках, они собирали деньги на авиаэскадрилью «Школьник Кузбасса», «Дед Мороз»; подводную лодку «Советский пионер»; танки «Пионер», «Таня» и др.

В Кемерове в первый год войны было собрано на нужды фронта 146,2 тонны металлолома, 899 килограммов цветного металла, 15 тысяч 491 рубль деньгами, 77 тысяч 300 рублей облигациями. Учащиеся 2-го класса «А» школы № 24 г. Кемерово, откликаясь на призыв учащихся школы № 67 г. Новосибирск, на постройку танка «Таня» собрали 136 рублей и призвали всех школьников города Кемерово последовать их примеру. Школьники одной из кемеровских школ выступили с инициативой собрать средства на свой танк. В своём обращении они писали: «Мы, учащиеся 3-го класса «Г» школы № 18

г. Кемерово, для скорейшего разгрома врага решили, что нужно построить танк «Кемеровский пионер». Для этого уже собрано 30 руб. Вызываем все школы г. Кемерово последовать нашему примеру».

На призыв откликнулись школьники всех кузбасских школ. На деньги учащихся Попереченской школы Юргинского района был приобретён танк «Попереченский школьник», который передан бывшему ученику этой школы танкисту Григорию Новикову. Дети из города Белово собирали деньги на покупку для фронта самолёта «Школьник города Белово».

В результате за 1943–1945 годы на укрепление мощи Красной армии и постройку боевых машин силами пионеров и школьников Кузбасса было собрано около 5 миллионов рублей и более 20 тысяч тонн металлолома.

Одной из форм патриотической помощи кузбассовцев фронту являлась реализация военных государственных займов и денежно-вещевых лотерей. Только на шахте «Северная» в декабре 1941 года комсомольцами было приобретено лотерейных билетов на сумму, составляющую 20 процентов их зарплаты. Ученица 6-го класса школы № 31 города Ленинска-Кузнецкого передала в Фонд обороны облигации займов на 2 тысячи рублей, подаренных ей отцом. И таких примеров было много. В 1943–1945 годах от кузбассовцев поступило 918 тысяч 610 рублей на займы, 120 тысяч 490 рублей – на денежно-вещевые лотереи, 38 тысяч 500 рублей облигациями и 200 миллионов рублей деньгами.

А всего личный вклад трудящихся Кемеровской области в создание военной техники в годы Великой Отечественной войны составил 266 миллионов 120 тысяч руб.

Проявлением заботы и любви к защитникам Родины был также сбор продуктов и тёплых вещей для бойцов Красной армии. Бойцы нуждались в тёплой одежде, и с приходом зимы был выдвинут лозунг: «Дадим бойцам тёплую одежду!». Начался сбор вещей. В парткомы, профсоюзные комитеты, в исполкомы Советов, на сборные пункты шли люди, которые несли одежду, вязаные вещи, обувь, спец-одежду, деньги, семейные реликвии, украшения, различные изделия и просили передать их в помощь фронту. И порой люди отдавали последнее, что у них было. За один только день на приёмный пункт Центрального района города Кемерово поступило 17 полушубков, 16 пар валенок, 20 стёганных фуфаяк, 60 пар тёплого белья, 93 шапки. Кемеровский пенсионер Попов и его жена сдали валенки, свитер, 20 метров мануфактуры. Семья директора школы № 41 Пискуновой полностью одела одного бойца.

Горняки прокопьевской шахты № 5-6 за два дня собрали 600 фуфаяк, рубашек, рукавиц. Рабочий

Водясов заявил: «Для родной Красной армии ничего не пожалею!». Работники артели «Швейпром» за свой счёт приобрели для солдат 61 ватную фуфайку, ватные брюки, сшили тёплое белье, шапки-ушанки. Колхозник артели «Пионер» И. И. Игнатьев сказал: «Хотя армия снабжается государством, но запас тёплых вещей будет не лишним. Я сдаю всё, чтобы одеть одного бойца». Пасечник Тимофей Булкин из колхоза им. Калинина Беловского района принёс на сборный пункт пять выделанных овчин. Егор Колмогоров сдал новый тулуп, а его брат Степан – валенки, брюки, фуфайку. Многие работники станции Шишино отказались от получения спецодежды в пользу бойцов фронта. С любовью готовили посылки на фронт в селе Мохово. Почти в каждом доме была своеобразная мастерская, где женщины шили и вязали, а дети перебирали шерсть. Колхозники сельхозартелей «Красный труд» Борисовского сельсовета Барзасского района изготовили 10 пар валенок, 10 пар варежек и столько же шерстяных носков. Кроме того, каждая семья связала для бойцов по паре носков и варежек. Такая же работа проходила и в других сёлах и городах Кузбасса.

23 октября 1941 года на партийном собрании Кемеровского азотно-тукового завода обсуждался вопрос о сдаче тёплой одежды для Красной армии. Выступления присутствующих были кратки, конкретны. Вот выдержка из протокола: «Гилёв: «Сдаю тёплые брюки и фуфайку, приобретённые мною на базаре»; Чарышкин: «Сдал пару белья, сдам шапку, рукавицы или носки»; Абрамчук: «Могу только деньгами, так как у меня ничего нет. Полагающую мне спецодежду прошу внести в фонд Красной армии»; Великанов: «Сдал свои новые пимы, рубашку, шарф тёплый». Вскоре это движение стало повсеместным.

Из далёкого тыла на фронт непрерывно отправлялись посылки не только с одеждой и обувью, но и продуктами, табаком и другими изделиями.

В целях быстрейшего разгрома гитлеровской Германии 24 июля 1942 года на совещании председателей колхозов, сельсоветов, секретарей партийных и комсомольских организаций, работников политотделов МТС, финансовых и заготовительных организаций от лица всех колхозников и трудящихся Ижморского района было взято обязательство сверх государственных планов и госзакупа от своего личного труда собрать и отправить в августе 1942 года для Красной армии: хлеба – 6 тысяч пудов, мёду – не менее одного килограмма с каждой пчелосемьи, яиц – 20 тысяч штук, валенок – 300 пар, полушубков – 200 штук, жилеток шубных – 300, курток ватных – 200, варежек и перчаток – 200 пар, шерстяных носков – 200 пар, шапок-ушанок – 100 штук, тёплых портянок – 250 пар, наволочек – 200, простыней – 100, полотенец – 200 штук. В сен-

тябре собрать картофеля 12 тысяч пудов, шерсти – тысячу килограммов.

Их примеру последовали трудящиеся Анжерского района, с которым они соревновались, а также другие районы и города Кузбасса.

Из Новокузнецка к годовщине Красной армии ушло на фронт 700 посылок. К 1 мая 1942 года собрали ещё более тысячи посылок. Metallурги, шахтёры города посылали фронтовикам колбасу, конфеты, печенье, папиросы, табак, мыло.

Колхозники Крапивинского района решили выращивать овощи и растить скот в Фонд обороны. Их поддержали не только сельские жители, но и горожане. Десятки овец из своих личных хозяйств поставили на откорм колхозники сельхозартелей «Красный октябрь», «Красное знамя», «Вперёд», «Мировое пламя», им. Кирова и др. Пасечница сельхозартели им. Будённого Юргинского района М. Шарикова из личных запасов попросила переслать бойцам одной из сибирских дивизий 50 килограммов мёда. Также поступили и соседи. В результате было собрано ещё 450 килограммов. К ним присоединились из других колхозов, и через несколько дней на сборный пункт было доставлено 500 пудов сибирского мёда.

Председатель правления колхоза «Красный партизан» Горяшкин, выступая перед односельчанами, сказал: «Пять моих сыновей, пять боевых соколов сражаются на фронте. Вношу в Фонд обороны шесть пудов хлеба». И на другой день красный обоз повёз из личных запасов колхозников уже 90 пудов хлеба.

По всем предприятиям, колхозам и совхозам Барзасского района прошли собрания по поводу подарков бойцам фронта к 24-й годовщине Красной армии. Решено было послать 200 тысяч сибирских пельменей. Свыше 500 жён красноармейцев приступили к изготовлению пельменей, и 13 февраля 1942 года 200 тысяч пельменей были готовы к отправке на фронт. Их инициативу поддержали во всём Кузбассе, и на фронт отправлялись пельмени целыми вагонами, за которые бойцы вспоминали сибиряков добрыми словами.

Молодые колхозники Кузбасса выступили в областной газете с инициативой: «Мы, молодёжь колхоза «Маяк» Чебулинского района, взяли шефство над посевом и выращиванием махорки для бойцов. Колхоз посеял 40 гектаров, а молодёжь – ещё 2 гектара. Урожай сдадим в Фонд обороны. На своих огородах посеяли для бойцов ещё по 0,5 гектара – тоже для фронта. Призываем всех комсомольцев и молодёжь последовать нашему примеру». Обком комсомола одобрил эту инициативу и рекомендовал поддержать её повсюду.

Жители городов тоже не отставали. Жена работника вагонного участка Новокузнецка гражданка

Сукова обязалась засадить для Фонда обороны 5 соток картофеля своими семенами. Семья Яхно тоже решила посадить овощи для армии. Домохозяйка Локтева, узнав об их почине, посадила и обработала 6 соток картофеля. Директор школы № 54 Кучин сообщал, что при школе отвели участок, на котором посадили 0,5 гектара картофеля для бойцов.

Все трудовые коллективы Киселёвска в годы войны отчисляли в Фонд обороны ежемесячно двухдневный заработок. А работницы кондитерского цеха Горпищеторга за пять дней работы без отдыха изготовили и отправили Северному флоту 1 561 кг пряников, 780 кг белых сухарей, 157 кг печенья, 135 кг конфет, 15 кг шоколада, 500 кг пельменей, 47 кг колбасы, 30 кг сала, 55 кг паюсной икры.

С трибуны Первой областной партийной конференции в марте 1944 года было доложено, что трудящиеся Кузбасса изготовили и отправили фронтовикам около 10 тысяч полушубков, 51 тысячу пар шерстяных варежек, 32 тысячи шерстяных носков и много других вещей. Одновременно на фронт ушло 700 тысяч тонн продуктов, 2 тонны табака, десятки тысяч посылок с подарками. За годы войны только школьниками было собрано и отправлено бойцам и командирам Красной армии более миллиона индивидуальных подарков.

Забота о нуждах Красной армии совмещалась с повседневной заботой о семьях фронтовиков, об осиротевших детях. Им в первую очередь ремонтировали квартиры, снабжали топливом, овощами, одеждой, сеном для скота, устраивали детей в детские ясли и сады, выделяли дополнительное питание. Нуждающимся семьям фронтовиков только в 1943 году из средств, собранных жителями Кузбасса, было выдано около 6 миллионов рублей единовременных пособий. В Новокузнецке был объявлен месячник помощи детям фронтовиков. Месячник завершился организацией постоянного шефства заводов, учреждений, организаций над членами семей воинов. Коллектив Кемеровского коксохимического завода выделил из подсобного хозяйства продукты для обеспечения 400 учащихся горячими завтраками. Колхозники Тяжинского района в День помощи детям фронтовиков собрали 40 тысяч рублей и изготовили 250 пар обуви. Колхозники Прокопьевского района собрали для семей военнослужащих 480 центнеров картофеля, 59 – хлеба, 245 – овощей и 52 тысячи рублей. Колхозники Александровского сельсовета Юргинского района провели месячник помощи семьям фронтовиков, собрали для них 221 центнер картофеля, 52 центнера овощей и 10 тысяч рублей. Рабочие и служащие Анжеро-Судженска собрали 100 тысяч рублей и 100 центнеров картофеля.

В тяжелые дни 1941–1942 годов из прифронтовых районов первыми вывозились дети. И когда в Кузбасс начали прибывать эшелоны с детьми, для них делалось всё возможное, чтобы облегчить участь. Активное участие в организации и оборудовании детских домов принимали комсомольцы. От городских и районных комсомольских организаций в детские дома были направлены 133 лучших педагога. Для детских домов комсомольцы и молодёжь готовили игрушки, собирали одежду, обувь, продукты питания. В Гурьевский детдом было эвакуировано 120 детей-ленинградцев, из которых 60 процентов находились в состоянии дистрофии. Большинство детей не могли двигаться. Коллектив воспитателей под руководством директора детдома комсомолки Левченко смогли всех детей не только откормить, но и вылечить, и поставить их на ноги. В Михайловском детском доме, организованном по инициативе колхозников Киселёвского района, воспитывалось 56 детей. Коллектив детдома во главе с директором комсомолкой Ненашевой окружили детей, оставшихся без родителей, вниманием и заботой, дети росли здоровыми и жизнерадостными. И так было по всему Кузбассу.

Кузбассовцы радостно встретили весть об освобождении Донбасса от фашистской оккупации. Но, отступая, фашисты нанесли огромный урон Донецкой области. Было уничтожено свыше 90 процентов промышленных сооружений. На 90 процентов был разрушен жилой фонд городов и посёлков. В Кузбассе началось патриотическое движение для оказания помощи в возрождении Донецкого бассейна. Участники митингов, проходивших на шахтах Кузбасса в сентябре 1943 года, выражали готовность помочь восстановлению Донбасса и своим трудом, и денежными средствами. Шахтёр Шаров на собрании горняков осинниковской шахты «Капитальная» говорил: «Чувство гордости и радости охватывает меня и всех нас, горняков: Донбасс наш! Но он разрушен. Его требуется восстановить, и мы его восстановим своим стахановским трудом. В помощь пострадавшим я отчисляю тысячу рублей, 100 кг картофеля».

Кемеровский обком партии организовал сбор промышленного оборудования, продовольствия, одежды, обуви для донбассовцев на шахтах, заводах, в колхозах. Районы и города брали шефство над районами и городами Донбасса. Над предприятиями и организациями Донецкой области шефствовали многие коллективы Кузбасса. Кузнецкие металлурги шефствовали над Енакиевским металлургическим и коксовым заводами. Трудящиеся Кемеровского азотно-тукового завода взяли шефство над Горловским азотно-туковым и Днепрпетровским заводами. Кемеровский коксохимический завод оказывал помощь Рутченковскому заводу.

Коллектив кемеровского кинотеатра «Москва» за счёт выручки от внеплановых сеансов собрал средства на восстановление одного из кинотеатров Донецка. Горноспасательная станция в Ленинске-Кузнецком выделила полный комплект оборудования для Макеевской горноспасательной станции. Медицинские учреждения Анжеро-Судженска своими силами восстановили поликлинику в Донецке.

Для предприятий и шахт Донбасса выделялись и приводились в образцовый порядок станки, машины, горное оборудование; лесорубы валили сверхплановый лес; сталевары варили дополнительный металл; машиностроители после смены оставались у станков, чтобы изготовить слесарный инструмент. Население собирало продовольствие, скот, птицу, одежду, обувь, предметы домашнего обихода. Готовились комплекты оборудования для школ, детских садов и яслей. Бюро Рудничного райкома ВЛКСМ города Кемерово предложило каждому комсомольцу внести в общий фонд помощи восстановления Донбасса не менее 50 рублей и 15 килограммов картофеля. На предприятиях было собрано и отправлено в Донбасс 38 различных станков, 275 силовых трансформаторов, 10 электромоторов, 10 насосов для шахт, более 12 тысяч предметов различного электрооборудования, 30 тысяч штук кирпича, 1 615 трикотажных вещей. А также много обуви, одежды, продуктов питания, скота. Перечислялись и деньги из личных сбережений трудящихся.

В области развернулось соревнование за право участия в сопровождении эшелонов, направляемых в Донбасс. 27 сентября 1943 года со станции Тайга в Донбасс был торжественно отправлен первый эшелон с оборудованием, машинами, одеждой и продовольствием. К концу 1944 года из Кузбасса в Донбасс отправлено 140 вагонов механического и шахтового оборудования, 30 вагонов строительных материалов, 14 вагонов с предметами домашнего быта, 4 тысячи голов крупного рогатого скота, 9 тысяч овец, 3 тысячи свиней. Из личных сбережений трудящимися Кемеровской области в помощь Донбассу было собрано 11 миллионов рублей.

Наряду с материальной помощью Кузбасс в 1943–1945 годах оказал Донецкой области значительную помощь кадрами. Через три дня после освобождения Донецкого бассейна, туда выехала группа кузбассовцев, основу которой составляли забойщики. Через несколько дней туда было переведено строительно-монтажное управление со своими рабочими, инженерно-техническими работниками, служащими, а также механизмами, транспортными средствами, подсобным хозяйством. Население Донбасса с благодарностью принимало оказанную братскую помощь. Помогали трудящиеся Кузбасса и другим территориям, освобождённым от немецких оккупантов.

Как и весь народ, труженики Кузбасса внесли весомый вклад в великое дело Победы как своим героическим трудом, так и личными средствами, с помощью которых приобреталась боевая техника для фронта и оказывалась помощь фронтовикам.

Никогда ещё во всей истории человечества народные массы не участвовали так самоотверженно в защите своей Родины, как в суровые дни Великой Отечественной войны. Общая беда, тяжкие испытания ещё крепче сплотили людей. В нерушимой связи народа и армии, в единении фронта и тыла и выросла та несокрушимая сила, с помощью которой удалось сломить сильного и коварного врага и одержать великую Победу над фашистской Германией.

Екатерина ТЮШИНА

г. Кемерово

ИСТОРИЯ ОДНОГО ЗАВОДА – КЕМЕРОВСКИЙ ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИЙ ЗАВОД

После закрытия Кемеровского электротехнического завода некоторые материалы с этого завода были переданы музею-заповеднику «Красная Горка». Среди поступивших документов имеются документы по истории эвакуации и реэвакуации станков и оборудования подковного, гвоздильного и шипного цехов завода. История завода оказалась очень необычной. Самым удивительным было то, что первой продукцией Кемеровского электротехнического завода были подковы. Появился подковный завод в Кемерове во время Великой Отечественной войны в числе многих эвакуированных предприятий. Но история его началась ещё в конце XIX века в Санкт-Петербурге.

Основатель фирмы L. Possehl & Co. Э. Поссель приобрёл в 1899 году современный по тем временам подковный завод. Это был единственный завод такого профиля в Петербурге, производивший подковы, винтовые шипы, подковные гвозди и ковочные инструменты. Завод работал на импортном сырье из Швеции.

В 1914 году с началом Первой мировой войны подковный завод перешёл на выпуск продукции по заказам Военно-промышленного комитета. В это время на заводе работало 1 400 человек. Наряду с другими оборонными предприятиями Петрограда он входил в военно-промышленную группу крупнейшего в России Русско-Азиатского банка.

После революции завод был национализирован под названием «Народно-подковный завод». В

связи с Гражданской войной и политическими обстоятельствами течение шести лет завод бездействовал.

Испытывая острую нужду в производстве подков для Красной армии, Главное военно-хозяйственное управление РККА в 1923 году запустило подковный и гвоздильный цеха Военно-подковного завода.

С 1927 году на заводе начался выпуск винтовых шипов для подков, а на базе механического цеха организовано производство подъёмно-транспортного оборудования. В 1929 году в связи с реорганизацией Военно-подковный завод был переименован в Государственный завод металлических изделий и транспортных сооружений «Красный металлист».

Но самый необычный поворот в истории завода произошёл, когда в стране начались работы по сооружению московского метро. В 1934 году заводу было поручено изготовление 18 эскалаторов (высотой 20–30 м) для первой линии Московского метрополитена. До начала войны производство эскалаторов стало основным профилем завода.

КЕМЕРОВСКИЙ ВОЕННО-ПОДКОВНЫЙ ЗАВОД № 1

В начале Великой Отечественной войны Ленинградские заводы перешли на выпуск оборонной продукции. «Красный металлист» начал выпускать мины, гранаты, переделывать в боевые учебные винтовки и пулемёты.

С 11 июля 1941 года по распоряжению Государственного Комитета Оборона началась эвакуация из Ленинграда промышленных предприятий. 8 сентября 1941 года прервана сухопутная связь с городом, и с этого времени сообщение поддерживалось только по воздуху и Ладожскому озеру. Но и в этих условиях эвакуация предприятий продолжалась и к октябрю 1942 года была завершена.

В сентябре 1942 года из Ленинграда был эвакуирован завод «Красный металлист». Его оборудование вывезли в три разных места: цепное производство – в Москву на завод «Металлист», подъёмно-транспортное производство – в посёлок Перово Московской области, подковное производство отправили в сибирский город Кемерово.

Из Ленинграда вышло два эшелона станков, оборудования подковного цеха. Один за другим 5 и 15 ноября 1942 года прибыли эшелоны на станцию Кемерово. Вместе с оборудованием прибыли всего 28 человек. Для организации в Кемерово подковного производства приехал начальник цеха Николай Алексеевич Алексеев, имевший пятидесятилетний стаж работы на заводе «Красный металлист». Днём и ночью на лютom морозе без подсобных механизмов шла разгрузка станков и оборудо-

ования. В качестве транспорта руководством был выделен единственный трактор.

Оборудование разместили на крайне ограниченной территории школы № 30 и рабфака, которые перед войной были переданы в ведение Сибирского военного округа. Кроме этих зданий, на площадке находилась ещё конюшня артиллерийского дивизиона и частные дома. Подковный цех смонтировали в бывшей конюшне, гвоздильный цех – в помещении школы, шиповой, инструментальный цеха и заводоуправление – в помещении бывшего рабфака. Позже построили газогенераторную станцию, тесовое помещение для термического и травильного отделения, подстанцию, помещение для тарного цеха и конюшню на восемь лошадей.

Постановлением Военного совета Сибирского военного округа № 72 от 18 ноября 1942 года был создан Кемеровский военно-подковный завод № 1 Наркомата обороны СССР. Главной трудностью нового завода было отсутствие ведущих кадров: наладчиков, мастеров, технологов, конструкторов. Персонал пришлось набирать путём мобилизации трудящихся в Топкинском, Юргинском и Мариинском районах в уже созданной Кемеровской области.

Сформированный трудовой коллектив в составе 320 человек работал в исключительно тяжёлых условиях. Оборудование было старым, средствами механизации цеха завода не располагали, всё делалось вручную, даже металл подавался толкателями в печи вручную. Но сотрудники завода делали всё, чтобы в кратчайший срок выдать продукцию фронту. Подковы для лошадей изготавливались со сменными вкручивающимися шипами заводским способом на механических станках. На каждой подкове ставили клеймо завода; номер подковы (всего существовало 10 номеров) и указание, на какие ноги она предназначена (П – передние, З – задние). Усилия коллектива увенчались успехом: 1 мая 1943 года на фронт была отправлена первая партия подков, шипов к ним и гвоздей Кемеровского военно-подковного завода № 1. С этого времени и до конца войны тонны продукции регулярно шли в действующую армию.

Огромное оборонное значение завода определялось ролью лошади в той войне. Боевой опыт заставил в ходе войны резко увеличить численность конницы – если 22 июня 1941 года в Красной армии насчитывалось 13 кавалерийских дивизий и 116 тысяч конных бойцов, то к весне 1943 года число кавалерийских дивизий было увеличено до 26 и в них воевало почти четверть миллиона кавалеристов. Все крупнейшие наступательные операции проводились с использованием кавалерии.

Но роль лошади только этим не ограничивалась. Лошадь в годы войны заменила советским

солдатам отсутствующие бронетранспортёры и автомобили-внедорожники. На лошадях перевозили артиллерийские орудия и миномёты, имущество подразделений связи, сапёрных, химических и др. Конные повозки были основным транспортом и в полковом тылу. На них доставляли продовольствие, боеприпасы и другое имущество. Нельзя не упомянуть и о полевых кухнях на конной тяге, которые всюду сопровождали войска, чтобы накормить бойцов горячей пищей. Специальные санитарные повозки были и у полковых медиков, на них везли укладки с медикаментами, инструментарием и другим имуществом полковых лазаретов, эвакуировали в тыл раненых. Всего за время войны в армию было мобилизовано свыше 3 миллионов лошадей.

Кемеровский военно-подковный завод № 1 стал главным поставщиком подков практически для всей кавалерии Красной армии и сыграл большую роль в ходе войны.

ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИЙ ЗАВОД

После войны по распоряжению Совета министров СССР № 5027 от 3 мая 1947 года Военно-подковный завод был передан из Министерства Вооружённых сил СССР Министерству местной промышленности СССР, под названием Кемеровский подковный завод ММП СССР. Впервые после войны завод возобновил поставки подковых изделий для сельского хозяйства страны.

Кроме этого, не имея специального оборудования, завод успешно выполнил специальное задание по производству водонапорных баков.

В дальнейшем с заводом произошло множество переподчинений различным министерствам и ведомствам, изменений профиля производства:

– 1957 год – преобразован в Кемеровский метизный завод Главного управления промышленности металлоизделий Министерства местной промышленности РСФСР;

– 1965 год – реорганизован в Кемеровский электротехнический завод Главного управления по производству низковольтной аппаратуры (Главэлектрораппарат) Министерства электротехнической промышленности. Подковное производство этим предприятием было частично списано, а оставшееся в 1974 году было передано в Облместпром Горьковской области для вновь построенного цеха по производству подков, шипов и гвоздей в посёлке Ямново;

– 1991 год – преобразован в акционерное общество «ЗЭТА» (завод электротехнической аппаратуры), имеющее в своей структуре штамповочное, гальваническое, литейно-прессовое, сборочное производства и инструментальный цех. Функции: изготовление электроутогов, магнит-

ных пускателей, электроплиток, переключателей мощности;

– 2004 год – ЗАО «ЗЭТА» признано несостоятельным и введено конкурсное производство. Оборудование завода было вывезено на предприятие «ТОКЕМ», где в настоящее время действует предприятие ООО «ПО «ЗЭТА», специализирующееся на производстве электротехнической продукции: производит изделия из пластмасс, текстолита, металла, требующих механической, термической обработки и гальванопокрытия. Предприятие осуществляет комплексные поставки запасных частей и комплектующих на все серии локомотивов и другой железнодорожной техники.

В 2004 году проводился архитектурный конкурс по проектированию жилого района на территории бывшего завода ЗЭТА. Но район до сих пор не застроен. В опустевших корпусах бывшего завода, находящихся в самом центре города, на улице 50 лет Октября, размещён бизнес-центр «ЗЭТА».

Ольга НАЗИМОВА,

старший научный сотрудник
музея-заповедника «Красная Горка»
г. Кемерово

«ПРОШУ ВАС ПРАВИЛЬНО ПОНЯТЬ»

Николай Михайлович Дикарёв всего на пять лет младше Сергачской районной газеты, в которой продолжительное время работал заместителем редактора.

Что мы знаем о битве за Москву, одном из ключевых сражений Великой Отечественной войны? В основном то, что написано в школьных учебниках истории: о 28 героях-панфиловцах, преградивших путь немецким танкам, об отважной партизанке-комсомолке Зое Космодемьянской, о лётчике Викторе Талалихине, протаранившем в подмосковном небе вражеский самолёт... И почти ничего – о курсантах подольских училищ (артиллерийского и пехотного), заступивших на оборонительные рубежи 6 октября 1941 года у села Ильинского Калужской области.

Будущим офицерам был дан приказ любой ценой сдерживать натиск врага на обозначенных позициях до прихода подкрепления. Три с половиной тысячи мальчишек, в распоряжении которых винтовки, гранаты, учебные артиллерийские орудия да пушки времён турецкой войны конца XIX века, сухой паёк на три дня против хорошо обученных немецких солдат, вооружённых до зубов. Держать удар предстояло минимум неделю.

Через пять дней осталась треть курсантов, ценой жизни уничтожены два десятка вражеских тан-

ков, несколько броневиков, сотни немецких солдат. Но ад продолжался. 13 октября в тылу заметили 15 танков с красными флагами. Машины не советские, гитлеровские. Курсанты на хитрость не купились. Они уничтожили танки, выполнили приказ.

К утру 17 октября молодые бойцы отошли к Лукьяново. Посчитали потери. Оказалось, в живых остался только каждый десятый. Среди них – лейтенант Николай Дикарёв. После окончания учёбы он громил фашистов под Ленинградом, на Курской дуге, в Белоруссии и Польше. Особенно часто он вспоминал тяжелейшие бои под Бобруйском.

Трудно сосчитать, сколько щемящих душу воспоминаний фронтовиков пришлось выслушать мне за полвека журналистской работы, и почти каждый из них с гордостью называл примеры такой вот солдатской взаимовыручки, которая наряду с мужеством и массовым героизмом всего советского народа стала главным условием Великой Победы.

Николай Михайлович не любил вспоминать войну, при упоминании о ней сразу же переводил разговор на другую тему. Или раз за разом перечислял иногда имена боевых товарищей.

Он не рассказывал, сколько ран на сердце оставили известия о смерти однополчан. Одно могу сказать точно: война закалила его, научила ценить каждый миг. И он не тратил время на пустые беседы, всегда говорил, что думает, напрямую, пусть даже человеку его слова не очень-то нравились.

После того как наш фронтовик ушёл в мир иной, я встретился с его сыном Владимиром Николаевичем. В разговоре посоветовал на скупость военных воспоминаний отца.

– Письма тех огненных лет почитать бы, – говорю, – ведь писал же он из мест сражений родителям, любимой...

– Конечно писал, – прервал мою мысль собеседник, – только из переписки с мамой всю его фронттовую биографию можно изучить.

И вот в моих руках эта солидная пачка пожелтевших исписанных знакомым почерком листочков вперемешку с почтовыми открытками, рисунками и плакатами патриотического содержания. Адрес получателя: полевая почта 70425, Лидия Кислякова, а отправителя – полевая почта 54303-с, Николай Дикарёв.

01.07.43 г.

Здравствуй, моя дорогая Лида!!!

Шлю тебе боевой привет с фронта, желаю счастья в жизни и успехов в работе. Сегодня получил твоё письмо, за которое сердечно благодарю. В ответ пишу пока открытку, а все остальное – в письме. Потому что сейчас писать его некогда, так как выполняю срочное боевое задание. Здесь у нас за-

тишь, но оно бывает обычно перед грозой. О себе писать нечего: пока все по-старому.

С приветом, твой друг Николай.

11.07.43 г.

...Сейчас у нас очень жарко. Даем фрицам жизни. Командую батареей. Хлопцы работают хорошо. Настроение замечательное. Чувствую себя превосходно. Как получишь фотокарточку – сообщи.

05.08.43 г.

Здравствуй моя дорогая Лида!!!

Вчера получил от тебя сразу три письма. Написаны они в разное время, но содержание их одинаково. После долгих переездов и скитаний они являются для меня большой радостью. Ты пишешь, что у вас тоже начался концерт. Я являюсь участником такого большого концерта уже около месяца. Мы прошли уже более 150 км. Были хорошие дни и плохие. Сначала мы фрицам дали такого жару, что еле успевали за ними ехать! Потом они немного опомнились. Начали массово применять самолеты. Но все же они отступали и отступают, так как у нас много артиллерии, танков и самолетов. Трофеи были большие. И покушать, и одеться. Но есть и потери. Убиты мои друзья по оружию. Вовка Локтев и Василий Елфимов. Первый учился со мной в Сергаче. Да ты, наверное, его знаешь. Погиб геройски. Ранено 9 хлопцев. К награде представлены 15. Поработали мы неплохо.

09.08.43 г.

...Наш отдых кончился. Снова гоним фрицев дальше от Орла. Сопротивляются неважно. Это уже битые фрицы стоят против нас. Вчера разбило у меня одно орудие, а орлы мои все невредимы. Хлопцы дерутся хорошо, с азартом. Вчера разбили 6 броневиков, уничтожили до 200 солдат и офицеров. Мы стим им за все. Я же – за тебя и мои раны.

Из дома сообщили, что Саша Кузнецов погиб. В Сергаче все очень дорого, но мои родственники ни в чем не нуждаются.

У нас в части есть девушка Вера. Она все время с нами. Очень храбрая: у нее орден Красной Звезды на гимнастерке.

15.08.43 г.

Сейчас я – офицер связи. Ты, наверное, знаешь, что это такое. Отдых наш кончился уже давно, и мы снова в боях. Успешно наступаем. Скоро город Карачев будет наш. Фрицы бегут. Здорово им дают жизни наши Илы, «катюши» и танки. Теперь я при штабе части. Живу хорошо. Немного утомляют частые переезды, все время двигаемся. 3 дня назад у меня ранило 4 орлов, один умер.

<...> Лида, только через двое суток нашлось время, чтобы дописать письмо. Поверь, что за это время мне столько пришлось переезжать, что не нашлось свободной минуты. Сейчас мы ушли далеко вперед. Воюем весело. Фрицы бегут, бросая всё, даже раненых. Трофеев и пленных много. Мы двигаемся без потерь.

За эти два месяца у нас наградили и уже прислали списки на 72 бойцов. Пока их не объявляли.

Меня скоро примут кандидатом в члены партии.

Из дома письма получаю редко. Папа пишет, мол, кончайте воевать быстрее и приезжайте – дома для вас все готово.

Может быть, ты знала Кольку Бугрова. Это мой товарищ. Мне папа сообщил, что он ранен в грудь и правую руку. Мы с ним вместе добровольцами пошли на фронт, лежит он в Иваново. Получил недавно письмо от Витьки Пугина. Воюет. Уже был ранен.

Пишу тебе, то и дело глядя на дорогу, по которой ведут фрицев. Недавно я с ними разговаривал. Многие из них рады, что попали в плен, и все лепечут: «Гитлер капут!». Смотришь на них и думаешь: «Какая же подлая у немца душа. Нет у них силы воли. Они боятся за свою шкуру, чуя расплату за все злодеяния».

Читаю газеты фрицевские. Кое-что понимаю. У них свое видение на все.

Дело к вечеру. Наши орудия уже не достают до фрицев. Бьем на 12,5 км. Скоро снова передвинемся вперед километров на 8. Ждем приказа. Вот пока и все, моя дорогая.

16.08.43 г.

Сегодня мы вышли из боя. Во время марша потерялся один офицер, искать которого приказано мне. Я попытался сделать это, но не нашел. По возвращении мои орлы вручили мне твои письма и радостно сообщили, что Карачев взят. Бои за него были жаркими.

Сейчас ребята пошли на концерт, а я остался, чтобы спокойно ответить на твои письма.

Да, Лида, картина разрушенных, опустошенных городов и селений мне известна. Но мы удачно бьем фрицев. И у ребят настроение хорошее.

19.08.43 г.

Сейчас мы почти не деремся, а еле успеваем догонять фрицев. Проходим по безлюдным пепелищам, так как на пути своего отступления они все сжигают и взрывают. Новостью стало то, что все дороги, деревни, огороды заминированы. Но на их минах рвутся лишь немногие неосторожные люди. Даже собранный урожай и то сжигают. Население угоняют с собой.

Живем хорошо. Обеспечены всем. Да, еще новостью на нашем участке является то, что против нас действуют власовцы (ты, наверное, знаешь, кто они такие), но вояки они еще хуже немцев, как ударят наши, так и в плен сдаются.

08.10.43

Я не писал тебе с полмесяца: не было ни минуты свободного времени и подходящих для этого условий. Мы все время в движении, наступаем очень быстро – до 30 км в сутки. Освобождаем родную Белоруссию. Вот уже третий день, как мы остановились на берегу реки. Гансы – на другом берегу, совсем близко. Но это временное явление. Скоро мы опять пойдём вперед. И чем быстрее, тем лучше. Ближе к концу этого дела ближе и быстрее к нашей встрече.

Живем мы замечательно. Покушать есть чего. Погода стоит хорошая. Деревни в большинстве случаев целые. Население встречает приветливо. Но фрицы все же сопротивляются. Есть потери, и чувствительные. Людей, с которыми начали наступать, уже мало. Вчера еще ранило двоих.

Читая твои письма, вспоминаю тебя всю, но еще лучше и приятнее было бы, если б у меня была твоя фотокарточка. Я смотрел бы на нее в горестные минуты – и мне бы легче стало.

15.10.43 г.

Вчера погиб мой друг, с которым воевал вместе 5 месяцев. Это был такой кошмар, какого я еще не видел за все время своего пребывания на фронте. Наше продвижение вперед приостановилось.

16.10.43 г.

Известие о смерти Мишеньки Кокурина для меня очень неприятно. Мы вместе учились 10 лет, и он – мой хороший друг. Мы с ним встречались в Коломне в ноябре 1942-го. Он тогда только училище окончил. Отбыл на фронт после меня. И вот его уже нет. Тогда же я встречал еще Шурку Лысихина и Вовку Померанцева...

23.10.43 г.

Блиндаж на берегу чудесной белорусской реки. 15:00. Здравствуй, моя дорогая Лида! Вчера вечером у меня было очень счастливое время: я получил от тебя сразу 3 письма, написанные 30.09, 03.10 и 07.10.43 г. Из них я узнал много новостей и был беспредельно рад. Ты пишешь, что тоже скоро будешь на белорусской земле. Значит, мы не так уж далеко друг от друга.

10.11.43.

Лида, почему нет от тебя писем?

Я живу, как и прежде. Ко всему худшему прибавилось еще то, что стало очень холодно.

16.11.43 г.

Вчера получил твое письмо, написанное 21.10.43 г. Видишь, как долго оно шло. Значит, и от меня к тебе так же долго идут.

Сейчас сижу в крепком и теплом блиндаже. Ночь уже, но у нас светло: керосина хватает. Продвижение наше пока закончилось – стоим в обороне. На нашем участке затишье – разведка и артиллерийско-миномётная перестрелка.

Должность у меня прежняя, часть тоже. А люди уже другие. Старичков, с которыми начинал наступать, уже нет. Так бы всё ничего, но плохо, что нет табаку, без него здесь очень скучно.

Из дома недавно получил три письма. Из Сергача до меня письма идут только 7 суток. Пишут, что живут хорошо. Тая, моя сестренка, уже большая – учится в 6-м классе.

Отсюда многие едут в отпуск. Возможно, и мне придется. Это было бы большим счастьем. Лида, для меня тоже было бы большим счастьем, если бы ты прислала мне свое фото.

15.01.44 г.

Сейчас мы стоим на отдыхе после упорных боев за Белоруссию. Время свободное, хотя и мало, но есть. 10 часов занимаюсь с хлопцами – готовимся заканчивать войну. Только что завершил занятия и решил написать тебе пару слов. Ты спрашиваешь, почему нет моих писем? Да, я не писал тебе ровно месяц. В эти дни мы были в постоянном движении, а время-то зимнее, сама знаешь, какие тут условия для написания писем у солдата в движении зимой.

22.01.44 г.

У нас уже около часа ночи, а спать не хочется. Немецкий пулемет стрекочет, будто над самым ухом. Но мы к этому уже привыкли и не обращаем внимания.

Меня тоже удивляет то, что мое письмо идет до тебя порой целый месяц. Неужели мы уж так далеко друг от друга? Ты напиши мне, кто командует вашим фронтом или армией, и мне будет все понятно. Нашим фронтом командует Рокоссовский. Находимся мы пока еще на левом берегу Днепра, но в скором времени будем на правом. А пока стоим в обороне.

07.02.44 г.

Я предполагаю, что ты сейчас где-то под городом Ровно, у знаменитого Ватутина!

28.02.44 г.

Сейчас наступаем. Без особых потерь форсировали Днепр. Остальное по-прежнему.

02.03.44 г.

Сразу отвечаю на твои вопросы. Никакого испытания тебя тем, что от меня не было писем целый месяц, я не имел в виду. И очень хорошо уверен, что мы искренние друзья. И от того, что мы редко получаем письма друг от друга, прочность нашей дружбы не зависит, хоть нас разделяют тысячи километров разоренной немцами земли.

А насчет дружбы моей с кем-то, по словам твоих подружек, – это просто ерунда и домыслы ветреных девчонок, которые, находясь в тылу армейском, только и думают о «любви». Нужно подумать, в каких условиях я нахожусь, а потом говорить об этом.

Да, у меня здесь, признаться, есть даже 4 любимых, кроме тебя. А зовут их всех пушками, ухаживаю я за ними со своими орлами очень усердно, но пусть ревнуют за мою любовь к ним немцы, которым от них немало досталось, а не ты, так как их безотказная работа только приближает час нашей встречи.

Фотокарточку твою я получил. Ну а насчет ее характеристики можешь не скромничать, так как я знаю тебя не по карточкам. А может, этими словами ты намекаешь на то, что, мол, для тебя не хороша, ищи другую. Нет, не выйдет. Ты можешь меня не уважать, но я тебя любил, люблю и буду любить.

А теперь о себе. Работаю на прежней должности. Сейчас наступаем. Без особых помех, но героически, за что 7 моих орлов представлены к правительственным наградам. Успешно продвигаемся вглубь Белоруссии. В этих боях мы потеряли много офицеров.

Здесь уже пахнет весной. Плохо, что нет писем из дома и от тебя.

23.04.44 г.

Лида! В чем дело? Почему нет писем?! У меня все хорошо. Мы замечательно отдохнули. А теперь снова в бой. Пока, моя дорогая!

07.07.44 г.

Лида, обо мне не думай ничего плохого. Я жив и здоров, участвую в великом сражении. Мы брали Бобруйск, и в названии дивизии нашей теперь имя этого города.

Однажды в составе изрядно потрёпанной противником группы бойцов я пробирався к своим, совсем не подозревая, какая беда поджидала меня и моих товарищей: всего в нескольких километрах навстречу нам двигалась вражеская автоколонна с вооруженными до зубов гитлеровцами. Мы узнали об этом от своего связиста, случайно пойманного радиоволну с разговором двух летчиков. Один из них, не шифруясь, прямым текстом докладывал: «В квадрате 43-16 вижу группу наших бойцов, а прямо на них движется автоколонна фрицев. Без нашей срочной помощи они наверняка погибнут».

После этого краснозвёздные крылья незамедлительно доставили смертоносный груз в заданный квадрат – и уничтожили врага с воздуха. Поравнявшись с этим огненным местом, мы увидели лишь догоравшие останки чужих машин и тел. Осознав, благодаря кому остались живы, мы долго-долго с благодарностью смотрели в затянутое гарью и дымом небо, словно надеясь хоть на мгновение увидеть в облаках своих спасителей.

Сейчас на пути движения повсюду видим разгром немцев. Настроение от этого хорошее, значит, близок конец войны и долгожданный день нашей встречи.

10.07.44 г.

Воюю в Западной Белоруссии. Это значит, недалеко от тебя. Вот эту новость я и спешу тебе сообщить. По газетам ты знаешь, что мы активно наступаем. Сейчас мы уже за Барановичами.

11.07.44 г.

От домашних письма получаю очень редко. Наверное, в связи с нашим стремительным наступлением на запад. Сейчас мы воюем недалеко от нашей границы, в Западной Белоруссии. Здесь новые люди и новые порядки в смысле культуры общества и технического воспитания. Сразу заметно, что люди воспитывались не в советском обществе. И отношение населения к нам совсем иное, чем было в Советской Белоруссии.

13.07.44 г.

Лида, помнишь наши школьные годы, когда мы были вместе, смотрели друг другу в глаза, делились мнениями, мечтали быть большими людьми. Знаешь, наше юношество в то время воспитывалось на очень высоких и мечтательных идеях. Все хотели (и на это было дано право) быть врачами, профессорами и инженерами. Правда?! И многие стали такими людьми, но нам помешали немцы, и они испортили нашу жизнь, они разлучили нас, помешали нам закончить свое образование.

Помнишь лето 1941 года, испытания за 10-й класс, получение аттестатов, и вдруг, как снег на голову, – война!

И какова же действительность? Большого человека, героя из меня не получилось. Несмотря на то, что я воюю вот уже третий год, несколько раз представлялся к награде, но до сих пор не награжден, а есть у нас люди, которые меньше перенесли трудностей, находятся в тылу и награждены. Ты думаешь, что, может быть, я плохо воюю? Нет – это потому, что я не могу жить с начальством, плохо дисциплинирован. Помнишь, еще в школе дисциплина у меня хромала, а с оценкой «отлично» она была лишь потому, что я учился на «отлично».

19.07.44 г.

Привет из Западной Белоруссии. Вчера вечером услышал по радио, что вы начали наступать. Очень рад этому сообщению, так как оно приближает конец нашей разлуки. Вот внимательно наблюдаю за шоссе, по которому началось очень сильное движение на запад.

07.09.44 г.

Сейчас мы быстро двигаемся к Варшаве и уже форсировали Нарев. Пишу в немецкой траншее, что на самом берегу реки. Кругом все шумит, рвутся мины и снаряды. Скорее всего скоро снова в бой.

16.09.44 г.

Наш НП на правом берегу реки Нарев. Лида! От тебя не более 100 километров! Очень надеюсь на быстрейший конец такой жизни, так как после этого мы будем вместе.

19.09.44 г.

Вчера получил твое письмо, из которого узнал, что мы, оказывается, совсем близко друг от друга. Ох! Если б была случайная встреча на фронте. Я не представляю, какая бы это была для меня радость.

22.09.44 г.

120

Скоро полночь. Я пришел из кино. Смотрели «Воздушный извозчик». Ничего – мне понравилось, хотя до конца досмотреть так и не удалось – аппарат сломался. Представь себе – культурный польский лес, весь избитый немецкими снарядами и наполовину спиленный русскими солдатами. Темно по-осеннему. Ежеминутно слышны залпы вражеской артиллерии. Кругом друзья-офицеры, солдаты и военные девушки. Многие из них на пару. Они счастливы. Я же один и, смотря на счастье любви в картине, думаю: когда же она будет около меня, и я буду счастлив?».

25.09.44 г.

Сейчас утро. Часы показывают 9:40, мы позавтракали, кругом тихо, делать нечего и все надоело, так как оборона; и я решил написать тебе пару «внеочередных» слов, потому что от тебя вот уже более 10 дней нет писем, а знаешь, как долго это кажется при безделье. Но я уверен, что ты меня не забыла и я их буду получать.

12.09.44 г.

Привет из Польши! Ты удивишься этим словам, я ведь знаю, что ты тоже в Польше. Говорю это для обоюдного понимания. Сегодня за завтраком мне принесли два аккуратеньких письма от тебя, которым я беспредельно рад...

02.10.44 г.

Твое сегодняшнее письмо шло до меня всего 8 суток! Значит, с каждым днем все короче становится расстояние между нами и близится наша долгожданная встреча.

Кинокартину «Жди меня» я тоже смотрел и полностью согласен с твоим мнением о ней. Кто верит – тот непременно дождетсЯ.

12.10.44 г.

Ты, наверное, читаешь в газетах, что на плацдарме за Наревом развернулись жестокие бои. Я являюсь их участником. Немцы лезут напролом, но мы уже сломали им хребет.

14.10.44 г.

Спрашиваешь, как живу? Да как обычный фронтовой офицер, на долю которого выпала участь встречаться с немцами вплотную. Ежедневно грохот, шум, трескотня пулеметов...

25.10.44 г.

Сегодня вместе с обедом принесли мне сразу два твоих письма. Извини, что не писал дней 15, так как мы вели очень тяжелые бои за плацдарм, а недавно перешли в контрнаступление, и теперь, хотя медленно, но двигаемся вперед. Сейчас сижу во фрицевском блиндаже и при свете фрицевской свечи пишу тебе, моя дорогая!

14.02.45 г.

Дорогая Лида! Шлю тебе пламенный привет из Восточной Пруссии. После долгого перерыва решил тебе написать. Поводом послужило то, что я сегодня прочитал в газете: Пухов, а значит и ты, находится уже за Одером. Поздравляю тебя с этой победой и завидую, что ты в Берлине будешь первой. А мы еще с горем пополам только Вислу форсировали.

10.03.45 г.

Это письмо пишу из госпиталя (г. Швец), но прошу не беспокоиться, так как раны мои не опасны. Ранен я был 4 марта в боях недалеко от Данцига – осколком в правую руку и левую ногу. Это письмо написано рукой моего товарища, так как сам писать пока не могу.

Расстраивать любимую подробностями о своем ранении Николай не хотел, но в послании отцу рассказал все как мужчина мужчине.

02.05.45 г.

Здравствуй, мой любимый папочка!!! Поздравляю тебя с праздником 1 Мая и нашими всякими успехами – Знамя Победы над Берлином уже вьёт-

ся, предвещая конец войны в ближайшие дни. Папа, извини, что я пишу тебе на второй день праздника: вчера не было времени – у нас был хороший вечер у знакомых сестёр.

Ты, наверное, не узнаёшь моего почерка. Он изменился, потому что я только несколько дней назад начал писать, а рука до сих пор ещё дрожит.

Тебе, думаю, ясно, что пишу из госпиталя. Это первое письмо, которое пишу сам, а до этого мне помогали сёстры. Постараюсь подробнее рассказать о своем ранении, ведь я обещал тебе сделать это при первой возможности – сейчас она есть. Ранен я был 4 марта в 10-м часу вечера.

Представь себе культурный сосновый польский лес, весь избитый нашими и немецкими снарядами. Мы сидели около блиндажа и весело беседовали о том, как полчаса назад со своим другом Ф. Сучковым отбили контратаку немцев.

Вдруг – бах!!! Очнулся я, лёжа на спине. Вокруг товарищи! Сразу почувствовал боль в правой руке и ногах. Хотел приподняться и уйти в блиндаж, пока очередная мина не прилетела, но не мог: боль в ноге повалила меня обратно. Но всё же я ползком добрался до блиндажа.

Прибежала сестра и начала перевязывать. Через час пришла автомашина из моей батареи, и нас отвезли прямо в медсанбат. Мой лучший фронтовой друг, тоже комбат, Ф. А. Сучков здесь не выдержал операции и умер на другой день. Это для меня был очень тяжелый удар! Вот так, папочка, одной миной покалечило шестерых из нас, трое умерли, а я остался жив, видимо, так тому суждено было быть, – счастье.

Порой даже удивляюсь, как это до сих пор я живой – ведь в каких только переплётах не побывал... Ну здесь-то, думаю, капут, но нет – опять отделался очень легко. И на этот раз то же самое.

В медсанбате мне сделали операцию. Вынули осколки: один из левой ноги, другой – из правой, третий – из правого плеча, а мизинец правой руки ампутировали под основание. Всего в меня попало 6 осколков. Один маленький чуть в глаз правый не попал – сейчас он зарос около глаза, но не подумай, что глаз повреждён – оба целы. Один осколок попал в бороду, но я его сам вытащил, сейчас это место заросло, почти не заметно. Очень больно было, когда разрезали правую ногу, чтобы вынуть осколок. Всего резали в четырёх местах. Если сложить размеры всех ран, то общая длина составит 40 см. На левой ноге и правом плече всё зажило. Лечиться придётся еще месяц. Папа, ты не подумай, что я калека – нет! Ранение моё лёгкое, даже ни один осколок не попал в кость, а только в мягкие ткани. Я вполне способен к физическому и умственному труду. Руки мои целы, если не считать мизин-

ца, ноги – тоже. Правда, 19 суток не мог ходить, но сейчас передвигаю ноги свободно, не хромя.

Сейчас мы на берегу Вислы. Город совсем целый, живёт полной жизнью, даже трамваи уже ходят. Магазинов и ресторанов больше, чем нужно. Цены на всё высокие, но купить есть чего. Например, хромовые сапоги стоят 4 тысячи злотых (рублей по-нашему). Каждый день ходим в город, праздник справили хорошо. И живу хорошо. Признаться, папа, я счастлив. Ведь Берлин-то взяли, чудовищная бойня кончается. А в таком виде остаться после войны, как я сейчас, – это считаю лучшим счастьем. Ведь мне 22 года! Прошу тебя хранить аттестат об окончании средней школы. Я приеду к тебе, и надеюсь, что ты сможешь мне доучиться и стать человеком.

Папа, прошу тебя, объясни всё это маме и скажи, чтобы не беспокоилась, так как со мной всё в порядке.

До сих пор я еще не получал от вас писем. Жду его от тебя с описанием всех сергачских новостей. Крепко обнимаю и целую – горячо любящий тебя сын Николай.

15.03.45 г.

Здравствуй, моя дорогая Лидочка! Эту открытку пишу из госпиталя. Положение мое улучшилось, чувствую себя хорошо. Как только возможно будет писать самому, опишу все. Крепко целую. Николай.

09.05.45 г. г. Торн

Прими мой победный пламенный привет и массу наилучших пожеланий в твоей настоящей и будущей жизни! Лида! Я пишу тебе в такой поздний час потому, что сегодня у меня, да и у тебя тоже, великая радость! В 3 часа ночи нам сообщили о полной капитуляции Германии!!! Лидочка! Ведь это конец!!! Милая моя!!! Я этот день буду считать днем начала нашей встречи, так как я теперь имею сто шансов на встречу с тобой!!! Лида! Я счастлив, так как прошел через все невзгоды четырех лет этого кошмара и остался способным к умственному и физическому труду!!!

У меня все хорошо. В госпитале пролежу еще с месяц.

Будешь уезжать из Германии, прихвати с собой побольше вещей, так как первое время я тебя обеспечить не смогу, потому что буду учиться, чтобы иметь профессию, а сейчас, кроме профессии убивать немцев, я не имею никакой. Это ты прекрасно знаешь. Обо всем поговорим при встрече. Пока все, моя дорогая!

09.06.45 г.

Лида, сегодня я выписался из госпиталя и уезжаю в часть, где в первую очередь постараюсь по-

лучить отпуск. Тебе советую по возможности тоже ехать в Сергач, куда и я приеду.

16.06.45 г.

Я уже в части, но только не в той, где раньше служил. Устроился на ту же работу. Из госпиталя приехал благополучно и в срок. Насчёт отпуска домой у меня пока никаких надежд – придется слушать!

20.06.45 г.

Лида, пишу тебе из заброшенной среди лесов и разбитой (без жителей) неизвестной немецкой деревушки, куда забросила моя военная жизнь. Я снова в части и снова командую батареей, но это не удовлетворяет, так как здесь мало порядка, все однообразно и скучно, у всех чехомоданное настроение. Ох, Лида, Лида!!! Лето в полном разгаре. Кругом все цветет и развивается! Вокруг – жизнь! Хочется до боли в сердце жить, учиться в институте, творить полезное для людей, встретиться с тобой и вместе радоваться нашей молодости. Лида! Нам с тобой по 22 года! А это так мало!

А затем было счастливое возвращение в родной Сергач и долгожданное воссоединение двух любящих сердец, переживших испытание, как казалось им обоим, нескончаемыми военными буднями.

С заместителем редактора газеты «Ленинское знамя» (тогда она именно так называлась) Н. М. Дикарёвым мне приходилось встречаться на межрайонных журналистских летучках (я в то время возглавлял отдел писем в Краснооктябрьской районке). Мне всегда нравились компетентная конкретика его выступлений по актуальным журналистским проблемам, чёткие ответы на заданные вопросы коллег. У меня даже снимок сохранился с одной из таких летучек, где я на переднем плане с блокнотом по какой-то проблеме выступаю. А сзади меня (справа) Н. М. Дикарёв сидит, по выражению лица можно предположить, что недоволен он доводами выступающего. И, конечно же, в тот день досталось на орехи молодому журналисту от ветерана.

До последних своих дней он возглавлял районный совет ветеранов войны и труда, всегда заботясь о людях старшего возраста и молодёжи. Ему всегда хотелось, чтобы отцы и дети понимали друг друга, преумножали и свято берегли славные традиции нашего героического народа, олицетворением которого был он сам и его соратники.

В день его смерти в моём поэтическом блокноте появились эти строки:

К тебе домой я больше не приду,
И ты совсем не будешь обижаться...
На лестнице крутой уже не жду
У двери, что под номером двенадцать...

*И сам прошу я правильно понять,
Что жизнь и солнце – утро и закаты,
Что только смерть умеет убеждать:
Оно взойдёт, а люди – без возврата...*

*Но память будоражит снова речь,
Души порыв, твоё живое слово,
На «демократов» как бы подналечь
И откровенностью раздеть их снова...*

*Но зная цену всех прожитых лет,
До самого последнего момента
Был горд величием сталинских побед
И личным поздравленьем президента.*

*Но «я прошу вас правильно понять»...
Судьба страны – как высшая награда.
Спасибо: научил соизмерять
Истоки культа с маршами парада,*

*В ошибках находить не только боль,
А опыта житейского крупницы.
Как лейтенант, одну ты видел соль:
Снаряд в воронку дважды не ложится.*

В памяти до мельчайших деталей всплывают стиль его общения, манера поведения и любимая фраза: «Прошу вас правильно понять», которую я и вынес в заголовок.

Александр ЩЕРБАКОВ, 123
г. Сергач Нижегородской области

ДЕДУШКА

У каждого человека есть или когда-то был дедушка. В этом нет ничего необычного. У нас тоже был дед. Но наш дед был особенный. У него была такая пушистая и кудрявая, такая белая и мягкая, такая ну просто абсолютно необыкновенная борода, что не любить его было невозможно!

Да, мы очень любили своего деда. Хотя иногда и досаждали ему. Когда, например, навевались в дедов огород, чтобы пошнырять по огуречной грядке или нарвать ещё тонюсеньких лопаточек гороха. А когда дед заставлял нас на месте преступления, то его голубые глаза сверкали, как у Бармалея, и он страшно ругался нам вдогонку: «Киевники! Обозурники! Ужо я вас!». И гнал за нами с метлой. Но в глубине его сердитых глаз светился озорной огонёк, будто это не мы, а он сам несётся вприпрыжку к спасительной городьбе и, сверкнув босыми пятками, исчезает за её частоколом.

Не знаю уж, кто такие были эти «киевники» и «обозурники», но мне тогда казалось, что это

очень плохие люди, что-то вроде пиратов или разбойников. Я до сих пор не имею понятия, что означают эти слова. Но, по крайней мере, в устах нашего деда Егора это были самые страшные ругательства.

А вообще он был очень добрый старик. Часто вошёл нас в лес за грибами. Не было, наверное, в посёлке человека, который в грибах разбирался бы лучше нашего деда.

Порыбачить любил. Иногда брал с собой на рыбалку мальчишек – Васку и Серёжку. И мы со Светой часто за ними увязывались, благо речка была видна из окошек нашего дома. Мы сидели на берегу и бурно радовались, хлопая в ладоши, когда вдруг взлетала и, сверкнув на солнце серебряным бочком, плюхалась на песок маленькая рыбёшка. А дед улыбался в усы каким-то ребячьим восторгом.

А по вечерам мы все вчетвером залазили деду на колени, на плечи и теребили его пушистую бороду. Он ласково бранил нас киевниками и обозурниками, но не прогонял. Усаживал рядком на кровать, сам садился напротив на скрипучий стул и рассказывал нам удивительные истории о войне и революции, достойные любого многосерийного фильма.

Восемнадцатилетним наш дед был призван на службу в царскую армию. В 1914 году, когда на-

чалась Первая мировая, был отправлен на немецкий фронт. За боевые заслуги в этой войне был награждён Георгиевским крестом.

В 1917 году весь доблестный лейбгвардии Георгиевский полк, в котором служил дед, перешёл на сторону революционного народа и был направлен на штурм Зимнего дворца.

Рассказывал дед, как впервые увидел роскошь царских палат, как был поражён и в то же время возмущён тем, что один человек мог пользоваться таким богатством, а миллионы людей мёрзли и голодали.

Рассказывал он и про братоубийственную гражданскую войну, и про голодные годы становления советской власти, организацию первых колхозов. Много всего мы слышали от деда.

Но детская память особенно хорошо впитала в себя страшные рассказы о Великой Отечественной войне, на которую дедушка ушёл добровольцем.

Вот только один случай. Вёз однажды дед на лошади зимнее обмундирование для своей части. Когда переезжал реку, начался артобстрел. Один снаряд взорвался очень близко. Спасло только то, что снаряд проломил лёд и взорвался на дне. Лошадь вместе с санями стала тонуть. Дед в ледяной воде сумел выпрячь лошадь. Она сама выбралась на берег и деда вытащила за вожжи. Деда за утрату обмундирования хотели расстрелять, но друзья из части при помощи грузовика вытащили сани на берег. Обмундирование просушили, а деда простили. Да ещё и благодарностью объявили за спасение лошади.

Конечно, на войне были и более страшные истории. Но их дедушка не рассказывал – щадил наши детские души.

За храбрость в бою дед был награждён медалью «За отвагу».

В 1943 году шли тяжёлые бои под Сталинградом. В одном из этих боёв разрывом снаряда наш дед был тяжело контужен и заживо погребён под холмом земли. Его откопали и вынесли с поля боя товарищи.

Не довелось дедушке побывать в поверженном Берлине. Домой вернулся израненным и глухим.

А дома свои беды. Из десяти его детей в живых остались только двое. Остальные не вынесли голода и холода военных лет. Но горевать было некогда. Надо было восстанавливать хозяйство. Дед был назначен председателем колхоза.

Много повидал наш дед: кулацкие расправы, сожжённые бандитами деревни, разрушенные войной города и измученных фашистами узников лагерей смерти.

Но видел он и самый счастливый день на земле – День Победы. Самой большой победы человечества над вселенским злом – фашизмом.

Вспоминал дед трудную свою жизнь, а по его седой мягкой бороде катились прозрачные капельки, а в голубых глазах почему-то светилась улыбка.

Давно это было. Нет уже деда. Но я только сейчас стала постигать, отчего плакал наш дедушка с улыбкой в глазах. Плакал он не от боли, не от горечи давно минувшего. Плакал от радости. За нас – своих внуков. За чумазых, но таких прекрасных сорванцов, у которых вся жизнь впереди. Плакал и улыбался оттого, что нам не довелось испытать бомбёжек, голода и холода, что над головой такое синее, бездонное небо с белыми, как голуби мира, облаками. Что где-то там за этими голубиными облаками летал сын Земли Юрий Гагарин, и, может быть, внуки его тоже взглянут на мир с такой невероятной высоты.

Мы в космос не полетели, но всё-таки каждый из нас нашёл в жизни свою дорогу. И дедушка, наверное, мог бы нами гордиться.

Давно это было. Теперь дед лежит под берёзой на старом кладбище. На его тумбочке с красной звездой висит табличка:

*Фёдоров Егор Дорофеевич
6.05.1896 – 17.05.1976*

На фотографии – крепкий старик с седой окладистой бородой и лукавыми мальчишескими глазами.

Когда я прихожу на кладбище и приношу деду цветы, то всегда присаживаюсь на холмик и глажу на портрете дедушкину бороду. И шепчу про себя: «Киевники, обозурники...»

Людмила СЕДЕЛЬЦЕВА,
г. Анжоро-Судженск

**ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
СТАРШЕГО СЕРЖАНТА
ИВАНА АЛЕКСЕЕВИЧА МАЛАХОВА,
ветерана Великой Отечественной войны
(записано со слов его дочери
Нины Ивановны Ворониной)**

ДРУЖБА НАРОДОВ

Однажды, когда старший сержант Иван Малахов воевал за освобождение Эстонии, остановились в одной мызе (в Эстонии – усадьба с хозяйством). Полевая кухня отстала. Солдаты остались голодные – и без обеда, и без ужина. Посидели, покурили, но есть-то охота.

Вот солдаты и говорят своему сержанту:

– Сержант, сходи попроси еды у хозяев.

Отвечает:

– Не могу – сами идите.

Переглянулись, помялись, да не пошли.

Вот так! Освободили пол-Европы, а попросить у освобождённых немного еды постеснялись!

День клонился к вечеру, хозяйка прошла в стайку к коровам. Зазвенел подойник. И через некоторое время хозяйка сама вышла к солдатам с кринкой молока и караваем только что испечённого хлеба. А утром наших догнала полевая кухня, и теперь уже бойцы угощали хозяев солдатской кашей. Это сейчас эстонцы жалуются на «советских захватчиков», а во время войны было человеческое отношение.

ЯБЛОКИ С ФРОНТА

В период войны жена и маленькая дочь старшего сержанта Малахова жили в сибирском селе Чумай. Однажды бежит мальчик и кричит:

– Нина, Нина! Тебе отец яблоки с фронта прислал!

Любопытные ребятишки сбегались.

Оказалось, пришло письмо от отца, обычный треугольник полевой почты, обычный, да не совсем – когда его развернули, внутри оказался рисунок – яблоки!

С бумагой на фронте было туго, а отец нашёл книжку про Мичурину с картинками разных плодов и фруктов, вот и стал вкладывать в свои письма яркие картинки на радость дочке. А дочка не жадничала, делилась своими «яблоками» с ребятишками, игрушек-то не было.

И тогда дети в далёком сибирском селе впервые узнали, что такое яблоки.

А вот сами письма, к сожалению, не сохранились.

НА ТРУДНЫХ ДОРОГАХ ВОЙНЫ СЛУЧАЕТСЯ ВСЯКОЕ

Однажды отряд старшего сержанта Ивана Малахова вместе с пушкой попал в окружение немцев. Спрятались в небольшом лесочке. Слышали, как лязгали немецкие танки, которые напролом пёрли вперёд. Через какое-то время всё стихло. Иван послал двух бойцов на разведку, одного вправо, другого влево. И справа, и слева – немцы, наши оказались в полном окружении. Стали потихоньку пробираться в сторону своих. Набредли на раненую женщину, которая лежала, стонала, истекала кровью. Это была их полковой врач Лариса Аароновна. Оказали раненой посильную помощь, сделали самодельные носилки, пошли дальше. По пути их отряд разросся, к ним прибилось ещё несколько человек наших, из других подразделений. Питались ягодами, жарили грибы на веточках, голодали.

Шли, шли и вышли как раз в расположение своей части. Повезло!

Так как старший сержант Иван Малахов сохранил своё воинское подразделение и пушку, вывел из окружения ещё несколько бойцов и спас полкового врача, командование представило его к награде. Отец получил медаль «За отвагу», которая сейчас бережно хранится у его внуков.

Подготовила Юлия Сычёва,
г. Кемерово

В ДЕКАБРЕ СОРОК ПЕРВОГО...

Вместо дополнения к воспоминаниям о поэте Евгении Буравлёве

Как-то, перечитывая в журнале «Огни Кузбасса» автобиографию поэта-фронтовика Евгения Сергеевича Буравлёва, с которым был кратко знаком ещё с шестидесятых годов прошлого века, обратил внимание на такой факт: отбывая наказание в штрафном батальоне, он «в 1941 г. командовал ротой при наступлении 31-й стрелковой дивизии на город Калугу»...

И я вздрогнул! Ведь в освобождении Калуги в декабре сорок первого принимала участие 413-я стрелковая дивизия 50-й армии моего отца! Правда уже без него. Дивизия Буравлёва наступала на Калугу 30 декабря, а мой отец погиб на две недели раньше, то есть 15 декабря. «Интересно, – подумал я, – в 50-й армии в тот момент такой дивизии не было, а коли она освобождала Калугу, то могла быть соседом 413-й!» Заглянул в историческую хронику, перечитал выписки из мемуаров, которые у меня скопились во время подготовки к написанию повести «413-ю повернуть на юг...». И обрадовался находке: 31-я стрелковая (с мая 1942-го – гвардейская стрелковая) дивизия в составе 10-й армии участвовала в Московской битве, на левом фланге Западного фронта в Тульской области. Боевые действия она вела в начале декабрьского наступления всего Западного фронта, которым в те дни командовал, как известно, член Ставки генерал армии Г. К. Жуков.

Судя по карте боевых действий, части этих дивизий буквально соприкасались флангами. После первых боёв за город Михайлов 31-я стрелковая дралась в районе Сталиногорска (ныне Новомосковск). А 413-я в те же дни была нацелена на город Богородицк. Затем 10-я армия пошла на Калугу слева, а 50-я – справа. И обе участвовали в освобождении от немецко-фашистских захватчиков города Калуги и Калужского края. А этот край, кстати, был малой родиной поэта. И целую неделю, с 7-го декабря бойцы 1320-го полка моего отца и бойцы воинской части Евгения Буравлёва

дышали одним прокалённым воздухом битвы за Тулу, битвы за Москву! Ещё недавно читатели и почитатели поэта считали, что он в огне войны, как выразился ещё один поэт-фронтовик: «Колол штыком и не писал стихов». И спасибо старшему научному сотруднику Государственного архива Кемеровской области Николаю Галкину, который обнаружил целую тетрадь фронтовых стихов Буравлёва! (Огни Кузбасса. 2015. № 2). Вот лишь одно из них – стихотворение «Мечь», помеченное датой: «Конец 1942-го».

Эти стихи – своего рода обращение к товарищу по оружию:

*Пока в руках горячий автомат,
Пока в обойме есть ещё патроны,
Пока родные города горят
И горе мучает до скрежета, до стона –
Нам не уйти с кровавого пути,
Где мечь срослась с калёными углями!
Нам не уйти назад, не возвратив
И каждый дом, и придорожный камень!
И если я, пронизанный свинцом,
Уйду, забытый в горе человеком, –
Я встану призраком перед твоим лицом,
Возложив мечь свою тебе на плечи,
Чтоб сердце жёг расплавленный металл,
Чтоб искра мести разгорелась в пламя,
Чтоб нёс и нёс её, пока не отквитал
За каждый дом и придорожный камень...*

После разгрома врага под Москвой дивизиям Буравлёва и моего отца предстоял ещё долгий бо-

евой путь. В 1942 году 31-я гвардейская участвовала в освобождении городов Жиздра, Великие Луки, Витебска, за что ей было присвоено почётное наименование Витебской. Она громил фашистские орды на полях Курской битвы, была участницей Белорусской стратегической операции, боёв за взятие Кёнигсберга и других. За умелые действия и героизм 31-я Гвардейская была удостоена орденов Ленина и Красного Знамени, а также ордена Суворова II степени. Ордена и медали засверкали и на груди молодого офицера Евгения Буравлёва. Ему была оказана честь пройти в парадном строю по Красной площади 24 июня 1945 года.

На Тульщине, там, где начинала свой боевой путь дивизия Буравлёва, много памятников бойцам и командирам вышеназванных соединений 10-й и 50-й армий, прогнавших незваных гостей в те декабрьские морозные дни 41-го и январские 42-го годов.

Помимо давних очных встреч с Евгением Сергеевичем Буравлёвым, в недавние годы состоялись две мои заочные встречи с поэтом на страницах журнала «Огни Кузбасса» (2015. № 2 и 2016. № 5), где в одном случае рядом с его фронтовыми стихами опубликована моя повесть об отцовской дивизии, а в другом – рядом с его автобиографией моя баллада, посвящённая его доброй памяти. Остаётся сожалеть, что узнал я о боевом пути поэта слишком поздно. А сколько волновавших меня вопросов мог бы я ему задать!..

Виктор ЧУРИЛОВ,
г. Юрга

Алексей РЕШЕТНИКОВ,
г. Междуреченск, 10-й класс

СТЕПАНЫЧ

Стояла тихая русская весна, заканчивался апрель, обнажив неприглядную сиротливость земли и растворив в воздухе трепет новой жизни, полевые работы были уже в самом разгаре, а времени на отдых у колхозников почти не оставалось. Накануне юбилея Победы в затерявшуюся среди бескрайних полей деревеньку Алтайского края из города приехал парень. Он учился на журналиста и хотел написать статью о героях войны, название которой уже придумал: «Герои в наших рядах!». И теперь ему оставалось найти героя.

Он вышел в десятке километров от деревни, на станции «Озёра». Алтай, весна, солнце – всё словно новый мир для городского человека. Студент был готов к трудностям, поэтому смело прошагал по разбитым тракторным колеям до единственной центральной улицы, которая делила деревню на две части, и начал стучать в каждый двор. Подошёл к одному, крикнул что-то вроде: «Эй! Есть кто-нибудь?» Не дождав-шись ответа, он открыл калитку и оказался на небольшом дворе. Подходя к крыльцу дома, он услышал за спиной: «Ты кудой, кудой? Дома меня нету!». Обернулся – бежит к нему старушка, в руках не то кастрюля, не то ведро, платочком прикрытое, бежит по улице, калитку бочком открывает и уже сама на крыльце.

– Я... извините, тут... – замешкался парень, – ищу героев войны, фронтоников.

И, вспомнив, выпалил:

– Здравствуйте!

Старушка поставила горшок на крыльцо и поспешила в дом.

– Ты откуда будешь-то? – принеслось из избы.
– Из города я.
– Своих ветеранов что ль нет?
– Ну мне для статьи нужно. На практике я, – улыбнулся парень.

– Да? Ну раз для статьи...

Она вынесла из дома пирожки, уложила в чу-гунок, бережно накрыла платком.

– А что за статья-то? В нашей районной газете будет?

– Не знаю.

Она так глянула на него, что можно было подумать, если статья не для районной газеты, он больше ничего не услышит.

– Но, думаю, да, – выкрутился студент.

– Что стоишь? Взял горшок – и на свадьбу! – засмеялась бабулька.

– Какую свадьбу? Вы не поняли, мне ветераны нужны.

– Да поняла я! К реке пойдёшь, там свадьба... Дочку Степаныч замуж отдаёт. Ты пироги бери и туда иди, я сама приду скоро.

Он взял горшок и вышел за ограду.

– А где свадьба-то?

– На берегу, по улице иди – найдёшь. И пирожок съешь, а то он какой худющий.

Улица заканчивалась холмом, а там тропинка вела куда-то вдоль берега. Вышел к поляне: столы, люди сидят, гармошка играет. Его окликнул кто-то, мол, иди сюда. У него сразу выхватили ведро – он даже не понял кто – усадили на лавку, а он твердит своё про фронтоника, про газету.

– Это тебе к Степанычу, но он сегодня не может, у него свадьба, – с усталой торопливостью сказал ему мужичок, сидевший напротив.

– Да не у него, дурак пьяный, а у дочери его! – засмеялась женщина, доедавшая пирожок.

Парень молча встал из-за стола, отошёл на десяток метров, подумал уже уехать. Да и досадно ему стало, что он так не ко времени.

– Корреспондент! Писатель! Иди сюда! – махнув рукой, позвал его человек лет шестидесяти, опрятно одетый, побритый, но почему-то понятно было, что так гладко бреется он редко, и руки его явно не привыкли пуговицы на пиджаке застёгивать.

– Ты хотел что-то про мои награды узнать? – прищурил он зеленоватые глаза, от которых лучиками побежали тонкие морщинки.

Парень молча кивнул.

– Ну подожди до завтра, сейчас выпей, поешь, он какой тощий, кто ж тебя ещё покормит?

– Мне бы сегодня, статью надо к маю закончить, а время уже апрель.

Мужчина сжал тонкие губы и молча повернулся к столу.

Так день прошёл, и, уже сонного и немного захмелевшего, парня увели в избу. Под утро он проснулся от грохота на крыльце и чьего-то голоса: «Ну ты раззения! Чаго я те доверила!». Парень выглянул в окно – там старушка ругала какого-то мужичка, на крыльце лежал расколотый чугунок, а платочек зацепился за куст малины и повис на гладких коричнево-бурых ветках. Парень на часы глянул, второпях выбежал в сени и увидел Степаныча, лежавшего на лавке.

– А! Проснулся? Тебе там про войну что-то было нужно? Садись... Служил я, значит, на Втором Белорусском, пулемётчиком. Да что рассказывать? Закрывал глаза и вот так, – он изобразил стрельбу из станкового пулемёта. – Стреляешь и думаешь: «Свои бы в атаку не побежали». А вообще, я вас не уважаю.

– Кого?

– Ну вас, всех тех, кто жизнь баламутит. Я бился, чтоб жить тихо, не знать такого больше, а тут ты. У меня дочка замуж вышла, в город теперь уехала, внуков потом привозить будет, а вы вот тут мне напоминаете. А почему я глаза-то закрывал? Мне жалко было их. Да! Немцев жалко. Ты это не пиши, не надо. Вот ты – молодой, красивый, у тебя жизнь впереди. Представь, что тебя загнали, на убой загнали, всех этих «фюре-ров» прикрывать! Мне б тебя жалеть не надо было?

– А... наших? – удивился парень.

– Э, мы же договорились, не пиши, не пиши... А то ведь как? К празднику вспомнят ветеранов, порадуемся вместе, салют, парад по телевизору – и всё, живите дальше сами. А может, я голодаю весь остальной год и, кроме этого пиджака с орденами, мне одеться не во что? Молчишь? – он немного подождал. – Пиши: «Героически служил на Втором Белорусском фронте в сорок третьем, ранение в ногу – и домой. А вот орден мне дали – это отдельная песня».

– Да я не пишу, ничего не пишу, – перебил корреспондент.

– Наших? Наших не то что жалко, за них тоска.

– Тоска?

– Тоска. Как представлю: деревня, как наша, лето, коровы пасутся, мальчишки купаются, а он

тут лежит. И всё. К мамке он никогда не вернётся, молока больше не попьёт, девку не обнимет да не поцелует... А может, он мечтал инженером стать или в космос полететь? Вот и тоска.

– А злоба?

– Злоба? Как же, злоба была... Как матерей видел, когда они искали глазами в наших рядах детей своих... И не находили. Я гляжу, кого ищут? Похоронка в руках. Не верят. Вот тут меня злоба брала, до костей брала, а как за пулемёт, думаю: «Сейчас покошу гадов», а они такие же идут, их, наверное, такие же мамки ждут, пусть одеты не так и деревни у них по-другому называются, а суть та же остаётся. Я закрываю глаза и снова так.

И он опять изобразил пулемёт, только руки тряслись сильнее. И, помолчав, сказал:

– Слушай, сынок, езжай домой, к маме... У тебя мама есть?

Студент молча кивнул.

– Вот. Обними её, а в статье напиши, что мы сражались за то, чтобы она тебя в наших рядах глазами не искала.

К празднику Победы в рубрике «Неизвестные герои» появилась небольшая заметка студента-практиканта о бойце Советской армии, рядовом, из села Загайново Троицкого района Алтайского края, бесстрашно сражавшемся во время Великой Отечественной войны, вернувшимся домой с ранением и награждённом орденом Отечественной войны Михаиле Степановиче Вошкине.

2020 г.

Мирон КИЗИЦКИЙ,
г. Кемерово, школа № 10,
4-й класс «В», 10 лет

ВОЙНА НЕ КО ВРЕМЕНИ

В не очень далёком будущем, а точнее в 2042 году, жил учёный. Вернее, он думал, что он учёный, а так-то ему было всего 10 лет. И он, этот мальчик, очень хотел стать учёным. А пока размышлял над тем, что бы этакое изобрести. «Почти всё уже понаоткрывали, – с досадой думал мистер Уткин (так звала его мама). – Вот бы сразу стать взрослым!» А пока пришлось ложиться спать. Во сне мистеру Уткину и пришла идея, как бы в этом времени порядок навести при помощи науки! Знал Уткин о существовании некоего устройства РГ-10, робоглаз по-нашему.

Раздобыл его и принёс в свою лабораторию. Понятное дело, что тайная лаборатория размещалась под столом – как раз под картой звёздного неба, которую очень удобно рассматривать, если мечтать о больших тайнах. Здесь, в лаборатории, уже была действующая муравьиная ферма, компас, который он нашёл на прогулке, клык алтайского волка и много чего ещё, не имеющего к робоглазу никакого отношения. А к мечтам – очень даже. А ещё множество красок, кистей и альбомов. Мистер Уткин и не заметил, как в голове ловко уложилась, а затем возникла на бумаге схема машины времени. Сам не заметил, как в один миг перенесла она учёного на сто лет назад в город Вену – именно туда, где поступал в академию художеств Адольф Гитер. И тут маленький Уткин принимает взрослое решение. Нехитрые манипуляции с чудо-машиной по конструкции робоглаза – и... Великая Отечественная война не началась. Потому что Адольф честно подготовился ко вступительным экзаменам, выдержал их и был зачислен в академию. Гитлер стал известным художником, а не главным фашистом! И стал фюрер радугой!

Разве не достижением разума сделать так, чтобы боли, горя и слёз не стало? А вечным во времени оставить лишь искусство? И чтобы семья и друзья были всегда рядом. У всех!

А ещё совсем не важно, спал ли в этот момент мистер Уткин или вовсе нет. И который тогда был час: день или совсем ночь. Или, может быть, утро 22 июня, которое он захотел всем своим сердцем изменить? Главное, что мальчик твёрдо знал: времени для войны нет. И не может война быть ко времени.

Данил КОВАЛЁВ,

*г. Кемерово
лицей № 62, 3-й класс «В», 9 лет*

ВОЛШЕБНЫЙ БЕЛЬЧОНОК

Жили-были король и королева. Они совсем не ценили природу. Чтобы построить дома, они вырубали всё больше и больше деревьев. Король и королева думали только о развлечениях, охотились на птиц и животных, которых совсем не любили.

Как-то раз пошли они в лес и увидели там Бельчонка. Попросил Бельчонок дать ему орешек. Король с королевой лишь возмутились и даже пнули его.

Бельчонок рассердился и сказал:

– Я очень сильно вас накажу.

Король с королевой рассмеялись в ответ:

– Это ты нас? Да мы тебя сейчас как ударим, так ты и улетишь на Луну!

Бельчонок бросился бежать – король с королевой за ним.

Завёл их Бельчонок в пещеру и говорит:

– Вас ждёт суровое наказание, если вы не поймёте, в чём ваша вина.

А король с королевой продолжают своё:

– Не будем мы слушать глупую белку!

Тут Бельчонок совсем рассердился и превратил их в маленьких рыбок. Очутились король с королевой в подземной реке. Плывут они, плывут, а вода из-за огромного количества мусора становится всё хуже и хуже. Дышать совсем нечем! Оглядываются назад, а в это время в них врезается большая мёртвая рыба. Совсем король с королевой перепугались, поплыли прочь изо всех сил. Плывут они дальше – пытаются своё царство найти.

Остановились король с королевой у берега. Но из-за гор мусора ничего не видно. Королева заплакала.

– А-а-а... не могу я больше!

Тащит её король, тащит. Совсем выбился из сил и тоже заплакал.

Подошёл Бельчонок к берегу реки и говорит:

– Ну что? Понравилось вам в своём королевстве? Надеюсь, вы не будете больше загрязнять природу?

Король с королевой попросили Бельчонка, чтобы он их расколдовал.

– Ну ладно! Так уж и быть, – согласился Бельчонок и расколдовал их.

После этого король с королевой стали заботиться о природе – никогда не рубали леса и никогда не обижали животных и птиц.

Никита ЧУГАЙНОВ,

*г. Кемерово
лицей № 62, 3-й класс «Б», 9 лет*

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ КРОКОДАЙЛ

Однажды я скачал в Интернете приложение «Электронный магазин». Когда я вошёл в него, то увидел, что в продаже есть любопытная вещь – электрический крокодайл. Мне захотелось узнать, что это такое и каковы функции

этой вещи. Она стоила девятьсот девяносто девять рублей.

Я открыл коробку, увидел там зелёного крокодила с жёлтой молнией на боку. Крокодил был зубастый. Причём верхняя часть зубов была железной. Мне захотелось поиграть с этой игрушкой, но одному было не интересно. И тогда я позвал своего лучшего друга Сашу.

Саша пришёл, мы уселись на середине ковра, и я достал своего таинственного крокодила из коробки. И тут выяснилось, что батареек в коробке не было, а без батареек крокодил не желал работать. Никак! И мы стали искать батарейки.

Вы когда-нибудь пробовали искать батарейки в своём доме? Это занятие не для слабонервных! И не для слабых! Но я-то мальчик сильный и ловкий, и мне всё же удалось обнаружить желанные батарейки в одном из ящиков стола моего брата.

– И зачем ему батарейки?! – воскликнул я. – Совершенно не нужны! А нам нужны. Очень! Ведь правда же?!

Саша со мной согласился. Мы тут же вставили батарейки в крокодила и стали играть. Вернее, попытались играть. Крокодил не желал с нами общаться – наверное, узнал, что батарейки чужие и мы взяли их без спроса.

Тогда я нажал на зуб крокодила – тот не реагировал. Я сильно нажал на другой зуб – стальные зубы неожиданно лязгнули и с силой вцепились в пальцы Саши. Саша завопил от боли. Я попытался вытащить пальцы из пасти коварного крокодила, но рука застряла крепко.

В отчаянии я укусил крокодила за хвост – тот вдруг взвизгнул и выпустил руку Саши из своей пасти. Я обомлел – моя игрушка ожила! Саша от удивления открыл рот, напрочь забыв о своей боли.

Когда мы пришли в себя, то первым делом побежали на кухню к папе и всё ему рассказали. Папа нам, конечно же, не поверил и пришёл в комнату посмотреть на «живую» игрушку. Он провёл техосмотр крокодила и пожал плечами – игрушка как игрушка. Как только папа вышел, крокодил снова встал на лапы и начал страшно щёлкать своими железными зубами. Потом он погнался за нами. Мы с воплями кинулись наутёк.

Так мы и провели следующие три минуты: крокодил, лязгая зубами, гонялся за нами, а мы убежали от него. Хорошо, что батарейки брата были старыми и быстро сели – чудовище замерло в сантиметре от головы моего друга. Мы облегчённо вздохнули и сели на ковёр.

Осмыслив ситуацию, я высказал разработчикам крокодила своё мнение:

- 1) надо, чтобы игрушка не оживала;
- 2) надо, чтобы при малом заряде игрушка не становилась безумной;
- 3) надо убрать у игрушки стальные зубы, а то больно кусается.

Разработчики меня послушали, и новые крокодилы уже не пугали своих хозяев. Так я спас от неприятностей много мальчишек, а может быть, даже и девчонок!

Александр КОВАЛЕНКО

НАШ РОШАЛЬ

Главы из документально-художественной повести

В октябре 2019 года вышла в свет книга нашего земляка – кемеровчанина Александра Коваленко. В Кузбассе его знают как автора и режиссёра телевизионной программы «Дорога к храму».

Книга издана в жанре документально-художественной повести и называется «Наш Рошаль». В ней собраны личные воспоминания о Григории Рошале, выдающемся деятеле советской культуры, режиссёре театра и кино, на родном артисте СССР.

Александр Коваленко получил первое высшее образование в режиссёрской мастерской Рошалья и получил распределение в Кемеровский государственный институт культуры на должность преподавателя кинорежиссуры. Затем была работа на Западно-Сибирской студии кинохроники и на телевидении в Кемерове.

Раннее детство Александр провёл в Анжеро-Судженске в семье своего деда Павла. Обо всём этом необычно, увлекательно и познавательно написана повесть. Книга издана небольшим тиражом. Презентация прошла в Москве в легендарном кинотеатре «Иллюзион» и почти весь тираж был отправлен в Союз кинематографистов России, Государственный музей кино, Государственный музей А. С. Пушкина, на киностудии «Мосфильм», «Ленфильм», «Казахтелефильм», в театральные и кинематографические учебные заведения страны, федеральные библиотеки, Областную библиотеку им. Фёдорова и Русский Дом Германии. Книга также была вручена членам правления Союза писателей Кемеровской области.

Предлагаем вниманию некоторые сокращённые главы из этой книги.

На первом собеседовании в Московском институте культуры в одном ряду справа и слева от Рошалья за столом сидели незнакомые мне люди и все внимательно смотрели на меня. Улыбался один лишь Григорий Львович. Лица остальных важных людей были строгими и, как мне показалось, довольно кислыми. Я сразу понял, что я им не понравился. Моему душевному отчаянию не было предела. За одну секунду я сто раз проклял тот момент, когда принял решение поступать к Рошально. Сейчас я опозорюсь! Кислые лица помогут мне!

Две недели назад я был на собеседовании в Литературном институте и показывал свои стихи, опубликованные в казахской районной газетке «Джетысай». Надо пояснить, что после окончания колхозной школы на юге Чимкентской области меня приняли на работу в редакцию младшим литсотрудником. Газета выходила пять раз в неделю. Увлечённый поэзией, я в каждом номере формировал литературную страничку. Рядом с Пушкиным дерзко и нагло размещал свои самодельные поэтические произведения. Главный редактор сельскохозяйственной партийной газеты почему-то позволял мне быть поэтом. Потом была служба в армии. И вот я в Москве!

131

В Литературном институте у экзаменаторов тоже были такие же лица, как и в культурном. Лишь улыбчивый Лев Ошанин похвалил меня, но предложил мне пойти в сельхозинститут учиться на агронома. Стихи, мол, ты умеешь уже писать очень неплохо. А вот агрономы сейчас советским колхозам нужнее.

Мне не стало уж очень обидно. Лев Ошанин был крупнейшим советским поэтом. Я заставил себя ему поверить. Понимал, что моё очень провинциальное происхождение было заметно московскому глазу. «Предысторию» никуда не денешь. Но я отчаянно хотел заниматься творчеством.

К Рошально я пошёл из-за своей настырной сущности. Зря я ехал сюда за тысячи километров, что ли?! Не поступлю сейчас, приду на следующий год. Надо будет, и в третий, и в четвёртый раз приду!

Какая-то женщина справа от Рошалья первая спросила меня:

– Расскажите о своей семье.

Она произнесла свой каменный вопрос таким тоном, как будто я сдавал в школе строгий экзамен по немецкому языку.

– Биттэ, – добавил почему-то именно по-немецки доброжелательный Рошаль.

Моё напряжение к этому моменту, видимо, достигло предела.

– Майне фамилие ист ниht гросс унд бештеет ауз драй перзонен, – автоматически вырвалось из меня.

Все переглянулись. У Рошалья взметнулись вверх мохнатые брови. Весь ряд строгих лиц стал мрачным. Тут я понял, что это конец и мне надо идти забирать свои документы. Что за бес дернул меня за язык?! Так нелепо я не выглядел никогда в жизни! Я не знал, как исправить ситуацию. Пауза, показавшаяся мне вечностью, длилась недолго. Рошаль вдруг громко и раскатисто захохотал. Он вскинул перед собой свои выразительные руки и стал потирать ладони. Он хохотал и потирал ладони. Потом вскочил со стула и продолжал хохотать стоя. Все улыбались, а кто-то и хихикал. Я набрал полные лёгкие воздуха и медленно выдохнул. Меня отпустило. Будь что будет. Пусть посмеются надо мной. Не к расстрелу же приговорят. И тут появилась откуда-то коварная мысль, что всё не так уж плохо.

Мне стали задавать вопросы «откуда», «чем занимался», «кем хочешь стать». Спрашивали про фильмы, про театр, про живопись.

– Кого из скульпторов ты знаешь? – спросил Рошаль.

Я назвал Голубкину, Вучетича, Аникушина и ещё кого-то, сейчас не помню.

– А Конёнкова знаешь? – продолжал интересоваться Григорий Львович.

– Ну а как же! Конёнкова я знаю! Видел его деревянные поделки.

– Какие поделки? – удивился Рошаль. – Где видел?

– В журнале «Огонёк».

Сейчас мне стыдно вспоминать о том диалоге. Представляю, что обо мне думал в этот момент Григорий Львович. Спустя некоторое время я впервые увидел воочию деревянную скульптуру Конёнкова. Это был портретный бюст Рошалья. Скульптура стояла на полу в комнате на Большой Полянке. Я бы не обратил особого внимания на скульптуру, если бы Саша Гвоздик в очередной раз не шепнул мне на ухо, что это подарок Конёнкова Рошально. На следующий день я заказал в библиотеке всё, что можно было бы почитать о знаменитом скульпторе.

Спасибо Рошально! Теперь я знаю великого русского скульптора. Теперь знаменитый творец занимает и в моей предыстории место почитания и моей любви к нему.

Сергей Тимофеевич Конёнков – Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Сталинской премий, народный художник СССР, действительный член академии художеств СССР. Прожил долгую жизнь. Он родился раньше Рошалья на четверть века. Выходцу из простой крестьянской семьи, Конёнкову удалось попасть в обучение в Высшее художественное училище при Императорской академии художеств в Санкт-Петербурге. В мастерской зна-

менитого на весь мир профессора Беклемишева Конёнков проявил себя как самый талантливый и самый смелый молодой художник. Творческие каникулы после окончания учёбы он провёл во Франции, Италии и Германии. Там он создал свои первые произведения революционного реалистического направления. В Европе Конёнкова «заметили» как дерзкого русского художника. Там он получил первые серьёзные заказы.

Скульптура «Камнебоец» поразила европейских ценителей искусства и стала заметным художественным событием конца XIX века. Конёнков, по рассказам современников, был «горячим и решительным парнем». Во время революционных событий 1905 года он командовал дружиной уличных ополченцев. На эту тему он впоследствии создаст галерею скульптурных портретов боевиков-революционеров.

Сергей Тимофеевич Конёнков был рождён в Смоленской губернии, там же где мой друг и однокурсник Стас Васильев. И там же обоим младенцев, с разницей всего в сто лет, крестил православный батюшка. На смоленщине мы играли свадьбу Стасу Васильеву. Мне впервые довелось побывать в этих намоленных русскими людьми святых местах. Здесь из ручейков и родников собирает Днепр свои державные воды. До этих мест донёс благуя весть и крест спасения апостол Андрей Первозванный!

К тридцати годам Конёнков стал уже известным русским скульптором. Мой друг и однокурсник Стас Васильев в этом возрасте был известен всем кинолюбителям Кузбасса. Простите мне вольную аналогю, но имена того и другого объединяет моя благодарная память о Рошале.

Удивительно! С первого контакта с Рошалем на вступительном экзамене у меня началась совершенно иная жизнь. Он как будто бы заронил в мою душу незримое волшебное зерно, которое стало произрастать и дарить неведомые мне ранее плоды! Имя Конёнкова было одним из первых, которое произнёс для меня Рошаль и которое стало мне указателем в увлекательный мир его сообщества.

Но продолжу про Конёнкова. Деревянная скульптура стала песней его души и сердца. Для него лес был символом красоты и божественной стихии. Он считал, что образы русских героев богоугодны, если они запечатлены художником в дереве.

В жанре скульптурного портрета Конёнков работал всю жизнь. Америка, Европа, Россия наполнены его неповторимыми произведениями. Он подарил многим странам мира свою русскую деревянную песнь души.

Конёнков ваял не только народных героев. Он первым из русских скульпторов воспевае сказочную красоту женского обнажённого тела. Многочис-

ленные жар-птицы, царевны-лебеди, крылатые феи вылетели из-под его волшебного резца.

Вдохновенной натурщицей на всю оставшуюся жизнь станет для него Маргарита Ивановна Воронцова. С её именем, кстати, будет связано много интересного в мировой истории. Но это отдельная тема.

Конёнков в расцвете творческих сил встретил Октябрьскую революцию в России. Он без колебаний принял предложение Анатолия Васильевича Луначарского участвовать в проектах «монументальной пропаганды». К Первому мая 1919 года Конёнков создал скульптурную композицию «Степан Разин с ватагой». На лобном месте стоял в полный рост деревянный Разин, а рядом в деревянном челне восседали вырезанные из сосновых кряжей рулевой Ефимыч, Митрич Борода, есаул Васька Ус, Петруха Губанов, татарин Ахмет Иванович. Персидская княжна по настоянию казачьих атаманов была вылеплена из гипса.

Ленин пришёл открывать памятник вместе с Конёнковым. Красная площадь ликовала и приветствовала скульптора. Композиция простояла двадцать пять дней, а потом её убрали в музей. Народ был недоволен, что казнили Разина на Болотной площади, а памятник поставили на площади Красной.

В эти же дни Ленин поручил Конёнкову изготовить барельеф для Кремлёвской стены «Павшим в борьбе за мир и братство народов». Луначарский и Крупская, возглавлявшие Наркомпрос, готовили новые эпохальные планы воспитания рабочих и крестьян. Монументальная пропаганда была важной частью плана. Это было время, когда наш Григорий Львович Рошаль после окончания Тенишевского училища приехал в Москву и стал сотрудником Наркомпроса. Достоверно неизвестно, встречались ли тогда в Москве Рошаль и Конёнков лично. Можно лишь представить ту вдохновенную эпоху, идеями которой питались и действовали заодно талантливые деятели культуры и искусства.

В 1921–1923 годах Рошаль направили на учёбу в мастерскую Мейерхольда. После обучения он возглавил работу в Театральном отделе Наркомпроса. А Конёнкова в эти годы направили на несколько месяцев в США для подготовки грандиозной выставки русского и советского искусства. Однако Конёнков и его жена Воронцова проживут в Нью-Йорке многие годы, вплоть до конца Второй мировой войны.

Режиссёр-педагог Григорий Рошаль, видимо, в нужное для меня время обнаружил, что мне необходимо научиться монтировать разные события и разные имена в единую киноленту жизни! Такой способности у меня не было. Во всяком случае, в себе я её никогда не замечал. Он очень помог мне. Спасибо моему великому Мастеру!

Однако, чтобы не уйти далеко от хронологии основных событий, расскажу об одной любопытной работе Конёнкова. Она заставила меня волноваться особенным образом. Ещё в 1905 году московские деловые мужики подрядили Сергея Тимофеевича знатно оформить кафе-булочную на Тверской улице. Конёнков в то время был уже известный и потому дорогой мастер. Но хозяин кафе тоже не лаптем щи хлебал. В те времена в Москву и из Москвы по Тверской живо гоняли ямщину. На запад, на север, на восток и обратно в столицу тянулись вереницы обозов с товарами и поезда с коммерсантами. Купцы и предприниматели сделали эту трактовую улицу людной, и потому здесь основались со своим бизнесом многочисленные предприниматели. По этой улице я много раз проехал и прошёл пешком. Хотел написать литературную раскадровку для Рошала. Но в годы учёбы мне было ещё не по силам освоить, осмыслить исторический материал.

Доходные дома, товарные склады, мастерские, рестораны, купеческие конторы и прочие предприятия расположились в этой части города. В этой среде хозяин кафе – некто Филиппов – был известен как знатный хлебопёк. У него была целая сеть хлебопекарен в Москве. Говорят, что когда-то в молодости он сам гонял ямщину из Сибири. Потом остепенился в Москве. Стал кормить всякий временный люд на Тверской. Но настоящие доходы у него стали получаться от выпечки хлеба. У Гиляровского в книге «Москва и москвичи» я читал про угощения Филиппова.

Знаменитый московский журналист и писатель частенько бывал в булочной Филиппова, которая всегда была полна покупателей. В дальнем углу вокруг горячих железных ящиков стояла постоянная толпа, жующая знаменитые филипповские жареные пирожки с мясом, яйцами, рисом, грибами, творогом, изюмом и вареньем. Публика – от учащейся молодёжи до старых чиновников во фразах шинелях и от расфранченных дам до бедно одетых рабочих женщин. На хорошем масле, со свежим фаршем, пятачковый пирог был так велик, что парой можно было сытно позавтракать. Их завёл ещё Иван Филиппов, основатель булочной, прославившийся далеко за пределами московскими калачами и сайками, а главное, чёрным хлебом прекрасного качества.

Кафе-пекарню на Тверской оформил знатной деревянной резьбой и барельефами Степан Конёнков. Филиппов остался очень доволен творчеством мастера. Доволен был и мастер щедростью заказчика. Барельеф «Пиршество» оказался настолько хорош, что вошёл в мировые каталоги как шедевр русской деревянной скульптуры.

Чёрный хлеб, калачи и сайки ежедневно отправляли в Петербург к царскому двору. Пробовали печь на месте, да не выходило.

Старик Филиппов доказывал, что в Петербурге такие калачи и сайки не выйдут. Вода невяская не годится!

Кроме того, по зимам шли обозы с его сухарями, калачами и сайками, на соломе испечёнными, даже в Сибирь. Их как-то особым способом, горячими, прямо из печки, замораживали, везли за тысячу вёрст, а уже перед самой едой оттаивали (тоже особым способом, в сырых полотенцах) и ароматные, горячие калачи где-нибудь в Барнауле или Иркутске подавались на стол с пылу с жару.

Григорий Львович иногда, неожиданно для меня, расспрашивал о моей предыстории. Он такие расспросы устраивал со многими моими однокурсниками. Меня он заставлял врасплох, я ещё не знал, что стрельцы Филипповы из тобольского разряда известны со времён царя-батюшки Ивана Васильевича. Не только на Урале, но и в Сибири проявили себя Филипповы.

Мой дед Павел Филиппов говорил мне: «Ты, Шурка, не смотри, что мы в Анжерке живём. Корни-то наши далеко в русских землях прорастают». Хоть мал был и не представлял себе этих корней, но слова запомнил. Может быть, поэтому меня всегда водушевляют находки самых неожиданных возможных родственных связей, которые возникают при чтении книг по истории или в разговорах с разными людьми.

Свойство русских людей ощущать своё историческое родословие сакрально заложено в глубине православной души. Без этого свойства нет у русского человека родины. Есть, так себе, лишь территория проживания.

В Америке Конёнков мог позволить себе обратиться к библейским сюжетам. В это время он создаёт множество рисунков на темы Христа, пророков, апостолов. Картины-размышления на темы апокалипсиса привлекают художественных критиков зарубежья. Не мог православный человек избегать этих тем. Без Бога – всякий крещёный как без Родины. Потом, во время учёбы у Рошалья, мне удалось посмотреть многое из редких каталогов Конёнкова. Но опасная для советского студента идеологического института тема меня ещё не могла увлечь глубоко.

Однако судьба великого русского скульптора стала мне интересной и привлекательной. Страницы его биографии оживали в моём воображении и помогали понимать предмет режиссуры, который был основным в моём обучении.

По личному распоряжению Сталина семью Конёнкова вместе со всеми его работами перевезли в Советский Союз. На Тверской, не очень далеко от

того места, где когда-то была пекарня Филиппова, ему предоставили большое помещение для мастерской. Здесь он создал знаменитые скульптурные портреты писателей, художников, музыкантов, общественных и государственных деятелей.

В 1951 году в Кремле вручали Сталинские премии. Конёнков получил высшую награду за портреты семьи Максима Горького. Рошаль – за фильм «Мусоргский». В этом же году в Сибири дед Павел получил от моей мамы известие, что у него родился внук Саша.

Когда Конёнкову перевалило за девяносто, он продолжал работать. Скончался Сергей Тимофеевич в Москве зимой 1971 года. Через полгода я поступал в обучение к Рошально и на собеседовании между нами возникло имя Конёнкова.

Я не знал, что Конёнков и Рошаль были близко знакомы и уважительно относились к друг другу.

Но больше всего я удивляюсь богатству воспитательного дара Рошалья. Можно без конца и края вспоминать о мгновениях общения с ним и при этом каждый раз открывать всё новые и новые тайны его педагогического мастерства. Я люблю вспоминать о Рошале. Это очень душеполезное занятие. Имена людей и события, связанные с именем Рошалья, соединяют мою душу с душами тех людей и с атмосферой тех событий. Стоит только о них вспомнить или подумать, как происходит чудо! Режиссёр-педагог Рошаль стал для меня реальным проводником в разные эпохи истории.

Вглядываюсь в скульптурный автопортрет Конёнкова на Новодевичьем кладбище, и передо мной возникает картина его прошедшего времени. Вот Григорий Львович позирует скульптору в его мастерской на Тверской улице. Я словно присутствую где-то рядом. Более того, ощущаю даже присутствие деда Павла и даже ощущаю с Тверской улицы вкусные запахи из кафе-пекарни своего фамильного предка.

Вот я уже наблюдаю за Конёнковым, который лепит из глины портрет Эйнштейна в Принстоне. Вот жена Конёнкова Маргарита Воронцова угощает вкусняшками пришедшую к ним в гости свою подругу – жену президента Рузвельта. Сергей Тимофеевич сидит в сторонке на кожаном диване и делает на картонке карандашные наброски двух милых и очень красивых женщин. Никто ещё не догадывается, что Маргарита – советская разведчица, ставшая тайной любовницей Эйнштейна и первой сообщившая Сталину о заокеанских замыслах создания атомной бомбы. Благодаря Эйнштейну ей удалось вступить в близкую связь с «отцом ядерной бомбы» Робертом Оппенгеймером. Я тоже здесь, где-то среди них. И незримо присутствует Рошаль, подаривший мне душевную связь с этими разными людьми.

От подобных картин моя жизнь кажется интереснее и важнее. Душа становится сопричастной к чему-то значимому. И вот уже Эйнштейн становится мне близким человеком. И его гениальная теория относительности выглядит понятнее. И Рузвельт вспоминается как муж приятельницы Конёновых. Работает рошалевское «под столом».

Доведись мне снимать игровое кино об этих людях, актёрам было бы легко понимать меня как режиссёра.

ГЛАВА 25

ТАПЁР НА АРБАТЕ. БАБУШКИН «ЗОЛОТОЙ ВЕК» ШОСТАКОВИЧА

Первый раз в своей жизни я увидел настоящего живого тапёра в Москве в кинотеатре «Художественном» на Арбате. Это было осенью 1972 года, когда я только что поступил учиться на первый курс в мастерскую Рошалья. Я попал на ретросеанс.

В Москве в те годы устраивали в кинотеатрах различные эффектные киносеансы. Один краше и интереснее другого. В мой день в «Художественном» была скрипичная атмосфера. В фойе перед сеансом играли музыканты на скрипках. Играли очень красиво. На меня это подействовало очень сильно. Красота музыки чудесным образом рождает в душе благородные эмоции.

Я не помню, что показывали на экране в кинозале, но я хорошо запомнил пианиста. Свет на него не давали. Он освещался отблесками от экрана. То его не было видно совсем, то его профиль высвечивался. Энергичные движения были похожи на чёрно-белую мультипликацию. Пианист очаровал меня. Я заворожённо смотрел на его волшебные движения. Он творил музыкальную драму, возбуждая сопереживание. Музыка придавала смысл чёрно-белым кадрам.

Периодически зал аплодировал. Я был уверен, что аплодировали именно тапёру. Говорят, бывали случаи, когда киноплёнка обрывалась в проекторе и сеанс прерывался, в эти моменты талантливый тапёр спасал ситуацию. Он невозмутимо продолжал импровизировать на своём инструменте. На него давали свет. Публика с восторгом слушала сольный фортепианный концерт. А в этой музыкальной паузе киномеханик успевал исправить неполадку.

Во времена Великого немого сеансы с тапёрами стали называть кинотеатрами.

И вот совсем скоро на одном из занятий Григорий Львович рассказал нам о магической, на его взгляд, профессии «тапёр». В период Великого немого тапёры выполняли миссию посредников между зрителем и движущейся на экране фотографией. Тапёры впервые появились во Франции, на родине синемаатографа. Они во время показа сопровождали изображение на киноэкране игрой на пианино. Как правило, эта игра была импровизацией. Но

были и такие случаи, когда для тапёра сочинялась музыкальная партитура. Рошаль считал, что, бывало, и фильм снимали для талантливого тапёра. Надо полагать, что в кино всякое может быть.

Музыка тапёра, как правило, была похожа на ритмическое стучание по клавишам. «Стучание» по-французски – *tapéur*. Искусство тапёра восходит к давним временам, когда люди научились стучать в бубны и барабаны, сопровождая на праздниках театрализованные мистерии своего племени.

Французские продюсеры и менеджеры во времена люмьеровских сеансов использовали старинный опыт звукового оформления зрелищ. Такой замечательный опыт накапливался со времени первых праздников в истории человечества и ярко был реализован в эпоху Великого немого.

Пианист подле экрана виртуозно озвучивал для тонкой европейской души движущиеся картинки. Умозрительное восприятие синемаатографа обогащалось звуками, которые извлекал из инструмента тапёр. Получалось чудесное аудиовизуальное представление. Нынешнее модное слово «инсталляция» в те времена ещё не применялось, но это было одно и то же.

В Москве по примеру Парижа появились свои талантливые тапёры.

О кинотеатре «Художественном» существует множество красивых и некрасивых легенд. Благодаря Рошально меня заинтересовали все эти многочисленные истории. Расскажу ту, которая связана с моими личными симпатиями и впечатлениями.

Здание «Художественного» кинотеатра было построено в 1909 году знаменитым архитектором Благовещенским специально для сеансов синемаатографа. Сбоку от экрана стоял дорогой немецкий рояль типа Grotrian Steinweg из Брауншвейга, на чугунной раме, с латунным аграфом.

Когда давали дорогой сеанс, приглашались лучшие тапёры. Григорий Львович даже называл нам некоторые имена выдающихся тапёров. Многие были известными в Москве скрипачами и пианистами. На дорогих сеансах играли даже ансамбли. Говорят, что иногда на «плохую фильму» шли послушать хорошего тапёра.

Воспоминания Рошалья о людях и событиях всегда были связаны с нашей будущей профессией. Григорий Львович, ничего нам не рассказывал напрасно!

Почему я на первом курсе пошёл именно в кинотеатр «Художественный»? Что заставило меня туда пойти? Рошаль на одном из наших занятий упомянул этот московский кинотеатр, как храм киноискусства. Сказал, казалось, без специального акцента. Он сказал, а я сразу же забыл.

Вспомнил позже. Вспомнил и передо мной открылась очередная тайна! Что я имею в виду? Храм!

Храмовая архитектура, храмовая композиция, храмовая идея! Ключевое слово «храм». Можно ли попробовать представить себе кинофильм в жанре храма?

Учителя надо слушать внимательно и записывать.

В наши советские времена слово «храм» не употребляли в религиозно-сакральном смысле. Если произносили слово «храм», то прибавляли к нему слово «искусство». Храм искусства это в первую очередь театр. Иногда храмом можно было назвать картинную галерею. Были времена, когда и кинотеатры заслуженно называли храмами. Такие кинотеатры строго относились к своему репертуару. Там была возможность стать на некоторое время участником и свидетелем важного события или акта высокой нравственности.

Для русского мира слово «храм» означает дом, в котором живёт крепкая семья. Хоромы – отдельные комнаты и помещения в доме. Всё вместе – храм. Храм – дом. Однако дом означал место, предназначенное и для проживания, – жилище. В доме спали, ели, спасались от непогоды, укрывались от опасностей. В жилищах православных людей самые красивые части дома назывались «красными углами». В красных углах размещались особо почитаемые православные святыни – иконы. Русские люди называли эти святыни образцами.

Рошаль уделял много времени разбору понятий «образ», «символ», «архитектоника», «жанр», «вид», «иконография» и прочее. Его богатый творческий и жизненный опыт мы впитывали из рассказов и бесед с ним. При этом его педагогика была органична и незаметна для учеников. Казалось, что мы просто и приятно общаемся, задаём друг другу вопросы ради любопытства. Мне, например, было интересно рассказывать о себе. Григорий Львович умел слушать так, что, отвечая на его вопросы, становилось радостно. Если обнаруживалось, что я чего-то не знал или этим раньше не интересовался, то после беседы хотелось бежать в библиотеку, читать, узнавать. Например, Григорий Львович называл какие-то малознакомые имена или неизвестные факты, и тут же хотелось узнать подробности. Причём, рассказывая о себе и наблюдая за реакциями Григория Львовича в эти моменты, чувствовалось, что происходит процесс переосмысления собственной биографии, собственной «предыстории». Личные беседы с ним или коллективные занятия были похожи на лёгкую, полудетскую театральную игру. Не сразу, потом, иногда через многие годы вдруг начинал понимать всю серьёзность и философскую глубину когда-то обсуждаемых с ним тем.

...В доме моего деда Павла Филиппова в красном углу висела икона Казанской Божией Матери с Мла-

денцем на руках. Тут же была икона поменьше: Никола-угодник. Масляная лампадка зажигалась по большим праздникам. Большими дед Павел называл церковные праздники. Все дети в доме, почуяв ранним утром благовоние лампадки, знали, что сегодня, наконец-то, праздник наступил! Накануне шла подготовка: стирали, мыли, прибирались. Все домочадцы принимали в этом усердное участие.

Преображённый дом становился истинным храмом. На стол, накрытый праздничной скатертью, выставлялось самое вкусное. Никто в этот день не работал. В доме был вольный день для разговления плоти и праздник для души.

В символике архитектуры и декоративного убранства храмов раскрываются представления о мироздании. Во многие эпохи (особенно в Средние века в Европе) храмы были местом общественных собраний, торжественных церемоний, имели мемориальный характер, обладали так называемым правом убежища.

Рошаль был крайне любопытным. Ему всё было невероятно интересно. Он много знал, но всегда хотел узнать ещё больше. Постепенно это качество передавалось и нам. Жить без любопытства и тем более заниматься режиссурой – каторга.

Оказывается, кинотеатр на Арбате построил знаменитый русский архитектор Николай Николаевич Благовещенский. Это был, по сути, первый русский храм киноискусства. Фамилия архитектора – сакральная! Имя Николай, как теперь я понимаю, тоже было ему дано в Крещении неслучайно!

Рошаль никогда не называл нас случайных и малозначимых имён. Все имена для него были важными и необходимыми. Поминая на своих занятиях по режиссуре какие-то имена, названия, даты и события, Григорий Львович таким образом выстраивал для нас программу и логику миропознания.

Рошаль очень хорошо знал своеобразие русского мира. И не только. Даты, имена и события, о которых он говорил с восхищением и любовью, всё это было для него важнейшими деталями священной истории нашего народа.

Сделаю небольшое отступление. Многие из нас привыкли разделять, что нам важно и что неважно. Эта деталь нам важна! Этой можно пренебречь! Это – важное событие. А это – не вполне. Себя я отношу именно к таким людям: привычка со школьных лет!

У Рошала – совсем наоборот. Важно всё! Это закон. Стоит не обратить на что-то внимание или чем-то пренебречь – и пропадает красота произведения, и конечный результат получается ущербным. Об этом Григорий Львович просил нас всегда помнить. В режиссуре и педагогике не бывало, чтобы этот закон не сработал хотя бы один раз.

О выдающихся и благородных иноверцах европейского ли, азиатского или другого происхождения Рошаль рассказывал нам так, что мы воспринимали их своими русскими героями.

Интересуясь периодом, когда юный Рошаль получал образование в Тенишевском училище, я обнаружил, что там преподавали темы о нравственности из Закона Божьего. Процесс образования опирался на базовые основы патрологии – богословской науки о Святом Отечестве и святых отцах Русского мира.

Николай Николаевич Благовещенский, о котором я узнал по настоянию нашего Рошалья посетить кинотеатр на Арбате, в своё время состоял на должности архитектора Московской епархии. Епархия строила не только храмы и часовни, но и здания учебных заведений. Благовещенский построил множество начальных школ для детей. В Москве и Подмоскovie до сих пор сохранились некоторые здания. В них продолжают действовать колледжи и лицеи!

Друг и соратник нашего Рошалья композитор Дмитрий Шостакович в свои юные годы с удовольствием работал тапёром.

Первая четверть XX века в Европе была временем величайших достижений в сферах интеллектуального творчества. Россия была в числе мировых лидеров. В это время Григорий Рошаль формировался как личность, находясь внутри выдающихся событий и в среде выдающихся личностей.

Надо сказать, что Рошаль, о чём бы он ни рассказывал, всегда придавал своей истории загадочный, волшебный и добрый оттенок. Эти оттенки или окраски были обязательными признаками рошальевской выразительности.

На втором курсе Рошаль, как всегда неожиданно, привёл к нам в мастерскую ещё одного своего сподвижника, Виктора Бабушкина, и сказал, что этот молодой человек будет помогать озвучивать наши курсовые киноработы.

В конце каждого семестра мы представляли Рошально свои курсовые мини-фильмы на 16-миллиметровой плёнке. Снимали их кто как может. Озвучивание заключалось в том, чтобы умело подобрать музыку к изображению. Это были наши первые упражнения по звукорежиссуре. Во время показа курсовых киноработ мы должны были продемонстрировать приобретённое мастерство.

В период Великого немого для озвучивания использовали живых тапёров. Мы использовали магнитофоны. Чуть позже я расскажу об этом удивительном процессе, который был для многих из нас кошмарно-интересным.

Виктора Бабушкина я принял со сдержанным недоверием. Мне не понравилось, что на первой же встрече он стал рассказывать о том, какой он великий специалист. Нет, он не перечислял свои заслуги

и не бахвалился! Наоборот. Он, например, подчёркнуто скромно говорил о том, как первым на Мосфильме, а значит и первым в СССР, использовал для озвучивания фильма синтезатор. Синтезатор купили для главной киностудии страны в США. Самостоятельно изучали возможности чудо-инструмента, который мог имитировать любые звуки. Разобравшись, стали записывать с его помощью сложные элементы звукоряда для кинофильмов. Бабушкин даже освоил некоторые возможности писать на нём музыку.

Синтезаторы в то время только-только стали появляться в нашей стране в среде музыкантов и были сравнимы с космическими аппаратами.

Далее Бабушкин как бы между прочим, можно сказать, мимоходом, называл фамилии самых известных в то время музыкантов, для которых он, как звукорежиссёр, записывал и обрабатывал их музыкальные произведения. Давал музыкантам якобы дорогу в свет! Надо же, какой важный. Нам даже Рошаль так превосходно не рассказывал о себе.

В наше время не было ещё интернета и «Википедии». Информацию мы добывали для себя и передавали другим, как говорится, из уст в уста: по законам Предания. До появления в нашей мастерской про Бабушкина я ничего не знал.

Рошаль в самом начале попросил нас, чтобы мы любили и жаловали этого симпатичного молодого человека. Оттого, что он молодой и красивый, любовь не возникала. Но потом оказалось, что он работает главным звукорежиссёром на всесоюзной фирме грамзаписи «Мелодия». Ого! Виктор Бабушкин не успел ещё рассказать нам в те первые дни о том, что он профессиональный музыковед и композитор, окончивший Московскую консерваторию.

Прошло совсем немного времени и Бабушкин, когда мы о нём узнали чуть больше, наконец-то стал в нашей мастерской своим. Хотя о том, что Виктор свой, можно было догадаться по тому, что к нам его пригласил Рошаль.

«Звуковое решение фильма» – так назывался предмет в нашей мастерской, который должен был преподавать Бабушкин. Мы называли предмет «Звукорежиссура».

Вспоминаю в этой связи, как к концу очередного семестра нам необходимо было представить Рошально и утвердить у него «режиссёрскую экспликацию» своего курсового фильма. После утверждения мы приступали к съёмкам. Переходили в так называемый съёмочный период.

А в начале был подготовительный период. Это был период придумывания будущего фильма. Надо было представить режиссёрскую разработку всего фильма от первого до последнего кадра. И не только представить, но и подготовить весь съёмочный процесс.

«Мой фильм готов, осталось его снять» – эту фразу Рене Клера любил иногда произносить вслух наш Григорий Львович.

Рошаль утвердил мне замысел фильма, который я предварительно назвал «Весна и Наташка». Это была небольшая лирическая зарисовка об одном весеннем дне красивой и мечтательной девочки, её эмоциях, настроении.

Съёмки должны были происходить в марте, во время ледохода на Волге, в городе Калинин, то есть в нынешней Твери. Я подобрал героиню. Выбрал места съёмки. Написал лирическое стихотворение, которое должно было лечь на музыку.

Незамысловатые строчки стиха читаются женским голосом от имени героини. Практически это был сценарий киноэтюда.

*Я из окошка наблюдаю март.
А в городском саду – гулянье.
Я тоже за веселье, за азарт,
Но у меня сейчас свиданье.*

*Свиданье с облаком над крышей,
С сосулькой звонкой под карнизом
И с ветерком, что еле дышит
Теплом весны ещё капризным.*

*Я в дымке утону нечаяно.
Я спрячусь в ней от волокиты дней.
Я до заката не спугну молчанье,
К которому я вышла на свиданье.*

Подобрал музыку. Одним словом, подготовился. Рошаль, с которым я обсуждал поэтапно весь будущий процесс, одобрил мой замысел, но попросил по поводу музыки поговорить ещё и с Виктором Бабушкиным.

К звукорежиссёру я пришёл с режиссёрской экспликацией, операторской раскадровкой, со стихом и музыкой. Виктор послушал мои стихи. Посмотрел нарисованные кадры будущего киношедевра. Стали слушать музыку.

– Так-так. Значит, дело будем иметь с Василием Сергеевичем... Модерато и аллегро нон троппо...

– Какой Василий Сергеевич? – не понял я Бабушкина.

– Калининков. Симфония номер два.

Тут я вспомнил, что Калининков – это автор музыки, которую я подобрал себе для озвучивания и принёс Бабушкину. Она мне понравилась больше тех, что мне предложили в музыкальной библиотеке нашего института. Я не умел исследовать особенности музыки, она мне просто показалась подходящей.

– Аллегро модерато – это медленнее, чем обычное аллегро. Образ развивается умеренно, не спе-

ша. Ты уже знаешь, как твои льдины поплывут по Волге?

– Как же я могу знать, Виктор Борисович?

– Надо знать. Ты режиссёр или кто? Снимай ледоход под эту музыку. Сначала настройся на темп и фактуру музыки, потом снимай... Если настроишься, то льдины поплывут под музыку. Либо музыку напиши после съёмки, под картинку...

– Да, конечно, попробую, – только и смог я промямлить в ответ, не соображая, что именно я попробую.

– Не слишком быстро – так призывает музыка: аллегро нон троппо!

Я поведал Рошалю о своём разговоре с Бабушкиным. Григорий Львович радостно смеялся. Не надо мной, конечно. Он всегда смеялся, когда радовался. Его смех был каким-то необыкновенно поощрительным.

– Бабушкин тебе многое может подсказать. Он прав. Режиссёр может управлять ледоходом! – при этом Рошаль довольно потирал ладони и выглядел очень счастливым.

Пришлось записаться в музыкальную библиотеку. Я не ожидал, что мне будет интересно тратить своё время на прослушивание старых грампластинок. Спустя некоторое время я узнал, что Василий Сергеевич Калининков почитается как великий русский композитор, продолжатель традиций Балакирева, Кюи, Мусоргского.

138

Григорий Львович был тонким ценителем этих выдающихся творцов. Он умел проникать в тонкую материю музыкального произведения. Его знаменитый фильм «Мусоргский», получивший Государственную премию, до сих пор можно изучать всем, кто собирается выбрать профессию кинорежиссёра. Процесс работы Рошала с музыкальными произведениями как составной части произведения киноискусства может быть учебным пособием. Недаром с Рошалем работали выдающиеся музыканты Дмитрий Кабалевский, Дмитрий Шостакович, Моисей Вайнберг, Лев Шварц.

Виктор Бабушкин считал Шостаковича одним из выдающихся основоположников советской кинематографической музыки. Мнение Бабушкина было очень весомо в кругах специалистов. На «Мосфильме» талантливый звукорежиссёр был востребован, как никто другой. Работал с Леонидом Гайдаем, Александром Миттой, Андреем Кончаловским, Никитой Михалковым. У него появились ученики, которые впоследствии стали большими мастерами и художниками этой профессии.

«Девчата» – первый фильм Виктора Бабушкина, с которого началась его профессия звукорежиссёра. Затем были фильмы Леонида Гайдая «Операция «Ы» и другие приключения Шурика», «Кавказская пленница», «Бриллиантовая рука».

Вскоре последовал новый этап его биографии. Виктор Бабушкин блистательно записал звук к кинофильму Татьяны Лиозновой «Три тополя на Плющихе».

Героиня Татьяна Дорониной исполнила трогательный вокал песни Александры Пахмутовой «Нежность». Мелодия в разных вариациях звучит так, как будто проживает вместе с персонажами нежную драматическую историю. Слово новорождённый ребёнок в начале, мелодия от эпизода к эпизоду развивается, взрослеет, приобретает зрелую красоту и становится сквозной музыкальной темой всего фильма. Музыка живёт то на первом, то на втором, то на третьем звуковом плане. То она бережно уступает место диалогу, то шуму дождя, то тревожному грохоту вдруг грянувшего грома.

Речь героев звучит то шёпотом, то переходит на крик. Фактура звука виртуозно преобразуется и тонко меняет оттенки. Звуковой образ в соответствии со сценарием то лиричен, то драматичен. Проза, поэзия, лирика, драматизм – всё есть в звуковом ряде! Звукорежиссёр сотворил шедевр. В финале песня «Нежность» звучит в полной своей симфонической красоте.

После выхода фильма на экраны песня в исполнении Майи Кристалинской стала популярной. Её до сих пор поёт весь народ.

До того, как Бабушкин появился в мастерской Рошалья, у него был советско-британско-итальянский фильм «Красная палатка» Михаила Калатозова. Эта последняя работа знаменитого кинорежиссёра получила в 1969 году «Золотую пальмовую ветвь» на Каннском фестивале.

В 1971 году Виктор Бабушкин работал над фильмом Леонида Гайдая «12 стульев». С композитором Александром Зацепиным и ансамблем «Аккорд» он записал в студии звукозаписи «Мосфильма» около двадцати песен. Фильм побил все рекорды по просмотрам.

В 1972 году, когда мы жили в бараке и готовились поступать к Рошально, Бабушкин участвовал в работе над фильмом со сложной судьбой «Вид на жительство». В фильме должны были сниматься Владимир Высоцкий и Марина Влади.

Виктор Бабушкин записал для этого фильма музыкальные композиции Георгия Гаряяна и Леонида Гарина. Сценарий написали Сергей Михалков и британский журналист Александр Шлепянов.

Осенью, когда Рошаль приступил к первым занятиям с нами, Ася Боярская хлопотала перед руководством института и чиновниками министерства культуры о том, чтобы на кафедре все студенты были обеспечены портативными кинокамерами и звукозаписывающей техникой.

В это время Виктор Бабушкин писал звук для фильма «Точка, точка, запятая». Это была забавная

музыкальная кинокомедия Александра Митты. Одним из операторов на фильме был Слава Малёв. Мы познакомились с этим душевным и очень милым человеком через год. Ася добилась своего, и мы с новенькими кинокамерами под руководством Славы Малёва выходили на берег канала имени Москвы на натурную съёмку.

Потом у Бабушкина была работа с Давидом Тухмановым в фильме «Эта весёлая планета». Некоторые мои однокурсники принимали участие в массовке. На съёмочной площадке мы наблюдали за работой замечательных актёров: Савелия Крамарова, Леонида Куравлёва, Екатерины Васильевой, Натальи Крачковской. Мне нравилось внимательно разглядывать и запоминать действия режиссёра. Магические слова «аппаратная, мотор, начали» волновали душу. Сердце начинало учащённо биться. Хотелось улететь в небеса.

Рошаль не запрещал нам иногда сниматься в массовках на «Мосфильме». Дима Флегонтов, к примеру, был очень доволен тем, что в кассе киностудии выдавали за каждую смену по три рубля. Позже плату увеличили до четырёх рублей пятидесяти копеек. Хорошая прибавка к стипендии.

Не помню точно, каким образом мне удалось попасть в Дом кино на премьеру фильма Будимира Метальникова «Молчание доктора Ивенса». Если не ошибаюсь, попал я туда по рекомендации Юлии Ипполитовны Солнцева. Она была членом правления Союза кинематографистов. Её имя было пропуском.

На премьеру пришли исполнители главных ролей Сергей Бондарчук, Жанна Болотова, Ирина Скобцева и ещё какие-то люди. Среди них был композитор Эдуард Артемьев. Музыку Артемьева к этому фильму записал Виктор Бабушкин.

Бабушкин на самом деле был очень скромным интеллигентным человеком. К нам на занятия он приезжал как один из многих помощников Рошалья.

Пока мы учились наводить фокус, проявлять плёнку, делать для Рошалья раскадровки, Виктор Борисович Бабушкин трудился на фильмах «Иван Васильевич меняет профессию», «Ищу человека», «Земля Санникова», «Дорогой мальчик», «Романс о влюблённых», «Свой среди чужих, чужой среди своих», «Русалочка», «Мама», «Моя любовь на третьем курсе».

Всего Виктор Бабушкин написал музыку для 25 художественных и 15 мультипликационных фильмов. Кстати, в некоторых выпусках «Ну, погоди!», звучит музыка композитора Бабушкина.

О нём мне хочется рассказать ещё и ещё. О нём надо бы написать книгу. В звукорежиссуре он был непревзойдённым мастером. Он был настоящим художником, сделал множество открытий в своём творчестве. У него есть чему учиться. Но

наше повествование должно быть сосредоточено на Рошале.

Давайте вернёмся к Шостаковичу. О своей дружбе с Шостаковичем Рошаль успел рассказать нам не очень много. Но кое-что запомнилось. Имя музыкального гения украшает галерею замечательных персонажей того сообщества, в котором достойно представлен наш любимый режиссёр и педагог.

Примерно в 1988 году мне довелось неожиданном образом снова прикоснуться к музыкальной святыне. В Кемеровской государственной филармонии готовились исполнить музыку Дмитрия Шостаковича «Золотой век». Это произведение долгое время было запрещённым для исполнения в нашей стране. Музыкальные критики написали в своё время во всех учебниках, что эта музыка вредна для советского слушателя.

Мне предстояло снять сюжет для киножурнала «Сибирь на экране». Руководство Западно-Сибирской студии кинохроники, где я трудился в то время в должности автора-оператора, поручило мне взять интервью у редактора московского издательства «Советский композитор». Этот редактор прибыл в Кемерово, чтобы написать о премьере в местной филармонии.

Моя съёмочная группа приготовила место для интервью в уютном каминном зале местного Дома актёра. Поставили нужный свет, проверили микрофоны.

В назначенное время сотрудники обкома партии привезли на съёмочную площадку героя моего киносюжета. Редактором оказалась Ирина Антоновна – вдова Дмитрия Шостаковича. Для меня это было большой неожиданностью. Мне выпало счастье пообщаться с человеком, лучше других знавших великого музыканта! Ирина Антоновна была очень известным экспертом в музыкальном мире. Благодаря её публикациям имя и музыку Шостаковича знали наши современники на всех континентах.

В нашей беседе я упомянул имя своего мастера. Сдержанная на эмоции и строгая в общении, Ирина Антоновна обрадовалась. Она хорошо знала фильмы Григория Львовича, для которых Шостакович написал музыку. Имя Рошалья нас сблизило. Мы говорили с ней об искусстве, которое богоугодно влияет на души людей.

Беседа длилась гораздо дольше, чем было запланировано по протоколу. У моего оператора кончилась вся киноплёнка. Съёмочная группа уже давно упаковала в чемоданы аппаратуру. Сотрудники обкома партии из-за спины моей героини нетерпеливо показывали на свои наручные часы, давая понять, что время на интервью давно вышло. Но мы не спешили.

Расставались наполненные душевительной радостью от воспоминаний о Шостаковиче и Рошале.

Виктор КОНЯЕВ

ПО ПРИТЯЖЕНИЮ НЕОБОРИМОМУ

(Заметки неравнодушного)

ТОЛПА И КРАСОТА

Летят года, как птицы быстрокрылые, не успел оглянуться, а уже пара лет отлетела в прошлое. И снова представилась возможность поехать на Байкал, полюбившийся мне, омыть лицо и руки его обжигающей водой. У нас в Кузбассе весна нынче пакостная – дожди и холода, холода и дожди, по прогнозам же в Иркутске ожидалось тепло и солнце, так что была даже надежда не только омыть отдельные части тела, но и целиком погрузиться.

Уезжал в дождь, но он не портил моего настроения, прекрасного в ожидании встреч в поезде, а особенно в Иркутске. Около года назад познакомился с главным редактором журнала писателей Иркутской области «Сибирь» Анатолием Григорьевичем Байбородиным, правда пока общались по телефону, но вот я еду туда и надеюсь познакомиться лично с ним и литераторами Иркутска.

Помня предыдущее путешествие, я был полон надежд на доверительное общение с попутчиками, долгие беседы о жизни и немало удивился, когда увидел в нашем отсеке из шести спальных мест по обеим сторонам прохода всего одного пассажира, довольно полного молодого человека, едущего в Тайшет. Сам он из Красноярска, работает в Тайшете мастером на стройке, а сейчас возвращается из двухдневной поездки к другу в наш город. Роман не очень разговорчив, да и поколения наши далеко-далеко отстоят одно от другого.

В родной области поезд часто останавливается, заселена она очень уж плотно, города близко стоят, и в каждом кто-то садится. Ещё не стемнело, а все места уже заняты. Напротив меня на нижней полке уместилась бабуся солидных годов, ей ровно восемьдесят, а над ней расположилась... хотел написать внучка, но поразмыслив, решил, что всё же правнучка, на вид ей не больше двадцати, не могла же мама родить её в сорок лет. Настя общительна, на впалых щеках часто рождается улыбка, делая аскетичное лицо милее, вот эта её улыбчивость и подвела меня.

Знакомство началось хорошо, они рассказывали о себе, поездке к родне в Кузбасс, своём замечательном Гусиноозёрске, что находится недалеко от Улан-Удэ. Бабушка ругала свою дырявую память, она приготовила и забыла взять семена лопуха, в Забайкалье он не растёт, там зимой ветра, снега почти нет, видимо, лопух вымерзает. Бабуля хотела посадить его в теплице, а потом рассадить, теперь придётся просить родню выслать семечки бандеролью.

А я всё поглядывал на Настю, причёска у ней больно уж необычная. Русые почти до плеч волосы заплетены во множество косичек, да ладно бы просто заплетены, сейчас это не диво, у ней в косички вплетены полиэтиленовые нити, причём разноцветные, и мне сразу пришло сравнение её причёски с пластмассовой метлой, в которой вместо древесных прутьев закреплены синтетические нити разных цветов, у нас на работе такие используются.

Когда Настя встряхивала головой, искусственные вставки глухо постукивали, пластиковая метла стучит так же.

Вначале мне было неудобно задавать ей вопросы о причёске, но постепенно разговор становился более откровенным, и бес меня дёрнул за язык:

– А скажи, пожалуйста, зачем ты себе такое соорудила на голове?

Мы сидели на нижних полках, я – на своей, а она – рядом с лежащей прабабкой или бабкой.

В глазах девицы искреннее недоумение:

– Ну как зачем? Это же красиво! И я зарабатываю этим себе на жизнь.

Наверное, теперь недоумение построилось на моём лице и отразилось в глазах.

– Красиво?! Разве такое может быть красивым? Это же не природное!

Заметил, как впалощёкое лицо каменело, как колко заискрились тёмные зрачки, и остановиться бы мне, однако привычка, вероятно, не всегда приятная собеседникам, докапываться до сути не дала, даже когда она ответила резковато:

– Это вам не красиво, а девушкам нравится, и они за красоту платят.

– А что это тебе и им даёт? – тут же осознал, что вопрос задан неправильно и уточнил: – Я хотел сказать, что это даёт для сердца, для души, ведь когда делаешь что-то по-настоящему красивое, тогда на душе и на сердце радость.

А Настя уже смотрела на меня неприязненно, хмыкнула, в голосе жестяные нотки:

– При чём здесь сердце и душа, сейчас так модно. Вы в этом ничего не понимаете.

Подразумевалась моя дремучесть в современной моде.

Я обдумывал ответ, а она добавила:

– Надо же чем-то выделяться из толпы.

Эта фраза и дала мне подсказку.

– Вообще-то во все времена выделялись из, как ты говоришь, толпы своими способностями: умом, знаниями, трудолюбием, героизмом, а выделяться серьгой с кулак в носу или размалёванным во все цвета радуги лицом – это варварство, так делают дикари Полинезии или Амазонии. Получается, современная молодёжь уподобляется им? А смысл какой в этом?

Собеседница всё же сдержалась и ответила вполне достойно, хотя губки-то дёргались и ноздри вздувались:

– А вы уверены, что мне интересно с вами разговаривать?

Тут я одумался:

– Настя, прости, я не хотел тебя обидеть.

Бабушка глядела на нас с укором.

До самого Иркутска добрые отношения с попутчицей у меня так и не восстановились.

Жена наготовила мне в дорогу достаточно всякой снеди, но я всё ждал, когда же понесёт по вагону весёлая говорливая буфетчица какую-нибудь выпечку и напитки, не дождался. Подумал, просто не дошла до нашего вагона, он первый в составе, хотя в билете напечатано: «Седьмой».

В дороге, кроме разговоров, чем занимаются? Вот именно, едят и спят, поел обжаренную в духовке курочку – и на боковую, виды за окном все смотрены-пересмотрены.

Утром в окне тоже особо интересного ничего не увидел. Вскоре въехали в Красноярский край, и я подсознательно выглядывал так понравившиеся мне поля цветущего иван-чая. Не увидел, рано ещё, начало июня, и весна стояла холодная, всё понимаю, а печаль накатила.

Крупные города, где поезд стоит подолгу, стали реже, и мне, как и другим заядлым курильщикам, пришлось завязывать губы бантиком и терпеть по три-четыре часа. Борьба с курением в стране не утихла – могли «застукать» даже между вагонами и оштрафовать, да как-то и стыдновато седому мужику, словно пацану, сидеть на корточках на лязгающих и шевелящихся под ногами стальных пластинах и быстро затягиваться сигаретой, пуская дым вниз, к бешено проносющейся земле, а потом поспешно выскакивать в тамбур и прокашливаться, делая при этом вид, будто стоишь и любишь убагающимися назад пейзажами.

Красноярск. И, как в прежний приезд, идёт дождь. Разносчицу выпечки я так и не дождался, поэтому решил сходить на вокзал, может, куплю чего-нибудь съестного для разнообразия, курица уже надоела и пироги домашние приелись. Вокзал довольно вместительный, но мне он ещё в первый раз показался мрачноватым, хотя в нём немало разных торговых и прочих точек.

Набрёл на одно кафе, а там прямо за прилавком в большущей сковородке пекут блины, купил три, мне их черноокая и пышногрудая сударыня, продавец, подала горячими в бумажной тарелке. На перроне оглядел наш состав, состоящий из семи вагонов, вагона-ресторана не было. На мой вопрос проводница ответила, что его забрали на чемпионат мира по футболу. Так что, если пассажир не запасся в дорогу пропитанием, ему придётся либо покупать «Роллтон» у проводницы по очень завышенной цене, либо хватать в вокзальных и перронных павильонах хоть что-нибудь съедобное, опять же втридорога.

Это одна сторона проблемы, но есть и другая, тоже связанная с мировым футбольным праздником. Сама по себе идея провести в России такое мероприятие замечательна. Простые люди, болельщики, должны общаться между собой непосредственно на трибунах, на улицах города, там, где не довлеет над ними идеология и государственная политика. Если к нам приедет миллиона два-три болельщиков и туристов из самых разных и дальних стран, то они смогут пообщаться с нами, жителями России, чуть-чуть понять нас, приобщиться к нашей жизни, к нашей культуре и традициям, и это будет прекрасно, потому что человека, увидевшего Россию изнутри, будет весьма затруднительно оболванить западным СМИ, а они ещё и донесут информацию до своих родственников, друзей и знакомых.

Безусловно, с наплывом гостей возникнет немало трудностей, их надо кормить-поить, разместить и развлекать. Но мы же готовились к чемпионату несколько лет, строили стадионы, тренировочные базы, прочую инфраструктуру, и это тоже замечательно, хотя бы таким способом хоть что-то построить в государстве, кроме торговых и развлекательных комплексов. Может быть, после чемпионата при разумном руководстве спортивные сооружения будут востребованы. Однако почему не озаботились нехваткой вагонов-ресторанов для собственного народа?

НОВЫЕ ПОПУТЧИКИ

Лежу или сижу, не то что скучно – тоскливо. Поговорить не с кем, да не попусту, абы о чём, с серьёзным бы человеком побеседовать о жизни, работе, бедах-невзгодах, только в таких откровенных разговорах человек и раскрывается пошире да поглубже. Роман почти до самого Красноярска спал, бабуля тоже постоянно в полудрёме, Настя уткнулась в мобильник, боковые сиденья пустовали. Лишь после Красноярска их заняли двое мужчин, оба немолодые, загорелые. По разговору мужиков я понял, что они работают на «железке» и едут на рабочий объект. Работяги, они мне интересны, и я постарался без навязчивости встроиться в беседу.

В Новокузнецке оба бывали, они по работе исколесили полстраны, были не так давно на БАМе в командировке. Серьёзные товарищи, специалисты, управляют железнодорожной техникой, по-моему, рельсоукладчиками.

Зарплата не столь и высокая для профессионалов с большим стажем работы, 30 тысяч рублей, и это не «на руки», а общая, из неё ещё вычтут немало. Командировочные им давно не платят, какие-то путевые или разъездные начисляют, но эти надбавки меньше командировочных.

Сейчас мужики едут на станцию, где будут менять железнодорожный путь во время «окна», работу надо сделать быстро и аккуратно, а они даже не знают, с кем будут работать. Мои собеседники едут из одного места, рабочие-путейцы – из другого, а откуда пригонят технику, они и не знают. Получается, РЖД не выгодно содержать ремонтные бригады постоянного состава, с бору по сосенке собирают на ремонт, поэтому работы часто проводят некачественно, в спешке и без подготовки. Кстати, мужички рассказали, как на участок БАМа, где проводили большие работы, собирали специалистов-путейцев чуть не со всей России. Они и сейчас не уверены, туда ли едут, рации не выдают, а по телефону толком было не разобрать название станции. Да, и это РЖД, которые как только не расхваливают в СМИ.

Жаль, но часа через три мужики сошли, при подъезде к станции они выглядели в окно. На путях, в стороне от нас, стояли платформы с секциями из рельсов со шпалами, путеукладочная техника. Мои кратковременные собеседники узнали своих, мы распрощались. Удачи вам, труженики.

На этой же остановке зашёл китаец. Худой, с сильно выступающими костями под глазницами, из вещей только пакет, сел на освободившееся место, огляделся исподлобья.

Я подумал, раз он едет один по российской глубинке, то должен знать русский язык и решил с ним поговорить:

– Дружище, куда едешь?

Едва я заговорил, на лицо китайца мгновенно натянулась широкая улыбка, будто он закрылся резиновой маской, так же быстро поднялась ладонь на уровень плеча и покачалась влево-вправо, из улыбки выпало:

– Ноу, ноу.

Значит, не понимает по-русски, это печально, хотел послушать жителя Поднебесной и ему что-нибудь сказать.

В Тайшете сошёл Роман, пожелал мне счастливого пути.

Позже я лежал на своей полке и, поскольку китаец находился в поле моего зрения, поневоле наблюдал за ним. Интересные выводы получились

из наблюдений. Русский он знал точно, это я понял по его реакции на некоторые слова Насти, недружелюбные слова. Китаец катал по скулам злые желваки, на замечание проводницы об оставленных в проходе туфлях он маской осклабился и убрал их под лавку. Довольно долго сидел потихоньку, не поднимая высоко голову, и из-под опущенных век оглядывал нас и соседнее купе, цепко, изучающе.

Потом посмотрел на наручные часы, достал из пакета мобильный телефон, стал смотреть в окно, в какой-то момент снял законный пейзаж, через некоторое время повторил операцию. Затем китаец стал играть в телефонную игру. Это можно было понять по его поведению, он быстро работал пальцами, нажимая кнопки, иногда нервно бросал телефон на столик, смотрел в окно, потом снова хватал чёрную коробку, и процесс продолжался. Так ведут себя игроманы, люди больные, рабы своих виртуальных страстей.

В какой-то момент мой сосед всё же выключил телефон, разобрал постель на второй полке, снял ветровку, достал из пакета бутылку с жидкостью, отпил и полез на своё спальное место.

Я подумал, что он собрался спать, однако китаец опять взял в руки телефон и игра продолжилась. Мне было жалко человека, попавшего в тяжелейшую психологическую зависимость, особенно когда увидел, с каким усилием он выключил своего мучителя.

В вагоне погасили верхнее освещение, лишь одна лампа дневного света светила в полнакала, обитатели вагона погрузились в сон, а мне не спалось, думал о китайце, о техническом «прогнесе», который вместо того, чтобы нести людям благо, явно и неостановимо разлагает человечество духовно и нравственно.

Почему-то вспомнилась маленькая деревенька Спицино, там поезд ближе к вечеру простоял одну минуту. Поодаль от пустой бетонной платформы за невысоким штакетником у грядки стояла ширококостная и полногрудая сибирская баба в светлой лёгкой кофте и тёмной юбке. Ноги её широко расставлены. Она из-под ладони смотрела на поезд, а мне показалось, что она смотрит на меня и будто вопрошает: «Куда тебя несёт по белу свету, человек? Чего тебе дома не сидится, не работается? Пора страдная подошла, надо землю обихаживать, семенами засеивать её, кормилицу, а вы всё мчитесь, сами не зная куда».

Вполне можно было предположить такой монолог, принимая во внимание её позу. Даже стало неудобно за своё праздное проводимое время. И ещё вспомнил, что название деревеньки – «Спицино» было ниже и мельче написано по-английски.

Память подсказала – а ведь абсолютно все названия, даже крошечных полустанков, на всём пути

были повторены на английском! Спрашивается, для чего? Мысль о толпах иностранцев, прямо мечтающих посетить Спицино, можно отмести сразу как абсурдную. А не причают ли нас, русских, таким способом к языку будущих хозяев?

Русские города уже переполнены англоязычной рекламой, от неоновой и лазерной в столице до вывесок и рекламных плакатов в провинции, молодёжь наша почти поголовно ходит в майках с английскими надписями, отечественные бизнесмены тоже норовят своей компании обозвать по-аглички, теперь вот и до географии добрались.

А не преувеличиваю ли я? Убеждённо сам себе отвечаю: «Нет, не преувеличиваю, скорее даже недооцениваю». Работа идёт по всем направлениям, и русский язык является одним из наиглавнейших. Разве просто так российские банки свои эсэмэски абонентам печатают английскими буквами? Даже православный телеканал «Союз» благодарит за помощь точно такими же буквами!

Вагон плавно покачивается, колёса тихо постукивают. Наплывает сон.

ИРКУТСК ВСТРЕТИЛ НЕПОГОДОЙ

В Иркутске дождь. Всё повторяется, я опять стою под узеньком навесом павильона у вокзала, курю, потом звоню, вызываю такси. Только в этот раз мне ехать не на окраину города, а куда-то дальше, в какое-то Марково. Там меня будет ждать добрая знакомая и одна из героинь моего предыдущего очерка, Татьяна. Мы с ней все эти два года постоянно созванивались, и, когда я собрался ехать в Иркутск, она твёрдо сказала, что остановиться я должен именно у неё. Ну что ж, меня это устраивает. Оглянувшись по сторонам и вдруг увидел под навесиком соседнего павильона своего попутчика, китайца, он держал около уха телефон.

Некоторые места узнавал, особенно в центре, но потом пошли незнакомые кварталы. Наконец, город остался позади, после длинного спуска машина свернула налево, у перекрёстка на оранжевом столбе-указателе большими буквами: «Маркова». Я так и не выяснил, как правильно называть «Марково» или «Маркова», где-то обозначают с «а», а где-то с «о». Даже в Союзе писателей мне не смогли точно сказать. Но я буду писать как привычнее: «Марково». Минут через десять езды въехали в посёлок, беленькие весёлые пятиэтажки, большой магазин, и у входа стоит Таня. Она с сумкой и двумя пятилитровыми пластиковыми бутылками воды в прозрачной упаковке. Поздоровались, Таня села в машину и попросила молодого скуластого хмурого водителя довезти нас до трубы. Он, видимо, знал, где это, мы поехали, часто сворачивая то влево, то вправо, но двигались всё время вниз и остановились у тепло-трассы, в том месте, где через трубы перекинут вы-

сокий, в шесть или семь ступенек, металлический мостик с перилами, дома остались сзади и вверху, впереди никакого жилья видно не было.

Я рассчитался с таксистом, и мы, оба нагруженные, тронулись в путь. Моросило, ноги скользили на мокром металле ступенек, если бы не наваренные поперёк арматурины, было бы проблемно подниматься, тем более что руки заняты сумками и нет возможности держаться за перила. Я толком не понимал, куда мы идём, впереди, за мостиком, лежало то ли болото, то ли пойма реки, и неузенькая, на глаз – метров пятьсот до холма на той стороне.

Прошли немного по глинисто-травяному пологому склону и ступили на деревянный тротуар, самый настоящий, из моего детства. Мы пацанами на таком играли весной, он быстрее вытаивал из-под снега, и, когда кругом ещё лежала грязь, доски уже успевали просохнуть и согреться, было хорошо даже просто ходить по ним.

Уже бодрее зашагал по мокрым доскам, не обращая внимания на торчащие кое-где гвозди, а впереди меня ждала речка Кая и мост через неё, кривоватый и шевелящийся под ногами. Но речушка замечательная, быстроструйная, метров пяти шириной, со стайками мальков на отмели. За речкой болотистая пойма ещё долго тянулась до сосняка, поднимающегося на холм и заполняющего весь горизонт. Мы иногда останавливались, отдыхали и говорили. Таня встала спозаранку, напекла блинов и пошла меня встречать, пока внучка спит.

Соснячок чудесный, высокий и светлый, а под ним склон холма порос земляникой, сейчас она только набирает цвет и радуется глаз. Воротина садового общества открыта, заходим в огороженное низенькой изгородью из редких столбиков с натянутой меж ними колючей проволокой в две нитки садоводчество. Мне неприятно видеть рядом с соснами колючку, но, думается, такая огорожа предусмотрена от домашней скотины, а не от людей. Слева, вдоль ограды идёт в подъём гравийная дорога, направо от неё – лучики улиц, вторая – наша, четвёртый дом справа – наш.

Домик невелик снаружи, но смотрится основательным, приятен глазам светлым тоном стен, обшитых вагонкой. Из живности у Татьяны лишь кошка Люська и троё её детишек в коробке из-под обуви. Котята недавно только открыли глаза и начинают осваивать окружающий мир. Застеклённая веранда, кухня с электропечкой, столом и кроватью у окна. Налево – большая комната, освещаемая двумя окнами во двор, – вот и весь дом Тани. Для одной – с избытком, для супружеской пары – в аккурат, а для детской семьи тесноват будет. Татьяна одинока, муж умер года три назад, не здесь, они тогда жили в Нижнеудинском районе, после его смерти Таня и переехала сюда, поближе к сыну

и дочери, проживающим в Иркутске. На квартиру в городе или Марково не хватило денег, но здесь ей нравится, особенно летом.

Внучка к нашему приходу уже проснулась, но лежала в постели с телефоном. Ей восемь лет, зовут Лера, она светленькая и быстроглазая, гостю рада – свежий человек, с бабушкой ей, видать, скучно. Мы позавтракали, Лера пошла в комнату играть с котятками, а я собрался поговорить с Татьяной, надо решить вопросы проживания и питания. Однако разговор закончился, едва начавшись, Таня решительно пресекла даже попытку заговорить о деньгах, заявив, что я её гость и не надо обижать хозяйку. Мне везёт на хороших людей, особенно в поездках по России, я уже к этому привык и воспринимаю такие отношения как норму, так было в счастливые времена Советского Союза, а вот сейчас это скорее исключение, но, опять же, простые люди в основе своей личностной остались добрыми и честными. Просто существующие в обществе товарно-денежные отношения вынуждают их поступать вопреки совести, и они постепенно меняются.

Часов в десять позвонил Байбородину, и мы договорились, что к тринадцати ноль-ноль я подъеду в Дом литераторов Иркутска. Анатолий объяснил, как добраться, имея ориентиром художественный музей, в котором я прежде бывал, а улица Степана Разина – рядышком.

На улице разненастилось серьёзно, и я мысленно похвалил себя за надетую под мою неразлучную спутницу, кожаную безрукавку, тёплую толстовку.

В пойме ветер, холодный и мокрый, сильными толчками то подгонял меня, то пытался остановить.

Настроение опять свалилось в хандру, всё потому, что путь до остановки автобуса по такой погоде показался долгим и скверным, а о том, что мне теперь почти каждый день предстояло спускаться по скользкой тропинке, задевая мокрые кусты и траву, полкилометра идти по пляшущему под ногами тротуару, подниматься крутовато и долго к шоссе, а там надо было дожидаться автобуса и почти час ехать до города и по нему, старался не думать, а если вспомнить, что вечером всё нужно будет проделать в обратном порядке. Нет, лучше думать о хорошем. И я с усилием переключился мыслями на скорую встречу. Я же еду к писателям Иркутска, очень хотел этого, и меня там ждут.

Помогло, душевная хмарь рассеялась, стало веселее.

Два года назад писательская организация Иркутской области находилась в областной библиотеке. Помню, как искал тогда её, в то время родное помещение, особняк XIX века, был на ремонте более трёх лет и только в этом году его возвратили писателям.

Стою у входной двери, курю от волнения, чувствую себя мальчуганом, которому предстоит встать перед суровыми взрослыми экзаменаторами. Открыл тяжёлую дверь и замер. Представлялся в воображении просторный холл, а передо мной, сразу от порога, вознеслась мраморная лестница во всю ширину пространства, наверх, на площадке, пусто. С робостью начинаю подниматься, медленно, пугаясь собственных шагов в тишине, затаившейся, возможно, ещё с позапрошлого века.

Вдруг наверху возникает круглое лицо, пытающееся быть суровым. И голос с поднебесья:

– Вы кто?

– Я Коняев Виктор Фёдорович из Кузбасса.

– А-а, проходите, только наденьте бахилы.

Лицо пропало из виду. Оглянулся, слева от входа – стул и нечто вроде двух корзин, в одной чистые синие суконные наобувники, а в другой, значит, использованные. Взял пару, напялил на туфли и уже бодрее поднимаюсь. Лицо, так внезапно возникшее наверху, принадлежит охраннику, уже поместившемуся за конторкой, и оно улыбается.

– Проходите. Вас ждут, – рукой показал мне направление.

Паркет, на потолках лепнина. Иду с душевным трепетом. Здесь ходили Вампилов с Распутиным, здесь воздух навечно пропитался духом творчества, духом созидания высокой литературы, а я-то кто в этом особом мире, достоин ли присутствовать здесь?

Мои сомнения оказались напрасны, меня встретили по-товарищески, председатель Союза писателей Иркутской области Юрий Иванович Баранов принял в своём солидном кабинете, говорили о литературных делах, жизни и политике. Стараниями Анатолия Байбородина был организован в каком-то кабинете небольшой стол с бутылкой сухого вина, чаем и лёгкими закусками. Скованность моя ушла, все были приветливы и дружелюбны, так что буквально через несколько минут я был со всеми на «ты», даже с суровым внешне Скифом, оказавшимся приятным и остроумным собеседником.

С часок посидели, но я понимал, что людям надо работать и мне пора откланяться, а очень не хотелось. Анатолий пошёл меня проводить, и мы зашли в Михайло-Архангельский храм, он совсем рядом, его ещё называют Харлампьевским. Благолепие необыкновенное. Меня ещё в прошлый приезд сюда поразили храмы Иркутска, сколь они многочисленны, восстановлены и почитаемы. Мне, жителю промышленного Новокузнецка, это непривычно. Скорее всего, дело в традиции, хотя Кузнецк даже старше Иркутска на три года. Когда вернусь домой, в начале июля, наш город будет отмечать 400-летний юбилей, но почти всю свою историю он был совершенно незначительным городком уездного мас-

штаба. И лишь в тридцатых годах XX столетия получил мощный толчок в развитии, когда советской державе стало жизненно важно построить металлургический комбинат в середине необъятной страны, дабы развивать Восточную Сибирь и Дальний Восток, а также чтобы иметь промышленный узел вдали от возможных атак неприятеля.

Главная история нашего города как крупного не только чисто промышленного, но и административного, да и культурного центра укладывается в советский период, где особого почитания религиозных святынь не было. Конечно, и в Новокузнецке строят новые храмы, восстанавливают старые, но масштабы не те и традиции такой укоренённой нет.

Иркутск-то почитай с XVIII века являл собой основной политический, военный, культурный и духовный центр России начиная от Урала и до самого Тихого океана.

И это замечательно, что его жители чтут традиции, ремонтируют, восстанавливают и содержат, дай Бог, чтобы это помогало им укрепить веру православную, не позволило ей выродиться во внешнее благолепие, в обрядовость без веры, в лицемерное фарисейство, а к этому есть мощное стремление в обществе, скреплённом властью денег. Деньги Бога не потеряют, они его изгонят.

Ещё накрапывало, но немного потеплело, когда я шёл к Художественному музею, чтобы там сесть на автобус до Марково. Вторая половина дня, народу побольше, уже студенты едут с занятий, у них учебный год ещё продолжается. К одной из них я и присел на свободное место. Куда же мне без общения, тем более со студенткой, да ещё и красивой? Аня действительно учится в институте, точнее, в этом году окончила и девятнадцатого у нее защита диплома. Человек занятой, но визитку взяла и обещала что-нибудь из публицистики прочесть. Едет до Лугового, тоже пригород Иркутска, чуть ближе Марково, там они с младшим братом, студентом второго курса университета, снимают двухкомнатную квартиру.

Родом Аня из Тайшета, там живут родители, отец работает шофёром, а мама в детском садике заведующей. Учить и содержать дочь в другом городе им, конечно, нелегко, особенно тяжело было в прошлом году, когда приходилось тянуться на двоих, сейчас будет полегче, Аня пойдёт работать, правда ещё не знает куда, а может, вернётся в Тайшет, хотя с работой там хуже. Белое удлинённое лицо повернуто ко мне, светлые глаза смотрят доверчиво, на ближнем плече каштановый хвост волос.

– А вы мне подарите свою книжку?

Вообще-то не в моих правилах сразу дарить книги, надо хоть немного узнать человека, оценить его читательский потенциал, поэтому я пообещал подарить, если она сначала что-нибудь прочтёт

в электронном варианте и заинтересуется, на том и договорились. Подъезжали к Луговому, Аня пошла к выходу, обещав позвонить в самое ближайшее время.

Когда я вышел в Марково, тучи уползли за горизонт и мир заиграл яркими красками. Весело шагал по удивительному тротуару, насланному прямо в болотистую почву, по гуляющему под весом человека мостику.

Вечером нас пригласили помыться в бане и пообщаться соседи и добрые товарищи Татьяны, Николай Иванович с Надеждой Михайловной. Здесь, как я понял, не обошлось без влияния Татьяны, она давно рассказала им, что к ней в гости приезжает писатель из Новокузнецка, естественно, им захотелось познакомиться со мной. Ну что ж, я не против, если люди хорошие, да и помыться с дороги не помешает.

У моей хозяйки бани нет, а есть лишь кран на улице, рядом лавка, куда можно сложить мыло, зубную щетку с пастой, полотенце и бритвенные принадлежности, вот так всё время моего гостевания я и брился: без зеркала, холодной водой.

Чтобы полноценно помыться, с парилкой, надо обзавестись веником, это хозяева по телефону посоветовали, а Татьяна подсказала, где его можно наломать.

Друзья Татьяны живут на нижней улице, идущей параллельно ограде, на ней всего несколько участков, их – последний, а дальше – колючее ограждение уходит вверх по склону. Веник я заготовил за калиткой, там в окружении сосен растёт несколько молоденьких берёзок, их я аккуратно и «пощипал», без ущерба для здоровья деревьев. Получился неплохой веничек, концы веток обмотал взятым из дома шпагатом.

Слева, сразу у ограды, – миниатюрный, но о двух этажах, домик, с фигурным балкончиком наверху, за домиком – грядки, аккуратно разделенные узкими резиновыми лентами. Выше их, в самом углу участка – баня, а напротив летняя кухня, переделанная из теплицы. Познакомились, и пока Татьяна ходила в баню, мы немного пообщались. Больше говорила Надежда Михайловна, видно, что она в доме хозяйка, дородная и неторопливая в движениях, она смотрелась солиднее щупловатого супруга. Жизнь помотала их по стране, десятка два лет они прожили в Магаданской области, потом оставили север и поехали на Украину, но почему-то не прижились там и, наконец, осели здесь, в Марково, в посёлке у них двухкомнатная квартира, ну и дачку приобрели для прокорма на земле.

Банька тоже, в силу размеров участка, невелика, но всё есть: помещение, где можно раздеться, а после помывки попить чайку, тут и столик с самоваром, и диван, помывочное отделение узкое, зато парная просторнее и натоплена хорошо.

Сидели на летней кухне, хозяйка угощала нас салатами собственного приготовления, по своим рецептам. Объединение, скажу я вам. Хозяин предлагал водочки за знакомство. Когда мы отказались, он достал из холодильника приличную ёмкость с разливным пивом.

Хозяева состоят в союзе пенсионеров Марково и очень хотели, чтобы я провёл у них встречу. Порешили, что после нашей поездки в Нижнеудинск я обязательно встречу с пенсионерами Марково.

Николаю Ивановичу – 73 года, в эти годы человек хмелеет быстро, а он всё рвался проводить нас до самого дома. В лесу вечер наступает скорее, соняк уж полнился предметом, когда вроде бы ещё светло, а окружающие предметы уже теряют чёткость очертаний, в домиках включали свет.

Лера играла в телефоне, а котятки ползали около неё на диване.

Татьяна постелила мне на кухне, и я, довольный рано по летнему времени, отбыл в сновидения, всё же день был весьма насыщен событиями, а они утомляют, когда их много. На свежем воздухе спится просто чудесно, а воздух здесь, в сосновом бору, для меня, жителя крупного города со множеством заводов, просто пьянящий, дрых аж до девяти утра.

В частном доме есть свои неудобства, такие как туалет и умывание на улице, однако летом эти неудобства минимальны и терпимы. После завтрака поехали отвозить Леру к её матери, а потом нам надо на автовокзал за билетами. Мой приезд в Иркутск связан не только с писательскими делами, была у меня давняя задумка побывать в Тофаларии, долине за хребтом Саян, где живут тофы, малый народ, родственник нашим шорцам и хакасам.

Раньше я о них и не слышал, и не предполагал, что сильно захочу с ними познакомиться. Это Таня, неугомонная женщина, она все два года нашего знакомства постоянно говорила мне о необычайной красоте природы Тофаларии, о замечательных людях и предлагала слетать туда. Нашёл в Интернете видеофильмы о Тофаларии и влюбился в неё.

Татьяна немало лет работала заведующей детсадом в Нижнеудинском районе, к которому административно принадлежат поселения тофов, она перед моим приездом провела подготовительную работу, созванивалась с разными людьми из района, узнавала, как туда добраться, сколько стоит перелёт, а попасть в Саяны можно только вертолётном, как часто они летают. Перелёт стоит 1 700 рублей, а рейсы три раза в неделю. Сегодня утром, пока я спал, она смогла дозвониться до завуча школы в посёлке Алыгджер, в Тофаларии. Оказывается, можно позвонить с мобильного телефона на стационарный прямо в школу.

Пока добирались до отдалённого района города, где живёт дочь Тани, пока ехали обратно, в центр,

времени ушло много, на автовокзал прибыли за полдень.

Автовокзал совсем рядом с центральным рынком, здесь я бывал, и всегда меня поражало несоответствие малых размеров вокзала для автобусов крупному областному центру. Поразмыслив, нашёл, мне кажется, объяснение. Большую часть автотранспорта по области власти отдали в частные руки, а бизнесмены отправные пункты маршрутов располагают в удобных для них местах и обходятся без административных зданий, ну а для небольшой части муниципальных автобусов достаточно того, что есть.

На автовокзале посмотрел карту области, меня интересовал Усть-Кут и способ туда доехать. Далеко, на самом севере город, добираться до него аж целых 16 часов на автобусе. Была у меня мысль съездить туда, к своим давним читательницам, с которыми поддерживаю отношения только по телефону, но нет, временем для длительной поездки в столь отдалённое место не располагаю, да и стоит лишь представить многочасовое сидение в одном положении, как всякая охота пропадает. Купили билеты на завтра на одиннадцать часов дня. Тоже ехать девять часов, немало. Столько часов перемигаться на автобусе непрерывно мне ещё не приходилось. Довелось один раз съездить в Барнаул в санаторий в начале зимы на китайском автобусе, поездка длилась шесть часов и ночью, воспоминания не самые лучшие.

Но сейчас-то лето, как-нибудь доедем. В Марково купили две пары бутылей с питьевой водой, оказывается, водопроводная вода в садовом обществе неважного качества, после отстаивания даёт мутный осадок, поэтому Таня для приготовления пищи и питья использует бутилированную.

Ближе к вечеру нас снова пригласила чета друзей Татьяны. Мне было неудобно злоупотреблять гостеприимством пожилых людей, но они настаивали. Сидели опять на летней кухне, оставив входную дверь открытой, душновато в небольшом помещении, на улице-то жара. Николай Иванович показывал фотографии со спортивных мероприятий, которые проводил союз пенсионеров и в которых он участвовал.

Были разговоры о политике, религии, мне кажется, ему хотелось уяснить моё мировоззрение, я его в общих чертах объяснил, а вот жизненную позицию самого Николая Ивановича понять было сложно. Мы с ним потом толковали наедине, спорили чуть не до ссоры, и я позже для себя контурно составил мнение о его личности.

Он много лет жил и работал для материального благополучия своей семьи и себя, зарабатывал деньги и особо не размышлял, книг читал мало, то есть жил в чисто материалистическом сегменте бытия.

Позже, уже на пенсии, начал задумываться, пытался понять произошедшие в стране события, но знаний не хватало, пошёл в церковь, но и в православие глубоко не вникал, принял лишь внешнюю сторону религии. В конце концов в голове у него образовался винегрет, однако он убедил себя, что абсолютно прав во всём, в силу неподготовленности ума к размышлениям окостенел в своём заблуждении.

Хозяева ещё раз просили меня выступить у них в союзе пенсионеров. Договорились на одиннадцатое число.

Перед сном возникла некоторая неловкость, проистекающая из отношения полов. Мы хотя и не молоды, но эта сторона человеческих отношений довлеет над нами всю земную жизнь. Сегодня мы вдвоём в доме, и, видимо, Таня думала о том, как я себя поведу в данной ситуации, ведь знакомство наше в основном телефонное, мы друг друга очень мало знаем, и кто поручится за мой моральный облик.

Таня оказалась женщиной мудрой, она как-то незаметно перевела наш обычный разговор, а мы сидели в комнате, она на диване, а я рядом на стуле, на тему дружбы между мужчиной и женщиной и выразила уверенность, что наша дружба будет искренней и долгой. Молодец, всё было сказано тактично и в то же время ясно. Хотя я никаких помыслов в этом направлении не имел, неловкость совсем исчезла, а наши отношения стали и в самом деле искренними и дружескими.

ОЖИВШИЕ ЗЕМЛИ

На автовокзале незадолго до отправления автобуса мы купили здесь же по пирожку с капустой на пробу, они оказались свежие и вкусные, закупили побольше – путь-то дальний.

Автобус огромный и вроде бы комфортный, даже есть на спинках кресел розетки для зарядки телефонов. А вот расстояние между рядами кресел маловато, ноги толком не вытянуть, неудобство существенное.

Хотя мы ехали на северо-запад, всё равно это юг области, обжитый, довольно густо заселённый, расположенный по трассе Транссиба, мелькали привычные для Сибири пейзажи, и я немного вздремнул, укачанный плавным ходом автобуса. Проснулся, когда въезжали в Ангарск, ближайший город на этом направлении, а дальше было не до сна, больно уж картины открывались привлекательные. Местность здесь в основном ровная и безлесая, по сторонам дороги лежали поля. Я человек любознательный и в своих поездках головой верчу, чтобы не упустить что-нибудь интересное. Пожалуй, впервые моё сердце возликовало – все поля вдоль дороги и, на сколько видели глаза, вспаханы и засеяны, кое-где уже и зелень взошла!

Слышал добрые слова иркутян о главе администрации области Левченко, читал его интервью в газете «Завтра», но то слова, а тут воочию увидел результаты работы команды коммунистов на Иркутской земле. Позже, уже в Иркутске, когда я рассказывал о засеянных полях, разные выслушивал мнения. Говорили, что это китайцы всё захватили, что олигархи скупили все земли и неизвестно, какую гадость выращивают. Ещё много разного высказывали, но я не верю брехне. Думаю, без реальной и серьёзной помощи областной власти было бы невозможно это сделать никаким фермерам. Я же до самого Нижнеудинска видел обработанные поля, а Татьяна, которая в прошлом году здесь проезжала и видела эти поля в бурьяне, была просто поражена переменами.

АГРАРНЫЕ СТРАДАНИЯ

С какой же болью я вспомнил многострадальное поле около моего родного района в Новокузнецке, огромное, вдоль него автобус, следующий в центр города, едет минут пятнадцать, а в ширину оно уходит за линию горизонта, к берегу Томи.

В прошлом году хозяева или арендаторы, не знаю точно, посеяли на нём гречиху. Урожай созрел хороший, поле радовало глаз коричневатой густеющей спелостью колосьев. Но наступил август, и шёл, и длился, а поле стояло необраным. Сначала я подумал, что дожди мешают, но они перестали, а поле всё ждало комбайнов и людей.

В один из выходных я поехал на автобусе в центр по делам, выехали из района, и я увидел скошенную гречиху, она лежала валками, обрадовался, значит, скоро уберут и вывезут. Не убрали, ушла гречка под снег. В этом году, когда я уезжал на восток, на поле только-только появились всходы. Но оно не было вспахано, не было засеяно, знать, вырастет на нём та гречиха, скошенная, но уже наполовину с сорняками. И вот сейчас, когда пишу, а это самый конец августа, оно стоит, бедное, гуще прежнего заросшее гречихой, но уже с сорняками. Горько смотреть, как ветерок гонит волну по никому не нужному полюшку, пригибая высокую серо-зелёную стену, а она упрямо встаёт.

Наша областная власть даёт дотации землепользователям! Может, и тому, кто на этом поле работает, тоже помогали? Чтобы он урожай полезнейшего злака сгноил под снегом?

Я понимаю, не всё в порядке в российском сельском хозяйстве, но неужели до того всё скверно, что выгоднее оставить тысячи тонн зерна необранными, чем тратить на уборку тонны горючего и человеческого труд? Это что же за экономика у нас до сих пор такая, в которой тонна солянки и бензина стоит в несколько раз дороже тонны молока?

Заканчивал материал позднее, в октябре, уже и снежком поле присыпало, теперь уж точно уйдёт

опять всё под снег, на корм мышам, пусть хоть они досыта поедят гречки, раз людям она не нужна.

НА ПУТИ В ТОФАЛАРИЮ

Но это ещё не всё, что удивило меня в дороге. За девять часов езды нам едва ли не четверть времени пришлось ехать по гравийке на объездах. В стороне мы видели большое дорожное строительство, в нескольких местах стояли настоящие асфальтовые заводы, передвижные, компактные, в окружении целых гор песка, щебня и других материалов.

Проехали Черемхово, Зиму, города, знакомые мне по истории Гражданской войны. Погода стояла хорошая, солнышко грело, облака набегали, но обошлось без дождя. На закате въехали в тайгу, густохвойную, непродённую, как борода мужичка-лесовичка. Неширокая дорога казалась узеньким прорубом в чащобе, готовой сомкнуться за ближайшим поворотом. Но тайга скоро кончилась, мы подъезжали к Нижнеудинску, а слева вдаль поднимались над горизонтом страшноватые даже на вид отроги Саян, где-то там, за ними – Тофалария, куда мы стремимся попасть.

Татьяна на подъезде к городу с кем-то созванивалась, и, как я понял из разговора, нас должны были встретить и определить на ночлег.

Вышли на окраине, узкая дорога уходила с уклоном к городу, вдаль видны строения, а здесь железный навес остановки, за ним – длинный забор из покрашенных досок, через дорогу – магазин. Пусто, прохожих нет, одно солнышко с нами, но не всё, край его над горизонтом. Стоим, ждём.

Таня сказала, что за нами придут через десять минут, смотрю на часы, курю. На той стороне зданий нет, значит, человек придёт или со стороны забора или с другой, из-за поворота, около которого двухэтажное здание. Как раз оттуда вышли две девчушки, подошли, перешли дорогу, потолкались около магазина и удалились туда, откуда пришли. Стоим, всматриваемся в редких прохожих, солнце скрылось, скоро будет темнеть, возникает беспокойство. Минут через двадцать по моему настоянию Таня звонит, и выясняется, что те две девчужечки, ходившие туда-сюда, как раз и были посланы за нами, но не узнали, а спросить постеснялись.

Теперь нам по подсказке собеседницы Татьяны надо самим добираться. Идём к повороту, сворачиваем и, пройдя совсем немного, справа видим высокий забор из досок, поставленных стоймя, а внутри огороженного пространства возвышается деревянный трёхэтажный корпус школы-интерната № 5. На вахте пожилая утомлённая женщина подсказала, куда нам идти. Длинный коридор ветшающего здания со скрипучим облезлым полом, потом по крытой галерее проходим в другой корпус, и здесь на втором этаже у двери одной из

комнат нас встретила Елена Владимировна, Лена, та, с кем Татьяна разговаривала по телефону. Не-высокая, плотно сбитая, с короткой стрижкой чёрно-смоляных волос, несмотря на полноту, очень подвижная. Елена на самом деле заместитель директора по воспитательной работе средней школы в посёлке Алыгджер из Тофаларии, в Нижнеудинск она прилетела с учениками девярых и одиннадцатых классов для сдачи ЕГЭ, и как раз завтра часть ребят и она улетают домой.

Нормально поговорить не дают ученики, её постоянно отвлекают и куда-то зовут. Лена провела нас в комнату, здесь две кровати, а в углу при входе свалены рюкзаки и сумки, предложила отдохнуть. Она, как только освободится, определит нас на ночлег.

Когда она вернулась, мы пошли пить чай с печеньем в комнату отдыха, это в другом конце длинно-сквознякового коридора. Сидели втроём, пили чай, ели конфеты, которые приносят родственники учеников, конфет много и печенье есть, маленько перекусили, мы же ничего не успели купить съестного, как приехали. Рассказывали о себе, а Елена – об учениках и своей школе, иногда заходили ребята и девушки, вроде бы к Елене, но с любопытством смотрели на гостей, кое-кто присаживался на единственный диван. И вдруг у меня возникла мысль собрать их всех вместе и поговорить. Елена сразу загорелась идеей и поручила двум девочкам позвать учеников.

Всё получилось великолепно.

Мы с Еленой и Татьяной сидели на стульях у стола в правом углу большой комнаты, ребята расположились кто на диване, кто-то на принесённых стульях, а некоторые стояли.

Конечно, ученики поначалу стеснялись, они же впервые видели писателя, и для них, юных жителей глухих деревушек за горным хребтом, редко бывавших даже в Нижнеудинске, это было событием, но я старался вести себя попроще, вспоминал свои школьные годы, и ребята раскрепостились, даже задавали вопросы. Часа полтора беседовали, пока Елена не отправила молодёжь спать, им завтра рано вставать. Мы ещё посидели, с нами остался Паша, помощник Елены, молодой педагог, только что окончивший институт, интересный парень. Он задавал мне во время встречи весьма непростые вопросы. Выглядит Паша очень молодо, и я принимал его вначале за ученика одиннадцатого класса. И вдруг в разговоре выясняется одно очень неприятное обстоятельство. Оказывается, если мы завтра, восьмого числа, улетим в Алыгджер, то вернуться сможем лишь тринадцатого, в выходные и предстоящий праздник, День России, вертолёт не летает, а с учётом не совсем утешительного прогноза погоды на следующую неделю

весьма вероятно возможность застрять в Тофаларии надолго. Это удар для меня. Если встречу в Союзе пенсионеров можно перенести, позвонить и предупредить, то представление второго номера журнала «Сибирь», на котором мне нужно быть непременно, не отложишь. Я посоветовался с Татьяной, она считает, что нужно отказаться от полёта. Мы объяснили Елене, почему меняем своё решение. Она расстроена моим отказом, уговаривает, обещает, что я не буду скучать, если рейс отложат даже на две недели, меня свозят на рыбалку, сводят на охоту. Я понимаю, что буду горчайше сожалеть впоследствии об упущенной возможности познакомиться с Тофаларией, но вынужден так поступить, в данном случае мне важнее дела литературные.

Таня будет ночевать в комнате Елены, а меня определили в комнату с Пашей и одним учеником, выдали чистый комплект белья. Туалет общий на первом этаже с одним исправным унитазом из четырёх, там я, украдкой и стыдясь, покурив в форточку, интернат на ночь закрыли и выйти на улицу нет возможности, а проклятая привычка обладает большой властью надо мной.

Молодой учитель и ученик, мои соседи по комнате, пожелали спокойной ночи, а сами ушли якобы в гости, а потом, когда ещё я не спал, по очереди тихо зашли и забрали свои подушки и одеяла. Ученик погасил свет.

Как же давно я не ночевал в общежитии! С самой юности, со студенческих лет! И был бы сон мой сладок, как в те счастливые времена, если бы не горечь сожаления о невозможности полететь за горный хребет.

Утром нас вместе с учениками накормили завтраком в столовой на первом этаже. Каша перловая, горячая ещё, штука питательная, а кусочек хлеба с маслом к чаю завершили насыщение. Это всё Елена, она позаботилась о нас.

Мы поехали вместе с учениками и Еленой на такси до аэропорта, хотелось проводить ребятишек, пожелать доброго пути.

Однако назвать аэропортом то, что увидели, разум с непривычки отказывался, а бревенчатая изба с трудом ассоциировался с аэровокзалом. За двумя могучими лиственницами начиналась сетчатая ограда, через неё можно было видеть один-единственный белый с синей полосой вертолёт. Поле, правда, большое. За вертолётной площадкой угадывалась взлётная дорожка, но не бетонная, а грунтовая, а слева, почти за углом деревянных построек, стоял самолёт, небольшой, тоже белый, чистенький, но вид у него какой-то неживой, скорее всего, в небо он не взлетает. Был когда-то приличный аэродром, об этом свидетельствуют два самолёта на постаментах при входе на территорию, да весь вышел.

Процедура покупки билетов весьма длительная, маленький залец забит желающими улететь, в основном тофами. Оказывается, потом ещё будет взвешивание багажа, в общем, ребятам с Еленой придётся до посадки провести здесь не один час. А над Саянами облака, здесь белые и пушистые, темнеют, собираются в зловещие сгустки ненастья, так что неизвестно ещё, состоится ли рейс. Но на вертолёте появился пилот или механик, он открывает какие-то люки, что-то делает, значит, есть надежда. Но нам с Таней пора, мы собрали учеников под красавицей лиственницей и сфотографировались с ними. Я обещал им предположительно через год приехать и подарил по книге в каждую из трёх школ Тофаларии. Печально расставаться, едва познакомившись, и досада точит сердце, что не увижу верховья реки Уды, там кристально чистой, не вдохну до звона прозрачного воздуха, не побеседую с людьми, чьи души ещё не успела тронуть гнилью тлетворная мораль потребления. Хотя попытки к хищническому освоению богатств Тофаларии уже предпринимаются, а значит, и к растлению местного населения.

Мне успели рассказать, что в отдалённом уголке их края, в самом верховье Уды побывали московские «гости», и там полузаконно, а может, вообще незаконно начинают втихую разрабатывать богатейшее месторождение золота, в котором очень высок процент драгоценного металла.

НЕСГИБАЕМЫЕ ЛЮДИ

На автобусе мы добрались до центра Нижнеудинска, проехали по мосту через Уду. Небольшой, малозэтажный, явно ветшающий, что неудивительно, если принять во внимание факт утраты им статуса город, сейчас это просто муниципальное поселение. Но мне Нижнеудинск понравился, уютный он, неспешный. Время подошло к обеду, и Татьяна повела меня в знакомое ей кафе, там мы недорого пообедали, приготовлено всё домашнему вкусу.

Я спросил, куда мы дальше двинемся. Таня лукаво улыбнулась: «Я сделаю тебе сюрприз». Мы шли довольно долго, петляли между пятиэтажками, похоже, моя проводница заблудилась, но вот подошли к торцу очередного дома около пустыря. Крылечко, обшарпанная дверь, входим. Узкий коридорчик.

– Таня, ты куда меня привела?

– А ты разве на двери табличку не видел?

– Нет.

– Ты же поддерживаешь коммунистов, вот мы и пришли в городской комитет КПРФ.

Она открыла дверь, в маленьком кабинете за столом сидела очень немолодая женщина с тёмным лицом и в очках. Так я познакомился с Олимпиадой Ефимовой. Она из породы несгибаемых коммуни-

стов, не способных продать свои идеалы даже под страхом смерти.

В молодости получила образование в Иркутском педагогическом институте, позднее окончила ещё и госуниверситет по специальности «Экономическая география». Много лет учительствовала в младших классах, заведовала районо, 12 лет была первым секретарем Нижнеудинского городского комитета КПРФ. Она и сейчас в строю – секретарь КПРФ по организационной работе.

Олимпиада Ефимовна узнала Таню, хотя лет прошло немало с их последней встречи, улыбка здорово молодила её лицо, рада знакомству и со мной.

Вначале разговор втроем шёл как-то вяло, наверное, им надо было сначала наговориться вдвоём, повспоминать прошлое. Очень кстати Татьяна подсказала мне, что, если пройти по коридору, можно попасть в городскую библиотеку. Ну а как же не попасть, это же для меня важно, и я пошёл. В конце коридора – дверь, за ней помещение со стеллажами, их много и все заполнены книгами, неплохо для города, ставшего поселением. Библиотекарь, молоденькая девушка с косой, удивлённо смотрела на меня, зашедшего с тыльной стороны, но подсказала, как пройти к заведующей. Часа полтора мы проговорили с Татьяной, женщиной интересной и как представительница прекрасного пола, и как человек думающий, да и книголюбка она серьёзная. Я даже сбегал в кабинет к Олимпиаде Ефимовне за книгами, ещё бы сидел, но заходили люди, понимал, что отнимаю время, с сожалением попрощался.

Вернулся в КПРФ, Татьяны нет, побежала кого-то повидать, бывает-то в городе редко, надо пользоваться возможностью.

Олимпиада Ефимовна угощала меня чаем и печеньем, расспрашивала о моём творчестве, книгу для партийной организации я подарил. Потом я её спрашивал. Она много раз бывала во всех трёх деревнях Тофаларии, кстати, между ними тоже только воздушное сообщение, дорог там практически нет. Летала Олимпиада Ефимовна туда сначала по учительским делам, в последние годы – по партийным. Зубы у меня непроизвольно сжимались от гнева, когда старая мудрая женщина рассказывала мне, как районные чиновники и коммерсанты возили туда на вертолёте водку и спирт флягами, меняли на рыбу и икру ценных пород, мясо кабарги и изюбря и вывозили в этих же флягах. Длилось это годами, в результате тофы, охотники и рыбаки, превращались в алкоголиков, распадались семьи, и рушился традиционный уклад жизни малого народа. Сейчас там практически не осталось охотников-профессионалов и традиционного ничего уже нет, так, показуху устраивают для приезжих гостей, по-

танцуют, попляшут перед камерами в национальных одеждах.

Пришла моя спутница, тепло распрощались с Олимпиадой Ефимовной, хотя она сказала, что, возможно, мы ещё сегодня встретимся, она позвонит.

На такси добрались до окраины города, автобус в этот район ходит один раз в час, и он перед нами ушёл. Здесь живёт сватья, сын Тани был женат на дочери Галины, но брак их детей давно распался, однако они поддерживают добрые отношения. Дело-то в том, что завтра Татьяна будет встречать приезжающих из отдалённого посёлка двух своих внуков, детей второго сына, умершего несколько лет назад. Снохе с двумя мальчишками живётся нелегко, и бабушка берёт их летом к себе месяца на полтора-два. У Тани отпуск большой, она воспитатель в детском саду, будет отдыхать чуть не всё лето, так что у мальчишек времени достаточно, чтобы надоесть.

Дом в проулке, заросшем травой, смотрелся вполне по-деревенски – отгороженный дощатым заборчиком огород, крытое крылечко половинки двухквартирного дома, слева, за гниловатым штакетником – двор со стайкой и баней, а около стайки будка, рядом с ней стоит и яростно меня облаивает красивый статный пёс по кличке, как потом узнал, Джек.

Сватья Галя, по словам Тани, сильно болеет в последнее время, что-то в женской природе у неё разладилось, через неделю ей необходимо ехать в Иркутск на операцию, но бодрится, принялась хлопотать, готовить угощение. Татьяна помогла ей, перекусили, отдохнули пару часов и снова двинулись в путь. В торговом центре должно пройти интересное мероприятие, этнографический музей Тофаларии организовал выставку предметов народных промыслов, одежды и быта тофов, а также будет показано кое-что из народного творчества.

Татьяну пригласил кто-то из здешних знакомых, а уж она меня уговорила. Хотя особого желания не было, я же понимаю, что это всё постановочное действие, рассчитанное на развлечение невзыскательного покупателя, к тому же владельцам центра от этого прямая выгода – реклама собственного заведения. Пошёл из уважения к работникам музея, думаю, они искренне желают хотя бы таким способом познакомить людей с культурой древнего народа.

Сначала шли пешком по обочине дороги, потому как опять опоздали на автобус. Таня шибко долго собиралась – беда с этими дамами, желание выглядеть красивой, даже в противоположной от юности поре, часто подводит их.

Прошли мимо нефтебазы, пыльная пустая дорога, предвечерняя жара – всё это не прибавля-

ло оптимизма. Нас подхватил частник, армянин на советской «шестёрке» за столытник согласился подвезти. Армяне – общительные мужики, мы, хоть и коротенько, но успели пообщаться. Из разговоров с армянами, конечно, не коммерсантами, а простыми работягами, можно понять, что все они любят Советский Союз и сожалеют о его безвременной кончине.

Представление должно было начаться на входной площадке и на лестнице центра, народ потихоньку собирался. Здесь же находились и самодеятельные артисты, но почему-то большинство в русских национальных костюмах.

К нам подошёл высокий, худой, черноволосый парень, в очках и с микрофоном. Спросил, кто мы и как относимся к предстоящему мероприятию. А Татьяна возьми да и скажи ему, что я писатель из Кузбасса. Пришлось давать интервью городскому телевидению, позже ещё и корреспондент одной из местных газет, симпатичная черноволосая сударыня, возжелала кое о чём расспросить заезжего литератора.

Артисты исполняли русские народные песни без аккомпанемента, а в конце выступления жгучая смуглянка спела что-то печально-трогательное на языке тофов.

Затем всех пригласили пройти в здание, в холле на столах разместили предметы быта, утварь, охотничьи принадлежности, одежду и культовые изделия. Пришла Олимпиада Ефимовна, познакомила меня с директором музея и ещё с некоторыми достойными людьми. Всем было интересно меня послушать, много фотографировали.

При расставании Олимпиада Ефимовна очень просила завтра перед отъездом позвонить ей, она хотела проводить нас, мы обещали.

Купил здесь же, в торговом центре, разливное пиво и рыбу. Подумал, что надо как-то отблагодарить Галю, нашу хозяйку. Вечером втроем сидели, женщины больше говорили между собой, я слушал, наблюдал и думал.

Как иной раз интересно пересекаются человеческие жизни. Мог ли я всего месяц назад предполагать, что совсем скоро буду сидеть на кухне частного дома на полудеревенской окраине милого города Нижнеудинска и слушать беседу двух немолодых женщин, разговоры о прожитых годах, детях, болезнях и жизненных невзгодах. А вот сижу, слушаю, и в сердце у меня благодать, оттого, наверное, что сопереживание, сопричастность к судьбе этих ставших мне родными людей разрушает коросту себялюбия, в которую закованы наши души, и моя в том числе, и становишься способным полюбить ближнего, как самого себя.

Из разговора я кое-что понял о Галине. Трудяга она, это даже видно по её хозяйству. Она, серьёз-

но больная и глубоко немолодая, ей уже семьдесят, одна лопатой вскопала весь огород, соток, пожалуй, шесть, если считать с участком под картошку, всё посадила, в доме убрано, чистенько. И не то чтобы ей много надо, просто привычка многолетняя. То, что уродится на земле, отдаёт в основном дочерям, которые не очень-то и помогают больной матери, заняты, жизнь-то вон какая жёсткая, только успевай крутиться да деньги зарабатывать.

Пришла эсэмэска от Ани, она спрашивала, когда я приеду. Позвонил, обещал встретиться, как только вернусь в Иркутск.

Джек – пёс умный. По молодому задору полаяв, уходил в будку, не препятствуя мне пройти. А потом, как только я возвращался за хилый штaketник, выскакивал и весело скалил в лае молодые серьёзные клыки.

Постелили мне в большой комнате на диване, хорошо выспался. В этот день я никуда не выходил, А Таня ездила на встречу со старинной приятельницей. Мы с Галей готовили обед, и я слушал рассказ о её жизни. С Джеком к обеду мы уже всю приятельствовали. Стоило мне появиться на крыльце с сигаретой, он тотчас же выскакивал из будки и радостно крутил кренделеобразным хвостом.

Под вечер Таня поехала на железнодорожный вокзал встречать внуков, и вскоре я с ними познакомился. Вадиму – около пятнадцати, но ростом он уже почти с меня, угловатый, с настороженным взглядом в тёмных глазах. Андрюшке – десять, застенчивый и неразговорчивый, видимо, из-за не очень разборчивой речи. Приняли они меня вначале неласково, да их и понять можно. Неожиданная перспектива прожить сколько-то дней в небольшом доме с чужим пожилым мужиком их не обрадовала. К тому же они не до конца понимали, кем я довожусь их бабушке.

Думаю, здесь сыграла свою роль обычная неразмышляющая детская ревность. Но ничего, надеюсь, всё устроится и мы найдём понимание.

Сборы, прощание с Галей и Джеком, в десять часов вечера тот же таксист, армянин, встретил нас с золотозубой улыбкой и повёз на автовокзал. Олимпиаду Ефимовну мы ждали до последнего. Подумали, она по старческой беспамятности просто забыла, а может, устала сильно, не до проводов ей. Но когда Таня уже на ходу позвонила, то выяснилось, что она просто не успела доехать до автовокзала, стоит на остановке, а местный автобус так и не пришёл. Попрощались с ней устно, поехали.

Автобус – отечественный, без всяких наворотов, зато сидения пошире, а то я опасался, что опять буду прижат к окну нехудошавой спутницей. В автобусе ночью нам всем спалось неважно, пацаны и те дремали вполглаза, выходили на остановках, покупали беляши и газировку.

В Иркутск приехали в шесть утра. На улице прохладно, зашли гурьбой в кафе напротив автовокзала, оно работает круглосуточно. Позавтракали, а потом я курил с кофе на той самой лавочке, где делал это в предыдущий приезд, когда отправлялся на Ольхон и приезжал с него.

Дождаться рейсового автобуса было долго, мальчишки клевали носами, и мы вызвали такси. В Марково загрузились продуктами и водой.

СТРАННАЯ АНЯ

С Аней мы встретились днём в парке имени Кирова. Бывал я там раньше, красивое место, много цветов и зелени. Часа два с лишком просидели на лавочке. Место выбрали в тени деревьев, солнышко изрядно припекало, но наш выбор оказался удачным и когда из налетевшей невесты откуда тучки коротко сыпануло мелкими каплями дождя. Всё вроде было замечательно, она слушала меня с неподдельным интересом и о себе рассказывала, кажется, откровенно, но ощущение странности этой встречи присутствовало во мне. Хотя, возможно, сейчас, анализируя прошедшее и зная, что было потом, я задним числом считаю встречу странной.

Сидели, значит, говорили, девица она весьма привлекательная, а мы, мужики, даже и в годах, казалось бы, не располагающих к волокитству, иногда встрепёнываемся, как отбракованный строевой конь при звуках боевой трубы. Я говорил ей комплименты, которые должны звучать для молодой женщины волшебной музыкой. Она улыбалась во весь свой молодой рот. И тут у меня непроизвольно вырвалось: «Эх, будь я лет на ...дцать помоложе...» Недосказал, хотя дальше прозвучало бы примерно следующее: «Я б за тобой поухаживал». Однако у Ани в глазах чёрная тень мгновенно накрыла смешливость, мгновенно и ненадолго, но я увидел и продолжение фразы сглотнул.

Дальше опять было всё нормально, я подарил Ане вместо одной книги три. Одну лично ей, одну в Тайшет в библиотеку и одну в город Шелехов, там у нее тётя живёт.

Пора было расставаться, ей надо заниматься. Мы перешли через дорогу, в павильоне я купил себе кофе, а ей взял мороженое.

Договорились на днях встретиться. Она конкретно день не называла, но до девятнадцатого, до дня защиты диплома. Я приглашал её на представление журнала «Сибирь», вроде она не против, точнее скажет позже. С тех пор я её больше не видел. Звонил, звонки обрывались, на мою эсэмэску ответила, мол, занята подготовкой, просила извинить, а потом ни ответа ни привета.

До сего времени не могу понять, почему она так поступила. У ней что, единственной целью встречи было желание получить книги? Не такой уж я из-

вестный писатель, чтобы стремиться заиметь их. А вдруг я своей неуклюжей фразой всё испортил? Может быть, в её короткой жизни уже имел место негативный опыт общения с мужчинами, однако в сказанном мною не подразумевалось ничего плохого. Не знаю и теперь уже никогда не узнаю, потому что после очередного звонка, позже девятнадцатого, удалил её номер из телефона.

Тогда Аня уехала, а мне спешить было некуда, и я отправился пешком к Центральному рынку. Там раньше обычно перекусывал беляшом или чебуреком и запивал Колчаковским (хорошо хоть пока не Семёновским или Врангелевским) квасом.

Я уже писал в предыдущем очерке об этом агенте британской разведки, так что повторять не буду, хочу лишь заметить, что было у меня желание посетить Знаменский монастырь, но стоило вспомнить о памятнике «верховному правителю» прямо напротив ворот обители, как желание пропало – осквернили святое место.

Между Центральным рынком и стоящей напротив огромной бетонно-стеклянной коробкой торгового центра – небольшое пространство, занятое преимущественно рядами продающих зелень, овощи, фрукты, орехи.

Мне ещё раньше понравилось одно местечко, здесь торговый центр образует выступ, и рядом – небольшой свободный пятачок, вот тут я обычно съедал беляш, одновременно наблюдая за снующими туда-сюда людьми. Потом курил, как раз поблизости стояла большая урна с пепельницей сверху, за спиной находится общественной платный туалет. После перекура шёл пить квас и затем двигался по обдуманному за время перекуса маршруту.

Вот и теперь взял беляш, пересёк торговые ряды и вдруг увидел этого человека. Он сидел на второй снизу ступеньке небольшой лестницы, ведущей в самый угол выступа, где над красивой пластиковой дверью белыми буквами было написано: «Связной».

На нём – тёплая куртка с капюшоном, под ней – коричневый свитер, тёмные брюки, на ногах – зимние ботинки, незашнурованные, с откинутыми в сторону язычками с меховой подкладкой изнутри. На вид мужику лет тридцать, может, чуть больше, худое, длинное, очень смуглое лицо, чёрные, по виду жёсткие волосы на узкой голове, постоянно находящейся в движении. Он откусывал от булки, зажатой между высоко поднятыми тонкими ногами, потом, жуя, двигал безостановочно головой в разных направлениях, нигде не задерживался надолго. Чуть в стороне от него стояли две молодые женщины, одна – в светлом платье в горошек, другая – в оранжевой майке и джинсах. Они о чём-то весело болтали, иногда со смехом, не обращая на человека в зимней куртке ни малейшего внимания.

Меня он заинтересовал, и я постоял, пытаюсь увидеть его глаза. Дождь. Он скользнул по мне мимолётным взглядом, но и этого хватило – в нём жила отрешённость от нашего мира, то, что обычно называют безумием.

Я отошёл ближе к урне, жевал свой перекус и иногда поглядывал в его сторону, хотя с моей позиции сидельца частично скрывал куст акации. Потом в своих пеших прогулках по городу я всегда заходил на рынок и обязательно подходил к безумцу. Он стал мне добрым знакомым, с которым я непосредственно не общался, но, увидев его, про себя непременно говорил: «Ну здравствуй, приятель». Он всегда сидел на одной и той же ступеньке, всегда в одной позе и в одной и той же одежде. Он не побирался, а просто сидел, вертел подрагивающей головой и думал о чём-то своём, мне недоступном.

Однажды его не оказалось на месте, и меня это ощутимо расстроило. Его не было и в следующий раз, и опять кольнуло в сердце. А когда в третий раз я увидел его на обычном месте, стало радостно, словно встретил товарища, которого потерял, переживал за него и наконец-то увидел снова.

СОЮЗ ПЕНСИОНЕРОВ

Сегодня я второй раз еду в Дом литераторов, Анатолий позвонил и пригласил. Скверик через дорогу от особняка уже становится местом моего сосредоточивания перед тем, как открыть дверь.

Я пока не привык к внешнему виду Байбородина, поскольку лично раньше мы не встречались. Видел я лишь его фото, там он с густой бородой, оттого и вид у него достаточно свирепый. А при встрече он оказался без бороды, в щетине, сейчас это модно, но всё равно вид другой, помягче малость, он невысокий, но коренастый, неторопливый в движениях.

Юрий Иванович Баранов выдал мне четыре журнала, по два мне и Раевскому, я за эти журналы даже в какой-то ведомости расписался. Потихоньку привыкаю к новым людям, да и отчего же не привыкнуть, если встречают меня очень доброжелательно. Байбородин провожал меня до самого Центрального рынка, а там мы зашли в кафетерий и под кофе вели беседу.

Мне с ним интересно разговаривать, надеюсь, что и ему тоже, но некоторые моменты в его речах смущают. Дорогой сюда он указывал мне улицы, названные в честь деятелей революции и мирового коммунистического движения. Вспоминал прежние названия, причём о деятелях отзывался крайне отрицательно, а о тех, в чью честь улицы были раньше названы, – с восторгом. Для меня такая позиция не во всём приемлема, надо же рассуждать и не хаять всех огульно или восхвалять. Но есть и другой момент. Мне его религиозность показалась немного искусственной, нарочитой, многовато он говорит

об этом и всё в превосходных степенях. К тому же Анатолий полностью одобряет политику церкви, не Церкви Христовой, а административного органа управления церковной жизнью, а там много разного люда, хватает экуменистов и модернистов, а то и вообще неверующих. Возможно, я ошибаюсь в нём, ладно, дальше видно будет.

Ещё б сидели, Таня позвонила, нам же в пять надо быть в Марково, в союзе пенсионеров. Ой, заболтался и забыл, бегу на автобус.

С четой наших приятелей встретились у входной калитки садового общества. Мы с Николаем Ивановичем пошли впереди, дамы чуть поотстали. Спустились с холма. Внизу стоит одинокая раскидистая берёза, дальше, до начала тротуара, зеленела мягкой травкой поляна. И тут я заметил, что вокруг берёзы, у самого комля в два витка намотан стальной канат диаметром миллиметров 16–18. Это примерно толщина двух сдвоенных пальцев взрослого мужика, канатная обмотка враз сравнилась в моём сознании с удавкой на шее девичьей. Тошнотное чувство! Канат от берёзы по траве тянется к тротуару, здесь он прибит скобами к поперечному бруску, и тоже обмотан вокруг него.

– Это чтобы половодьем не унесло? – спросил я у Николая Ивановича.

– Ну да, – подтвердил он, а дальше добавил поразившее меня.

Во дела! Канат служит ещё и препятствием для воров, уже утаскивали тротуар целыми звеньями, особенно вот эти, самые ближние к садоводству. Это что же получается? Сами здесь живут, сами ходят по нему и сами же воруют? У себя?!

Дальше я стал расспрашивать спутника о том, кто отвечает вообще за этот маршрут, кто выделяет деньги на его ремонт, кто следит за безопасностью передвижения людей?

Безрадостный ответ, хотя, наверное, легко предсказуемый. По всей стране небольшие поселения живут с жесточайшей нехваткой денег. Хозяйина у тротуара, и тем более моста, нет. Поселковая власть выделяет крохи, до городской не дотянуться, поэтому основная работа делается энтузиастами. Кто-то приносит доски, заменяет сгнившие, кто-то поправляет перила, а кто-то их красит. Мы как раз подошли к мосту, ступили на него, с этой стороны чтобы двигаться, желательно держаться за доску, прибитую к стойкам и служащую перилами, мост-то наклонен в нашу сторону. А почему? Всё же я очень ненаблюдательный или думаю постоянно о чём-то отвлечённом. Только сейчас увидел, точнее обратил внимание на бетонную балку, она лежит поперёк речки, у противоположного берега близко к основанию моста, а здесь отнесена течением метров на пять, поперёк балки зацепилось полусгнившие бревно. Получается, балка слу-

жила одной из опор моста, и сейчас он, как одноногий калека, неустойчив. Я быстро прошёл мост, прыгнул на балку и заглянул под него. Так и есть. Подошёл мой спутник.

– Вот вы постоянно говорите о спортивных достижениях своего союза пенсионеров, о его влиянии на общественную жизнь, а может, пора это влияние направить на местную власть, заставить её построить настоящую дорогу с хорошим мостом! Здесь же ходят старые люди, дети! Это же позорище, рядом с таким красивым, благоустроенным посёлком и под боком у областного центра! Николай Иванович, поднимите этот вопрос у себя в союзе. В садоводстве всё лето, а многие и круглый год, проживают сотни, даже, наверное, тысячи людей. Да как же можно терпеть такое? Ждёте, когда кто-нибудь покалечится?

Николай Иванович смущён и начал долгий монолог о финансовых трудностях Марково, о том, какие же надо деньжищи, чтобы проложить через заливаемую пойму дорогу на сваях. В конце он вдруг сказал мне: «Вы же публицист, напишите об этом, пусть вся страна прочитает, может, тогда обратят внимание».

Наивный человек, он, наверное, не понимает, что наплевать сейчас всем на какую-то статью. Но я ответил:

– Напишу, конечно же, напишу, но не факт, что мой материал где-нибудь опубликуют, а даже если опубликуют, тиражи-то у журналов нынешних крохотные, никто и не заметит. Это вам не Советский Союз.

В общем, понял я, что союз пенсионеров не хочет и не будет создавать себе головную боль, в его задачи входит скрашивать серые будни пенсионеров, развлекать и отвлекать.

Мы шли через пойму, высокие кочки, заросшие жёсткой узколистной травой, тянулись далеко в стороны. В иных местах под ними поблёскивала вода и валялись пустые пластиковые бутылки. Тротуар настлан на обрезки старых шпал, уложенных прямо на кочковатую землю, а за поймой уже хорошо видны красивые коттеджи, они ближе, за ними стоят ряды белых пятиэтажек.

Сначала мы зашли в двухкомнатную квартиру наших друзей, им очень хотелось показать, как они живут. Показали, уютно, даже комфортно, по местным стандартным немало книг в шкафах. Помещение, где обосновался союз пенсионеров, недалеко, в подвале жилой пятиэтажки. Николай Иванович с удовольствием рассказывал, как они обустроили помещение своими силами. Низковато и при входе, и внутри, особенно в проёмах между комнатами, из потолка выходит канализационная труба и уходит в пол, несколько отопительных труб проложены вдоль стены.

Познакомились с председателем, высокой, полной и довольно ещё моложавой женщиной в синем белом лёгком костюме. Провели нас в другую комнату, по стенам – полочки, шкафчики, а сами стены выкрашены светлой краской.

Здесь мы и общались, на лавках сидело человек пятнадцать женщин возрастом от бальзаковского и старше. С часок они меня слушали, потом задавали вопросы, подарил союзу пенсионеров книгу, а мне подарили аж три, не художественные, конечно, – сборники разных документов и статей. Потом в первой от входа комнате, обшитой орехового цвета панелями, все мы пили чай с пирожными, домашними пирожками и конфетами. Местная поэтесса Людмила читала свои стихи, кстати, хорошие, я даже посоветовал ей обратиться в областной журнал, может, опубликуют. По просьбе дам и я прочитал стихи Есенина и Блока.

Закончилась встреча хоровым пением, пели русские и советские песни, душевно пели.

Разговоры о тротуаре я не стал заводить, было не к месту.

Дома Таня попросила меня установить палатку, чтобы мальчишки могли там отдыхать и играть, а то они своей резвостью что-нибудь обязательно разобьют в комнате. Пацаны помогали, Вадька-то здоровый уже парень, а без них я бы, пожалуй, и не справился, никогда не приходилось иметь дело с китайской палаткой, а они, оказывается, знают, как она ставится. Радость им большая, пацаны тут же притащили матрац и начали спорить, кому первому лежать на нём. Заодно уже и надувной бассейн установили, надули воздухом с помощью собственных лёгких и губ. Прямо турбаза на дому получилась.

Отношения помалу налаживались, особенно с Андрюшкой, тянется мальчишка к мужикам. Без отца воспитание редко получается полноценным, и эту ущербинку позже очень трудно исправить, это беда безотцовщины, знаю по себе.

Сегодняшняя совместная работа очень нас сблизила.

С БАЙКАЛЬСКОГО БЕРЕГА НА ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Уговорил я бабушку и внуков съездить в Листвянку, а то получается нехорошо. Я, житель неблизкого Кузбасса, там бывал, а они живут в Иркутской области и ни разу не были на Байкале.

Вышли на Центральном рынке и отправились пешком к автовокзалу, оттуда раньше отправлялись автобусы в сторону Листвянки. Автостоянку увидели случайно, на одном микроавтобусе указан нужный нам маршрут. Потом я пожалел, что мы не вышли у Лимнологического музея, ребятам там было бы интересно, навряд ли они соберутся туда съездить, когда я отбуду в родные края. С нами поехала Лера,

её мама привезла вечером. Компания собралась удалая, скучать явно будет некогда.

За два года многое изменилось, прямо около остановки автобусов возвели высокую гостиницу, построили китайцы, они же её и эксплуатируют. Слышал я разговоры об этой стройке, говорили, что все канализационные стоки текут в Байкал. Трубы провели так хитро, что их не видно, но очистные сооружения никто не возводил. Это точно очень уж затратное дело, да и отстойник не строили, тоже деньги вкладывать, а прибыль нужна сейчас, и побольше. И не одну гостиницу возвели, просто эта самая большая, а поменьше их натякали у подножья горы прилично. Причалов тоже прибавилось, катера около них, яхты да и целые корабли, и с каждого зазывают в круизы, на прогулки.

Я повёл всю ватагу к концу пляжа, к тому месту, где загорал и купался позапрошлым летом. Татьяна раскинула большое тёмно-зелёное покрывало, все уместились на нём. Народу на пляже намного больше, чем тогда, хотя вода холодная, наверное, на десяток градусов. Пальцы заныли сразу, стоило их лишь погрузить.

Уровень Байкала упал немножко, я определил это по бетонной стенке дальше пляжа, помню, лез за неё по краю, и байкальская водица плескала мне в сандали, а сейчас она в полуметре от блоков. Павильонов, что стояли тогда рядом, нет, и бруса полусгнившего не видно, на котором мы с Артёмом пили пиво под омуля.

Помнил я о нём и решил попозже сходить в нерпинарий, может, он ещё работает. Постепенно мы разделись, воздух прогрелся хорошо, а от воды тянуло холодом. В это лето леса на той стороне Байкала пока не горели, не было дымной завесы, и противоположный берег отчётливо виден, видны высокие горы со снежными пятнами на вершинах и по склонам. Стою у кромки воды, смотрю, вдыхаю воздух Байкала, влажный, волнующий.

Всё же я решил искупаться, Татьяна отговаривала, ребяшня смотрела неверяще, я их подзуживал, звал с собой.

Зашёл по колени и ноги будто кипятком ошпарило, но раз уж зашёл, надо купаться, и я нырнул. Сердце встало поперёк горла и не давало вздохнуть, но мужчине не подобает показывать слабость, тем более когда с берега десятки глаз наблюдают. И я с достоинством, ну может, чуть поспешнее, чем следовало бы, вышел из воды.

А мальчишки и Лера хохочут и показывают на меня пальцами. Что случилось? Оглядываю себя. Оказывается, от меня валит пар, будто я из горячей бани выскочил на мороз, в действительности всё наоборот, а эффект тот же.

Вадька, вдохновлённый моим примером, зашёл в воду и пробыл в ней дольше меня, а потом

и Андриушка насмелился побултыхаться у самого берега.

Мы по привычке купили пирожки ещё в городе, а квас привезли из Марково, здесь-то всё дороже, ребяшня с удовольствием уплеталастряпнину на свежем воздухе. Позагорав, оделся и пошёл искать Артёма. Его не застал на работе, однако напарница, с которой они по очереди проводят аттракционы, когда я объяснил ей, в чём дело, взяла мой номер телефона и обещала сообщить ему, сам-то он сегодня отдыхает, будет через день. Жаль, конечно, но хоть посмотрел, что это за нерпинарий такой.

Формой он похож на половинку разрезанного повдоль длинного цилиндра, поставленного местом разреза на землю. Открытая лестница на второй этаж, помещение, похожее на фойе кинотеатра, налево – дверь, ведущая туда, где, скорее всего, и происходит главное действие, правее – ещё одна, прямо – касса, около неё несколько человек. Я открыл вторую дверь, думая увидеть там кого-нибудь и спросить про Артёма. Комната, облицованная по стенам кафелем, посередине небольшой бассейн, а в нём – голова нерпы. Она посмотрела на меня печальными глазами и неслышно ушла под воду. Быстро вышел и только тогда прочитал на двери слова, написанные на узкой длинной табличке: «Снимать и фотографировать запрещается». Не снимал и не фотографировал, но всё равно стало неловко. Из первой двери вдруг повалил народ, сеанс, значит, закончился, я быстро зашёл, успел увидеть длинный бассейн, вокруг него – смотровая площадка с ограждением, в воде плавали дрессированные артисты. Ко мне подошла молодая женщина в спортивном костюме: «Что вам нужно? Сюда нельзя». Я начал ей объяснять, а она, слушая, в то же время потихоньку выдавливала меня за дверь, это и была напарница Артёма.

Ждал звонка Артёма до самого вечера и ещё несколько дней, но он не позвонил.

Топая назад, завернул к шашлычной, брал там в прошлый приезд шашлык, запомнил, потому что шашлык был огромный, сочный и недорогой. Сейчас всё гораздо хуже – шашлык раза в два короче, но зато дороже. Раньше он стоил двести рублей, нынче на полтинник больше, но взял ребятишкам по одному.

Прямо у края асфальтированной дорожки, что проложена правее шоссе, стоит человек со снежно-белой головой, но по виду не старичок, а бодрый немолодой мужчина, просто поседевший рано. Около него на сдвоенных столах сувениры из меди: крохотные кинжалы, щиты, шлемы, кувшинчики, да много разных поделок, всё сделано добротнo, привлекает внимание.

Одет он в геологическую штормовку советского образца, наверное, это и привлекло моё внимание.

Володе восемьдесят три года, а выглядит на полста, живёт под Челябинском, всю жизнь работал на заводе кузнецом, но пенсии не хватает, вот и занялся художественным промыслом. Однако в родных краях покупать стали плохо, уже три года, как он освоил Листвянку в целях сбыта своих изделий. Здесь много туристов, особенно китайцев. Зимой трудится: добывает медь, отливают, обрабатывает, шлифует, а с мая по сентябрь живёт здесь, снимает комнату и продаёт. На мой вопрос, прибыльное ли дело, со скромным достоинством ответил, что теперь на нормальную жизнь вполне хватает. Пожелал ему удачи в делах и здоровья.

Ребятишки и Лера обнаружили неподалеку тир, и Татьяна только успевает давать им сотни, ворча при этом, что они её разорят.

Около пяти поехали обратно. Опять смотрел по сторонам, вспоминал и сравнивал. Ещё утром, едва выехали из города, обнаружил, что дорожное строительство, которое велось два года назад, закончено. От трассы, по которой мы ехали, метрах в пятидесяти слева тянулась магистраль для встречного потока машин, через определённые расстояния их соединяли великолепные развязки. В одном месте в стороне велось ещё какое-то строительство, стояло много техники. Да, за дороги областная власть взялась всерьёз и результат виден.

На подъезде к Марково Таня показала мне справа от дороги целый ряд остовов теплиц, каркасы из труб и уголков. Года два назад отсюда с трудом изгнали китайцев, они на этом месте лет пять выращивали огурцы, после них земля перестала родить, ничего не растёт, сорняки и те какие-то чахлые. Рассказала, что они перегородили животине фермера-соседа выход на пастбище, человек бился-бился, пробовал судиться, но ничего не добился, вынужден был свернуть свои дела и уехать.

Наступило утро 14 июня, сегодня состоится представление второго номера журнала «Сибирь», я приглашён и к семнадцати часам должен прибыть в Дом литераторов. Выехал в город до обеда, я уже примерно знал, где находится музей декабристов и настроился посетить его. Маршрут обычный – доехал до рынка, съел беляш, поздоровался с безумцем и пошёл по улице, которую Татьяна мне до этого показала. В обиходе музей называют Домом Волконского, но на самом деле это целый комплекс зданий за деревянным забором сиреневого цвета, с воротами и калиткой. Внутри, кроме жилого двухэтажного дома, есть ещё постройки из круглого леса под железными крышами, около одного стоят белые деревянные скамейки с прямыми резными спинками. Сам дом впечатляет, когда только поднимаешься по широкой лестнице, видны неохватные брёвна, из которых он построен. Строили до-

мище не здесь, где-то в деревне, потом перевезли в Иркутск и собрали.

Ещё большее впечатление производят подлинные вещи и предметы быта семьи князя Волконского. Среди декабристов были люди самых разных политических взглядов и моральных начал, хватало и откровенных террористов, масоны представлены были не в малом числе. Но большинство всё же составляли личности высокой нравственности, а уж те, кто после каторги своими способностями и знаниями помогал сибирякам обустроить суровый край, заслужили вечную добрую память. Семья князя – из этой человеческой породы.

Часа два ходил я по комнатам и залам, любовался печными изразцами и гравюрами на стенах, читал на застеклённых полках раскрытые документы той эпохи. Это история моей Родины, и мне дорого в ней всё. А декабристы, их дела и судьбы имеют огромную значимость. Когда читаешь подлинные документы и видишь подлинные вещи первой половины XIX века, становишься причастным к тем грозным и трагичным деяниям.

Тихо иду по тихой улице, весь ещё там, в Доме Волконского.

Жанну, продавца рыбы на Центральном рынке, узнал издали, и она меня сразу узнала.

– Здравствуй, Жанна. Узнала?

– Ну конечно же. Вы опять к нам приехали? Надолго?

Приятная женщина, невысокая, смугловатая, с чёрными живыми глазами, и ей очень к лицу фирменная одежда в виде накидки с сине-белыми оваллами. Это вроде фартука, только современного покроя. Книгу, подаренную ей в прошлый приезд, она начала читать, но, к её стыду, пока не дочитала. Всё дела да заботы о хлебе насущном плюс нелады в семейной жизни, они тоже отвлекают. Я успокоил её, выразив надежду, что к следующему приезду обязательно дочитает. Спросил, есть ли у них омуль в продаже, было опасение, что не окажется. Ещё в прошлом году по телевизору сказали, что прекращён промышленный вылов омуля на Байкале.

В Листвянке на рыбном рынке, куда я зашёл специально посмотреть, омуля в продаже не было, по крайней мере, открыто. Все продавали хариуса, значит, скоро его до мальков выловят.

Но Жанна развеяла мои опасения, омуль им поставляется небольшими партиями по заказу, вполне законно. Договорились, что перед отъездом, 22-го или прямо 23-го я приеду, она мне оставит рыбы тысячи на три. Пора выдвигаться поближе к улице Степана Разина. Сижу в скверике, курю. Меня опять одолевают сомнения в моих литературных способностях: «Здесь собирается сейчас весь цвет иркутской словесности, а кто я такой? Провинциальный бумагомаратель, газозэлектросварщик,

публицист задрипанный». Ну-ну, хватит самоунижений, с такими мыслями лучше вообще туда не входить, всё же и я, возможно, сказал что-то доброе читателям, хоть чуть-чуть подвинул их сопереживать чужому горю. Пора идти.

Чудесный зал мест на шестьдесят, с мягкими стульями, лепнина на потолке, в центре люстра, похожая на старинную, освещает двенадцатью лампами в чашах многолюдное собрание литераторов, по стенам подсвечивают бра. Одно высокое окно раскрыто, и прямо над деревянным ограждением балкончика качаются зелёные ветви.

Собрание сначала вёл заведомо поэзии журнала Владимир Скиф. Байбородин живёт где-то за городом и пока не доехал. Скиф – мужчина импозантный, с короткой седой стрижкой и седым кольцом из усов и короткой же бородки. Простая клетчатая рубашка с коротким рукавом смотрится на нём элегантно одетым аристократа. У него хорошая русская речь и прекрасное знание предмета. Скиф представлял слушателям поэтов, чьи произведения были удостоены чести появиться в журнале. Наш поэт Саша Раевский тоже вошёл в число авторов.

Зал заполнен полностью, даже приносили стулья для оставшихся без места, подошёл Байбородин. Началось обсуждение прозы. Мне как гостю предоставили слово, волновался страшно. Но старался говорить спокойно, коротко рассказал о себе, о написанном, о планах, немного порасспрашивали. Книги и визитки я подарил иркутским писателям раньше, но и здесь довелось кое-кому вручить.

Обсуждение и просто беседа продолжились в узком составе в том же кабинете, где сидели в первый раз. Опять было по глотку вина, чай, лёгкие закуски и разговоры. По моему мнению, всё прошло на высоком уровне душевности. Очень понравился художник Сергей Казанцев, репродукции его картин в журнале просто замечательны, да и сам по себе он человек интересный, простой, доступный. А ведь фигура в мире искусства Сибири высокая, немного мы с ним поговорили.

Домой ехал в приподнятом настроении, а поздним вечером начался футбол. Я уж думал, что больше никогда не стану смотреть даже чемпионаты мира. Меня отталкивает от спорта его коммерческая сторона, которая в постсоветское время стала преобладающей и в России. Да и игра наших футболистов в последние годы производит удручающее впечатление. А связанные с ними скандалы, такие, как кутежи на знаменитых курортах, непомерные амбиции при отсутствии способностей способны напрочь отвлечь от созерцания любых состязаний.

Я мальчишкой видел игру Пеле, Эйсебио и наших Яшина, Стрельцова и Понедельника. Они по-

казывали красоту футбола, азарт и любовь к игре, деньги для них не были самым главным призом, им была победа. Но после того, как американцы «продавили» участие профессионалов в Олимпийских играх, деньги стали основой всего спорта, он и кончился. Осталось спортивное шоу, бизнес-проект, а в бизнесе – законы джунглей, по которым можно покалечить соперника, можно применять анаболики и транквилизаторы, можно платить молодым футболистам огромные зарплаты и делать из них рекламных агентов. Можно всё, лишь бы народ шёл на стадионы и смотрел спортивные передачи.

Лёг на койку с журналом, однако звуки из-за двери проникали и заставили меня присоединиться к болельщикам. В комнате справа на матрасе лежал Андрюшка, дальше по этой же стороне, за печкой, на широком диване расположилась Татьяна с Лерой, а Вадька – через стол от них, тоже на матрасе, но полусидя и опершись на ножку стола, иначе ему было бы невозможно смотреть на экран, потому что телевизор стоит на комодке, почти на одной линии с его ложем. Я присел на край дивана, вот так мы и смотрели матчи чемпионата.

К ПОДНОЖИЮ САЯН

Татьяне и ребятишкам понравилась поездка в Листвянку, и мне было нетрудно уговорить их съездить в Аршан. Я им расписывал красоты посёлка у подножия Саян, великолепие водопада, тишину и покой. Леру мы с собой не берём, слишком уж неугомонная компания собирается, к тому же неизвестно, как там устроимся. Хотя я и убеждал Таню, что нас там встретят и приветят, но сам не был в этом до конца уверен. Два года прошло, и неизвестно, живут ли там мои добрые знакомые, Юля с Николаем, мало ли что могло произойти за это время.

В этой поездке меня ещё больше поразили масштабы дорожных работ. Я хорошо помнил дорогу на Аршан, она хоть и поддерживалась в рабочем состоянии, но была не широка и извилиста. Сейчас её реконструируют большими участками, а в некоторых местах строится совершенно новая трасса. Видны в стороне высокие земляные основания, ливневые каналы, «одеваемые» в бетон, три новых моста, уже построенных, но пока не введённых в эксплуатацию. Взяться и за это направление, вероятно, область налаживает сотрудничество с Монголией, поэтому понадобилась хорошая дорога, туризм тоже становится всё популярнее.

В Култук – остановка, знакомый рынок, может быть, даже и торговли те же, что и пару лет назад. Подхожу, в основном продают хариуса соленого и копчёного, у ближней крупногубой бабы в платке на лотках тоже он, а один лоток прикрыт холстиной.

Спрашиваю негромко:

– А здесь что?

Она зыркнула по сторонам глазами и полушёпотом:

– Омуть...

Для подтверждения наполовину открыла содержимое лотка. В самом деле – омуть, да крупный. Покупать не стал, рыба явно браконьерская.

Уносились назад великолепные виды Тунканской долины, на подъезде к Аршану опять нас настиг дождь и так же быстро закончился. Оставив спутников у автовокзала, пошёл искать усадьбу своих знакомых. Зрительная память не подвела, сразу нашёл, а наклоненная внутрь калитка заперта изнутри. Стучу – тишина, снова стучу, потом уже ногой.

– Кто там ломится? – женский голос от флигеля. – Нету хозяев, в городе они.

Начал громко объяснять, кто я и зачем ломлюсь.

– Да вы позвоните Юле сами.

– У меня нет её номера телефона. Вы бы подошли, неудобно через забор разговаривать.

Невидимая собеседница подошла, но калитку не открыла.

– Мы бы хотели снять комнату на пару дней.

– Сколько вас?

– Двое взрослых и двое мальчиков.

– Ну не знаю, как и быть, мне не было велено пускать.

Она всё же открыла, убрала доску, служившую запором. Худощавая невысокая пожилая женщина в халате и платке, завязанном сзади. Как выяснилось, это мама Юли. Сын в городе сдаёт экзамены, поэтому Юля с Николаем пока не приедут.

Позвонил Юле, она рада меня слышать, и я могу поселиться на любое время, потом в порыве добрых чувств ко мне добавила, что из уважения даёт скидку и платить нам придётся не по четыреста пятьдесят рублей за ночь, а по четыреста. Ну что ж, мне приятно, что меня помнят. Поселились в той самой, моей, комнате, на втором этаже. Немного подкрепившись остатками того, что Татьяна обычно берёт в дорогу, отправились к водопаду. Я им показал Пик любви и рассказал, как карабкался туда. Мальчишки слушали недоверчиво.

Таня устала прыгать по камням да корневищам, но, увидев водопад и немного отдохнув, решила спуститься по очень крутой лестнице с лиственничными ступеньками и была вознаграждена неописуемой красотой необезображенной природы. В свой временный дом вернулись утомлённые, но довольные, по дороге запаслись продуктами.

Варить мы ничего не варили, только чай кипятили, готовили салаты из тепличных огурцов и помидоров, свежие ещё не выросли, ели консервы и колбасу на крохотной кухоньке первого этажа. В комнате – четыре деревянные кровати, матрацы на них чуть толще простыни, но по два ничего, терпимо,

даже Татьяне, не привыкла она спать на жёстком, сетки-то на кроватях нет. Вместо них – доски, и некоторые визжат ночами, как голодные поросята. Во всём доме мы одни, тихо, мама хозяйки нас особо не беспокоила.

Следующий день прошёл в каких-то мелких делах, в суете. У Вадима уже дня два болит зуб, он постоянно глотает обезболивающие таблетки. И вот мы решили сходить в санаторий «Саяны» в надежде получить там медицинскую помощь, пусть даже платную, должен же в таком большом лечебно-оздоровительном центре, известном по всей Сибири, быть стоматолог или хотя бы какой-нибудь медик, способный помочь.

Пустые надежды!

Стоматолога в штате нет, это нам вахтёр сказал. Но мы не нашли вообще никого из медицинского персонала, даже дежурного, пусть сегодня выходной, но дежурный-то должен быть. Кабинет имеется врачебный, но закрыт, и даже спросить не у кого. Коридор первого этажа, где располагается медперсонал, пуст, все двери заперты. С полчаса посидели, потом надежда увидеть кого-нибудь кончилась, и мы удалились. В санатории, я думаю, находится не одна сотня человек, притом не совсем здоровых, и даже в субботу в любой момент может возникнуть необходимость в медицинской помощи. Предполагаю, медики договорились с вахтёром, и, если случится что-то экстренное, он им позвонит, а пока они занимаются своими делами, но зарплата идёт, они же на работе числятся.

Вечером я накапал Вадиму на больной зуб настой сирени на спирту, полегчало. Во второй половине дня случился неприятный инцидент из-за денег. А из-за чего в наше время происходит всё плохое? С Валентиной, мамой Юли, у нас наладились вполне дружеские отношения, а с Татьяной они, как выяснилось в разговоре, даже жили неподалёку в Нижнеудинске и есть немало общих знакомых. Она нам сразу по заселении сменила бельё, вымыла пол в комнате и вообще была всегда предупредительна и доброжелательна.

Так вот, мы только пришли с прогулки, я вошёл всех в дацан, хотели посетить и православный храм, но он был закрыт, пришли, сели чай пить, Валентина вызывает меня на улицу. Мы сели за стол во дворе, за которым в прошлый приезд сживали большой компанией.

Она попросила рассчитаться за проживание, я сходил за деньгами и подаю ей восемьсот рублей.

Валентина смотрит с недоумением:

– А остальные?

– Не понял?

– Ну что тут непонятного? Вас четверо, с каждого по четыреста за ночь, всего, значит получается три двести.

– Как с каждого? Разве не за комнату берётся?!

Валентина смущена, но она не имеет права сама решать.

– Нет, с человека за ночь. А вы разве не знали? Вы же здесь гостили, значит, платили?

– Я же был один, а один он и есть один, хоть за ночь, хоть за комнату.

От досады звоню Юле, она подтверждает слова мамы, но чувствую какую-то виноватость в её голосе. Однако я уже подавил глупую досаду и извинился перед Юлей, объяснил, что я просто-напросто не понял толком. Вот так треклятые деньги чуть было не омрачили добрые отношения с мамой и дочерью.

Юля позвонила и позже, давала трубку Николаю, было ощущение, что она всё равно чувствует вину передо мной. А вины никакой не было, цена за ночь постоя у ней невелика, ей же надо как-то зарабатывать и на жизнь, и на содержание немаленького дома. Не обязана Юля селить даром малознакомого человека.

В этом году что-то не очень много отдыхающих, раньше они толпами ходили, искали жильё, а в этот раз за два дня одна молодая компания заглянула. Они были слегка навеселе и им не понравился весьма скромный уют дома, а мы даже рады этому, ребята показались нам несколько развязными.

Пьяные же, как рассказывала Валентина, иногда ночью ломятся, почему она и закладывает в петли доску, крючок-то легко сорвать. Мальчишки малость пробовали играть в настольный теннис, но им быстро надоело, больше сидели в комнате, жалели, что нет телевизора, от скуки играли в телефонах. А я вспоминал прошлый приезд, соседей, наши разговоры при луне, тогда было интереснее.

В девять утра микроавтобус плавного отъехал от автовокзала. Прощай, Аршан, а может, до свидания, кто знает.

НЕ ПРЕЛЬСТИЛ МУЗЕЙ МИНЕРАЛОВ

Байбородин пригласил меня сегодня пообедать вместе, выехал пораньше, чтобы не опоздать, долго ехать по городу, но успел к часу дня, как договаривались. У нас немало близкого по мировоззрению, многое совпадает в литературных пристрастиях, но, как я уже говорил, кое-что меня напрягает.

Не сравниваю его с теми литераторами, которые после насильственной смерти Советского Союза моментально из членов КПСС превратились в православных прихожан. Как говорится, из лириков в клирики, это конъюнктуришки, но тенденция в том направлении, на мой взгляд, заметна.

Есть другие, которые искренне верили, но поверхностно, без чтения Святых Отцов, без духовной подпитки. В прежнее время они таились, а когда за веру коситься и насмехаться перестали, она и накрыла обвалом.

Мы с Анатолием говорили на эти темы, он выслушивал мои доводы и это уже хорошо. Иные слова не дают сказать, сразу яростно обвиняют в нападках на православие. С нами пошёл обедать Саша Никифоров, поэт и писатель с самого севера Иркутской области. Невысокий, седенький, с рыжеватой негустой бородой, похожей на мох, которым обрастает старый лесной пенёк, он по первому впечатлению кажется простоватым, с хитрецей деревенским мужичком. Но, немного поговорив, понимаю, что это человек думающий и весьма своеобразный. Подольше да побольше бы вести с ним беседы, а не получилось. Пообедали в полуподвальном кафе, малость покалякали и вернулись в особняк, а там мне уже и возвращаться пора. Таня позвонила, дела есть.

Ни мальчишки, ни Татьяна больше путешествовать со мной не желают. У Тани в огороде дел полно, она и так, когда мы уезжали, просила соседей полить и присмотреть, а сейчас поспела жимолость, так что один поехал я в Слюдянку. Ещё в прошлый приезд собирался, но тогда не сложилось.

Городок недалеко от Култука, на другой стороне залива. Автостанция мне не понравилась, не знаю почему, и сразу всё пошло наперекосяк. Сначала решил посетить музей минералов, мне о нём рассказывали.

На местном громяющем автобусе доехал до указанного перекрёстка, дальше транспортное средство покатило влево, а мне прямо.

Деревенская улица, но с асфальтом, по сторонам частные дома, разные, есть очень неказистые, а вокруг невысокие, сплошь заросшие тайгой сопки. И кажется, будто дорога впереди просто поглощается зелёной массой, может, так и есть, не дошёл до этого места. Справа – высокий забор из необработанных камней, тянется метров на пятьдесят, в заборе дверь, открыто, вхожу. В глубине правее входа каменный же особняк, около него сложены большие куски разного цвета минералов, огорожены бордюром, слева – строение, похожее на крытую галерею. Из дома вышла женщина в тёмном костюме.

– Что вы хотели?

– Здесь музей минералов?

– Да.

– Хотелось бы посмотреть.

– Триста рублей, это без гида.

У меня отчего-то сразу резко отторжение.

– Извините. – И вышел.

Сам не понимаю, почему так поступил, ведь ехал же и шёл специально, чтобы посмотреть. Цена, что ли, показалась высокой? Возможно, но лишь отчасти. Музей декабристов куда весомее для ума и сердца, но там за посещение с экскурсоводом платишь 70 рублей, а здесь... Частный это музей,

вот в чём дело, а всё частное вызывает отторжение у меня на клеточном уровне.

Пошёл назад невесёлый, подумывая, не уехать ли тотчас же. Да, забыл сказать, когда шёл к музею, спросил, далеко ли, у полноватой молодайки около ограды, дома за четыре от музея, она улыбалась приветливо и объяснила. И вот дохожу до её ограды, а она стоит, положив белые руки на верхушки крашенных брусков.

– Что-то вы быстро сходили?

Не стоит посвящать её в мои отношения с этой подлюкой частной, сказал, что передумал и времени в обрез. Разговор не мог не возникнуть, ей явно хотелось поговорить с новым человеком. Светлана местная, живёт здесь всю жизнь. Узнав, откуда я, очень удивилась, в Слюдянке, знать, из Кузбасса гости не часты. Читать любит с детства и в Интернет заглядывает. Восторг и удивление слились в её лице в единую композицию, когда я рассказал кратко о себе и дал визитку. Короткая встреча, а запомнится надолго.

Веселее зашагал к перекрёстку и дальше, вскоре меня подобрала маршрутка. Как такового автовокзала в Слюдянке нет, просто конечная остановка всех маршрутов и различные павильоны, в одном из них продают билеты, взял билет до Иркутска на три часа дня. Пара часов в запасе, надо посмотреть железнодорожный вокзал, а потом идти к Байкалу.

Вокзал красивый, если его не перестраивали, то стоит он с начала XX века, сложен из камня или облицован. И башенки, и шпиль на центральном здании очень хороши. Перед входом плиткой всё выложено, ажурная металлическая оградка и лавочки смотрятся как единый ансамбль с каменными строениями.

А внизу, пока не виден, меня ждал Байкал. Постоял у памятника погибшим водолазам в узеньком скверике, он с виду простенький, а сердце обжигает. Большой белый камень, как обломок скалы, на нём водолазный шлем, рядом, опираясь на него или подпирая, якорь о двух клыках распустил по камню цепь, синяя табличка привинчена близко к якорю.

Байкал цветёт, метровой ширины серо-зелёная плёнка тянется по всему извилистому периметру берега, насколько видно глазам. А я очень хотел искупаться, скоро уезжать – на прощание тянуло ещё раз почувствовать кожей обжигающий холод байкальской водички. По скользким камням подошёл к самой кромке воды, неприятный запах ударил по ноздрям, желание окунуться улетучилось. Сидел поодаль на большом валуне, курил, смотрел. Рядом загорала, хотя солнца почти не было, молодая мама с очень богатыми формами, с ней дочка, девочка лет шести. Она играла у воды с камушками, вдруг крикнула: «Мама, мама, смотри, там нерпа!»

Я тоже стал всматриваться, сначала ничего не увидел, потом метрах в полусотне от берега, в том направлении, куда указывала девчушка, показалась из воды чёрная точка.

– Мама, вон она!

Нерпа несколько раз выныривала, потом пропала.

По дороге назад завернул в ближайшую торговую точку, где продавали рыбу. Омуль есть, только горячего копчения и дорогой, за рыбину чуть длиннее моей ладони просят триста рублей. С перевала в последний раз (за эту поездку) окинул взглядом открывшийся залив.

ХОЛОСТЯЦКАЯ ЕДА

Анатолий пригласил меня к себе в гости на другой день ближе к вечеру. Посёлок, в котором он проживает, недалеко от Марково, но добираться до него трудновато, очень редко ходит маршрутка. Это тоже пригород Иркутска, но, на мой взгляд, поуютнее, малоэтажные дома, красивая планировка не только домов, но и квартир. Здесь многие студенты снимают жильё, дешевле.

Анатолий пил водочку, а я пиво, холостяцкая закуска из свежих огурцов, хлеба и ветчины не заняла много места на передвижном столике. Квартира хорошая, на первом этаже, кухня по размерам едва ли не больше комнаты и балкон во всю длину обоих помещений. Его как раз отделявал строитель, крупный молодой парень. Мы выходили туда, я покурить, а он за компанию, мешали строителю. С балкона – вид на зарастающий пустырь и лесок подальше.

За пару часов друг другу надоест не успели, а вот в откровенном разговоре о нашей жизни и литературе, надеюсь, узнали каждый о собеседнике побольше изрядно, а это поможет в нашем дальнейшем сотрудничестве.

Обнялись при расставании. Надежда на встречу когда-нибудь обратно пропорциональна нашему возрасту, так что не особо обольщаемся.

СРУБЛЕНО НА ВЕКА

Из запланированного осталось лишь съездить в Тальцы, архитектурно-этнографический музей, это по дороге в Листвянку, немного не доезжая. На следующий день и отправился.

Собственно, это больше похоже на жилую деревню, конечно, без жителей, но с работницей музея в каждом доме и в одежде той эпохи.

Сюда, в Тальцы, в своё время свозили старинные уцелевшие дома, надворные постройки и целые деревянные храмы, что-то, скорее всего, реставрировали. В общем, посетители сейчас могут видеть реальную жизнь сибирского села конца XIX и начала XX века: домашнюю обстановку, утварь, одежду, а также инструменты хозяйственной деятельности.

Всё срублено из лиственницы, стояло больше ста лет и ещё века простоит. Любовался церковью высотой с пятиэтажку, её четырёхскатная крыша крыта лиственными пластинами. Это сколько же труда было вложено, без любви и веры такое не сотворить.

Подивился изобретательности наших предков, когда обратил внимание, как покрыта крыша лабаза. Стволы расколоты повдоль, а сердцевина выбрана, один ствол уложен во всю длину крыши расколом вверх, как корыто, а следующий перевернут и вставлен краем в первый, вода стекает по корытообразным желобам, а внутрь не попадает. Хотя тут, скорее, надо удивляться моему незнанию таких элементарных вещей из жизни своих ближайших предков. А они-то лес любили, берегли и умели такое из дерева сделать, что до сей поры весь мир смотрит и ахает.

Познакомился с молодой весёлой толстушкой из Якутска, она здесь второй раз и не устаёт восторгаться. Мы вместе осматривали жилые избы, крытые двory, бани, конюшни и дошли до берега Ангары. На берегу – недостроенный причал, лежат брусья, доски, а справа, метрах в трёх от песчаного берега – глинистый крутой обрыв, вода вымыла в нём большие углубления, почти пещеры. А за причалом во всю свою первородную, буквально в десятке километров от места рождения, ширь мягко накатывает на песок легкие волны Ангара. В этом месте она очень широка, на глаз – не меньше километра. Это в Иркутске после плотины её ужали и ограничили. Мощь и красота, а волна, тихо шелестя у моих ног, манит окунуться.

Я начал раздеваться, Наташа удивлена:

– Вы будете купаться?!

– Обязательно. В Байкале купался, в Ангаре пока не довелось.

– Холодно же.

– Да ну, я же сибиряк.

Получилось, как в Листвянке, зашёл храбро, нырнул уже не столь отважно, а возвращался с огромным желанием рвануть со всех ног, однако и здесь надо держать марку. Тем более что опять явились зрители, целая толпа китайцев, откуда только взялись. Когда в воду заходил, никого не видел. Они с обрыва снимали меня на телефоны и видеокамеры, что-то между собой лопотали и смеялись. Пришлось остановиться по щиколотку в воде и крикнуть им: «Что, интересно смотреть, как русский мужик купается? Ну давайте кто-нибудь присоединяйтесь!». И, демонстративно наклонившись, стал ладонями плескать на себя обжигающую, как крапива, воду. Всё они понимают, засмеялись, а некоторые отрицательно помахали руками.

«Эх, вы – слабаки!» – вышел на песок, взял одежду, отнёс подальше, на травку и стал одеваться.

Когда мы с Наташей пошли вверх по склону, зрителей уже не было.

Неожиданно моя спутница сказала с поразившей меня, потому что это не соответствовало её доброму полному лицу, злостью: «Не люблю я их, они в Якутске уже достали всех, и здесь от них покоя нет».

Их в самом деле здесь было очень много. Ходят большими группами, словно стаями, почти все с видеоаппаратурой, громко разговаривают и смеются, не обращая ни на кого внимания. Когда китайцев мало, они скромны, в большом количестве становятся наглыми и бесцеремонными. Подпортили нам настроение, особенно Наташе.

Посмотрели бурятскую юрту, полуразрушенную крепостцу, потом разошлись, она захотела сходить в настоящую деревню за холмом, а я пошёл к выходу. Зашёл в кафе, стилизованное под трактир, съел пару пирожков с черемшой, выпил кофе, горячее не стал брать, привык в поездках питаться всухомятку.

Пора трогаться в обратный путь, доведётся попасть в эти края ещё раз, обязательно и сюда загляну, понравилось. Кстати, и недорого, с пенсионной скидкой всего сто рублей за вход, а экскурсоводы здесь в каждой избе, всё покажут и расскажут. Вспомнил частный музей минералов в Слюдянке и одобрил своё тогдашнее решение не способствовать обогащению хозяев.

ШАШЛЫК В КРУГУ ДРУЗЕЙ

И в этот же вечер пригласили наши друзья, Николай Иванович с супругой. Надежда Михайловна отсутствовала недели полторы, уезжала в Хакасию за внучками. Сегодня утром они приехали, хотя показать нам своих красавиц, ну и заодно это прощальный ужин перед моим отъездом.

Помогал Николаю Ивановичу жарить шашлыки в углу участка, смотрел, как он суетится и вспомнил недавний случай. Он как-то на днях пригласил меня помочь ему собрать теннисный стол, для внучек купили. Стол китайский, провозились часа три, приходилось много сверлить шуруповёртом. Собрали, натянули сетку, и он предложил мне поиграть. У дома выложена досками небольшая площадка, места маловато для тенниса, но ничего, начали. В молодости я неплохо играл в настольный теннис, кое-что из навыков осталось, ну я и начал противника гонять по углам. И вдруг Николай Иванович, он только поднял ракетку для подачи, уронил её, пошатнулся и во весь рост упал спиной на лавочку около стены дома. Я не успел среагировать, растерялся от неожиданности, подбежал, когда он уже лежал. Начал поднимать его, Николай Иванович медленно приходил в себя.

– Что со мной случилось?

Я ему рассказал.

– Ничего не помню, в глазах потемнело – и вырубился.

Слава Богу, обошлось без серьёзной травмы, ухо лишь обо что-то ободрал. Играть мы больше не стали. Я себя потом ругал, человеку же семьдесят три года, а я его, как пацана, до пота.

Сейчас смотрю, как он бежит от мангала до летней кухни и обратно, и думаю, что природа у него такая шустрая и её не исправить.

Хорошо посидели, девочки, одной четырнадцать, другой около десяти, пели под телефонную музыку, песни наши, русские, девчонки очень старались. Папа девочек в Хакасии руководит художественной самодеятельностью и сам поёт, так что они в него. Меня порадовало, что девчонки не увлекаются англоязычными песнями и сами скромные.

ОМУЛЬ НА ДОРОЖКУ

Нагостился, напутешествовался, пора и домой собираться. В день отъезда заскочил на рынок. Жанна рыбу уже приготовила, завернула в промасленную бумагу и упаковала два свёртка, всего семь больших омулей горячего копчения.

За ранним ужином одного мы съели, одного оставил мальчишкам и Татьяне, а пяток повезу домой, надо домочадцев угостить и мужики с работы любят рыбу под пиво.

Такси заказано к десяти вечера в Марково. Вадим несёт мою сумку, как всегда полную, там книги, журналы, книги подарили иркутские писатели. Андрюшке достался пакет с мусором, в садоводстве нет контейнеров под мусор, его выносят в Марково. Вышли почти на час раньше, пришли, а такси уже ждёт.

Расставание получилось неожиданно трогательным. Татьяна прослезилась, с Вадимом обнялись, как родные, Андрюшка прижимался к моему боку и шмыгал носом. Я часто глотал слюну, чтобы не допустить влагу до глаз.

Осталась фотография на память. Они втроем стоят на фоне торгового центра, за ним краешек уходящего солнца растворяет в себе крышу и угол здания.

Почти час до поезда, сижу в зале ожидания, в стороне от центрального входа. Народу мало, полицейских много. Они хмурые, снуют туда-сюда

с дубинками у поясов, а один сидит на лавке рядом и играет в телефонную игру. Когда я попросил его посмотреть за сумкой, пока я схожу покурить, он глянул на меня как на потенциального террориста и буркнул: «Нельзя, гражданин, все вещи носите с собой».

Ночью в наше купе шумно поселился мужик с большой коробкой или ящиком, он поставил его в проходе. Пассажир был поддатый и с пивом, проводница грозила вызвать полицию. Утром я разглядел, что у него за груз. Большая клетка, а в ней здоровенная кошка не кошка, но похожа, только больше обычной и мордочка не кошачья, скорее барсучья, что ли. Андрей – из Красноярска, везёт с выставки свою животину, это помесь енота и кошки, забыл, как называется животное.

Зверь весь день лежал в клетке, обходясь безо всего необходимого в жизни, мне было жаль его. Хозяин зарабатывает деньги, показывая животное на выставках, и продаёт потомство енотокошки. Котята, оказывается, стоят очень дорого, речь о десятках тысяч рублей. А получать потомство можно только спаривая самку с таким же енотокотом. Узнав такие подробности, можно только ещё сильнее пожалеть бедное создание, красивое, сильное, но нежизнеспособное. Вероятно, их и вывели-то единственно ради наживы.

Я лично считаю недопустимым такое варварское вмешательство в живую природу, коль Бог не создал это, то оно не должно быть. Мы, люди, из созданного Богом, уж, поди, половину уничтожили безвозвратно.

Проводницы не очень разговорчивы, одна лишь сказала как-то в коротком разговоре, что РЖД родные подарочек им преподнесли – стали брать подоходный налог из суммы, выделяемой на льготный проезд.

Лежу на полке в раздвоении сердца – одна половинка рвётся домой так, хоть беги впереди электровоза, а вторая осталась там, откуда удаляюсь. Думаю, как там Татьяна, как мальчишки, чем занимаются. Следом набегают мысли о родных: заждались, небось. А закрою глаза – и вижу воочию ширококосящую Ангару в Тальцах, мягкий шелест волны ласкает слух, опущенные в воду ладони ещё не заглохло от холода.

ОТКРЫВАЮТСЯ АРХИВЫ

В канун 25-летия нашей Победы над фашистской Германией известный советский поэт Николай Тихонов предвидел, что со временем архивы откроются и «покажут миру славу и позор». Ещё 25 лет спустя статья, приуроченная уже к полувековому юбилею Победы, напомнила читателю об этом восьмистишии, где глагол в первой строке по-прежнему отсылал нас к неопределённому будущему:

*Наш век пройдёт. Откроются архивы,
И всё, что было скрыто до сих пор,
Все тайные истории извивы
Покажут миру славу и позор.
Богов иных тогда померкнут лики
И обнажится всякая беда,
Но то, что было истинно великим,
Останется великим навсегда.*

И вот теперь, в канун 75-летия Победы, принято решение о создании доступного центра архивных документов о Великой Отечественной войне, что позволило употребить в заголовке глагол в настоящем времени: «открываются» архивы.

Итак, открываются государственные архивы. Но в архив, можно сказать, в начале 1990-х была сдана и замурована русская советская литература, одной из главных составляющих которой была военная проза. Не стали переиздаваться произведения о Великой Отечественной войне, кардинально «отрефлектирована», то есть до неузнаваемости переосмыслена школьная программа по литературе, на полную катушку раскручены – ибо свято место, как известно, пусто не бывает – так называемые *другая литература* и *нетрадиционное литературоведение*. Известного толка литераторы: писатели, критики и литературоведы – засучив рукава, принялись за дегероизацию подвига советского народа в Великой Отечественной войне.

Тема Великой Отечественной войны была одной из магистральных. На фронте и в тылу звучали строки из «Священной войны» В. Лебедева-Кумача, из стихотворения К. Симонова «Жди меня» и поэмы А. Твардовского о Василии Тёркине. А в год Победы А. Фадеев закончил работу над первой редакцией романа «Молодая гвардия», в следующем – Э. Казакевич публикует повесть «Звезда». У М. Шолохова готовы главы романа «Они сражались за Родину», а к первому круглому юбилею пишется напечатанный в 1956 году рассказ «Судьба человека». В том же, втором, полупериоде истории русской советской литературы читатель знакомится с такими, например, в хронологическом порядке произведениями, как

первый роман (1959) трилогии К. Симонова «Живые и мёртвые», повесть Б. Васильева «А зори здесь тихие...» и роман «Горячий снег» Ю. Бондарева (оба произведения в 1969-м), повесть «Пастух и пастушка» (1971) В. Астафьева, роман А. Иванова «Вечный зов» (1976) и повесть Г. Бакланова «Навеки – девятнадцатилетние» (1980).

В 1987 году в книгу для учителя вошла глава о военной прозе профессора МГУ им. М. В. Ломоносова Анатолия Георгиевича Бочарова. Опубликованная до вакханалии с переоценкой былых ценностей, эта работа представляет интерес и для сегодняшнего читателя. Автор отмечает, что названные выше повести написаны в романтической манере, что позволило «с огромной эмоциональной заразительностью высветлить и трагизм войны, и величие человеческого духа». Там же мы читаем о том, что «усиление трагедийного начала, тесно связанное с усилением философской насыщенности прозы, стало характерной приметой **всей прозы семидесятых годов**» (Выделено мной. – В. Е.). Это значит, что магистральной для литературы 1970-х оставалась по-прежнему советская тема, а не постмодернистский «дискурс», который якобы в то время уже в целом определял литературный процесс.

Вначале, разумеется, речь шла исключительно о схватке с врагом на полях сражений. Но и в произведениях, отображающих послевоенную действительность, Великая Отечественная оставалась неизменным для повествования фоном. На этом, например, было задержано внимание читателя в статье о творчестве Юрия Трифонова: «Мы не найдём у Трифонова развёрнутых батальных сцен времён Гражданской и Великой Отечественной войн, но писатель постоянно напоминает нам лаконичными сообщениями об их трагических последствиях».

Не обошлось без трагических отголосков Великой Отечественной войны и в самых известных произведениях такого же, как Виктор Астафьев, писателя-сибиряка всесоюзной известности Виля Липатова. Да, нам нужна была победа над вероломным захватчиком, и мы не постояли за её ценой... Огромным числом определяются наши потери на полях сражений и оккупированных территориях. Не счастье безвременный на наших глазах уход одного за другим тех, кто уцелел, но, изувеченный, вернулся-таки домой.

Липатов возносит нас к лирическому отступлению о многострадальной и горячо любимой России: «Брянская область, Брянская область! На фоне колодца-журавля женские фигуры, усталый стук солдатских сапог, пожарища, трупы, голодные глаза... Многострадальная, милая ты моя, – пишет сибиряк, – Брянская область! С какой будничной жестокостью прошёл по тебе гусеничный ход мировой военной истории! Издавна мешочная и полуголодная, ты только в тридцатые годы начала подниматься на ноги, накормила было досыта баб и ребяти-

* Елатов В. Писатель о войне. 1995 // Земляки. 2004.

** Бочаров А. Г. Военная проза // Современная русская советская литература: В 2 ч. М.: Просвещение, 1987. Ч. 2. С. 49.

шек, заплясала было весёлая, советская, возле подновлённых прясел, да так и недоплясала – покатилося по твоим знаменитым лесам эхо самой тяжёлой войны в истории человечества».

Устами учительницы в пьесе «Вечно живые» участник Великой Отечественной Виктор Розов объясняет нам, что война не только физически калечила, но ещё и души людей увечила. А кто-то – об этом хорошо помнят «дети войны» – до конца дней своих не мог избавиться от кошмаров, напоминающих о бесчеловечности развязанной фашистами бойни.

Вернёмся к упомянутому выше пособию для учителя. «Сила трагического героя не всегда в одолении врага или обстоятельств, но всегда в нравственной твёрдости и стойкости, восхищающей читателя, – пишет А. Г. Бочаров. – И благодаря тому, что трагедия показывает нам не человека, который страдает, а дух, который побеждает, она не усугубляет трагичность жизни, но, наоборот, дарует нам «очищение» от той невыносимой душевной тяжести, в которую мы погрузились при зрелище бедствий и гибели».

Предложенный Липатовым ракурс задан в русской советской литературе ещё в первый её полупериод, то есть до Великой Отечественной войны. Хрестоматийной, например, стала личность автора романа «Как закалялась сталь». А у «детей войны» наглядных примеров в послевоенные годы тоже хватало. В школе, например, один из наших учителей был без правой руки. В университете семинары по истории КПСС вёл слепой преподаватель. Всё наше детство и юность прошли бок о бок с ними, травмированными душой и телом.

Не грех, полагаю, мне повториться, предлагая читателю отрывок из юбилейной статьи, написанной десять лет назад, к 65-летию нашей Победы:

«Исторические исследования могут быть сегодня существенным образом дополнены произведениями многонациональной советской литературы. Вот как, например, азербайджанец Расул Рза вспоминает о событиях первого года войны:

Помнишь, как под Москвою
бились за наш Баку?
(«Береги оружие»)

Это стало историей, но так именно было: за свой родной город бакинцы сражались под Москвой, потому что это была и их столица. То же чувство кровной сопричастности пронизывает стихи о блокадном Ленинграде:

Торжественно древняя льётся Нева,
ей подмогу шлют и Баку, и Москва.
Непреклонным мой город выйдет из бед,
уже близко ясное утро побед.
(«Ленинград»)

Конечно, и сегодня в Санкт-Петербурге есть какая-то азербайджанская диаспора, для которой этот город стал

родным. Но у поэта речь идёт о другом: он называет Ленинград своим, оставаясь бакинцем».*

...Открываются государственные архивы и возвращаются в книжные хранилища благодарные потомки, воскрешая в своей памяти бессмертную славу защитников Отечества и клеймя несмываемым в веках позором беспамятство клеветников России:

За что ж? Ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?..**

25 января 2020 г.

В. ЕЛАТОВ,
г. Прокопьевск

БЕЗ ПОЗОЛОТЫ ФАЛЬШИ

Получила неожиданный подарок – новый сборник стихов Сергея Донбая. Узнала о его выходе в свет случайно из интернета: библиотеки.кемеровские.рф поделились информацией под названием: «Листая страницы журнала «Огни Кузбасса». Оттуда я и узнала, что 28 февраля 2019 года в детской библиотеке имени А. М. Береснева состоялась творческая встреча авторов журнала-юбилея с читателями. На встрече главный редактор журнала не только рассказал историю журнала, которому исполнилось 70 лет, но и представил свою новую книгу «Во сне снегов», стихи из которой прочитал собравшимся.

28 марта на представлении первого в юбилейном году номера журнала я спросила Сергея Лаврентьевича о новой книге, а он подарил её мне, сделав, по обыкновению, приятную дарственную надпись.

С волнением приступила к чтению. И не заметила, как книжка... закончилась. Так быстро?! Ой, как жалко! Я бы ещё читала и читала...

Самое первое впечатление от прочитанного: лёгкие, прозрачные, светлые, нет, я бы даже сказала, просветлённые, воздушные строчки. Они мне напомнили рисунки Нади Рушевой, помните? Тонкие, почти невесомые, даже не линии, а лишь намёк на них, где нет ничего лишнего, а вы всё видите, понимаете, чувствуете: и характер, и настроение, и душевное состояние. И несмотря на полупрозрачные, почти волосяные линии, есть в рисунках объём, внутренняя экспрессия. Таковы, например, наиболее известные иллюстрации Нади к произведениям Пушкина. Я, много читавшая Александра Сергеевича, разные из-

* Елатов В. Бальзам надежды // Земляки. 2010.

** Пушкин. Клеветникам России // ru.wikisource.org/wiki/Клеветникам_России_(Пушкин).

дания разных лет, лучше рушевских иллюстраций не встречала, при всём моём уважении ко всем другим талантливым художникам. У Нади почерк сродни самому Пушкину – кто не знает его летящих рисунков на полях его рукописей?!

И вот теперь я познакомилась с книжкой поэта, автора многих книг, строгого и властного главного редактора журнала, в которой всё у него, как у Пушкина: легко, воздушно, до гениального просто! За строчками, написанными как бы едва касаясь пером чистого листа бумаги, – человек большого жизненного опыта, но не брюзга, не зануда и не ментор – повзрослевший мальчишка, с тем же юношеским восторженным восприятием жизни, мудрый, но не мудрствующий, просто делящийся своим взглядом на окружающий мир и на людей. И я, читатель, невольно поддаюсь его заразительному жизнелюбию и магнетическому обаянию! Оно во всём: в стихах о родном языке и Слове; и о детях и внуках; и о зарубежных – дальних – странах; и в стихах-воспоминаниях о далёком детстве, о маме, о родном доме; и в стихах о временах года, и, что для меня явилось приятным и неожиданным открытием, в коротеньких совсем (есть в книжке и двустихия) строчках-притчах.

Таким я Донбая раньше не знала! У меня в домашней библиотеке есть несколько его поэтических сборников, все – с автографами. Но возвращаться к ним и сравнивать стихи из них со стихами из новой книжки не хочу и не буду. Эта стоит совершенно отдельно, особняком. На мой взгляд (не знаю, есть ли у Сергея Лаврентьевича в планах другие стихи и новые сборники), этот сборник – вершина его творчества! Кто из пишущих не хотел бы так суметь выразить себя, чтобы положить на обе лопатки своего читателя?! У Сергея Донбая это получилось!

Читая сборник, боялась неосторожным движением или дыханием потревожить слова: как бы они не упорхнули с книжной страницы! Я в полном потрясении и восторге от этой маленькой, но такой драгоценной книжки!

Она оформлена со вкусом: начиная с обложки, заканчивая неброскими, но точными и выразительными, очень уместными и причастными к стихам рисунками внучки поэта Василисы Донбай. Как же надо было проникнуть в глубину смысла стихов бабушки, чтобы так классно проиллюстрировать этот небольшой сборничек?! Эти скромные изящные рисунки, как и слова, заключённые в рамки стихов, такие же негромкие, не кричащие, не вычурные. Как же это всё подкупает!!!

Если говорить о стихах, которые понравились, сделать это будет совершенно невозможно – мне понравились ВСЕ! Но некоторые всё-таки надо привести, чтобы подкрепить свои восторги наглядно. Цитирую несколько самых-самых, которые удивили, восхитили, умилили, заставили задуматься, повели за собой...

Стихотворение, открывающее сборник:

СЛОВО

*В древности – до Рождества Христова –
Там, где время седины седей,
Там пророк не зря роняет Слово –
Для других, для будущих людей.*

*И у нас вначале было Слово.
Только зимы здешние лютей.
В остальном – от Рождества Христова –
Всё, как у людей, как у людей.*

*Божий сын не обойдён рождением,
Матерью земной не обделён.
В каждом доме на тебя с терпением
Смотрят, как родня, Они – с икон.*

*И от Рождества до Рождества –
Долетает Слово сквозь слова.*

ТВОЙ ДОМ

*Когда закат нас тьмой оближет,
Как мать телёнка языком,
Во тьме ночной – дорожке, ближе –
Звездой тебе засветит дом;*

*Когда лукавое отродье
Тебя ведёт не по прямой,
Но, словно лошадь без поводьев,
Ты всё-таки идёшь домой;*

*Когда за дальнею дорожкой
Иль за небесною верстой
Ты вспоминаешь осторожно
Дом, не какой-нибудь, а твой;*

*К тебе он всюду тянет нити,
Не прерываются оне.
Он, словно ангел, твой хранитель –
И света крылья на стене.*

*Когда тебе по воле божьей
Последний, тихий грянет гром,
Проводит в вечность из прихожей
Твоё создание – твой дом.*

*Мама стряпает вареники,
Лист присыпала мукой,
Я ещё совсем маленький,
Да почти что никакой.*

*А она так ловко лепит их –
Сами пальчики летят.
На листе, как гуси-лебеди,
Тихо крылышки лежат.*

Призадумалась, болезная,
Кем я буду, Боже мой?
Перед ней, как будто тесто я,
Перепаханный мукой.

Я здесь, не умер, отдохнуть
Свернул тропинкою земною,
Чтобы изведать странный путь
Отцов и дедов предо мною.

Можно цепь перековать.
Можно сердце заменить.
Жизнь не перекуковать,
Будь ты трижды знаменит.

Муха, севшая на гире,
Изменяет время в мире.

Воспламеняются леса
И ссоры меж людьми.

Тех, кем не признавался,
Прощал – они не правы.
От счастья задыхался
В лучах ленивой славы.

Прозрел. А что же дальше?
Без позолоты фальши?
И перевёл дыхание,
Трудясь в тени призвания.

И вместо эпилога – стихотворение:

Когда мои внуки начнут понимать
И жизнь, и далёкую смерть,
Мне будет не страшно уже умирать.
Но это не скоро ведь...

Нина Инякина,
г. Кемерово

ОТКЛИК НА СБОРНИК СТИХОВ ДМИТРИЯ КЛЁСТОВА «РАСПУТИЦА»

«Распутица» – новая книга поэта Дмитрия Клёстова, вышла в 2019 году. Рас-пу-ти-ца. Удивительно ёмкое слово, имеющее множество синонимов, в каждом из которых скрыт свой смысл. Беспутица, беспогодица, бездорожица, раздорожица, кисель. Но первое, что приходит на ум, – бездорожье, непролазная, раскисшая грязь. У Иосифа Бродского дорога в распутицу «как река, зараза, <...> не то чтобы вес-

на, но вроде. Разброд и кривизна». А вот у Клёстова всё по-другому – «мне отраднo в распутице вешней». Как говорится, почувствуйте разницу.

Первое стихотворение сборника является весьма оптимистичным заповедом для всей книги. Поэт ставит перед собой, а значит, и перед читателем, задачу – «чтобы в жизни паршивой не киснуть, // А надеяться. Верить. Любить!». И такой жизнеутверждающий мотив, несмотря ни на какие перипетии судьбы, звучит с первой и до последней страницы книги. В основе слова «распутица», в его корне, лежит слово «путь». А это значит, что из любой безнадёги обязательно найдётся выход. Каков он будет, вот в чём вопрос. У каждого человека «своя колея». Об этом и пишет поэт Дмитрий Клёстов: «Только Богу одному // Вся судьба его известна».

В своих стихотворных творениях Дмитрий Клёстов достаточно прямолинеен. Излагает поэт мысли без всякого сентиментализма, возвышенного романтизма, вычурности, витиеватости. Наоборот, порой говорит сухо, жестко, а бывает, даже и грубовато. Проскальзывают простонародные выражения. Не обошлось и без шуток, прибауток. А сколько самоиронии! И в то же время поэт может спокойно нарисовать самые что ни на есть сказочные образы: «Снег куделькой льняной // укрыл моё червлёное крылечко». А уж коли так, то появляются соответствующие персонажи – Каурка вещая, а следом и Муромец, который готов отразить нашествие врагов. **Всё по-русски!** Потому что душа поэта «от русской женщины», хоть «кровь монгола». И близок «сердцу» его «табунок», «грибной берёзовый распадок». Не может поэт сдерживать гнев, когда Отчизну называют на заморский манер: «Раша». Болит его душа за неухоженность родной сторонки, бесхозяйственное отношение к земле. И озадачивается вопросом: «На родине воскреснет ли мужик // Великий Зодчий, Праведник, Хозяин?». И пытается ответить делом: «Возьму лопату да очищу аорту родника // и водружу, как знамя, журавеля». **Жить в труде – может, это и есть ответ? И тогда «появились харчи // Не богатые, но и не постные, // И какой-то надеждой // Домик полнится мой».** А ещё нужно жить по совести. И спрашивает поэт «провидицу», «где Бог? Где Царь? И где Герой?».

На происходящие события в мире, стране, области Дмитрий Клёстов отвечает публицистической поэзией. В этих стихах он открыто выражает свою гражданскую позицию. Поэт не скрывает своих душевных порывов, он искрен с читателем. «Сотоварищ извечный», – говорит поэт о скворце, который «не предал родного гнезда» и в распутицу прилетел на родину. В конце стихотворения поэт подытоживает: «...невинные детские души // Вернулись в отцовскую сень».

Надо отметить, что Дмитрий Петрович очень наблюдательный человек. От его взора не ускользнёт синичка, клюющая зимой подвешенное сало, воробей и голубь, что отбирают друг у друга кусочек булки, муравей и стрекоза, которых повстречал у «крохотного за-

лива». Из увиденного, подмеченного делает очередной вывод: «Нам ли не годится // Опыт птицы, пчёлки, муравья...», или: «Поклоны я истою, // Искренне бью // Траве-мураве, // А в траве – муравью». Поэт вольно или невольно часто упоминает муравья, потому что сам такой же неутомимый труженик, знающий цену трудовой копейке, цену урожая. И относится он с великим уважением к земле: «Земля моя – кормилица моя», и к человеку труда, о котором немало стихов в сборнике: «Он был воистину любим, // Что никому не делал плохо, // И с бедолагой неплохим // Уходит целая эпоха».

И несмотря на твёрдость слова, за которым непременно стоит такой же твёрдый, рабочий характер, а значит, ответственность и надёжность, в глубине души поэт нежен, чист и светел: «Поляна живых незабудок – // Искомое счастье моё».

ОТКЛИК НА КНИГУ ГЕННАДИЯ ГУЛЕВИЧА «ОДНОЙ СУДЬБОЙ С ОТЕЧЕСТВОМ ЖИВУ»

Сборник стихов «Одной судьбой с Отечеством живу» Геннадий Гулевич посвятил 95-летию Ижморского района, где он родился и проживает в настоящее время, и 100-летию комсомола. Геннадий Иосифович – активный участник общественных движений, целью которых является патриотическое воспитание детей. Кроме того, он участник клуба творческого общения «Откровение», а ещё тесно сотрудничает с районным литературно-краеведческим клубом «Ижморские искорки». Поэтому неудивительно, что «в музее, школах и библиотеке, я в юных душах крепость возвожу, которую не взять врагам вовеки».

В книге чётко прослеживаются несколько тем: пограничная служба в Уссурийском крае и участие в военном конфликте на острове Даманском, война, родной край. В сборнике есть несколько песен, есть стихи, посвящённые поэту Василию Дмитриевичу Фёдорову, а также довольно большой блок здравиц. Одно поздравление написано к 70-летию юбилею журнала «Огни Кузбасса», где отмечается, что журнал для Г. Гулевича «стал потребностью души», что «это свет» и «в мир доброты ведущая дорога».

Пограничная застава – особое место. И чтобы стать часовым Родины, нужно иметь не только определённые психологические качества, но и твёрдую морально-нравственную основу. Небольшие погранотряды, как и моряки-подводники, – это настоящая солдатская семья, члены которой несут коллективную ответственность за каждого человека, за его дела и поступки, и неважно, где они были совершены: на службе или в быту. О службе в Дальнереченске в сборнике имеется не одно стихотворение. Трепетно и с большим уважением хранит Г. Гулевич в сердце память о тех днях: «О том, что служил, я ничуть не жалею // Тебя, мой отряд, вспоминаю любя», «я край

тот, Приморский, далёкий и близкий, как малую родину в сердце храню».

Шестидесятые годы двадцатого века – годы, овеянные романтическим ореолом мужественных, честных героев, стоящих на защите социалистической собственности, государственной границы, а в целом – Отечества. И такие честные, преданные, ответственные герои жили не только на экранах кинотеатров и в книгах – они были среди обычных людей. «Мы границы храним. Мы Отечеством дышим. // И слова непустые для нас – «Долг» и «Честь», «Горжусь, что выпало и мне, // Крупицей быть в даманском слитке, // В смертельном сплавленном огне, // Не хуже, чем в печах Магнитки». Даманский не отпускает Геннадия Иосифовича: «Скорбим по павшим. // Наша скорбь горька и гжуча», «Но я живу! С душой в кровавых пятнах // Карабкаюсь к вершине бытия. // И в сновиденьях, только мне понятных, // С друзьями вместе догораю я». В стихах Г. Гулевича о службе на погранзаставе есть такая строчка: «Я званием «даманец» дорожу», которую можно взять как эпиграф к данному циклу стихов.

Тема Отечественной войны перекликается с предыдущим циклом стихов. Они связаны между собой неразрывной нитью, а поэтому в некоторых стихах автор говорит так, будто бы он и есть участник той войны. Стихотворение «Пора творить и созидать» можно назвать программным. Г. Гулевич предлагает всем людям писать «стихи о любви», «старших почитать», «мечтать», искоренять «лечь, корысть, бездушие», «делать добрые дела», «жить других любя» и «может статься, войн не будет!». В качестве девиза этой программы можно взять слова: «Любовь спасёт мир!». Завершить эти две темы хотелось бы словами: «Люди, люди, человеки! // Мы же можем, мы должны // Сделай всё, чтобы вовеки // Больше не было войны!».

Строчка из стихотворения «Отчий край»: «Люблю тебя, мой отчий край!» как нельзя лучше подходит для начала следующей темы книги. О своём любимом Ижморском районе Г. Гулевич не просто пишет стихи, а поёт песню: «Я твой росточек, маленький росточек, // Сторонка ненаглядная моя!». Дым, что «столбом стоит из труб», похож у поэта на мчащийся паровоз, а «пруд под толстым льдом продрог», «И если есть на свете рай, // То этот рай – моя Ижморка!»

Татьяна ГОРОХОВА,
г. Топки

СЛЕДЫ БОЖЕСТВЕННОГО

(Шкуратова Ю. «Следы». Кемерово, 2018. 38 с.)

Тонкая книжка Юлии Шкуратовой «Следы» заключает в себе три десятка небольших стихотворений, хотя могла быть составлена из меньшего их числа, поскольку не все они равноценны, без некоторых можно было бы обойтись. Крайне невыверенной выглядит композиция книжки. Минималистичный формат издания всё-таки обязывает к отбору лучшего

и характернейшего из написанного, а также к обдуманной компоновке отобранного. Юлии Шкуратовой, кажется, не достаёт более ответственного отношения к представлению своего творчества.

Жаль, поскольку творчество это уже потому довольно ценное, что для Кузбасса не совсем типичное (насколько вообще можно говорить о типичном в отношении стихов: поэзия как раз там и начинается, где ожидания обманываются). Стихи Шкуратовой не замыкаются в узких региональных рамках, к чему часто склонны провинциальные стихотворцы, и обнаруживают гораздо больше связей с общесибирскими поэтическими потоками (в несколько андеграундном их изводе).

Собственный голос Юлии Шкуратовой оказывается иногда настолько сильным, что, пробиваясь сквозь ямбическую строгость, он заглушает возможные чужие отголоски и часто не позволяет воспринимать стихи как общечеловеческие. В иных случаях Шкуратова начинает соскальзывать в мелкость тем и настроений и, как следствие, писать не самые удачные тексты. Так, например, под одной обложкой можно найти и такое примечательное – и замечательное – трёхстишие:

*это у меня внутри
это у тебя внутри
неделимое на три*

и такие – в самом деле скучные – строки:

*схожу с ума от скуки
о чайник грею руки
стихи – всего лишь звуки
осмысленные в такт*

Юлии Шкуратовой как будто не хватает какой-то ритмико-классической выучки, с одной стороны, и желания быть деспотом над своими творениями – с другой. У неё есть цепкая интуиция творца, которая порой и позволяет ей дорываться до удач, но

ценная дисциплина позволила бы одерживать победы чаще.

В конце сборника приведены два отзыва, один из которых принадлежит Даниле Давыдову: он возводит поэтическую стратегию Ю. Шкуратовой ко вполне определённой традиции, делает это, несомненно, метко, однако выведение генезиса конкретной поэтики из особенностей чужих, уже известных поэтик – это, как кажется, наименее затратный при анализе путь, поскольку в поэте важнее не то, что роднит его с другими, а как раз то, что от других отличает.

Книжка названа «Следы» вполне точно, поскольку Юлия Шкуратова любит детали и явления, которых коснулось нечто, что я попросту назову божественным. Правда, она говорит о божественном постфактум, когда оно прошло тот или иной предмет насквозь, она видит сияния, всполохи и отблески, оставленные им, на чём и сосредотачивает внимание, лишь внутренне стремясь за божественным, покинувшим поле зрения:

*росою огорошена
не стрижена не кошена
стоит трава засохшая
у дома моего*

*белесая калечная
до боли человечная
стоит как будто вечная
и больше ничего*

169

Она стремится, но как будто ещё не решается последовать за ним, его нагнать, ей милы именно следы. Возможно, однажды она наконец наберётся смелости и решится взглянуть не на следы, а на того, кто их оставил.

Михаил РАНТОВИЧ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

30 января сотрудники Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского совместно с Домом творческих союзов при поддержке Кемеровского отделения Союза писателей России провели ежегодную творческую встречу «Дни Любви Никоновой». Событие, ставшее уже традиционным, посвятили приближающемуся 300-летию Кузбасса и дню рождения писательницы, которой 3 января исполнилось бы 69 лет. В зале Дома творческих союзов собрались представители образовательных, культурных и религиозных учреждений, администрации города и творческих сообществ, сотрудники музеев и библиотек, друзья и коллеги, читатели, чтобы сказать добрые слова об отзывчивом человеке, замечательном поэте, прозаике, педагоге. Среди них были и её коллеги – члены Союза писателей России: С. Донбай, Д. Мурзин, Е. Трухан, О. Комарова, Г. Шемелин, В. Коняев. С приветствием к присутствующим обратилась главный специалист музейной, библиотечной деятельности и туризма управления культуры А. Карсакова. Она отметила, что увековечивание в городской среде литературного и культурного вклада нашей талантливой современницы уже началось: на днях городской Совет народных депутатов стал проводить опрос общественного мнения о присвоении библиотеке «Веста» МБУ «МИБС» (г. Новокузнецк) в Новобайдаевском районе имени Л. А. Никоновой. Многие эту идею активно поддерживают. Хочется надеяться, что в Новокузнецке всё-таки появится библиотека, которая носит имя талантливого кузбасского поэта.

30–31 января в библиотеке им. Н. В. Гоголя прошёл отборочный тур чемпионата России по чтению вслух «Страница 20». Победитель определялся простым голосованием жюри, в состав которого вошли поэт И. Куралов, писатель Е. Тюшина, артист Театра для детей и молодёжи М. Герцев, заведующая библиотекой им. Н. В. Гоголя О. Казакова. Победителями городского отборочного тура стали Д. Сенишин и П. Трушина.

31 января в музее ИЗО прошёл вечер памяти художников А. и Т. Казанцевых. В зале были выставлены несколько их работ. Художники вспоминали о том, как учились с Казанцевыми в Кемеровском художественном училище, студенческую жизнь в Ленинграде. С. Донбай прочитал несколько стихотворений о том времени. Вела вечер М. Чертогова.

3 февраля состоялось представление шестого номера журнала «Огни Кузбасса». Среди выступавших был И. Куралов, председатель жюри конкурса «Говорит XXI век», и победители конкурса: Д. Волобаева, А. Фомин, К. Стафиевский, А. Кипа. Б. Бурмистров представил поэта А. Кердана, Д. Мурзин – поэта В. Нервина. Г. Шалакин рассказал об очерке

о Леониде Архиповиче Леонове, который они делали совместно с А. Иленко, откликаясь на недавнюю смерть космонавта. Были представлены материалы о парке на месте «Зимней вишни», памяти писателя Сергея Ковьякина, которому в этом году исполнилось бы 70 лет. Вечер вёл главный редактор журнала «Огни Кузбасса» С. Донбай.

9–10 февраля в детской областной библиотеке им. А. Гайдара прошли полуфинал и финал областной части Всероссийского чемпионата по чтению вслух среди старшеклассников «Страница 20». В работе жюри чемпионата принял участие поэт Д. Мурзин. Лучшим чтецам были вручены журналы «Огни Кузбасса».

10 февраля в Центральной городской библиотеке г. Ленинска-Кузнецкого прошло представление третьего номера литературного альманаха «Образ» за 2019 год.

13–16 февраля в г. Химки (Московская область) прошло Всероссийское совещание молодых литераторов. Кемеровскую область представили Дмитрий Филиппенко и Виктор Шагиахметов.

27 февраля прошёл конкурс чтецов прозы Центрального района «Живая классика». Членами жюри были члены Союза писателей России С. Донбай и И. Фролова.

170

27 февраля И. Фролова провела творческую встречу с первокурсниками колледжа культуры и искусств в рамках социокультурного проекта «Чистое слово».

1 марта в Центральной городской библиотеке имени Н. В. Гоголя состоялся благотворительный концерт «Звучал неиссякаемый мотив...», посвящённый памяти поэта Любви Никоновой. Концерт продолжил благотворительную акцию – сбор денежных средств на мемориальную доску поэта. В благотворительной акции приняли участие члены Союза писателей России А. Раевский и Е. Трухан, представители новокузнецкого лито «Творческая шкатулка» Н. Палаткина, И. Воробьёва и Г. Лузянин, литераторы из Калтана и Прокопьевска Г. Гетманская, Г. Синкина, Д. Нагорнова, а также литературного объединения «ЛиТERRA» (Н. Струц) и творческого объединения «Лига авторов» (Е. Белый и Д. Хохлов).

2 марта в Кузбасском региональном институте повышения квалификации и переподготовки работников образования прошло представление шестого номера журнала «Огни Кузбасса». Представление провели Д. Мурзин и главный редактор С. Донбай.

3 марта в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского состоялась презентация книги В. Коняева «Запах жареной совести», прозаика и

публициста, члена Союза писателей России. Презентация была приурочена ко Всемирному дню писателя. Вела вечер Е. Трухан, заместитель директора по научной работе, прозаик, литературовед.

3–4 марта в библиотеке им. И. М. Кисёлева прошли VIII киселёвские чтения. На открытии выступил поэт Б. Бурмистров.

В рамках чтений прошло представление очередного номера журнала «Огни Кузбасса», которое провели отв. секретарь журнала Д. Мурзин и главный редактор С. Донбай. Состоялась встреча с лауреатами литературной премии имени И. М. Кисёлева И. Фроловой и Д. Мурзиным. С воспоминаниями о И. Кисёлове выступил В. Чурилов. Круглый стол «Евгений Буравлёв – поэт, воин, организатор» провёл поэт И. Куралов. Состоялась научно-практическая конференция «Литературное наследие Кузбасса», в жюри которой вошли Г. Карпова, Т. Юдина и И. Фролова.

5 марта в Доме литераторов Кузбасского центра искусств состоялось открытие выставки Зои Новосельцевой. Поздравляли и читали стихи Б. Бурмистров, Л. Чидилян, В. Шагиахметов, С. Донбай, А. Правда. Вёл встречу Б. Бурмистров.

11 марта в рамках литературной гостиной «Кузбасские писатели – детям» в Ягуновской библиотеке состоялась встреча с писателем Е. Тюшиной. Екатерина Ивановна рассказала юным читателям библиотеки о своих книгах. Ребята участвовали в викторине, победители получили книги с автографом Е. Тюшиной.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

В издательстве «Стеклограф» (Москва, 2019) вышла книга стихов Е. Дьяконова «Доминошники», с предисловием **Д. Мурзина**.

Сайт «День литературы» напечатал подборку стихов **А. Раевского** «Свет вечерний высок».

Альманах «Литературный Омск», № 64 за 2020 год, напечатал стихи **В. Коврижных**.

Журнал «Сибирские огни», № 11–12 за 2019 год, напечатал Роман «Белый воробей».

Журнал «Сибирские огни», № 12 за 2019 год, напечатал рассказ **Т. Ильдимировой** «Живая вода».

В журнале «День литературы», № 4 за 2019 год, опубликована повесть **Виктора Коняева** «Скатилось солнце во слезе».

Журнал «Сибирские огни», № 1 за 2020 год, дал подборку **В. Коврижных** «Над колхозной державой»

Альманах «Енисей» (Красноярск), № 2 за 2019 год, напечатал подборку стихотворений **Д. Мурзина**.

ИЗДАНЫ КНИГИ

Дмитриев В. Любим-трава: сборник стихов. Кемерово, 2020. 192 с.

Альманах «Кузнецкая крепость» (г. Новокузнецк). 2019. 280 с.

Альманах «Образ» (г. Ленинск-Кузнецкий). 2019. № 3. 104 с.

Кемерово, мы с тобой!: Сборник / ГАУК КО «Кузбасский центр искусств». Кемерово, 2019. 124 с.

Ткаченко П. Трагические судьбы русских писателей. М.: Звонница-МГ, 2019.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Арсеньев),
«Подъем» (Воронеж),
«Север» (Петрозаводск),
«Енисей» (Красноярск),
«Природа Алтая» (Барнаул),
«Гостиный двор» (Оренбург)
«Роман-газета. XXI век» (Москва)

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает только первые экземпляры рукописей, отпечатанные на машинке через два интервала либо выполненные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением диска или флешки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: sp_kuzbass@mail.ru.

Наш сайт: www.ognikuzbassa.ru.

**Редакция журнала «Огни Кузбасса» благодарит за поддержку
администрацию города Кемерово, ЗАО «Стройсервис».**

Журнал «Огни Кузбасса»

Главный редактор **С. Л. Донбай**

№ 2. Дата выхода в свет: 12.05.2020

Индекс 12234

Тираж 1600 экз.

Формат 60×84%. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Заказ № 55. Цена свободная

Адрес редакции: 650000, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40. Тел. 8 (3842) 36-85-14.

Адрес издателя ГАУК КО «Кузбасский центр искусств»: 650000, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6. Тел. 8 (3842) 75-04-88.

Адрес типографии ООО «АИ Кузбассвуиздат»: 650043, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, д. 60А. Тел. 8 (3842) 36-36-00

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Кемеровской области.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ42-00877 от 10 марта 2017 г.

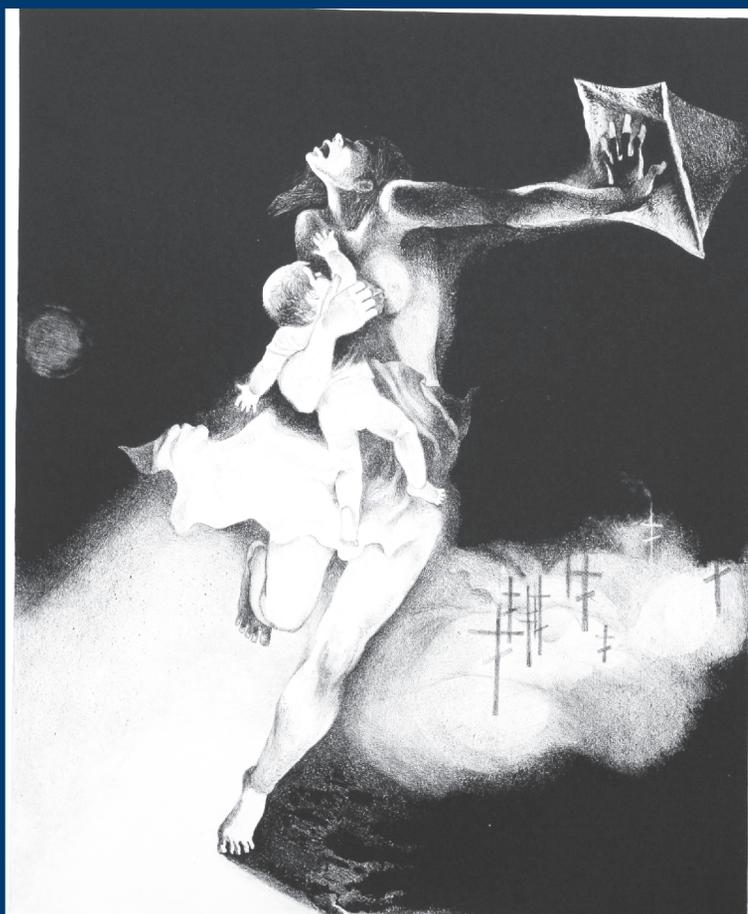
Учредитель (соучредители) (адрес): Государственное автономное учреждение культуры Кемеровской области «Кузбасский центр искусств» (650000, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6),

Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса» общероссийской общественной организации «Союз писателей России» (650000, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40)

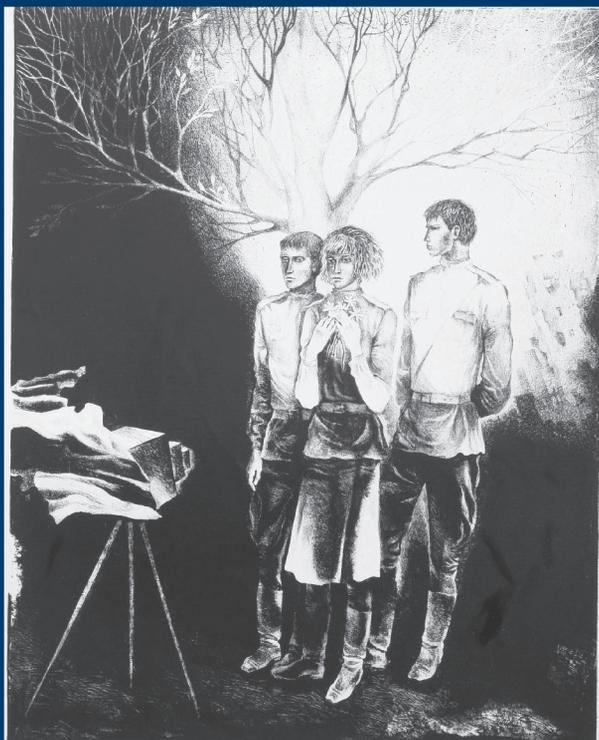
Корректура и компьютерная верстка выполнены ООО «АИ Кузбассвуиздат»

Корректор: **Е. В. Фефелова**

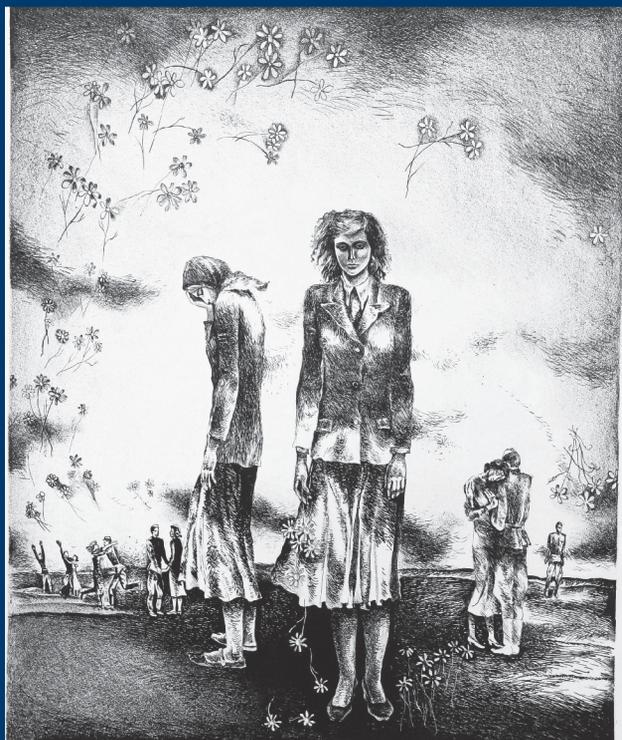
Компьютерная верстка: **М. Л. Костомарова**

Р. В. Пантелеева. Графическая серия «Великая Отечественная»
22 июня 1941. 1977 г.

Р. В. Пантелеева. Графическая серия
«Великая Отечественная». На память. 1977 г.

Р. В. Пантелеева. Графическая серия
«Великая Отечественная». Не все вернулись. 1977 г.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Подписку на журнал «Огни Кузбасса»
можно оформить
через ООО «Урал-Пресс Кузбасс»
по телефону 8 (3842) 58-70-37